А. Курелла

ДИМИТРОВ ПРОТИВ ГЕРИНГА

M

Alfred Kurella

DIMITROFF CONTRA GÖRING

Nach Berichten Georgi Dimitroffs
über den Reichstagsbrandprozess 1933

DIETZ VERLAG BERLIN 1964

А. Курелла

ДИМИТРОВ ПРОТИВ ГЕРИНГА

По материалам Георгия Димитрова
о Лейпцигском процессе 1933 года

Перевод с немецкого
Г. Я. РУДОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
Москва 1966

1-5-1
21—66

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Предлагаемая вниманию советского читателя книга известного немецкого писателя, публициста и видного общественного деятеля Альфреда Курелла посвящена выдающемуся событию в истории немецкого и международного рабочего движения — беспримерной героической борьбе Георгия Димитрова против гитлеровских провокаторов на Лейпцигском процессе по делу о поджоге рейхстага в феврале 1933 г.

В блестящей публицистической манере А. Курелла показывает Георгия Димитрова как человека, преисполненного высокого благородства, удивительного мужества, бесстрашия и несгибаемой воли, как пламенного трибуна и убежденного борца за дело коммунизма, как образец поведения коммуниста перед судом реакции.

Автор подчеркивает, что заслуга Димитрова состоит прежде всего в том, что он одним из первых подверг беспощадной и неотразимой критике гитлеровский режим, а вместе с ним и всю международную реакцию, раскрыл перед мировой общественностью подлинное лицо гитлеровцев как ставленников наиболее реакционных кругов монополистического капитала, как отъявленных поджигателей войны.

Несомненным достоинством книги, написанной по свежим следам событий 1933 г., является ее сохранившаяся и по сей день злободневность, политическая актуальность. События, связанные с поджогом рейхстага и Лейпцигским процессом, являются и в настоящее время объектом серьезной идеологической борьбы между силами демократии и реакции в Германии. Будучи не в силах подтвердить фашистскую версию о «коммунистическом заговоре», идеологи западногерманского милита-

ризма, стремясь реабилитировать фашистских провокаторов и тем самым внести свою лепту в идеологическую подготовку реванша, выдвинули новую версию: рейхстаг подожгли не коммунисты, но и не нацисты. Это якобы дело рук одного маньяка, Ван дер Люббе. Книга А. Курелла не оставляет камня на камне от этих «новых» попыток снять ответственность с германского фашизма за этот чудовищный провокационный акт.

Книга написана на основе судебных материалов Лейпцигского процесса и личных бесед автора с Георгием Димитровым, а также использования самых последних работ, опубликованных по этой теме в ГДР, ФРГ и других странах; она содержит ряд документов и данных, доселе не известных советскому читателю.

Хотя работа носит строго документальный характер, она читается с интересом даже теми, кто знаком с исторической фабулой. Это объясняется ее умелым построением, яркостью и образностью языка.

Книга А. Курелла «Димитров против Геринга» представляет несомненный интерес для самого широкого круга читателей.

ЗА ПРАВО И ИСТИНУ

Арест

Совсем обычный день — 9 марта 1933 г.

Одна из центральных площадей Берлина — Потсдамерплац, где сходятся транспортные артерии огромного города. На ней почти 17 лет назад был арестован Карл Либкнехт, шедший во главе антивоенной демонстрации.

В эти утренние часы здесь почти не ощущаются зловещие события, что происходят сейчас в Берлине и по всей Германии. Ведь «ублюдки», в дома которых по ночам и под утро врываются люди в коричневых рубашках, живут совсем в других районах. И грузовики, в которые вместе с грудой конфискованной литературы бросают всех, кто внушает подозрение — рабочих, служащих, интеллигентов,— мчатся в полицейские участки и казармы штурмовиков тоже по другим улицам. Здесь, на этой площади, нет ни партийных зданий, ни министерств, в которых перепуганные политики пытаются ухватиться за последние остатки законности, чтобы путем торга с национал-социалистами, ставшими хозяевами положения, обеспечить себе местечко под крылышком новой власти. Не видно здесь и следов той лихорадочной работы, которую развернули в те дни коммунисты. Ведь деятельность коммунистов — единственных, кто не потерял голову, зная, что́ надо делать, кто стремится уберечь от гибели лучшие кадры рабочего движения, разъяснять массам сущность фашизма и готовить их к новым боям,— по самому характеру своему скрыта от публики, населяющей Потсдамерплац.

И только призывы «ко всем немцам» немедленно сообщить полиции все, что им известно о поджигателе рейхстага Маринусе Ван дер Люббе, и изданный 28 февраля чрезвычайный декрет президента Гинденбурга, которыми заклеены все стены рядом с кричащими плакатами, еще

не содранными после недавних выборов в рейхстаг, да множество чванливо фланирующих нацистов в форме и большое количество вспомогательной полиции свидетельствуют о том, что национал-социалисты упиваются полным триумфом своей победы, одержанной при помощи обмана, провокации и кровавого террора.

Это можно уловить и по подавленному настроению прохожих, в том числе и обычно оживленных, хорошо одетых посетителей большого, вполне современного кафе «Йости». Исключение составляют только двое мужчин, сидящих за столиком и совершенно спокойно разговаривающих вполголоса. Беседа их, кажется, далека от политики. Вскоре к ним подсаживаются еще двое.

Тот, кто прислушался бы к разговору между более молодым из подсевших и уже сидевшим за столиком широкоплечим мужчиной, выразительное лицо которого напоминало поэта или композитора, мог бы понять, что приход двух других был явно нежелателен. Их ждали, но только после полудня и в другом месте. Присутствие их именно здесь и сейчас мешало. С упреком в голосе старший из собеседников предложил пришедшим перейти в расположенный поблизости ресторан «Байренгоф» и там подождать его. Оставшись снова одни, оба посетителя поговорили еще немного и расстались.

Выйдя из кафе, широкоплечий мужчина не пошел прямо на улицу Потсдамерштрассе в «Байренгоф», где условился встретиться с друзьями. Стороннего наблюдателя удивили бы окольные пути, которыми он в течение получаса кружил в районе Потсдамерплаца. Ему, вероятно, бросилось бы в глаза и задумчивое выражение его лица. Но никто за ним не наблюдал, и никто не мог бы и предположить, какая внутренняя борьба происходит сейчас в его душе. Он медлил, он колебался, идти ли на поспешно назначенную встречу. Он упрекал себя за свое согласие. В «Байренгофе» он был почти завсегдатаем, но именно потому последнее время избегал заходить туда. На то имелись свои причины. Следует ли ему идти?

Наконец он решился, свернул на Потсдамерштрассе, вошел в ресторан и направился к столу, за которым его уже ждали друзья.

Через несколько минут в кабинете комиссара уголовной полиции д-ра Брашвица, расположившегося теперь в здании рейхстага, зазвонил телефон.

— Доктор Брашвиц?

— Да.

— Говорит Гельмер из «Байренгофа». Господин доктор, я хотел вам сказать, они снова здесь...

— Кто? Кто? Ага, ясно! Понимаю. Хорошо. Сейчас же пошлю кого-нибудь.

Пока трое в «Байренгофе» вели свой разговор, а в направлении Потсдамерштрассе от здания рейхстага уже мчалась полицейская машина с двумя в штатском, Брашвиц вынул из папки бумагу. Он прочел:

«По делу Ван дер Люббе и сообщников
Протокол предварительного следствия

Берлин, 7 марта 1933 г.

Явившийся в полицию официант Иоганн *Гельмер*, родившийся 10.XI. 1902 г. в Мюнхене и проживающий в Берлин-Шарлоттенбург, Клейштрассе, 11, показал:

Служу официантом в ресторане «Байренгоф», Потсдамерштрассе, 10/11, уже давно. Вплоть до последнего времени там часто появлялись трое-шестеро лиц, которые, по моему мнению, являются русскими или поляками. *В моем присутствии всякий разговор прекращался.* Между тем я заметил, что они читали исключительно газеты левого направления («Роте фане» и «Вельт ам абенд»), а также неоднократно обсуждали между собой содержание принесенных ими бумаг. После предъявления мне для опознания *фотографий* поджигателя Ван дер Люббе полагаю, что *видел его в обществе этих лиц примерно незадолго до рождества с. г.*

Со дня пожара рейхстага я больше не встречал и этих лиц, а потому полагаю себя вправе считать, что они находились в связи с Ван дер Люббе.

Если память мне не изменяет, на Ван дер Люббе был темный костюм и легкое темное пальто.

Беседу в этой компании всегда направлял пожилой мужчина лет пятидесяти, широкоплечий и коренастый, с высоко зачесанными поседевшими волосами и полным лицом. Этого человека, а частично и других лиц я мог бы опознать при очной ставке.

Ганс Гельмер
Хольцхойзер (помощник комиссара по уголовным делам)»

Комиссар по уголовным делам довольно потер руки: да, добыча может оказаться ценной!

Между тем двое полицейских в штатском уже выскочили из машины, вошли в «Байренгоф» и, быстро окинув зал взглядом, заняли столик поблизости от сидящих трех мужчин, от которых не укрылось появление новых посетителей. Трое поспешили закончить еду и расплатиться. Но не успели они встать, как полицейские направились к ним:

— Просьба предъявить документы!

Подошедшие назвали себя: сотрудники уголовной полиции, из отдела IA.

Старший из троих протянул полицейскому чиновнику свой швейцарский паспорт: д-р Рудольф Гедигер, публицист. Предъявил паспорт и второй. Третьему пришлось признаться, что у него нет при себе никакого удостоверения личности.

— Весьма жаль, вам придется следовать за нами.

На улице их уже ждала машина, все сели, и машина сразу двинулась. Куда? Автомобиль обогнул Потсдамерплац, но не свернул направо, на Лейпцигерштрассе, которая вела к берлинскому полицей-президиуму, а помчался по Фридрих-Эбертштрассе.

Что это значит? Но, прежде чем арестованные — а они были арестованными, и никто из них в этом уже не сомневался — успели задать вопрос своим конвоирам, машина остановилась... перед зданием рейхстага!

У портала висел большой указатель: «В комиссию по делу о поджоге рейхстага». Под ним — плакат с фотографией голландца Ван дер Люббе. Набранное жирными буквами объявление гласило: «Награда 20 тысяч марок!»

Поднялись по лестнице. На первом этаже, у входа в кулуары так называемого зала Бисмарка, в которых расположился теперь уголовный отдел полиции, арестованных разъединили.

Вскоре д-ра Гедигера из пустого помещения с обшитыми панелями стенами, где он ожидал, вызвали в соседнюю комнату. Сидящий за столом чиновник в полицейской форме снова потребовал документы. Как и при задержании, арестованный предъявил свой швейцарский паспорт. Но, прежде чем полицейский чиновник открыл документ, арестованный сказал:

— Я должен сделать вам заявление. Д-р Гедигер — не настоящая фамилия...

Комиссар бросил на него удивленный взгляд. Но еще больше удивился он, когда арестованный назвал свою настоящую фамилию и свое действительное гражданство.

— И где же вы проживаете?— спросил полицейский комиссар почти с издевкой.

Арестованный назвал адрес. Комиссар сделал нетерпеливый жест.

— Говорите правду! Ведь вы же не... Как вы сказали?.. И адрес, который вы мне назвали, тоже не ваш. Не пытайтесь водить меня за нос! Время хотите выиграть? Мне незачем посылать туда своих людей узнать, что вы мне наврали.

Арестованный продолжал настаивать на своих показаниях.

— Можете справиться по телефону. Можете запросить посольство моей страны или попросить явиться кого-нибудь оттуда. Уверен, что там-то меня знают!

Но Брашвиц и не думал верить. Не успел он продолжить допрос, как его вызвали в другую комнату. Зазвонил телефон. Один из полицейских в штатском с любопытством поглядел на арестованного, потом взял со стола его паспорт и вышел вслед за Брашвицем.

Тем временем другой сотрудник уголовной полиции изучал содержимое карманов арестованного. Так, бумажник, деньги, часы, авторучка, фотография, записная книжка... Два документа! Они-то и привлекли к себе внимание полицейских чиновников. То были два воззвания. Одно было подписано Исполнительным Комитетом Коммунистического Интернационала и призывало к созданию единого фронта трудящихся против фашизма. В другом оппозиционные профсоюзные организации Германии, Польши и Италии обращались к трудящимся Европы с призывом созвать Международный антифашистский рабочий конгресс.

— Откуда у вас эти документы?

— Получил их сегодня днем в кафе «Йости» от одного редактора журнала «Интернационале прессекорреспонденц»[1]. Я постоянный сотрудник этого журнала. Из него я черпаю сведения о событиях в международном рабочем движении.

---

[1] Журнал «Internationale Presse-Korrespondenz» («Корреспонденция мировой прессы») выходил с 1921 по 1935 г. в Париже, Лондоне, Берлине и Вене на французском, английском и немецком языках.— *Прим. ред.*

Полицейские многозначительно переглянулись.

Вернулся Брашвиц. В руке он держал протокол допроса Гельмера. Усевшись за стол, Брашвиц еще раз пробежал его глазами:

«По делу Ван дер Люббе и сообщников
Протокол предварительного следствия

Берлин, 9 марта 1933 г.

Явившийся по вызову официант Иоганн *Гельмер* показал:

Только что мне была предъявлена для опознания фотография, на которой я узнал лицо, уже известное мне по опубликованному в вечерней газете «Нахтаусгабе» снимку поджигателя рейхстага Ван дер Люббе. Этот человек в конце прошлого года неоднократно посещал ресторан «Байренгоф», где я служу официантом, а потому со всей определенностью могу заявить, что опознаю этого посетителя ресторана «Байренгоф» как Ван дер Люббе. Точную дату посещения им ресторана назвать не могу. Знаю только, что последний раз видел его в ресторане в конце года.

Ван дер Люббе всегда посещал ресторан в обществе четырех-пяти других лиц, двое из которых сегодня арестованы. Третий арестованный побывал сегодня в ресторане впервые. Из троих сидевших в ресторане старший, как уже говорилось, держал в руке «Фёлькишер беобахтер». По всей видимости, они обсуждали какую-то особую статью из «Фёлькишер беобахтер» («Берлинское приложение»).

О том, кто были остальные, не арестованные сегодня лица, сказать не могу. Но двоих из них я смог бы узнать, если бы снова увидел их в ресторане. Они, как и арестованные сегодня,—иностранцы и говорили на языке, который я не понимаю. Иногда произносили отдельные слова по-немецки. Заказ мне давали на немецком языке.

Лицо, опознанное мною сегодня как Ван дер Люббе, я в этом году в ресторане еще ни разу не видел. Арестованные лица и еще одно лицо, которое я сразу бы узнал, так же как узнал Ван дер Люббе, в этом году бывали в ресторане еще чаще. Последний раз я видел их в ресторане в день поджога рейхстага, они пробыли здесь часа два и покинули «Байренгоф» около 15 часов. Когда эти люди

сидели за моим столиком, старший часто вынимал из портфеля документы и давал их читать остальным. Бывало, что эти люди забирали вынутые из портфеля документы с собой. В целом между всеми ними явно существовало тесное сообщество, возглавлявшееся, по моему впечатлению, старшим, который всегда расплачивался по счету.

Сегодня мне сначала был предъявлен сделанный в полиции снимок Ван дер Люббе (во весь рост, в головном уборе и без оного). Я уже заявлял, что сразу же опознал в нем человека, который вместе с четырьмя-пятью другими лицами неоднократно посещал мой ресторан. Но в связи с этим снимком должен заметить, что на одной фотографии Ван дер Люббе снят в светлом пиджаке, а на другом — в непромокаемой спортивной куртке. В подобной одежде я никогда не видел его в «Байренгофе». Напротив, в ресторан он приходил в другом костюме: длинные брюки и пиджак из того же материала, как мне помнится, темно-коричневого цвета с каким-то рисунком—полосами или клетками, припомнить уже не могу. Кроме того, мне бросилось в глаза, что Ван дер Люббе, а также и его спутники были одеты не особенно аккуратно, даже скорее небрежно...»

Брашвиц, казалось, остался доволен результатами своей работы. Никаких вопросов больше он не задал и, ознакомившись с описью изъятых у арестованного предметов, принялся составлять протокол.

Но только он стал писать, арестованный воскликнул:

— Не понимаю вообще, что должно означать все это! Почему нас доставили сюда, а не в полицей-президиум? Повторяю, мы — политические эмигранты и единственный наш проступок против германских законов — это то, что мы проживали в Германии нелегально. Однако это дело полицей-президиума. Чего хотят от нас здесь? Ведь здесь, насколько я знаю, комиссия по расследованию поджога рейхстага? Категорически заявляю, что мы не имеем ни малейшего отношения к поджогу рейхстага и вообще к внутригерманским делам. Любая попытка доказать обратное обречена на провал!

— Ну, вы еще увидите: ваш арест покажет многое!— грубо оборвал Брашвиц.— Об этой истории еще немало понапишут!

Никто не мог тогда и предположить, сколь пророчески прозвучали эти слова и что здесь начиналось дело, которому будет посвящено множество томов протоколов и других документов!

Комиссар закончил составление протокола и пододвинул его арестованному:

— Подпишите! Вот здесь.

Но полицейский чиновник просчитался.

— Этого я не подпишу! Не питаю никакого доверия к полиции вообще, а тем более к теперешней, германской. Не подпишу ни строчки! Протоколы допроса, а особенно когда речь идет о политических делах, у вас составляют так, что возможно их любое тенденциозное толкование. Если я сочту необходимым дать показания, напишу их сам. Подпишу только то, что написано моей собственной рукой. Я протестую против того, что нас доставили в комиссию по делу о поджоге рейхстага и подвергли в ней допросу

Брашвиц насторожился: такого с ним еще не случалось. Кто же этот человек, осмеливающийся разговаривать таким тоном? Ладно, пока материала хватит. И он пожал плечами:

— Поступайте как хотите. За последствия будете отвечать сами.

На этом первый предварительный допрос закончился. Он и без того длился до вечера.

День 9 марта 1933 г. близился к концу.

То был совсем обычный день. Но происшедшему в тот день аресту трех неизвестных в берлинском ресторане «Байренгоф» суждено было возыметь такие последствия, которые вскоре вызвали возбуждение во всем мире, а Гитлера привели к тяжкому поражению, да еще в самой Германии!

Доктор Брашвиц и не подозревал об этом. В то время как целая свора охранников выводила из здания рейхстага арестованных, чтобы доставить их в полицейскую тюрьму, он собственноручно вписал в протокол имя этого человека. В тот момент оно говорило полицейскому чиновнику столь же мало, как и множеству других людей. Но не прошло и нескольких недель, как оно уже было на устах у всех.

Арестованного звали Георгий Димитров.

В чем дело?

Не известного еще широкой общественности человека по имени Георгий Димитров вечером 9 марта 1933 г. посадили в тесную камеру тюрьмы при берлинском полицей-президиуме. Кроме узкой койки — ничего; между нею и стеной места ровно столько, чтобы с трудом протиснуться.

Арестованный остался один. Теперь можно спокойно обдумать свое положение.

Мысли Димитрова были нерадостны. Вот уже десять лет живет он в эмиграции, вне закона. За эти годы он побывал в Вене, Берлине, Праге, Амстердаме, Брюсселе, Страсбурге, Париже, Москве... Много пришлось поездить. Все это время он ускользал от преследования полиции. И вот теперь, при таких обстоятельствах, угодить в руки полиции! Именно в нацистском Берлине! И именно в такой момент!

Но еще больше возмущало его другое. Он арестован, посажен в тюрьму, где, вероятно, просидит многие месяцы, но не за свою революционную деятельность, а из-за подлой нацистской провокации. Было ясно: он и его друзья и соотечественники Благой Попов и Василь Танев — так звали двух других арестованных — обвиняются в связи с поджогом рейхстага. Да, комбинация недурна: иностранные коммунисты, да к тому же балканцы, болгары—заговорщики, живущие в Германии по подложным документам! А если нацисты захотят связать это дело со старыми провокациями болгарских фашистов? Да, контрреволюционные мастера фальшивок и фашистские провокаторы еще не повыводились. Тогда Софийский собор, теперь германский рейхстаг... Что еще надо, чтобы внушить страх немецкому мещанину и «доказать» соучастие Коминтерна в поджоге рейхстага?

Какое несчастье, что не он один попал в руки полиции! Танев, его товарищ по партии, находился в Берлине проездом, по пути в Болгарию. Теперь поездка сорвалась. Его арест затруднит и поставит под угрозу работу эмигрантского центра. Был ли этот арест результатом слежки, установленной полицией еще раньше, не вскроет ли она таким образом и другие связи с подпольными болгарскими партийными органами? Тогда есть опасность, что это может привести и к провалу партийной организации в самой Болгарии.

Перед мысленным взором Димитрова снова прошли события последних недель.

Он вернулся в Берлин после поездки в Вену в середине февраля. Стояли мерзкие холодные, сырые дни. Приехал больной гриппом, пришлось сразу лечь в постель. По привычке углубился в чтение газет. Он имел обыкновение ежедневно внимательно прочитывать прессу, чтобы быть в курсе политических событий, следить за настроениями в различных политических лагерях.

Что касается Германии, картина, вырисовывавшаяся тогда из газетных сообщений, была достаточно мрачной. Две недели назад власть в Германии захватил Гитлер. Он стал рейхсканцлером и сформировал коалиционный кабинет с участием партии немецких националистов, который формально еще оставался на почве конституции. Рейхстаг был распущен, на 5 марта назначены новые выборы.

По всей стране царили тревога и опасения. Для широких рабочих масс не было секретом, что в лице национал-социалистов к власти пришли самые реакционные, самые шовинистические, самые империалистические круги Германии. Среди трудящихся росло стремление объединиться для совместного отпора. Центральный Комитет КПГ предложил руководству социал-демократической партии и профсоюзов установить боевое единство действий для борьбы против фашизма, призвать рабочих к всеобщей забастовке. Несмотря на отказ правых социал-демократических лидеров, рабочие различных политических направлений действовали во многих местах сообща. В Берлине и Рурской области, на Нижнем Рейне и в Средней Германии, во многих других местах состоялись демонстрации и забастовки. Не было в тот момент для нацистских главарей ничего опаснее, чем единые действия рабочих — коммунистов и социал-демократов, которые открыли бы глаза и части мелкой буржуазии, и интеллигенции. Массы все больше поворачивались к Коммунистической партии как к самой последовательной и сознательной силе антифашистского фронта. Последние выборы и крупные выступления масс в январе 1933 г. показали это. Изолировать коммунистов, подорвать уже начавший складываться единый фронт рабочего класса стало для нацистов вопросом жизни и смерти.

Димитров достаточно хорошо знал, кто такие национал-социалисты, кто их вдохновители и закулисные хозяева,

чтобы понимать, что так называемая национальная коалиция — дело временное, лишь форма перехода к открытой диктатуре реакции. По всей своей сущности и целям нацисты не могли не стремиться к своему единовластию, к неограниченному господству. Но для укрепления собственной власти они должны были прежде всего предпринять истребительный поход против революционного рабочего движения, чтобы лишить массы организующего центра сопротивления. Надвигался режим кровавого террора. Да и сами нацисты давали ясно понять, каковы их истинные намерения. 19 февраля 1933 г. нацистский министр Фрик заявил в Дрездене: «Мы не намерены добровольно уйти с поля битвы». Лицемерно утверждая, что правительство будто бы не собирается запретить КПГ, он тут же добавил, что оно «мобилизует сам народ» на уничтожение коммунизма.

А в Берлине Геринг, министр-президент Пруссии, уже перешел к решительным мерам. Со страшной спешкой он предпринял чистку прусского государственного аппарата от всех «ненадежных элементов» и поставил нацистов на наиболее важные посты. В течение февраля были изданы три правительственных распоряжения: об охране действий «национальных союзов», о применении полицией огнестрельного оружия против коммунистов и антифашистов (так называемый «указ о стрельбе») и об использовании отрядов штурмовиков (СА) и частей СС в качестве вспомогательной полиции.

23 февраля Геринг приказал полиции занять «Дом Карла Либкнехта»— здание, где помещался ЦК КПГ. 25 февраля «Дом Карла Либкнехта» был окончательно закрыт. Рабочая печать была почти парализована постоянными запретами и конфискациями.

Под защитой этих мер нацистские банды развернулись вовсю. Не проходило и дня без провокационных нападений и стычек, во время которых рабочие несли большие жертвы убитыми и ранеными.

Приближались назначенные на 5 марта выборы в рейхстаг. Каков бы ни был их исход, они не могли заставить нацистов отказаться от своей цели — во что бы то ни стало удержаться у власти. Но Гитлеру было важно завоевать на этих выборах абсолютное большинство, чтобы сохранить некоторую видимость «законности» своего прихода к власти. Положение было, однако, таково, что, если бы

выборы проходили нормально, растущее возмущение рабочих, в том числе и социал-демократов, могло бы привести к крупному успеху КПГ на выборах при, вероятно, прежнем числе голосов, отданных оппозиционным партиям. Осуществление нацистских планов и здесь зависело от того, удастся ли Гитлеру нанести удар по КПГ, а также внести разброд в ряды социал-демократии и других оппозиционных партий.

Но, мало того, внутри самой «национальной коалиции» в вопросе о власти стали проявляться острые противоречия. Между национал-социалистами, с одной стороны, и «Стальным шлемом» и немецкими националистами, связанными с монархистскими офицерскими кругами и организациями, — с другой, возникла настоящая конкурентная борьба за позиции в правительстве и государстве. Национал-социалисты были не в состоянии справиться и с этими трудностями без осуществления широко задуманного отвлекающего маневра.

Так или иначе, сложившееся положение было для Гитлера невыносимо.

Такому старому, закаленному борцу, как Димитров, пережившему на опыте своей страны господство фашизма, было ясно, что нацисты будут искать выход в укреплении своей диктатуры любыми способами. Но для оправдания такого шага им потребуется создать такую ситуацию, при которой они смогут изобразить себя спасителями нации от непосредственно грозящей опасности, спасителями «покоя и порядка». Либо они своим жесточайшим террором попытаются спровоцировать коммунистов на изолированное вооруженное восстание, либо осуществят какое-нибудь инсценированное покушение, а потом обвинят в нем коммунистов. Но КПГ не поддавалась ни на какие провокации и продолжала свой курс на создание пролетарского единого фронта, на развертывание массового антифашистского движения. Значит, нацистам не остается ничего иного, как прибегнуть ко второму средству. Имея перед глазами пример болгарских фашистов, Димитров предполагал тогда, что будет инсценировано покушение на Гитлера или же организована какая-нибудь подобная провокация, чтобы создать атмосферу погромов, нанести беспощадный удар по рабочим организациям и другим оппозиционным силам и таким образом установить единовластие национал-социалистов. Предполагать, что объек-

том своей провокации нацисты изберут именно рейхстаг, он, конечно, не мог.

Огромную опасность, которую несли планы гитлеровцев трудовому народу Германии и миру в Европе, можно было отвратить только решительным революционным сопротивлением всего германского рабочего класса.

Глубокая тревога овладела в те дни Димитровым. Как пролетарский революционер, он был интернационалистом и не мог равнодушно взирать на ход политического развития в других странах, особенно в Германии, в которой уже несколько лет находил убежище. Он полюбил ее замечательный рабочий класс и ценил ее массовое революционное движение.

Выдержит ли германский рабочий класс суровое испытание в этот решающий исторический момент, сумеет ли распознать и отразить провокационные маневры, сможет ли преодолеть свой раскол, станет ли спасителем и самого себя, и всего немецкого народа?

25 февраля Димитров первый раз поднялся после болезни, еще не совсем оправившись от гриппа. Во время своей последней поездки в Париж в декабре 1932 г. он договорился в конце февраля встретиться с одним своим товарищем по партии в Мюнхене, где тот будет проездом. 25-го вечером Димитров выехал в Мюнхен. 26 и 27 февраля, как и было условлено, произошла их встреча. 27 февраля вечером Димитров сел в скорый поезд, отправлявшийся в Берлин.

Поезд был переполнен лыжниками, возвращавшимися в Берлин после воскресного отдыха. Димитров остановился в дверях спального вагона III класса. Одетая в спортивный костюм загорелая дама в лыжных ботинках спросила его, есть ли в вагоне свободные места. Димитров посоветовал обратиться к проводнику, который укажет ей место. Когда поезд уже тронулся, Димитров снова повстречал в проходе эту даму, между ними завязался разговор. Она оживленно рассказывала новому знакомому разные интересные подробности спортивной жизни. Будучи политическим эмигрантом, Димитров умышленно заводил такие знакомства со случайными попутчиками: пусть у возможного шпика сложится впечатление, что он — вполне безобидный аполитичный пассажир.

Кто мог предположить, что случайная встреча с этой спортсменкой сыграет впоследствии решающую роль для

доказательства алиби обвиняемого перед фашистским судом? Да и сама эта женщина едва ли могла бы помышлять, что в результате вагонного знакомства с швейцарским журналистом (как отрекомендовался ей Димитров) она тоже войдет в анналы процесса, привлекшего к себе внимание всего мира.

Утром 28 февраля 1933 г. Димитров пошел позавтракать в вагон-ресторан — это было на полпути между Лейпцигом и Берлином. Там он снова встретил вчерашнюю знакомую. Сели за один столик, стали беседовать о разных незначительных вещах. Вдруг в вагон-ресторан вошел возбужденный пассажир с газетой в руках. Он сразу оказался в центре внимания. Люди заглядывали через его плечо в газету, потом она пошла по рукам, пока не попала и к Димитрову.

Ему бросился в глаза жирный заголовок: «Горит рейхстаг!». А ниже крупными буквами: «Доказана виновность коммунистов»; «Схваченный на месте преступления поджигатель — член Коммунистической партии». Вместе с другими пассажирами, сидевшими за его столом, Димитров прочел сообщение: «Поджог был совершен в тот момент, когда коммунистические депутаты еще находились в здании. Несомненно установлено: в соответствии со своими призывами к убийствам и поджогам Коммунистическая партия подожгла здание рейхстага. Депутат Торглер выбежал из здания непосредственно перед пожаром...»

Пассажиры молчали. Во всяком случае, они не сказали ничего, что могло бы послужить выражением их мнения об официальном сообщении. Уже в то время в Германии была такая обстановка, что никто не решился публично высказать свои мысли вслух. Но по выражению лиц можно было судить, что едва ли кто-либо поверил сообщению о виновниках поджога. Воспользовавшись моментом, Димитров заметил:

— Как иностранец, я не очень хорошо знаком с германскими политическими делами. Но мне кажется, что коммунисты никак не могут быть заинтересованы в таком бессмысленном акте. Наоборот, все это похоже на провокацию, направленную против оппозиции нынешнему правительству.

На его слова никто не ответил.

Пора было покидать вагон-ресторан — поезд уже подъезжал к Берлину.

Димитров вышел из вокзала и сразу же заметил царящее в городе возбуждение. Повсюду толпились люди с газетами в руках, обмениваясь репликами о новой сенсации. Многие, читая газету, качали головой и пожимали плечами.

Тем временем стали известны последние новости. В официальных сообщениях и в явно инспирированных комментариях все отчетливее обнаруживался дьявольский замысел безудержной антикоммунистической кампании. Теперь уже говорилось не только о Коммунистической партии Германии, но и о некой «иностранной державе», о «заданиях русских партийных органов».

Еще в ночь пожара было арестовано множество людей. Среди них наряду с сотнями коммунистических функционеров, фамилии которых в сообщениях не были названы, находились и известные представители левых кругов, социал-демократы и пацифисты, писатели, публицисты, адвокаты и врачи. Создавалось впечатление, что аресты производились на основе заранее составленных списков. Все говорило за то, что здесь не что иное, как подготовленная провокация.

Это подтверждалось и кое-чем другим. Утром 28 февраля, всего через несколько часов после пожара, был обнародован подписанный Гинденбургом «Чрезвычайный декрет президента о защите народа и государства». В этом декрете, которым в стране вводилось чрезвычайное положение, говорилось, что на основании статьи 48 германской конституции с целью отражения враждебных государству коммунистических насильственных действий устанавливается:

«Статьи 114, 115, 117, 118, 123, 124 и 153 конституции Германской империи впредь до последующего распоряжения отменяются. Поэтому допускаются ограничения личной свободы, права свободного высказывания мнения, включая свободу печати, союзов и собраний, разрешается проникновение в тайны почтовой и телеграфной корреспонденции и телефонных разговоров, производство домашних обысков и конфискация, равно как и ограничение собственности за пределами ранее установленных законом границ» [1].

---

[1] Цит по: Г. Димитров, Лейпцигский процесс. Речи, письма и документы. Под редакцией и с предисловием проф. Б. Н. Пономарева (далее: «Лейпцигский процесс»), М., 1961, стр. 162.

Далее объявлялось: караются смертной казнью, пожизненным тюремным заключением или 15 годами каторжной тюрьмы любое покушение или подстрекательство к покушению на президента, членов и комиссаров имперского правительства или правительств отдельных земель, а также преступные действия, совершенные с применением оружия.

Каждому, кто умел правильно читать написанное и был в состоянии понять взаимосвязь событий, чрезвычайный декрет обнажал истинный смысл поджога рейхстага. Да, из этого заранее заготовленного законодательного постановления было ясно видно, какие провокационные акты задуманы нацистами к моменту его опубликования.

Через несколько дней газеты уже пестрели новыми «сенсационными подробностями» поджога, как на подбор отмеченными печатью явного вымысла. Самой же бесстыдной ложью явилось заявление, которое Геринг, как сообщала пресса, сделал на заседании германского правительства 28 февраля. По словам Геринга, конфискованные документы, которые он обещал предать гласности, доказывают: решение о поджоге было принято на ряде тайных коммунистических заседаний; в этих совещаниях участвовал и Ван дер Люббе; коммунистического депутата рейхстага Торглера видели вместе с ним и несколькими другими поджигателями непосредственно перед пожаром.

28 февраля был арестован председатель коммунистической фракции рейхстага Эрнст Торглер. По сообщениям печати, он сам явился в политическую полицию в сопровождении адвоката д-ра Розенфельда, чтобы опровергнуть появившиеся в прессе утверждения о его участии в поджоге [1]. Димитров прочел это сообщение с удивлением: ему, опытному революционеру, показалось по меньшей мере весьма необдуманным, что видный деятель Коммунистической партии, вместо того чтобы посвятить все свои силы организации массового сопротивления фашизму, добровольно отправляется в полицей-президиум в тот самый момент, когда правительство, используя поджог рейхстага в качестве предлога, предприняло настоящий поход против рабочего движения, а полиция и штурмовики ищут и хватают всех активных коммунистов.

---

[1] Торглер явился в полицию с «целью реабилитации» без разрешения ЦК КПГ.— *Прим. ред.*

Теперь уже действительные замыслы нацистов не оставляли никаких сомнений. В своей второй речи по радио, произнесенной 2 марта, Геринг, даже не задумываясь над тем, что он выдает нацистский план, без обиняков заявил: «Для нас речь идет не об обороне, а о наступлении. Мы истребим коммунистическое движение». А Гитлер, который еще в ту ночь, когда вспыхнул пожар, назвал его «знамением небес», в своем интервью корреспонденту английской газеты «Дейли экспресс» выболтал внешнеполитическую цель провокации: «Национал-социализм спасет Европу от большевизма». Вся германская пресса, как по команде, называла поджог рейхстага сигналом к вооруженному коммунистическому восстанию.

Димитров уже выздоровел, но выходил на улицу довольно редко. Его удерживала теперь дома не болезнь, а осторожность. При сложившейся обстановке его положение, как и положение его болгарских товарищей по партии, стало чрезвычайно тяжелым. Будучи политическими эмигрантами, вынужденными жить нелегально, они постоянно подвергались опасности ареста. В эти дни Димитров занимался главным образом тем, чтобы закончить свои дела в Германии и затем перебраться в какую-нибудь другую страну. Он избегал появляться в центре и перенес свои встречи с товарищами главным образом в пригороды.

Развернувшаяся в прессе антикоммунистическая кампания вокруг поджога рейхстага вдруг застопорилась. Правительство явно столкнулось с серьезными трудностями. Хотя для доказательства виновности коммунистов в поджоге был пущен в ход весь нацистский партийный и правительственный аппарат, сомневающихся становилось все больше. В некоторых крупных, не национал-социалистских газетах — например, в «Дейче альгемейне цейтунг» 1 марта и в «Берлинер тагеблат» 2 марта — появились скептические комментарии. Повсюду от Геринга требовали обещанной публикации документов. Нацистам поневоле пришлось поместить в печати хоть снимок паспорта Ван дер Люббе и кое-какие другие документы, но это оказалось для них новым провалом. Иностранная пресса, которая по большей части тогда еще почти беспрепятственно проникала в Германию, сразу же констатировала тенденциозную односторонность публикации, а также вскрыла явные противоречия и подделки в опублико-

ванных документах. С невероятной быстротой распространилось утверждение, что рейхстаг поджег сам Геринг. Слухи эти были настолько сильны, что 9 марта правительству пришлось выступить с резким и категорическим предостережением насчет распространения подобных высказываний.

В эти дни нацисты нанесли германскому коммунистическому движению тяжелый удар. 3 марта вечерняя газета «Нахтаусгабе» под сенсационным заголовком сообщила, что арестован Эрнст Тельман.

Димитров понимал, что арест Тельмана, человека огромного мужества, выдающегося руководителя германского рабочего класса, означал многое. Именно в тот момент, когда партия больше чем когда-либо нуждалась в твердом руководстве, Тельман был вырван из ее рядов. Что сделают с ним нацисты? Ведь в печати то и дело сообщалось об «убийстве при попытке к бегству» и о «самоубийствах».

Но еще больше, чем личная судьба Тельмана, тревожил Димитрова вопрос, какие последствия будет иметь для антифашистской борьбы в Германии арест руководителя революционного рабочего класса в этот решающий момент. Пока во главе движения стоял Тельман, пока партией руководили его вернейшие соратники, можно было не бояться, что в рядах КПГ возникнет разброд и она потеряет правильную ориентировку. Но арест Тельмана ухудшил положение. Тревога и беспокойство Димитрова росли. Именно это и заставило его в тот роковой день 9 марта пренебречь опасностью и, небрежно отнесясь к некоторым правилам конспирации, согласиться на встречу в «Байренгофе».

И вот теперь он за решеткой!

Первые успехи

Ранним утром следующего дня прозвенел звонок: «Подъем!»

В двери камеры заскрипели ключи. Надзиратель отпер ее, служитель из заключенных внес небольшой таз и кувшин с водой. Арестанту грубо предложили умыться. Через несколько минут принесли завтрак: жидкость без сахара, отдаленно напоминающую кофе, и кусок сухого хлеба.

Началась тюремная жизнь.

Время от времени с монотонной регулярностью открывалась дверь, служитель, молча или бросая несколько грубых реплик, вносил еду: по утрам все тот же «кофе» с куском засохшего хлеба, днем — бобы или картошка без жира и приправы, вечером — ломоть хлеба.

Раз в день приносили «чтиво». Входил надзиратель, за ним — один из заключенных со стопкой книг. Арестанту бросали первую попавшуюся — какой-нибудь бульварный роман или религиозный трактатик. Вечером книгу забирали. Так каждый день. Воздух в полутемной камере спертый. Прогулки не разрешены. Заключенному весь день приходится сидеть скрючившись в своей узкой камере, двигаться почти невозможно.

Не первый раз в своей жизни сидел Георгий Димитров в тюрьме. Но там, на родине, в Болгарии, где он провел за решеткой немало времени, его, видного борца революционного рабочего движения, знал каждый. Знали его и тюремщики, и те заключенные, которых привлекали к обслуживанию арестантов. В их отношении, при всей строгости тюремных порядков, чувствовалось все-таки уважение, которое он внушал даже своим противникам.

Ничего похожего не наблюдалось в первые дни, проведенные Димитровым в тюрьме при берлинском полицей-президиуме. Если имя Димитрова на первых порах ничего не говорило даже комиссарам уголовной полиции, которые считались «специалистами», съевшими собаку в борьбе с рабочим движением, то от тюремщиков и служителей из заключенных тем более не приходилось ждать, чтобы они знали, с кем имеют дело. Георгий Димитров, человек, который и в тюремной камере не переставал думать о великих проблемах освобождения человечества, был для них таким же арестантом, как и любой другой. За это короткое время они не смогли ни узнать, что он собой представляет, ни испытать на себе обаяние человека и борца, которое впоследствии привлекло к нему симпатии даже надзирателей и, больше того, некоторых штурмовиков, приставленных к нему для охраны.

Так и сидел он в тесной тюремной камере, погрузившись в свои нерадостные мысли...

Медленно текли дни, сменяясь бессонными ночами. Спать Димитров не мог не потому, что нервничал. Причина была иная.

Арест болгар произошел как раз в тот момент, когда поход против немецких рабочих и коммунистов уже был в самом разгаре. Каждый день в полицей-президиум доставляли сотни политических арестованных. Грузовики с мужчинами и женщинами, схваченными во время ночных облав, прибывали сюда около полуночи, и здесь происходили страшные сцены. Со двора и из коридоров доносились выкрики и ругань полицейских, удары дубинок, временами слышались глухие выстрелы. Все это перемежалось душераздирающими криками жертв, стонами, хрипом. И так каждую ночь, целыми часами.

Дважды Димитрову удалось самому увидеть, что там происходит. Он потребовал, чтобы его показали тюремному врачу. Пока его вели по коридорам, он видел стоявших у стен, сидевших или лежавших прямо на полу мужчин и женщин, с повязками на голове, с забинтованными руками, с открытыми ранами, выбитыми глазами, в окровавленной одежде. То были жертвы полицейского произвола.

Только 12 марта тюремщик наконец вручил заключенному официальный приказ об аресте. Всего несколько строк. В качестве основания для ареста приводился чрезвычайный декрет рейхспрезидента от 28 февраля. Никакого конкретного обвинения! Что же намеревались сделать с арестованными болгарскими коммунистами? Вопрос оставался открытым.

Хотя Димитров и был допрошен в комиссии по делу о поджоге рейхстага, мысль о том, что его собираются предать суду по обвинению в соучастии в этом акте, пришла ему в голову не сразу. Он полагал, что его и двух других болгар, как и многих схваченных немецких коммунистов, арестовали по сформулированному в самых общих чертах обвинению в подготовке к государственной измене, а потому вышлют в Болгарию или же неопределенное время и без судебной процедуры продержат в тюрьме.

Проведя в эмиграции многие годы, Димитров был готов и к таким обвинениям, и к последующим мерам. Он видел в них, так сказать, «меньшее зло» и сначала решил готовиться именно к этому. На предстоящих полицейских допросах он собирался предпринять все возможное, чтобы не дать впутать себя в историю с поджогом рейхстага. Поэтому он намеревался направить дознание по пути расследования допущенного им, как эмигрантом, «нарушения закона о паспортах».

Не прошло и нескольких часов после вручения приказа об аресте, как тюремщик явился снова:

— Собирайтесь!..

В коридоре вместе с полицейским чиновником уже ждал представитель комиссии по делу о поджоге рейхстага. Два полицейских встали по бокам Димитрова, двое других, держа руку на кобуре револьвера,— сзади. Так конвоируют только особо опасных преступников!

Полицейская автомашина опять остановилась у главного входа в рейхстаг. Значит, снова допрос в комиссии! Когда Димитрова выводили из машины, полицейским приказали не спускать с него глаз. Ждать пришлось в зале Бисмарка. В нем и в не пострадавших от пожара кулуарах разместилась комиссия. Ожидание длилось недолго. Под конвоем двух полицейских Димитрова ввели в кабинет.

Допрос начался.

Первые вопросы опять касались установления личности. Димитров уже обдумал свою тактику. Он знал, как важно для дальнейшего хода следствия направить этот первый же полицейский допрос в то русло, которое отвечало его намерениям. Он хотел сразу дать понять полицейским чиновникам, которым ничего не говорило его имя, что они имеют дело с серьезным противником.

Назвав свое имя, фамилию, год рождения и пост, который он занимал раньше в Болгарии, Димитров сразу же заявил решительный протест против попыток приписать ему соучастие в поджоге рейхстага.

Комиссар в обычном полицейском тоне прикрикнул:

— Ведите себя не так нагло! Я запрещаю подобные демонстративные заявления. Вы не смеете оскорблять полицию.

Димитров не потерял спокойствия:

— Будьте довольны, что я ограничился пока только этим. У меня есть все основания возмущаться, когда я вижу, как из невинных людей фабрикуют поджигателей рейхстага!

В ответ комиссар лишь приказал полицейским покрепче держать арестанта.

— Итак, Димитров, вы утверждаете, что вы — бывший депутат и коммунист? Ну, а что же вы делаете здесь, в Германии?— торжествующе добавил он.

Димитров повысил голос:

— Я уже сказал, что нахожусь здесь как политический эмигрант. В Болгарии я приговорен к смертной казни. Не имею никакого намерения добровольно отдаться в руки своих врагов. Здесь, в Германии, я занимался деятельностью, связанной с нашей болгарской эмиграцией и нашим движением на Балканах. Что касается моей личности, то я дам только те сведения, которые сочту нужными, и притом только письменно. О моей партии, Болгарской коммунистической партии, я вообще не сообщу ничего. Она существует нелегально, подвергается жестоким преследованиям. Я член ее Центрального Комитета. То, что мы делаем, вас не касается! Если я пожелаю или должен буду сказать о чем-нибудь, то сделаю это тоже лишь в письменном виде. Ваши протоколы для меня значения не имеют. Это ваши собственные литературные упражнения. Коли считаете их своим служебным долгом, делайте, что вам положено. Но запомните раз и навсегда, чтобы потом не было недоразумений и споров: я несу ответственность только за то, что собственноручно написал и добровольно подписал.

Внимательно наблюдая за полицейским чиновником, Димитров заметил, что слова его произвели должное впечатление. Комиссар почувствовал себя неуверенно и попытался спасти положение, заорав на арестованного. Но Димитров не дал запугать себя.

— Не кричите!— крикнул Димитров еще громче.— Если кто здесь и имеет право кричать, так это я, а не вы! Я протестую против таких методов! Кто несет за них ответственность? Кто распорядился арестовать меня и доставить в комиссию?

Комиссар окончательно растерялся. Сам того не замечая, он перешел в оборону.

— Не ваше дело! Здесь вы обязаны отвечать мне, ответственность несу я.

Димитров быстро нанес следующий удар. Он угадал слабое место этой чиновничьей душонки.

— Ну что же, хорошо,— сказал Димитров скорее с наигранным, чем настоящим, возмущением.— Тогда к ответственности за лишение меня свободы, за ущерб, нанесенный моему здоровью, и за потерянное мною в заключении время я привлеку лично вас! Ваша фамилия?

Полицейский чиновник никак не ожидал такой перемены ролей. У него, правда, хватило присутствия духа

не ответить на этот вопрос (только позднее Димитров узнал, что человека, над которым он одержал первую психологическую победу, звали Баух), но допрос он тут же прекратил.

Димитрова снова отправили в камеру.

Комиссару уголовной полиции Бауху потребовалось несколько дней, чтобы прийти в себя после пережитого поражения. Когда Димитрова доставили на второй допрос в комиссию, полицейский чиновник стал добиваться ответа, где тот провел последние месяцы и годы перед арестом.

Но теперь Димитров уже знал, как вести себя с этим человеком.

— Я уже сказал вам, что показаний об этом не дам. Можете даже и не спрашивать, с кем я прогуливался, кто мои личные знакомые, как зовут ту даму, с которой я встретился и с которой ходил в театр, да и вообще где я бывал. Все это — мои личные дела. На эти вопросы ответа все равно не получите.

Вот тогда-то полицейский комиссар и дал впервые понять, какой смысл собирались придать нацистские власти аресту болгарских коммунистов.

— Ага, хотите скрыть, что вмешивались во внутренние германские дела! Хотите утаить,что участвовали в поджоге рейхстага или его подготовке!

Димитров ответил резко и недвусмысленно:

— Не думайте такими методами добиться цели! Здесь возможны два метода. Один такой: совершено преступление, и человек арестован по подозрению в нем. Тогда нужны факты. Факты и возможные улики следует проверить. Вот таким образом и можно выяснить дело, а потом решить, действительно ли человек является преступником или нет. Есть и такой метод: совершено преступление, но настоящего преступника найти *не хотят*, а желают сфабриковать *мнимого*. Тогда улики приходится *конструировать*. Первый метод для вас неудобен и бесперспективен. Вы и выбираете второй. Организована и осуществлена политическая провокация. Рейхстаг подожгли с целью начать истребление коммунистического рабочего движения. А теперь ищут, на кого бы возложить вину за это преступление. Настоящих-то преступников искать нельзя, а найти — тем более! Тут случайно происходит арест трех болгар, политических эмигрантов. Теперь

задача полиции — сконструировать улики их соучастия. Вы не желаете найти действительных преступников, вы хотите не раскрыть, а прикрыть преступление и сфабриковать эрзац-поджигателей рейхстага! Весь допрос ваш тенденциозен, ведется по ложному пути, а все вопросы и протоколы продиктованы этой установкой и этим методом.

Но комиссар так и не понял, что арестованный только что изложил в зародыше ту точку зрения, последовательное и энергичное отстаивание которой на процессе приведет к разгрому шитого белыми нитками обвинения. Баух увидел в его словах лишь отрицание того тезиса, для доказательства которого он, согласно указаниям своего начальства, должен был получить материал в результате допроса.

— Итак, вы по-прежнему утверждаете, что не имеете ничего общего с поджогом рейхстага? Ну, это мы еще увидим!

Димитров не дал сбить себя с намеченного пути. Он продолжал:

— Повторяю, если я и допустил какое-нибудь нарушение закона, оно состоит только в том, что я жил в Германии под чужим именем, с фальшивым паспортом и без прописки. Ваши же попытки приписать мне участие в поджоге рейхстага не только незаконно лишают меня личной свободы, но и наносят тяжкое оскорбление моей чести коммуниста и революционера.

До комиссара прусской уголовной полиции, возможно, и впрямь убежденного в том, что революционер и поджигатель — одно и то же, эти аргументы так и не дошли:

— Как это прикажете понимать?— злобно спросил он.

Димитров охотно разъяснил:

— Как все коммунисты, как весь наш Коммунистический Интернационал, я решительный противник метода индивидуального террора и путчизма. Не из сентиментальных соображений, а по причинам революционной целесообразности. Могу доказать это. После поражения нашего восстания в Болгарии в 1923 г. я написал по этому вопросу немало статей, они опубликованы в журнале «Интернационале прессекорреспонденц». Я настойчиво предостерегал своих товарищей по партии не поддаваться задуманным полицией провокациям, не идти на покушения и всегда выдвигал целью нашего движения борьбу масс, массовое восстание.

Полицейский чиновник Баух окончательно сбит с толку. Таких признаний он никак не ожидал. Человек сам называет себя коммунистом, революционером, говорит о массовом восстании, которое пропагандировал. А воспользоваться этими «признаниями» невозможно, ибо каждое слово, и Баух ощущал это, было ударом по обвинению.

Так не дал полиции ничего нового и второй допрос.

Очевидно, полицейское начальство, которому Баух доложил о результатах допросов, осознало, что дальше дело так идти не может. Нужно попробовать другие пути. И вскоре Димитров заметил, что полиция задумала что-то новое.

Пока Димитров и двое его товарищей-болгар (их разместили в разных углах зала) ожидали своего вызова на допрос, мимо них проходило множество людей в штатском и штурмовиков в форме. Подойдя к арестованным, эти люди останавливались, долго всматривались в них, а потом шли дальше.

Во время одного из допросов смысл таинственного дефилирования стал ясен. Не успел Димитров занять место напротив Бауха, как в кабинет вводят какую-то женщину.

— Этого мужчину вы знаете?

— Да, тот самый,— выпаливает она.— 26 февраля в три часа дня я видела его в ресторане на Дюссельдорферштрассе вместе с этим Ван дер Люббе!

— Ошибка исключена?— спрашивает полицейский комиссар.

— Абсолютно!— отвечает женщина.

И, прежде чем Димитров успел произнести хоть слово, комиссар уже выпроводил ее из кабинета. Вскоре он вернулся, держа в руке протокол с показанием свидетельницы.

— Господин Димитров, — сказал он торжествуя,— теперь-то вы попались! Теперь мы имеем все; нам не хватало только этого!— И сунул ему протокол.

Димитрову стало весело. Да, поистине не везет полиции! Ведь эти показания могут стать для нее роковыми. Конечно, что стоило свидетелю под давлением фашистского террора или в силу своих нацистских взглядов дать, даже под присягой, любое ложное показание, раз оно понадобилось обвинению! Но женщина — или, вернее,

те, кто научил ее,— случайно назвала именно тот день, когда Димитрова не было в Берлине!

— Мне весьма жаль,—сказал он с подчеркнутой вежливостью,— но совершенно исключено, чтобы она могла видеть меня в Берлине 26 февраля. Конечно, бывают чудеса на свете, но, чтобы человек одновременно находился и в Мюнхене, и в Берлине, такого мне слышать еще не приходилось. А 26 февраля я был как раз в Мюнхене и под уже известным вам именем д-ра Гедигера жил в отеле «Красный петух». Уехал я из Мюнхена только 27-го вечером и 28-го прибыл в Берлин на Ангальтский вокзал. Можете быстро проверить это по книге записи постояльцев в отеле.

Да, комиссару полиции Бауху в самом деле не везло! Пробормотав что-то вроде «ну, мы еще посмотрим», он прервал допрос.

А в целом все это было инсценировкой с заранее распределенными ролями. Полиция уже распространила повсюду плакаты с фотографиями трех арестованных болгар, назначила большие награды за «полезные сведения». Из многих пожелавших дать показания полиция отобрала тех, кто мог сообщить «наиболее интересные данные» и отличался наибольшей бессовестностью. Однако, как мы видим, полиция потерпела фиаско с первыми же «свидетелями обвинения». Алиби Димитрова пришлось проверить, и оно подтвердилось. «Дама», якобы видевшая Димитрова в ресторане на Дюссельдорферштрассе в обществе Ван дер Люббе, исчезла, а вместе с нею бесследно исчезла затем из обвинительного акта и сама эта встреча.

Но полицейскому комиссару Бауху этого провала показалось мало. Что же, он получил новый. На следующем допросе, через несколько дней, он положил перед Димитровым план Берлина. Полиция уже успела произвести обыск в квартире, которую указал Димитров как свое местожительство и где он действительно проживал последние недели до ареста.

— Этот план города найден в вашей квартире. Дюссельдорферштрассе отмечена на нем красным крестом. Как объясните вы это?

— Очень просто: полицейский трюк! Мне это знакомо. Отметка сделана не мною, Дюссельдорферштрассе меня никогда специально не интересовала. Даже не знаю, где она находится. Неужели вы считаете меня таким глупцом, что я стану отмечать на плане города места своих явок?

Баух снова попал впросак. На помощь ему поспешил другой полицейский комиссар — Кинаст.

— Смотрите, видите, вот здесь — кресты поставлены, кроме того, на рейхстаге и на дворце! Ну, что вы на это скажете?— обратился он к Димитрову.

— Что не имею никакого отношения и к этому. Объяснение ясно как божий день. Тоже гнусная полицейская фальшивка! У меня нет ни малейших оснований отмечать на своем плане рейхстаг или дворец по той простой причине, что я и так прекрасно знаю, где они находятся. Я сам бывал в рейхстаге, правда, много лет назад, в 1921 г., когда как болгарский депутат вместе с женой сидел на трибунах для посетителей. С тех пор я больше в нем не был, для этого у меня не было причин. Дворец я тоже знаю хорошо, потому что работал в государственной библиотеке, расположенной неподалеку. Я его часто видел.

Баух не успокоился. В запасе у него имелось еще кое-что. Он, заранее торжествуя, протянул Димитрову две почтовые открытки с видами Берлина. На одной был изображен рейхстаг, на другой — дворец.

— Эти открытки найдены у вас в квартире.

Что ж, это было вполне возможно. В конце января Димитров действительно купил серию открыток с видами Берлина и окрестностей. Несколько открыток он послал своей матери и сестре, а примерно половина осталась неиспользованной. Были ли на оставшихся изображены рейхстаг и дворец, он не помнил. Вполне возможно; ведь эти помпезные творения вильгельмовской эпохи отнюдь не принадлежали к наиболее красивым достопримечательностям германской столицы. Отрицать принадлежность этих открыток Димитрову не было никакого смысла.

—Эти открытки,—сказал он спокойно, но не без иронии, — вы можете приобрести неподалеку отсюда, в лавке, расположенной в одном из переулков, примыкающих к Унтер ден Линден. Не правда ли, тот, кто намерен поджечь рейхстаг или дворец, обязательно купит открытки с видами этих зданий и будет держать их при себе, пока его не арестуют, чтобы потом они могли послужить доказательством его... невиновности! Я порекомендовал бы вам лучше предъявить обвинение сразу всем лицам и всем торговым заведениям Берлина, которые имеют у себя открытки с видами рейхстага или дворца. Должен сказать вам, что это тоже неуклюжий полицейский трюк.

Полицейский комиссар Баух явно разозлился из-за этой новой промашки, но, казалось, теперь стал наконец проникаться уважением к обвиняемому. Чтобы вновь обрести свое утерянное превосходство, он обратился к тому делу, виновность свою в котором Димитров отрицать не мог.

— Но вы все же жили по подложным документам. К тому же в обнаруженной у вас записной книжке имеются явно зашифрованные записи.

Димитров сразу же признал это. Да, он уже объяснил, что является преследуемым политическим эмигрантом, который не собирается отдать себя в руки врагов. То, что ставится ему в вину,— только меры, к которым он был вынужден прибегать для обеспечения своей личной безопасности. Димитров не ограничился одним этим простым объяснением, а сразу снова перешел в атаку:

— Впрочем, нелегальность и подложные паспорта не являются особой специальностью коммунистов. Национал-социалисты тоже прибегали и прибегают к таким методам — например, в Чехословакии и Австрии. *Ваши* агенты имеют фальшивые паспорта, пользуются нелегальными адресами и шифрами. Даже политические посланцы государства нередко совершают поездки с подложными документами. Весь мир знает это. Откуда у меня мой паспорт, вас не касается, так же как и содержание моих записей. На сей счет я никаких показаний не дам. Попробуйте-ка свои способности и расшифруйте мои шифры. Интересно посмотреть, как вам это удастся.

Господину Бауху не оставалось ничего иного, как принять это заявление к сведению и последовать совету. Но дело оказалось нелегким. Поиски полицией лиц, которым принадлежали зашифрованные адреса и телефоны, целый день будоражили весь Берлин.

Впрочем, метод, которым Димитров пользовался для зашифровки телефонов и адресов, был в сущности очень прост. Он записал им только четыре телефонных номера — один венский и три берлинских. Он всего лишь заменял одни цифры другими: единица обозначала двойку, двойка — тройку и так далее, а кроме того, переставлял определенным образом группы цифр. Не отличавшаяся догадливостью уголовная полиция прилагала все усилия, чтобы установить, какие номера записаны Димитровым. Ей пришли в голову только перестановки цифр. Правда, и это

была работа дай боже! Каждый номер давал минимум 24 варианта, а поскольку номеров было четыре, то это уже составляло 96 вариантов. Все эти 96 номеров надо было проверить через телефонные станции, которых тогда в Берлине имелось тридцать. Получалось почти 3000 номеров. Сколько верноподданных обывателей было вспугнуто этими тремя тысячами полицейских звонков!

То же самое произошло и с адресами. Димитров записывал только две первые буквы названия улицы, а номер дома зашифровывал таким же способом. Полиция сбилась с ног, побывала на всех улицах, начинающихся с этих двух букв, обшарила все дома с подходящими номерами и разыскала всех жителей, фамилии которых были помечены начальными буквами.

Димитрову пришлось много дней ожидать результатов этих «гениальных» поисков. Его посадили в комнату для допроса, а мимо него одного за другим проводили людей, обнаруженных этим способом и, возможно, даже арестованных. Все они обязаны были сказать, знают ли они его. Среди них были и пожилые дамы, и хорошенькие девушки, пожилые господа, офицеры, рыночные торговки и даже несколько нацистов — добрая сотня самых разных людей. Все они долго всматривались в арестованного, потом пожимали плечами, качали головами: нет, этого человека мы никогда не видели, мы его не знаем.

Допросы эти были не лишены комизма. К тому же они принесли пользу: у Димитрова исчезла неизвестность насчет планов полиции. Ее сменила определенность, отнюдь не утешительная. И женщина с Дюссельдорферштрассе, и кресты на плане города, и почтовые открытки — все это не оставляло сомнения в том, что болгар арестовали и посадили в тюрьму не просто в связи с развернувшимся после поджога рейхстага преследованием коммунистов, а именно непосредственно по обвинению в самом поджоге и собираются предать суду.

Итак, Димитров вместе с товарищами оказался втянутым именно в ту провокацию, которую он предвидел еще в середине февраля и которая стала действительностью вечером 27 февраля, когда запылал рейхстаг.

Провокация не была новым средством в борьбе буржуазии против рабочего класса.

Вспомним Кёльнский процесс коммунистов, организованный полицией еще на заре коммунистического движе-

ния, в 1852 г. Карл Маркс посвятил ему боевой памфлет «Разоблачения о Кёльнском процессе коммунистов». Процесс был направлен против Союза коммунистов и особенно против самого Маркса — основоположника и идейного вождя современного коммунистического движения. Эта афера, эта первая крупная антикоммунистическая провокация уже тогда включала в себя все элементы тех методов, которые буржуазия вновь и вновь пускала в ход в борьбе против пролетарской революции.

Знала провокации и история болгарского рабочего движения. Такой провокацией был привлекший к себе внимание всего мира взрыв Софийского кафедрального собора в апреле 1925 г.

Перед глазами Димитрова проходили и другие провокации недавнего времени: взрыв бомбы в миланском театре «Диана» и различные, слишком уж подозрительные и всегда «неудачные» покушения на Муссолини — дело рук итальянских «родичей» Геринга. Агенты Муссолини находили орудия своих провокаций в среде деклассированных, морально разложившихся и политически дезориентированных кругов «демократической» и анархистской эмиграции. Вот два других примера, когда орудиями провокации экстремистским кругам послужили дегенераты и психопаты. В 1931 г. возле Ютербога, в Германии, венгерский фашист-психопат Матушка, за спиной которого стояли влиятельные венгерские реакционеры, устроил крупную железнодорожную катастрофу. Психопатом и авантюристом был и белогвардеец-террорист Горгулов, убийца французского президента Думера. В обоих случаях власти и правая пресса сразу же пытались приписать вину коммунистам. Только благодаря энергичным действиям коммунистических партий удалось сорвать эти маневры, которые должны были служить сигналом для начала истребительного похода против коммунистов.

Провокация с помощью фальшивых документов и наемных исполнителей стала настолько распространенным методом борьбы буржуазии, что даже привела к возникновению специальной отрасли «производства». Например, процесс по делу банды, занимавшейся изготовлением фальшивых советских червонцев, а также и другие процессы показали, что в Берлине и в других местах существовали целые организации, которые профессионально занимались подделкой документов Коминтерна и иных комму-

нистических органов. В ходе этих процессов выявилось, что такие подделки пользовались огромным спросом у различных посольств. Представители почтенных буржуазных правительств за большие деньги покупали эти фальшивки, так сказать, про запас: рано или поздно представится случай пустить их в дело.

Трудно было предположить, чтобы нацисты прибегли в своей провокации к чему-нибудь новому. Да и вообще в своих методах они были не слишком-то оригинальны. Зато приходилось считаться с тем, что уже испробованными методами они воспользуются в полной мере и с непревзойденным цинизмом. Каковы же были эти методы?

Использование деклассированных элементов из среды анархистов или правых кругов. Здесь вербовались лица, служившие непосредственными орудиями провокаций.

Фальшивые документы, которые подсовывались обвиняемым. Эти документы часто бывали из тех же источников, что и сами непосредственные организаторы провокации, но зачастую изготовлялись и специальными отделами тайной полиции.

Лжесвидетели — их поставляли полицейский аппарат и целая сеть провокаторов, к услугам которых так охотно и во все возрастающей степени прибегает полиция капиталистических государств. В тех странах, где фашизм уже успел установить свой террор, имелся и другой метод «фабрикации» таких лжесвидетелей: при помощи террористического аппарата. Угрозой смерти и пытками заставляли играть позорную роль даже тех людей, которые в обычных условиях никогда не пошли бы на это.

Привлечение в качестве обвиняемых иностранцев представляло собой излюбленный реквизит для такого рода политических спектаклей. Достаточно посмотреть на то, как вел на Лейпцигском процессе свою мнимую «защиту» обвиняемого Торглера фашистский адвокат д-р Зак, чтобы увидеть, какое значение должно было иметь привлечение к делу о поджоге рейхстага болгар.

Из всего того, что успел Димитров узнать до своего ареста о поджоге рейхстага и о начавшемся расследовании, ему было ясно, что все эти четыре элемента политической провокации окажутся налицо и здесь.

Так оно и случилось.

Тут был Ван дер Люббе, о котором немецкая и иностранная печать уже сообщила множество подробностей.

Судя по ним, он был просто специально рожден для провокации.

Тут были и «чудовищные секретные документы», якобы найденные при обыске в здании ЦК КПГ в Берлине. Они будто бы ясно и недвусмысленно свидетельствовали о том, что пожар рейхстага и аналогичные террористические акты готовились коммунистами исподволь на конец февраля — начало марта, а сам поджог рейхстага должен был сопровождаться убийствами, массовыми отравлениями, эпидемиями. Правда, обыск был произведен еще за неделю до того, как вспыхнул рейхстаг, а потому оставалось непонятным, как полиция, раскрыв эти «замыслы», допустила осуществление заранее известного ей «заговора», не приняв необходимых мер для его предотвращения и усиления охраны рейхстага и других правительственных зданий.

Ну, а что касается подсовывания обвиняемому подложных документов, то Димитров уже имел случай видеть план с красными крестами.

Лжесвидетелей тоже найти нетрудно, тут сомневаться не приходилось. Продажная нацистская среда была неисчерпаемым резервуаром. В те дни иностранная печать много писала об истязаниях, которым подвергаются в Германии арестованные, и не было никаких сомнений в том, что германские фашисты, не уступающие по жестокости своим балканским коллегам, любыми способами обеспечат себе покладистых свидетелей.

Есть и иностранцы — болгары! «Ваш арест покажет многое!»— эти слова полицейского комиссара Брашвица открыли Димитрову глаза.

Полицейские допросы ясно показали одно: рассчитывать на отказ полиции от попытки обвинить болгар в непосредственном участии в поджоге рейхстага не приходится.

Вот почему Димитров был готов к тому, что на дальнейших допросах, а тем более если дело дойдет до суда, против обвиняемых выкатят орудия самого крупного калибра. И он снова принялся обдумывать и свое положение, и те особенности политической обстановки, которые могли оказаться благоприятными для арестованных коммунистов и быть использованы ими.

Общественное мнение внутри Германии и за ее пределами — об этом свидетельствовали и отклики масс, и реак-

ция зарубежной печати на пожар рейхстага в первые же дни — не на стороне нацистов или по меньшей мере настроено по отношению к ним скептически. В рядах коммунистического движения и в симпатизирующих ему кругах организаторам провокации лжесвидетелей против обвиняемых коммунистов не найти. В лагере национального фронта и даже в руководящей группе национал-социалистов выявились внутренние противоречия. Стремление любой ценой сохранить видимость законности боролось с тенденцией истребить коммунистическое движение, невзирая на общественное мнение ни внутри Германии, ни за границей. И все-таки для внешнего мира фашисты хотели выглядеть приверженцами цивилизованного правового государства и апостолами мира, а внутри страны попирали всяческое право и осуществляли кровавый террор.

Обдумывая и взвешивая все это, Димитров пришел к выводу, что в создавшейся обстановке возможна только одна тактика: открытое политическое наступление. К такому выводу его привело и закончившееся полицейское предварительное следствие.

В сознании своей невиновности и справедливости своего дела, опираясь на силу мирового коммунистического движения, ему предстояло самому перейти в наступление против национал-социалистского режима и сорвать задуманную провокацию.

После последнего допроса полицейским комиссаром Баухом Димитрова поместили в камеру берлинской тюрьмы Моабит и на десять дней оставили в покое. Ясное понимание своего положения и необходимой тактики значительно помогало ему теперь переносить тяготы одиночного заключения.

К тому же за короткое время Димитров сумел и здесь внушить к себе уважение. Вся тюрьма — от последнего надзирателя до директора — изменила свое отношение к необычному арестанту. Правда, никто еще не знал толком, кто такой этот человек, столь отличающийся во всем от остальных заключенных. Но от полицейских, сопровождавших арестанта, стало известно о его необычайно мужественном поведении на допросах. Плакаты с фотографиями болгар и высокие суммы наград, объявленные за сведения об этих заключенных, тоже заставили тюремщиков призадуматься. Но самое большое впечатление произ-

вело на них то, как вел он себя в самой тюрьме. Они поняли, что в лице этого болгарина имеют дело с человеком незаурядным. Никогда еще подследственный арестант не отстаивал в этих стенах с такой настойчивостью и таким спокойствием каждый пункт своих прав.

У каждого тюремщика и служителя-заключенного сложилось о нем собственное мнение. Одни считали его музыкантом. Ведь выразительная внешность Димитрова и раньше напоминала некоторым Бетховена. Кроме того, он иногда пел в своей камере. После упорной борьбы с администрацией он добился, чтобы ему выдали из тюремной библиотеки произведения Гете и Байрона. Он выписал из них строки, показавшиеся ему подходящими к его положению, и выучил наизусть, а потом, чтобы лучше запомнить их, даже придумал для них мелодии. Он частенько напевал эти импровизированные песни, чтобы сохранить присутствие духа. Другие считали его крупным юристом. Только так могли они объяснить себе прекрасное знание Уголовно-процессуального кодекса, проявлявшееся и в заявлениях Димитрова тюремной администрации, и в его успешной тактике по отношению к полицейским властям. Но все сходились на том, что он «из образованных», человек очень ученый. Недаром выбирает себе такие книги, да и весь его облик говорит об этом. И вот сын болгарского рабочего класса Георгий Димитров еще в полицейской тюрьме Моабит был прозван «профессором». Так звали его потом и во всех других тюрьмах, где пришлось ему побывать, пока в день его первого появления на суде весь мир не узнал наконец, кто же такой в действительности этот «музыкант», «юрист» и «профессор»!

За дело принимается господин Фогт

Кончились полицейские допросы. Позади остался первый этап того пути, который начался для Димитрова арестом 9 марта. Димитров мог быть доволен результатами. Допрашивавшим полицейским комиссарам не удалось вытянуть из него ничего, кроме подтверждения тех фактов, скрывать или отрицать которые у него не было никаких причин. Димитров же своими наступательными ударами и вопросами вынудил противника раскрыть карты. Теперь он уже знал, каким материалом против него располагает

полиция и что хочет приписать она ему посредством фальсификации. Первое до смешного ничтожно, а второе сфабриковано так неуклюже, что едва ли может представлять опасность. Димитров постарался хорошенько запомнить все. Он понимал, как важно, если дело дойдет до процесса, разоблачить на суде методы полицейского дознания и тем самым сразу же дискредитировать обвинение.

Димитров со всей ясностью отдавал себе отчет в том, что теперь борьба станет куда тяжелей. Со дня ареста и первых показаний, касавшихся установления его личности, прошло почти три недели. У следственных властей было достаточно времени запросить о нем сведения из Болгарии, а уж болгарские фашисты не упустят возможности свести с ним счеты и передать своим германским собратьям весь материал об опасном заговорщике Георгии Димитрове — ненавистном лидере революционного профсоюзного движения, руководителе восстания 1923 г. А может быть, германским фашистам удалось разузнать и побольше о его нелегальной деятельности в последние годы. При всей конспирации, правила которой он, как опытный революционер, строго соблюдал, кое-что все-таки могло стать им известно. К тому же, надо полагать, суд поручит вести судебное следствие специалистам более умелым, чем самоуверенные полицейские комиссары.

Димитрову ясно одно: его боевая тактика в основе своей должна остаться прежней — открытым политическим наступлением. Надо захватить инициативу в свои руки. Может быть, еще удастся помешать официальному предъявлению обвинения в активном соучастии в поджоге рейхстага и привлечению к предстоящему суду вместе с этим злосчастным Ван дер Люббе.

Из тюрьмы при полицей-президиуме Димитрова 28 марта переводят в берлинскую тюрьму предварительного заключения — Моабит. Помещают в камеру, предназначенную для особо опасных преступников,— с тройной решеткой на окне, тремя дверными запорами и цементированным полом.

Первое, что делает Димитров в новой тюрьме,— требует перо и чернила. Он пишет письмо судебному следователю. Просит затребовать и приобщить к делу письменное заявление, переданное им 20 марта полицейским следственным властям. Это важно Димитрову потому, что как в день ареста, так и на всех допросах полицией он

категорически отказался подписать какие-либо протоколы, составленные полицейскими комиссарами. Когда же допросы закончились, он потребовал дать ему в камеру бумагу и письменные принадлежности и собственноручно написал на болгарском языке документ, в котором изложил только то, что сам считал нужным сказать. Димитров избрал болгарский язык для того, чтобы в этом первом документе быть как можно более точным. Теперь Димитров и ссылался на него в своем письме судебному следователю, чтобы тот заранее ознакомился с его содержанием.

А потом Димитров принялся, насколько возможно, «обживаться» в своей новой камере. Не хватает слишком многого: прежде всего денег, авторучки, сигар и сигарет, а также прочих предметов личного обихода — их отобрали у него при аресте и до сих пор не возвратили. Но особенно тяжело Димитрову было без очков. Он обращается к полицейским властям с просьбой вернуть ему эти вещи, а деньги перевести в тюремную кассу. В другом письме следователю Димитров просит разрешить ему выписать газету. Наконец, он обращается и к тюремному библиотекарю, прося его выхлопотать разрешение на чтение литературы и выдать книги по германской и всемирной истории. Ему нужен и учебник немецкого языка, чтобы пополнить свои знания и лучше подготовиться к защите. Одним словом, Димитров готовится к длительному пребыванию в тюрьме, а потому сразу же требует соблюдения всех своих прав, которые, как он знал, по закону полагались заключенному.

Но все просьбы и заявления остаются без ответа. Комиссия по делу о поджоге рейхстага, судебный следователь и администрация тюрьмы сами устанавливают здесь законы.

Проходит три дня. На четвертый, 1 апреля, Димитрову удается случайно получить газету — первую со дня ареста. Это «Моргенпост» от 28/29 марта 1933 г. Тюремщик даже и не подозревал, какое опасное оружие дал он в руки заключенному, позволив ему прочесть эту газету, которая уже тогда контролировалась нацистами.

Чтение без очков очень утомительно, но Димитров не может оторваться от газеты. Не пропускает ни строчки. Случайно ему попался особенно содержательный номер. Димитров получает почти полное представление о том, что происходит в Германии.

Прежде всего ему бросается в глаза статья под жирным заголовком. В ней излагалась речь прусского министра юстиции Керля. Эта речь привлекла внимание Димитрова особенно тем, что представляла собой классическое выражение «правовых взглядов» национал-социалистов. Словно предчувствуя, что она сослужит большую службу в ближайшие дни, при первом же допросе судебным следователем Фогтом, Димитров прячет кусок газеты со статьей в карман.

Остальные статьи свидетельствовали о быстром ходе той «унификации» всей общественной жизни, посредством которой нацисты стремились укрепить свое единовластие. Сообщалось о «реорганизации административных органов», о решении союза врачей «уподобиться по духу и форме новому политическому порядку» и «позаботиться о том, чтобы исключить из правления и комиссий членов союза — евреев, а также тех коллег, которые внутренне не примкнули к новому порядку». Сообщалось также о новых выборах в союзе адвокатов, реорганизации розничной торговли — например, о присоединении «Союза владельцев берлинских кафе» к национал-социалистскому «Союзу борьбы мелких ремесленников».

За «унификацией» следовала «чистка». Сообщалось, что из «Берлинской транспортной компании» уволены 11 служащих и 79 рабочих, которые являются «непригодными для работы марксистскими функционерами». Городская библиотека в Нейкельне «очищена от разлагающих книг и брошюр». Во многих статьях рассказывалось о нацистских мерах против евреев. На 1 апреля объявлялся бойкот всех еврейских фирм, адвокатов, врачей и т. д. Из передовой статьи, посвященной этому вопросу, Димитров выписал следующие слова: «...враги... за границей ведут бессовестную, предательскую кампанию, направленную против германского народа...» [1] Важное сообщение: значит, за границей развертывается движение против германского фашизма!

По газете можно было судить и о внутренних трудностях в лагере национального фронта. Например, говорилось о том, что в Брауншвейге нацисты разоружили «Стальной шлем»— эту военизированную организацию «немецких националистов»— конкурентов Гитлера. Так,

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 208.

значит, трения между реакционными партиями продолжаются, но национал-социалисты уже одерживают верх.

Было видно и то, какую позицию заняли лидеры германской социал-демократии. Широко подавалось заявление социал-демократического депутата Герца — того самого Герца, на которого в первые же дни после поджога рейхстага напали нацисты, жестоко его избив. А теперь этот Герц в заявлении, сделанном редакции газеты «Политикен» в Копенгагене, куда его послало правление социал-демократической партии, утверждал: «Ложные сообщения о национал-социалистском терроре, появляющиеся в иностранных газетах, могут только нанести вред германской демократии. Я с готовностью заявляю, как это уже сделал лидер социал-демократической партии Вельс, что мы, германские социал-демократы, считаем ложные сообщения о преступлениях национал-социалистов вредными» [1]. Итак, в этой обстановке германские социал-демократы не нашли ничего лучше, как солидаризироваться с гитлеровским правительством в «защите от пропаганды, измышляющей ужасы»! А зачинщиком кампании является Герц — не только еврей по национальности, но и социал-демократ, подвергшийся избиению нацистами!

Да, газета дала Димитрову богатый материал для размышлений о политическом положении в Германии и о той внешнеполитической обстановке, в какой предстояло идти следствию и, возможно, будущему процессу. Впечатление, сложившееся у него непосредственно после ареста, подтверждалось.

Следующий день, 2 апреля, был воскресенье.

В дневнике, который Димитров вел в течение всего своего пребывания в тюрьме, он особо отмечал воскресенья — ставил против них знак на полях. На то была своя причина. На воле воскресенье служит днем отдыха и развлечения. В тюрьме это самый тяжелый день. Вокруг гнетущая тюремная тишина. Ни допросов, ни вызовов. Не слышно звуков, которые в обычные дни вносят хоть какое-то разнообразие в монотонную тюремную жизнь: ни бряцания ключей, ни шагов в коридоре, ни коротких реплик, когда арестантов из соседних камер ведут на допрос или их посещают родственники,— ничего, в воскресенье все смолкает. В такие дни, когда заключенный особенно остро

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 208.

чувствует свое одиночество, мысли его еще сильнее устремляются на волю. Об этом говорят записи в тюремном дневнике Димитрова: «Особенно тяжело в воскресенье». «Восьмое воскресенье — и чудесная весна». «Восемнадцатое воскресенье. Время идет, а конца дела не видно», «Двадцать второе воскресенье здесь, чудесное осеннее воскресенье — а я?»

3 апреля Димитров в первый раз встречается с судебным следователем Фогтом, который будет вести дело. Допрос происходил в моабитском суде, расположенном в том же здании, что и тюрьма.

Как всегда, под конвоем двух полицейских Димитрова вводят в кабинет, где его уже ожидает низенький лысый чиновник. Чиновник представляется: судебный следователь, советник Имперского суда доктор Фогт. Кроме него на допросе присутствует назначенный судом болгарский переводчик Тарапанов.

Фогт поначалу держится вежливо, даже предупредительно. Объявляет арестованному, что приступает к судебному предварительному следствию. По распоряжению верховного прокурора от 30 марта 1933 г. дознание, предпринятое против Ван дер Люббе, распространено также и на Димитрова. Затем Фогт берет в руки напечатанный на розовой бумаге документ и монотонно читает вслух.

Димитров «находится под серьезным подозрением, что в Берлине в течение времени, не погашенного до настоящего момента давностным сроком, а именно 27 февраля 1933 г., совместно с каменщиком Ван дер Люббе:

а) предпринял попытку насильственным путем изменить государственное устройство Германской империи;

б) преднамеренно поджег здание рейхстага, которое служит жилищем для людей, причем совершил поджог, имея намерение с помощью такового поднять восстание...» [1]

Димитров с растущим возмущением вслушивается в текст документа: так, значит, его по всей форме обвиняют в поджоге рейхстага!

Фогт заканчивает чтение, протягивает документ Димитрову: это приказ об аресте!

Димитров сразу же пытается ответить. Он хочет немедленно, тут же, заявить энергичный протест против клевет-

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 8.

нического обвинения. Но Фогт наигранно-дружеским тоном продолжает:

— Как судебный следователь, я обязан по закону выявить не только то, что доказывает вашу вину, но и все, что может смягчить ее.— И он цитирует соответствующие параграфы Уголовно-процессуального кодекса, а потом добавляет:— Как обвиняемый, вы имеете право, если желаете, отказаться от дачи показаний. Но,— тут Фогт повышает голос, так что тот звучит совсем менторски,— отказ от дачи показаний, заметьте себе это, сам по себе уже изобличает вас и служит косвенным подтверждением подозрения, выдвинутого против вас!

Закончив свою предостерегающую тираду, Фогт поворачивается к судебному секретарю и начинает диктовать протокол, в котором Димитров должен подтвердить, что принял это заявление к сведению.

Вверху протокола стоит: «По делу Ван дер Люббе и сообщников». Следователь дает его Димитрову на подпись.

Наступил наконец момент, когда Димитров может вмешаться и поставить все на свои места. Очевидно, Фогт собирался на первом допросе ограничиться только чисто юридическими формальностями. Ну нет, пусть этот чванливый бюрократ сразу почувствует, что имеет дело не с провинившимся школяром, а с политическим деятелем и революционером!

— Этого я не подпишу!— подчеркнуто резко говорит Димитров.— Заявляю вам сразу же то, что уже не раз повторял при полицейском дознании: я решительнейшим образом протестую против такого подозрения и вообще против моего ареста по такому неслыханному, ничем не обоснованному обвинению. Об этом я писал в своем заявлении полицейским следственным властям 20 марта. Оно должно быть в ваших бумагах. Теперь я вновь добавляю, что утверждение о какой-либо моей связи с поджогом рейхстага является грубейшим оскорблением моей личной, политической и революционной чести. Я нахожу неслыханным, что вы подсовываете мне бумагу, в которой я характеризуюсь как «сообщник Ван дер Люббе»! Протокол, озаглавленный «По делу Ван дер Люббе и сообщников», я, не говоря о всех других уже названных причинах, не подпишу никогда!

На такой отпор Фогт никак не рассчитывал. Он явно обескуражен подобным оборотом дела, пытается что-то

возразить, но теперь уже Димитров не дает перебить себя.

— А что касается объективности судебного следователя и того, что вы будете искать не только отягчающие, но и смягчающие обстоятельства, то кое-какое представление об этом я уже получил на полицейских допросах!

— Ну, в полиции так оно, возможно, и было,— снисходительно допускает Фогт, — но здесь вы имеете дело не с полицией. Здесь ведется предварительное судебное следствие!— И, почувствовав, что обвиняемый заставил его перейти к обороне и желая поддержать свое поколебленное достоинство чиновника, он с комичной важностью добавляет:— Я — судья, я — советник Имперского суда Фогт!

Димитров внутренне даже рассмеялся, но сдержался и продолжал:

— Что ж, хорошо, поговорим о судьях! Позавчера я совсем случайно получил номер «Моргенпост» —первую газету со дня ареста. Ведь мне до сих пор не вернули ни пфеннига из моих собственных денег, так что я даже не мог купить себе газету! В этом номере я прочел заявление вашего шефа, министра юстиции Керля, тоже судьи. Вот посмотрите, что пишет этот откровенный и храбрый малый... [1]

— Я запрещаю вам подобные выражения!..

— Ну ладно, посмотрите, что пишет этот Керль.— С этими словами Димитров вынимает из кармана кусок газеты со статьей и читает вслух:

«Предубеждение формально-либералистского права заключается в том, будто кумиром юстиции должна быть *объективность.* Теперь мы добрались *и до источника* отчуждения между *народом* и *юстицией,* и в этом отчуждении в конечном счете *всегда повинна юстиция.* Ибо что такое объективность в момент борьбы народа за существование? Знает ли объективность воюющий солдат, знает ли ее побеждающая армия? Солдат и армия знают только одно соображение, признают только один вопрос: как мне спасти свободу и честь, как спасти нацию?

Таким образом, само собой разумеется, *юстиция* народа, борющегося не на жизнь, а на смерть, не может благоговеть перед мертвой *объективностью. Мероприятия суда, прокуратуры и адвокатуры должны диктоваться*

---

[1] Игра слов: «керль» означает по-немецки «малый», «парень».

исключительно одним соображением: что важно для жизни нации, что спасает нацию.

Не бесхребетная объективность, означающая застой и тем самым закостенение, отчужденность от народа,— нет, все действия, все мероприятия коллектива в целом и отдельной личности должны быть подчинены насущным нуждам народа, нации!» [1]

Фогт нервозно прислушивается, но перебить чтение напыщенной речи своего начальника не решается. С жестом раздражения отодвигает он в сторону газету с не к месту пришедшейся цитатой. Куда делись его вежливость и предупредительность! Повысив голос, он снова требует от арестованного подписать протокол.

Но Димитров снова заявляет, что не подпишет никакого протокола, и добавляет уже сказанное Бауху о тенденциозности предварительного следствия и истинной цели, которую оно преследует.

Тут уж Фогт от возмущения просто не находит слов.

Воспользовавшись его замешательством, Димитров говорит:

— Я хотел бы сказать еще, что решительно протестую против конфискации у меня принадлежащих мне денег. Я требовал, чтобы мне вернули определенную сумму на личные расходы. Я имею право написать своим родным и известить их о моем аресте. У меня в Болгарии мать и сестра. А я до сих пор не смог этого сделать, потому что у меня нет денег на почтовые марки! Это недопустимое ограничение моих прав... Кто лично несет ответственность за это распоряжение?

В ответ Фогт выдавливает из себя лишь несколько слов:

— Распоряжение законно, а кто несет за него ответственность — не ваше дело!

— Нет, все-таки мое!— парирует Димитров.— Ибо я убежден, несмотря ни на что, придет время, когда каждый из вас лично ответит за то, что он сейчас совершает. А если вы не находите мужества ответить мне, кто несет ответственность, то я буду считать ответственным вас самого!

Господин советник Имперского суда теряет самообладание. Что касается надежды заставить Димитрова подписать протокол, то ее он уже потерял оконча-

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 164.

тельно. Чтобы избежать дальнейших нежелательных вопросов Димитрова, он приказывает полицейским:

— Отвести обратно в камеру!

Так заканчивается первая «беседа», или, вернее сказать, первый поединок, господина советника Имперского суда со своим новым противником.

Следуя своей тактике, испробованной еще в отношении полиции, Димитров сумел придать уже этому первому допросу следователем тот характер, который оказал решающее влияние на весь ход судебного следствия. Фогт оказался ненамного выше своих полицейских коллег, о которых он отозвался с таким пренебрежением. Захватить инициативу в свои руки ему так и не удалось.

Сотни тысяч людей во всем мире, впоследствии следившие за Лейпцигским процессом и читавшие о нем, наверняка полагали, что ему предшествовало скрупулезное предварительное следствие со множеством допросов, очных ставок и тому подобным.

Во всяком случае, что касается Димитрова, это было не так.

Предварительное следствие, которое велось против него, являлось в целом жалкой и ничтожной комедией. Дело не только в том, что практически Димитрову совершенно нечего было инкриминировать. Фогт просто-напросто был не в состоянии справиться с таким противником. Все, что мог он противопоставить своему подследственному,— это, как показал процесс, подставные свидетели, которых он фабриковал за спиной Димитрова.

Настоящих допросов по делу за период с 28 марта по 1 июня было всего несколько, и заканчивались они всегда поражением Фогта.

Уже первое столкновение с Фогтом привело пусть и к небольшому, но непосредственному успеху Димитрова: 4 апреля арестованному разрешили постоянно пользоваться письменными принадлежностями — чернилами, ручкой и писчей бумагой. До этого ему приходилось довольствоваться карандашом.

Оказавшись обладателем таких сокровищ, Димитров сразу же написал новое письмо судебному следователю, в котором потребовал приобщить к материалам дела его заявление полицейским следственным властям от 20 марта и не подписанный им протокол предварительного допроса от 3 апреля. Кроме того, он написал письма

сестре Елене и своему давнему другу Анри Барбюсу в Париж. То были первые весточки родным и друзьям из тюрьмы. Теперь Москва, где находился Исполком Коминтерна, и Париж — центр антифашистской эмиграции — узнали наконец о его судьбе.

Письмо судебному следователю положило начало долгой переписке с этим судейским чиновником. Поскольку Димитрову редко удавалось увидеть Фогта собственной персоной, он каждый день бомбардировал его письмами. Переписка была довольно однообразной, а содержание ее целыми месяцами — одним и тем же: борьба против мелочных придирок, которыми Фогт утяжелял заключение Димитрова. Димитров неоднократно настаивал на том, чтобы ему вернули отобранные деньги, протестовал против задержки и конфискации его корреспонденции, против помех, которые чинили ему в общении с адвокатом. Но прежде всего он требовал снять наложенные на него кандалы.

Оковы были надеты на Димитрова 4 апреля по распоряжению судебного следователя. Они представляли собой два стальных кольца, соединенных в «восьмерку» малоподвижным шарниром, так что сковывали положенные одна на другую руки. Димитров находился в ручных кандалах с 4 апреля до 31 августа днем и ночью.

5 апреля в ответ на устный протест Фогт сообщил Димитрову, что наложение ручных кандалов произведено на законном основании как мера предосторожности, а не как наказание за резкие выступления.

«Может быть, как ответ на мое заявление об облегчении моего личного положения в тюрьме, или, вернее, как метод ведения следствия»[1],— записал Димитров в своем дневнике после этого лаконичного ответа, и почерк, каким написаны эти строки, и по сей день говорит о его возмущении.

Димитров, разумеется, не удовлетворился таким ответом и повторил свой протест.

«Если мера предосторожности,— не нужна, ибо я, как известный болгарский политический деятель, не помышляю уклоняться от ответственности или бежать. Напротив, я сам в высшей степени заинтересован в том, чтобы защитить и спасти мою честь, политически затро-

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 209.

нутую этим политическим обвинением»[1],— писал он в письме судебному следователю.

В ответ на это письмо 5 апреля Димитрова посетил в камере начальник тюрьмы. Он сделал вид, будто только сейчас впервые увидел на Димитрове кандалы, и цинично заявил:

— Ничего сделать не могу. Распоряжение судебного следователя. Придется вам примириться с наручниками, раз приехали в Германию.

Протест против кандалов так и остался безрезультатным, но Димитрову все же удалось добиться некоторых других облегчений. 8 апреля заключенному вернули авторучку, трубку — правда, без табака! — и очки. Целый месяц его вынуждали читать и писать без очков!

Теперь Димитров каждый день — все еще с закованными руками! — пишет по нескольку писем: судебному следователю, родным в Болгарию и друзьям за границу. Временно была разрешена и проблема почтовых марок. Хозяйка квартиры, где Димитров жил последнее время перед арестом, узнала от полиции о его местопребывании. Испытывая сострадание к своему жильцу, к которому успела проникнуться уважением, она внесла для него пять марок в кассу тюрьмы.

11 апреля Димитрова вторично вызывают на допрос к Фогту. Судебный следователь снова начинает с юридических вопросов.

— По закону вам положен защитник. Но вам будет сейчас весьма трудно найти в Германии адвоката, который пожелал бы взять на себя вашу защиту. Поэтому лучше всего согласиться на официального защитника. Сегодня утром со мной как раз говорил один весьма хороший адвокат. Он готов, если вы хотите, взять на себя вашу защиту.

— Да, разумеется, я нуждаюсь в юридической помощи,— отвечает Димитров,— ибо со мной обращаются здесь не просто как с обычным заключенным, а как с военнопленным. Но юридическая помощь для меня — вопрос политический. Мне нужна помощь такого защитника, которого я сам себе изберу и которому могу доверять. Мне нужен человек, который сам убежден в том, что я, Димитров, не способен организовать провока-

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 209, 210.

ционный поджог или же участвовать в нем. Об официальном защитнике, дорогой господин Фогт, для меня не может быть и речи. Если потребуется, я буду защищать себя сам!

Фогт снова выходит из себя:

— Конечно, вы можете поступать как хотите. Но предупреждаю, таким образом вы только ухудшите свое положение и сами нанесете себе вред.

Димитров напоминает, что уже сразу после ареста написал письмо адвокату д-ру Розенфельду [1], но ответа до сих пор не получил. Фогт пожимает плечами.

Дальнейшие вопросы следователя касаются мелких деталей. Он хочет, например, знать, имелась ли в рабочем бюро Димитрова машинистка; для каких замков предназначались найденные у арестованного ключи. Димитров отвечать отказался, так как вопросы касались его личной жизни: ведь он еще раньше заявил, что полиции до этого нет дела.

После нескольких таких же мелочных вопросов, на которые Димитров не ответил, Фогт закончил и этот, второй по счету допрос.

Наступил перерыв, длившийся целый месяц. Димитров со дня на день ждет нового вызова на допрос. И только 12 мая допрос возобновляется, на этот раз в здании рейхстага.

На этом допросе, впервые действительно касавшемся существа дела, Фогт начинает все с самого начала: кто такой Димитров, его прошлое, причины пребывания в Германии, род занятий... Но Фогт задает и новый вопрос: кого из коммунистических руководителей знает Димитров? Арестованный называет имена видных немецких коммунистов, с которыми он встречался на различных международных конгрессах и конференциях. Среди них Эрнст Тельман, Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт, Фриц Геккерт, Клара Цеткин, коммунистический депутат рейхстага д-р Штёккер. Димитров повторяет свое ранее сделанное заявление: здесь, в Германии, он не поддерживал никакой связи ни с кем из руководящих коммунистических деятелей. Исключение составляют две

---

[1] Адвокат, известный Димитрову по защите болгарских политэмигрантов.— *Прим. ред.*

встречи с секретарем «Международной организации помощи борцам революции» (МОПР)[1].

Свой ответ на вопрос Димитров использует для того, чтобы затронуть другую тему. Он сразу же понял, что̀ означало упоминание о руководителях Коммунистической партии Германии: нацисты явно собирались обвинить в поджоге рейхстага не только Ван дер Люббе и болгар, но̀ и немецких коммунистов. Димитров счел момент подходящим, чтобы начать борьбу в защиту германских коммунистов и их политики от провокационного обвинения в поджоге рейхстага и в путчизме, борьбу, которая сыграла потом такую большую роль в его выступлениях на самом процессе.

— Если бы для моей политической деятельности за границей было необходимо установить связь с руководящими коммунистами Германии,— заявил Димитров,— я наверняка сделал бы это. Не вижу никаких причин скрывать, что считаю Коммунистическую партию Германии после Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) самой крупной и лучшей секцией Коммунистического Интернационала. Связью с ней я мог бы только гордиться.

Да, этот человек, который, по разумению ограниченного советника Имперского суда, без всякой необходимости брал на себя роль защитника Коммунистической партии чужой страны, становился для Фогта все более непостижимым! Все это никак не укладывалось в его понимании. На всякий случай он зафиксировал это заявление и на этом прекратил допрос.

Зато к следующему допросу, который также состоялся в здании рейхстага, Фогт подготовился более основательно. Вот теперь-то он завершит свое дело! За это время он успел как следует обработать свидетелей, и они дали для протокола те показания, которые им подсказали. Все складывалось как нельзя лучше. Двум другим болга-

---

[1] «Международная организация помощи борцам революции» (МОПР) существовала в 1922—1947 гг., оказывала материальную и моральную помощь жертвам буржуазного террора в капиталистических странах и политическим эмигрантам, проживавшим в СССР, участвовала в организации ряда мощных кампаний в защиту жертв фашистского террора на Балканах, за освобождение Г. Димитрова, в движении солидарности с республиканской Испанией и некоторых других.— *Прим. ред.*

рам — Попову и Таневу, которые почти не понимали по-немецки и не могли действовать так же энергично и умело, как их старший товарищ,— подсунули соответствующим образом «причесанные», на первый взгляд довольно безобидные показания. Все это, вместе с лжесвидетельствами, создавало «вполне ясную картину». Не хватало только таких же показаний Димитрова.

Фогт встретил его с торжествующей миной:

— У меня в руках все доказательства, господин Димитров! Вашего соотечественника Попова видели в рейхстаге. Он совершил поджог, а затем скрылся через второй подъезд. Видели в рейхстаге и Танева, причем в обществе немецкого коммунистического депутата Торглера. Ну, а теперь расскажите-ка мне все, что вы знаете и можете сказать о Попове и Таневе и об их действиях.

До сих пор Димитров старался избегать каких-либо подробных показаний о двух своих соотечественниках, арестованных вместе с ним, а также и о своих отношениях с ними. Но он не знал, что именно говорили они сами. Увидев, к чему клонит Фогт, он решил сказать всю правду об их пребывании в Берлине.

Димитров заявил, что Попова и Танева он знал еще раньше как политических эмигрантов в Югославии и как своих товарищей по партии. Попов приехал в Берлин в ноябре 1932 г. и проживал здесь временно в качестве политического эмигранта. Он, Димитров, иногда встречался с ним. Два или три раза Попов побывал у него дома. Но занимались они только болгарскими делами, и на этих встречах ни разу не присутствовал ни один немец или неболгарин. Танев же вообще приехал в Берлин всего за несколько дней до ареста.

Димитров добавил, что к его товарищам по партии полностью относится то, что он уже сказал о самом себе: они коммунисты, а это исключает их участие в такой антикоммунистической провокации, как поджог рейхстага.

Но Фогт почти и не слушал.

— Можете сочинять что угодно!— сказал он.— Мне все ясно. Вы с помощью своих земляков Попова и Танева подготовили поджог, а потом уехали в Мюнхен подышать свежим воздухом. Смотрите за ним получше!— приказал Фогт полицейским.— Он приговорен в Болгарии к смертной казни и будет выдан болгарским властям. Может попытаться бежать.

— Еще бы,— иронически вставил Димитров,— ведь болгары ждут меня.

Фогт вызывающе взглянул на него:

— Не извольте беспокоиться, они сами сюда явятся! Но ближе к делу: вы по-прежнему настаиваете на своих утверждениях?

Твердым голосом Димитров ответил:

— За невиновность Попова и Танева в этом деле могу поручиться головой! Они так же невиновны, как и я!

— Не швыряйтесь своей головой так щедро. Все равно потеряете!— с издевкой ухмыльнулся Фогт.

После столь неудачных попыток судебный следователь, казалось, потерял надежду добиться чего-нибудь от Димитрова. На следующих допросах, происходивших 19 и 20 мая, Фогт почти и не пытался ставить вопросы по существу дела. Да и Димитров не давал ему рта открыть, сразу же атакуя следователя решительными протестами против неизменно плохого обращения с ним в тюрьме. Он требовал, чтобы были наконец сформулированы конкретные обвинения против него. Но следователь и не думал делать этого. 20 мая Фогт попытался выведать у Димитрова более подробные сведения о деятельности Болгарской коммунистической партии, но добился только одного ответа: это к делу отношения не имеет, и об этом он показания давать не будет.

Фогт закончил допрос словами:

— Ну, подождите, теперь дело пойдет всерьез!

Но «всерьез» оно так и не пошло. Целых десять дней Фогт не подавал признаков жизни. Димитров использовал это время для того, чтобы написать подробное заявление судебным следственным властям, в котором высказывал свое отношение к ряду деталей, фигурировавших на последних допросах. 30 мая он переслал его Фогту.

Этот подробный документ на немецком языке содержал один особенно важный пункт.

Еще раз категорически заявив, что он не имел ни прямого, ни косвенного отношения к поджогу рейхстага, Димитров писал:

«Такой поступок, как поджог рейхстага, может быть совершен только сумасшедшими людьми, злейшими политическими врагами или провокаторами во вред коммунизму.

Само собой разумеется, что я не имел также никакого отношения к каким-либо планам организации восстания в феврале с целью «насильственного изменения конституции Германии». О таких мнимых коммунистических планах я услышал только на допросе. Но всем ведь известно, что на основе решений Коммунистического Интернационала и самой Коммунистической партии Германии вся политика и деятельность коммунистов в тот период были направлены на политическую мобилизацию масс против фашизма, установление единого фронта германского пролетариата, развертывание экономической и политической массовой борьбы в защиту жизненных интересов и прав всех трудящихся, для завоевания этим путем большинства рабочего класса на сторону коммунизма. Эта политическая линия и эта конкретная ориентация коммунистической политики в Германии, сформулированные в решениях, обязательных для всех членов Коммунистической партии, целиком исключают какие бы то ни было террористические акты и всякие авантюристические, путчистские планы со стороны коммунистов. Подобные действия категорически и решительно осуждаются Коминтерном и КПГ как недопустимые, бессмысленные и вредные для дела коммунизма и пролетариата» [1].

В этих скупых словах мы слышим голос антифашистского трибуна, который, используя в качестве оружия программные документы мирового коммунистического движения, сорвал гнусные планы фашистских палачей и оградил принципы Коммунистического Интернационала от грязи фашистской клеветы! Это голос будущего руководителя Коминтерна — это ему в докладе на VII конгрессе Коминтерна в 1935 г. предстоит обосновать принципы массовой борьбы, лозунг создания единого рабочего фронта и последовательным проведением их в жизнь организовывать сопротивление наступающему фашизму!

Разумеется, Фогт и понятия не имел, какое историческое значение имел тот документ, который он держал сейчас в своих руках. Мысли его были заняты только своим собственным надуманным и жалким планом, посредством которого он при помощи педантично-мелочного расследования и всяких юридических ухищрений рассчитывал «доказать» вину Димитрова.

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 35,

В день получения этого заявления Фогт снова вызывает Димитрова на допрос в рейхстаг. Явно взволнованный врученным ему документом, Фогт решает броситься по новому следу. Он хочет во что бы то ни стало узнать о связи болгар с немецкими коммунистами. Один из телефонных номеров, обнаруженных в записной книжке, по мнению полиции, которая считала, что ей удалось расшифровать их, якобы принадлежит депутату рейхстага от Коммунистической партии д-ру Штёккеру. Очевидно, его номер как-то случайно получился при перестановке цифр. Кроме того, Фогт желает знать, какая связь была у болгар с «Международной организацией помощи борцам революции».

— Задавать мне такие вопросы бесцельно,— только и ответил Димитров.— Вы все еще не предъявили мне конкретно сформулированных обвинений. Чего вы, собственно, рассчитываете достигнуть всеми этими вопросами?

В ответ Фогт с видом Шерлока Холмса восклицает:

— Ну ладно, тогда я займусь вашей двойной жизнью!

— Делайте, что считаете нужным. Но заявляю: добьетесь вы немногого!

Это было последней встречей Димитрова с Фогтом. 3 июня Димитров, к удивлению своему, получил письмо, датированное 1 июня. В нем сообщалось: «Предварительное следствие по вашему делу закончено».

Вот и все. Димитров рассержен: он так по существу и не получил возможности развернуть свою политическую защиту. Загнанный в угол атаками Димитрова и его твердым отказом рассказать о себе и своей деятельности в болгарском коммунистическом движении сверх того, что изложено в двух письменных заявлениях, Фогт потерял интерес к заключенному и теперь сконцентрировал свои усилия главным образом на фабрикации подставных свидетелей.

Плоды этой деятельности господина советника Имперского суда Димитров ощутил несколько раз и во время предварительного следствия. Длинные паузы, которые Фогт устраивал между допросами, вовсе не означали, что он бездействовал.

Второй допрос происходил накануне пасхи. Пасхальные дни тянулись однообразно. Особенно печальным было пасхальное воскресенье. Почти все заключенные из соседних камер получили посылки и подарки от своих родных. Димитров не получил ничего.

«Следователь «дружески» позаботился о том, чтобы я ничего не получил», — записал он в своем тюремном дневнике[1].

Димитрову не оставалось ничего иного, как использовать дни отдыха для особенно интенсивных занятий. 18 апреля он закончил чтение первого тома «Истории Германии» Шефера. С закованными руками!

19 апреля началась серия очных ставок, которые Фогт придумал, чтобы добиться своей цели.

Димитрова опять доставляют в здание рейхстага. Там его ждет уже не Фогт, а другой судебный следователь — некий Дитрих. Вводят двух женщин и одного мужчину. Все трое совершенно не знакомы Димитрову. Первая женщина, продавщица магазина Вертгейма на Морицплац, говорит, что арестованный кажется ей знакомым: в конце февраля он будто бы покупал у нее бокалы для пива. Димитров отвечает, что никогда не видел эту даму и никогда не покупал бокалы для пива у Вертгейма. На том эта странная очная ставка и кончается.

Два дня спустя спектакль повторяется. Димитрова трижды доставляют к Дитриху в рейхстаг и показывают подряд девяти-десяти лицам. «Очная ставка» происходит примерно так:

Дитрих: «Так вот, это Димитров».

«Свидетель» или «свидетельница»: «Да»— или не говорят ничего, их выводят.

Кто были эти люди, Димитров так и не узнал.

«Сплошь незнакомые люди. Что все это должно означать?» [2] — записал он в дневнике.

Так продолжается до бесконечности. Один раз — трое, другой раз — четверо, третий раз — шестеро. Один раз — две женщины и один мужчина, другой раз — одна женщина и трое мужчин...

Несколько раз такие «очные ставки» устраивались и прямо в тюрьме. Однажды пожилую незнакомую даму приводят прямо к камере Димитрова. Надзиратель приоткрывает дверь. Дама просовывает голову сквозь щель и долго всматривается в арестанта. Димитров в гневе вскакивает и кричит надзирателю:

— Что все это значит? Что я, медведь в клетке, что каждую минуту приводят глазеть на меня?

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 210.
[2] Там же, стр. 211.

Пожилая дама в испуге отпрянула, дверь камеры захлопнулась.

Такие странные «опознания» не имели ничего общего с действительным следствием. Цель могла быть только одна: подготовить лжесвидетелей. Это было ясно видно по тому, что эти «опознания» не прекратились даже после того, как заключенному официально сообщили о завершении предварительного следствия.

Так, 20 июня в Моабитскую тюрьму в сопровождении полицейского комиссара Бауха явился мужчина, которому был показан не только Димитров, но и Танев. А 10 июля, через полтора месяца после окончания предварительного следствия, Димитрову устроили в здании рейхстага очную ставку с целой группой: двумя женщинами и четырьмя мужчинами! Не только по одежде, но и по их значкам было видно, что все они нацисты.

На процессе «тайна» этих «очных ставок» вскрылась. Все эти люди появлялись лишь для того, чтобы получше запомнить лица обвиняемых к тому моменту, когда станут давать ложные показания на суде.

Руководил всем этим так называемым предварительным следствием начиная от первых полицейских допросов Фогт — «германский судья и советник Имперского суда», как он любил величать себя. В его лице подлинные организаторы поджога рейхстага нашли следователя без чести и совести. Именно такой и был им нужен для этого грязного дела!

К тому же Фогт отнюдь не являлся новичком в подобных делах. Однажды, в 1924 г., он уже подвизался в качестве судебного следователя на провокационном процессе против КПГ. Фогт уже тогда доказал, что он не какой-нибудь заурядный судейский чиновник, более или менее педантично вершащий «правосудие», то есть послушно выполняющий задания своего начальства. Нет, он показал себя ожесточенным врагом коммунизма и рабочего класса вообще, настоящим «пожирателем коммунистов», который занимается своим ремеслом «с душой».

Но «душа» его была столь же мелка, как и мал рост. Только в одном был он «велик»: в искусстве фабриковать безмерно тенденциозные, специально сконструированные показания, в мастерстве находить и обрабатывать подставных свидетелей, диктовать лживые протоколы.

Однако на Лейпцигском процессе Фогт с треском провалился. Иначе и быть не могло. Фогт, может, и годился для ведения обычных уголовных дел, где ему приходилось сталкиваться с менее опытными обвиняемыми, которых было легче запугать. Но до крупного, исторического процесса, разыгравшегося на глазах у всей мировой общественности, он не дорос. И если кто-либо особенно был повинен в провале затеянного нацистским правительством процесса, так именно этот ограниченный судебный следователь. Ведь на сконструированных им «доказательствах» и держалось все обвинение против болгар, которое должно было придать всему процессу сенсационную остроту. Привлечение Димитрова к суду обеспечило провал процесса и разгром обвинения.

Будь у Фогта хоть проблеск ума, он после первых же столкновений с Димитровым, почувствовав, с каким могучим противником ему приходится вступить в бой, должен был бы всеми силами добиваться, чтобы тот не предстал пред судом. Недаром же Димитров дал ему убийственную характеристику: «Мелочен, идиот».

Но Фогт слепо рвался в бой, как конь, на которого надели шоры. Ненависть к коммунистам, стремление любой ценой угодить своему нацистскому начальству ослепили его. В глубине же души Фогт был нерешителен и труслив. Это проявлялось всякий раз, как он пытался круто обойтись с Димитровым.

Однажды во время второго допроса Димитрова в рейхстаге, 13 мая, произошла довольно комичная сцена. Фогт, как уже говорилось, цинично заявил, что Димитров с помощью Попова и Танева подготовил поджог, а сам исчез и что он лишится головы. Возмущенный Димитров вскочил. Оба полицейских, с которыми он был скован наручниками, тоже невольно вскочили, держа в свободной руке резиновые дубинки. Вскочил от испуга и сам господин Фогт. Роста он был маленького, чуть не вдвое ниже Димитрова, а стоя перед ним, казался и совсем крошечным. Следователь побелел от страха. Димитров сунул под нос своему оскорбителю сжатые кулаки, поневоле сделали это и растерявшиеся полицейские.

— Неслыханно! Будь я на свободе, я бы ответил на это подлое оскорбление кулаками и пинками!— Димитров выкрикнул эти слова во весь голос. Дрожащий Фогт отпрянул на несколько шагов. Он тоже попытался закри-

чать, но горло его издало только какие-то нечленораздельные звуки, сопровождавшиеся жестами. Распахнулись двери, со всех сторон сбегались чиновники и полицейские. Оба противника стояли друг против друга, пока Фогт не обрел наконец дар речи:

— Отвести обратно в камеру!..

Вот и все, на что оказался способен господин советник Имперского суда!

Позднее, на суде, Фогт приводил эту сцену как доказательство «преступной натуры» Димитрова.

Трудно найти более убедительное доказательство цинизма, бездарности и низости германской фашистской юстиции, если таков был один из лучших юристов третьего рейха, «германский судья и советник Имперского суда» Фогт. Именно эта низость в сочетании с ограниченностью и сыграла роковую роль в судьбе многих антифашистов, которым приходилось бороться с нацистскими судьями в тюрьмах и концентрационных лагерях.

Камера № 47

Вызовы на допрос к судебному следователю были для Димитрова своего рода отдыхом. Можно хотя бы размяться и подвигаться, а когда допросы производились в здании рейхстага — даже немного подышать свежим воздухом. Проезжая по городу и ожидая вызова на допрос, Димитров отвлекался от своих мыслей, видел новые лица, глаза его отдыхали от вечного однообразия четырех стен камеры и созерцания тюремного персонала. Беседы с судебными следователями давали Димитрову-борцу возможность в споре с противниками дать выход своей неисчерпаемой энергии.

Но для допросов он покидал свою камеру лишь на несколько часов, а все остальное время оставался предоставленным самому себе. Когда же 1 июня было объявлено о завершении предварительного следствия, кончился и этот «отдых». Почти три месяца, вплоть до отправки в Лейпциг, где в конце сентября начался процесс, человек в полном расцвете сил, привыкший к той жизни, которая каждодневно сталкивала его со множеством людей и связывала со всем миром, был обречен на одиночество и бездействие тюремного заключения.

Надо, видимо, самому просидеть долгое время в тюрьме, чтобы до конца понять, что значит тесная тюремная камера для человека живого ума и энергичного темперамента!

Особенно же тяжело заключение, когда срок его не известен. Когда срок определен, а заключенный занят, пусть и бессмысленным физическим трудом, время, которое положено еще отсидеть, все же делится на какие-то отрезки, есть какая-то надежда на освобождение.

А в предварительном заключении будущее пугает неизвестностью. К тому же в фашистской тюрьме можно пробыть без суда целую вечность. Арестант сидит в своей камере в состоянии бесконечного ожидания. Прислушивается к каждому шороху, к шагам в коридоре, к побрякиванию ключей — может, поведут на новый допрос, на котором все наконец выяснится, или прекратят следствие. А может, назовут день суда или даже сообщат вообще о прекращении дела? Человек цепляется за зыбкую надежду, скромные желания превращаются в навязчивые идеи, которые доставляют неимоверные страдания, то погружая в сонную апатию, то вызывая приступы бурного отчаяния, и тогда заключенный начинает дико барабанить в дверь, чтобы вызвать надзирателя. Эта выматывающая нервы пытка, эта глухая борьба с невидимым противником длится день за днем.

Каково же было переносить все это Димитрову: ведь арест не только отнял у него свободу и возможность работать, но и, по крайней мере внешне, оторвал от политической борьбы, составлявшей все содержание, весь смысл его жизни. Сознание своей личной невиновности не могло успокоить его, знавшего, в руки сколь беспощадного противника он попал. Наоборот, оно являлось источником беспредельного возмущения и тревоги. Не собственная судьба волновала Димитрова прежде всего, а судьба коммунистического движения, которому его арест нанес удар. Необходимо сделать так, чтобы предстоящий процесс не отразился на этом движении еще тяжелее. Димитров понимал, какую роль предназначено сыграть и самому процессу о поджоге рейхстага, и привлечению к нему трех болгар для усиления уже начавшегося истребительного похода против германских коммунистов, для создания Гитлером антикоммунистиче-

ского фронта мировой реакции. Он сознавал ту огромную историческую ответственность, которая легла на его плечи.

Разве недостаточно было всего этого, чтобы крайне взбудоражить даже сильного волей человека, лишить его способности спокойно обдумывать свои поступки?

И Фогт, в компетенцию которого, как судебного следователя, входило определение условий содержания заключенных, прекрасно знал это. Если не говорить о фабрикации лжесвидетелей, это было единственное, в чем он действительно знал толк. Но и здесь он просчитался, и здесь недооценил своего противника. Сила духа и проницательность, которые Димитров противопоставил разработанной Фогтом рафинированной системе моральных пыток, не укладывались в рамки повседневного опыта этого судейского чиновника, выходили за пределы его понимания.

Впоследствии, уже после освобождения, Димитрова часто спрашивали, не обращались ли с ним в тюрьме жестоко, не подвергали ли пыткам, и он всегда отвечал отрицательно. Однако сам вопрос ставился неверно. Ведь физические пытки — только одна из форм истязания. Димитрову, как и его товарищам по партии, не раз приходилось сидеть в болгарских тюрьмах. Известно, как избивали и пытали там заключенных. Но Димитров говорил, и оба его товарища по заключению подтверждали, что обращение с ними в тюрьме третьего рейха было хуже и коварнее, чем физические пытки в болгарских казематах. То, что пришлось пережить им в результате методов Фогта, было непрерывным варварским истязанием с целью сломить сопротивление мужественных людей. И это не преувеличение! Не выдержав такого обращения, Танев даже пытался покончить жизнь самоубийством. Болгарская коммунистическая партия впоследствии строго упрекала его, ответственного работника Центрального Комитета, за такую слабость. Воспользовавшись моментом, когда за ним во время еды не наблюдали, он осколком стекла вскрыл себе вену. Танева спасли только чудом: ведь это не было одним из тех «самоубийств», которые часто инсценировались в нацистских тюрьмах для расправы с арестованными. До такого акта отчаяния Танева, не раз испытавшего на себе пытки в болгарских тюрьмах, довели методы судебного следователя Фогта.

Это была изощренная система мелочных придирок и подлостей, каждодневно рождавшихся в голове судебного следователя. Началось с конфискации денег заключенных. Арестованные — и сам Фогт подтвердил это своим письмом от 8 апреля — имели право получать за деньги продукты из тюремной столовой, покупать табак, овощи и тому подобное; разрешалось и приобретение газет — за исключением, разумеется, коммунистических и социал-демократических. Но чтобы воспользоваться этим правом, арестованным нужны были деньги. У Димитрова при аресте отобрали около 350 марок. В течение всего своего пребывания в тюрьме он непрерывно добивался их возвращения. Безуспешно. Он не получил этих денег даже при освобождении. Поэтому он имел все основания назвать вором не только лично Фогта, но и все германское правительство, поскольку оно несло ответственность за противозаконное лишение его личной собственности. Итак, это право заключенного оказалось фикцией.

Далее, заключенный имел право известить родных и друзей о своем аресте, сообщить о выдвинутых против него обвинениях. Но Димитров поначалу не мог воспользоваться и этим правом. Первое время у него не было денег на марки, а в просьбе разрешить послать письма семье и друзьям за счет тюремной кассы или же вообще без марок Фогт наотрез отказал.

Между тем Димитров, сознавая значение своего ареста для всего международного коммунистического движения, уже в первые дни пытался в подходящей форме известить о своей судьбе товарищей по партии. Он написал письма писателю Анри Барбюсу, депутату французского парламента Марселю Кашену и венскому журналисту Шюллеру. Все эти письма, за исключением письма Анри Барбюсу от 5 апреля 1933 г., администрация тюрьмы отправить отказалась, обосновав это тем, что они содержат «высказывания о предмете следствия». Другие письма также не были отосланы под самыми различными предлогами. Как правило, задерживались администрацией и письма, адресованные самому Димитрову. Более или менее регулярно вручались ему со второго месяца заключения только письма от матери и сестры. В первые недели пребывания в тюрьме Димитров получил письмо и от одной берлинской знакомой, фрау Крюгер, которая узнала о его аресте из расклееных на стенах плакатов. Впоследствии за

это ее арестовали, а после освобождения угрожали концлагерем, если она будет поддерживать переписку с ним.

Но Фогту мало было просто не передавать Димитрову значительную часть адресованных ему писем. О каждом поступившем и неврученном письме Фогт уведомлял Димитрова специальным извещением с указанием отправителя, характера письма или посылки и мнимых причин конфискации. На книжной полке Димитрова росла стопка этих квитанций, которыми следователь, разумеется, хотел вызвать у арестованного вспышки ярости.

Порой это приводило к курьезам. Трудно сказать, как это случилось — то ли благодаря педантизму прусской тюремной канцелярии, то ли какой-то антифашистски настроенный и в душе симпатизирующий Димитрову служащий решил подшутить над Фогтом,— но однажды заключенный получил сообщение: присланная ему из Парижа брошюра не может быть вручена «ввиду угрозы общественной безопасности». При этом указывалось название брошюры. Оно воспроизводило заключительные слова обличительной речи, которую произнес на митинге в защиту Димитрова в Париже французский адвокат Моро-Джиаффери: «Göring, 'incendiaire c'est toi!»— что значит: «Геринг, поджигатель — это ты!»

Родные и друзья слали Димитрову посылки с продуктами, табаком и тому подобными вещами, но все эти посылки были задержаны. Фогт не разрешал передавать Димитрову и бандероли с болгарскими газетами, хотя газеты эти были официозными и даже открыто фашистскими. Но он регулярно сообщал Димитрову и о них.

Как только началось предварительное следствие, Димитров предпринял шаги, чтобы получить учебник немецкого языка. Он предвидел, что ему придется защищать себя главным образом самому, а для этого необходимо совершенствовать знания немецкого языка. Фогт сделал все от него зависящее, чтобы до последнего момента всячески препятствовать осуществлению этого естественного желания. Бесчисленное количество раз повторял Димитров свое требование, но господин советник Имперского суда ни разу не удостоил его своим ответом. Однако действия его практически не давали Димитрову возможности получить немецкую грамматику.

Тому, кто живет на свободе, все это может показаться мелочами. Но для заключенного, у которого нет иных

связей с внешним миром, с жизнью по другую сторону тюремной стены, а тем более для такого человека, как Димитров, для которого все эти кажущиеся мелочи являлись предпосылками осуществления его больших политических целей, подобные придирки превращались в истинную пытку.

Однако в разработанной Фогтом системе психического изматывания заключенного имелось и еще одно средство — оно уже прямо относилось к числу физических пыток.

С 4 апреля по 31 августа руки Димитрова днем и ночью были закованы в кандалы. Их снимали или немножко ослабляли только на несколько минут для еды или для раздевания перед сном или одевания после подъема. В дальнейшем, после попытки самоубийства Танева, Димитрова иногда расковывали на час-два в день, но приставляли к нему специального надзирателя.

В зависимости от настроения тюремщика кандалы с большей или меньшей силой врезались в руки Димитрова. Очень часто, особенно по ночам, они жали так, что руки немели. Днем и ночью запястья обеих рук оставались прикованными друг к другу, что исключало возможность даже обычных движений. Случалось, особенно в первое время, что Димитров сидя, стоя или лежа делал какой-нибудь непроизвольный жест, не допускавшийся наручниками, и тогда они впивались в тело, причиняя неимоверную боль. Это бывало большей частью во сне. За все пять месяцев пребывания в тюрьме Димитров не спал по-настоящему ни одной ночи. Он постоянно просыпался: то неосторожное движение вызывало боль, то немела одна из рук. Даже долгое время после освобождения у него все еще сильно болели пальцы, особенно правой руки.

6 июня после долгой борьбы Димитров получил наконец экземпляр Уголовно-процессуального кодекса. Из него он узнал, что «заключенный может быть закован в кандалы в тюрьме лишь в том случае, если вследствие особой опасности его личности это окажется необходимым *для безопасности других или если он предпринимал или подготовлял попытку к самоубийству или к побегу*» [1]. Ни один из этих случаев не подходил к нему. Тем не

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 52.

менее все протесты Димитрова, добивавшегося отмены этой явно противозаконной меры, отклонялись Фогтом со стереотипной формулировкой: «В вопросе о кандалах никакие изменения в настоящий момент невозможны».

Позднее Димитров узнал, что даже заключенных, приговоренных к смертной казни, заковывают в кандалы только на ночь. Поэтому в письме судебному следователю от 26 июля он потребовал, чтобы с ним обращались по крайней мере не хуже, чем со смертником. Ответ, полученный 29 июля, вновь гласил: «...В вопросе о кандалах никакие изменения в настоящий момент невозможны» [1].

В начале августа Димитрову вручают обвинительный акт. Димитров со всей энергией готовится к защите. Он снова обращается к судебному следователю с требованием, чтобы с него в связи с необходимостью писать материалы для своей защиты снимали наручники в течение нескольких дней хотя бы на несколько часов. Он пишет об этом и своему тогдашнему официальному защитнику д-ру Тейхерту. Ответа от адвоката нет. Каждый день Димитров посылает новое письмо по тому же вопросу. Только 28 августа Тейхерт наконец отвечает: «Нельзя ожидать, что они (кандалы.— *Ред.*) будут сняты, но смягчение, пожалуй, возможно» [2].

И лишь 28 августа Имперский суд принимает решение: «Наложение кандалов на обвиняемых Торглера, Димитрова, Попова отменяется. В отношении обвиняемых Ван дер Люббе и Танева ранее отданное распоряжение остается в силе ввиду имевших место со стороны Ван дер Люббе нападений на служащих следственной тюрьмы, а также со стороны Танева попытки совершить самоубийство. В случае снятия с обвиняемого кандалов надлежит посредством усиленного надзора предотвращать возникновение опасностей, указанных в § 116, отдел 4-й Уголовно-процессуального кодекса».

Это распоряжение вступило в силу 1 сентября. Оно явилось непосредственным результатом письма, посланного Димитровым Ромену Роллану. Димитров написал его 24 августа — после того, как из одного номера газеты «Дейче альгемейне цейтунг» узнал о полемике, развернув-

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 56.
[2] Там же, стр. 214.

шейся в печати между Роменом Ролланом и верховным прокурором д-ром Вернером. Письмо содержит резкую критику обвинительного акта и протест против содержания в ручных кандалах. IV Уголовный сенат Имперского суда, который осуществлял контроль за перепиской Димитрова, не решился запретить отправку этого письма знаменитому писателю-гуманисту, которого знали и любили широкие народные круги Германии. Испугавшись скандала, судьи поэтому и решили прекратить истязание Димитрова. Но они потребовали от него приписать к письму, что решением суда кандалы отменены. Из этого письма, которое Ромен Роллан тотчас же передал печати, весь мир впервые узнал, что Димитров пять месяцев провел в заключении с закованными руками.

Вот какой режим установил господин Фогт для болгарских заключенных! Физически их не истязали, если только не говорить об ударах по лицу, которые Танев и Попов получили в первые дни, а также о пинках и толчках, которыми полицейские награждали заключенных при доставке на допрос. Тем изощреннее были психические и моральные пытки, при помощи которых Фогт хотел «вразумить» невинных обвиняемых, превратить их в послушные орудия нацистской провокации. Но своей цели он не добился. Ему удалось сделать покладистым лишь слабохарактерного Торглера. И если он сумел сбить Попова и Танева с коммунистической линии политической защиты, то в отношении Димитрова его метод потерпел полный провал в результате той необычайной энергии и проницательности, с какой этот выдающийся революционер противодействовал всем физическим и психическим истязаниям.

Димитров проникся глубоким сознанием ответственности перед мировым коммунистическим движением. Он считал первостепенной задачей, если дело дойдет до процесса, своим выступлением и поведением на суде сорвать преступный замысел нацистов против рабочего движения. Не исключено было и другое: что в последний момент нацисты откажутся привлечь его к процессу по делу Ван дер Люббе и предпочтут тайно осудить болгар на длительное заключение или же вообще без всякого суда годами держать в тюрьме. Если случится это, он хотел выйти на свободу не инвалидом или сломленным человеком, а с возросшей энергией и приумноженными знаниями, чтобы

вернуться в боевой строй и снова занять свое место в рядах борцов против фашизма.

В любом случае он должен был не поддаться методам Фогта.

Поставив перед собой эту цель, Димитров не ограничился только тем, что старался как можно быстрее приспособиться к тюремным условиям и оказывал постоянное упорное сопротивление мерам Фогта в рамках положенных арестованному прав. Он установил для себя свой распорядок дня, которого строго придерживался, обдуманно чередуя умственный и физический труд. Из того малого, что имелось в его распоряжении в четырех стенах тесной камеры, он создал себе, насколько возможно, хоть какую-то замену тому, что было необходимо ему для нормальной жизни, если подходить к ней с привычными для него критериями.

А критерии эти были очень высоки. Димитров всегда был человеком с необычайно разносторонними интересами, а отнюдь не только политическим деятелем. Или, вернее, он был политическим деятелем в том высоком смысле слова, который придал этому понятию марксизм-ленинизм. Для пролетарского революционера политика — это не то, что понимают под нею в условиях капиталистического общества: более или менее мелкие и грязные комбинации и махинации в рамках лживой буржуазно-парламентарной системы и ее партий. Для революционера-коммуниста политика — это искусство использовать мощь пролетарского массового движения в процессе общественной жизни во всех ее проявлениях, чтобы помочь победе исторической закономерности, ведущей к созданию социалистического общества. Для этого революционный политик должен хорошо знать все формы общественной жизни вплоть до самых мелких ее разветвлений, быть знакомым с нравами и привычками, наукой и искусством, понимать их, должен осознавать происходящие процессы и правильно учитывать их в стратегии и тактике единственного последовательно революционного класса — пролетариата, для мобилизации народных масс на борьбу против эксплуататорского строя.

Бывший печатник, ставший профсоюзным функционером, крупным партийным деятелем и руководителем масс, Георгий Димитров всегда именно так и понимал политику. Он вырос в передового общественного борца мирового

масштаба и в процессе своего политического развития не только приобрел обширные познания во многих областях науки и культуры, но и выработал в себе свое глубоко личное отношение к высоким творениям человеческого духа.

Находясь на свободе, Димитров не только «делал политику», не только учился и работал. Он щедро любил жизнь, восхищался красотой природы, наслаждался искусством, и особенно музыкой. Здесь, в тюрьме, он был лишен всех этих радостей жизни. Но отнять их у него не мог никакой Фогт.

У живого и жизнерадостного человека, обладающего разносторонними интересами, одиночество тюремной камеры до предела обостряет все чувства. Он гораздо внимательнее и вдумчивее, чем обычно, наблюдает за мельчайшими событиями своей унылой тюремной жизни и учится находить в них отраду. Не случайно в письмах Розы Люксембург и Карла Либкнехта из заключения такое большое место занимают наблюдения за природой и живыми существами. И для Димитрова проникавшие в его камеру отзвуки живой природы тоже как-то скрашивали одиночество тюремной жизни.

К счастью, в тюрьме Моабит была весьма неплохая библиотека. Даже и после произведенной в мае 1933 г. «чистки» от «враждебной государству» литературы в ней все-таки оставалось еще достаточно много книг, интересовавших Димитрова. Он довольно быстро добился разрешения брать книги из тюремной библиотеки и с тех пор пользовался ими в таком объеме, что приводил в удивление библиотекаря и надзирателей. Очевидно, Фогт не придавал значения этой стороне тюремного режима, а может быть, слишком полагался на основательность произведенной «чистки» библиотеки. Во всяком случае, ему и в голову не могло прийти, что даже из стихов Гете и строк Шекспира революционер сможет выковать себе оружие против фашизма, как это сделал Димитров. Предусмотрительной фашистской администрации тюрьмы следовало бы изъять из библиотеки для политических заключенных все великие произведения мировой литературы как «враждебные государству».

В библиотеке Моабитской тюрьмы имелось много произведений немецких писателей и поэтов. Разумеется, за исключением Гейне и лучших представителей современной

немецкой литературы. Кроме того, были и произведения классиков мировой литературы — Гомера, Софокла, Данте, Сервантеса, Шекспира, Байрона, Диккенса — частью в подлиннике, частью в немецких переводах. Димитров воспользовался случаем прочитать десятки этих книг. Читал он их для удовольствия, но читал глазами борца-антифашиста.

Однако изучение той научной литературы, которую Димитров брал из тюремной библиотеки, полностью подчинено было подготовке к предстоящей на процессе борьбе.

За последние годы, проведенные им в эмиграции, он, став политическим публицистом, научился систематически работать с научной литературой. Его еще с ранней юности тянуло к книгам. Но из-за недостатка денежных средств ему пришлось рано покинуть школу. Он избрал профессию печатника, чтобы не расставаться со своими любимыми книгами.

Только вынужденный досуг в годы эмиграции и стремление основательнее понять проблемы балканской и мировой политики позволили ему выработать в себе навык к планомерной научной работе. Живя в Берлине, он каждую неделю проводил много часов в университетской библиотеке. Плодом этих занятий явилась объемистая рукопись по истории рабочего движения на Балканах, пропавшая при аресте. Способность к научной работе теперь пригодилась ему.

Особый интерес Димитрова уже давно привлекала к себе история. Поэтому он затребовал из тюремной библиотеки преимущественно исторические труды. Он хотел использовать выпавшее ему, помимо его воли, «свободное время» для того, чтобы, обратившись к изучению германской истории, глубже проникнуть в исторические причины возникновения фашизма в Германии. С этой целью он за время своего пребывания в Моабите проштудировал около 7000 страниц литературы по истории Германии. То были по большей части труды историков националистического толка — Шефера, фон Гофмана, фон Зибеля, Гольфельда. Но Димитров сумел извлечь полезное для себя и из их сочинений.

Димитров занялся также всемирной историей и историей войн. Насколько позволяла имевшаяся литература, он освежил в памяти свои знания по философии и, кроме

«Истории философии» Мессера, прочел труды Канта и Гегеля, а также ряд работ по философии культуры.

Тюремный библиотекарь каждый раз получал от Димитрова длинные списки литературы. Сначала он требовал популярные обзорные труды, названия которых знал еще раньше. Затем из библиографических указателей этих трудов он выбирал нужные книги. Далеко не все он получил, но все-таки сумел прочитать многие нужные книги.

Димитрова очень интересовал еще один род «литературы»: «труды» национал-социалистских авторов. Уж их-то библиотека имела в избытке, особенно после распоряжения о тюремных библиотеках от мая 1933 г.! К тому же и библиотекарь не видел никаких причин, почему бы не выдавать их заключенному. «Майн кампф» Гитлера и геббельсовскую «Борьбу за Берлин» Димитров изучал тщательно: он руководствовался мыслью, что противника надо знать как можно лучше. Это чтение тоже во многом помогло ему выработать правильную тактику своей борьбы на суде.

Занимался Димитров со всей основательностью. Книги менял еженедельно по вторникам, когда происходила выдача. На каждую неделю Димитров намечал себе точный план, что надо прочесть и проработать. За редким исключением, он просиживал над книгами с девяти часов утра до девяти часов вечера. Чтение прерывалось только для еды и писания писем. Таким образом, он каждый день читал и работал часов десять. Если к концу недели он замечал, что при таком темпе не успеет справиться с книгами до вторника, в последние оставшиеся дни — воскресенье и понедельник — работал интенсивнее. Очень редко Димитров сдавал книги, не выполнив намеченного плана.

В процессе чтения Димитров всегда делал заметки, выписывал из книг целые куски и снабжал эти выдержки своими комментариями. Димитров не ограничивался лишь чтением и выписками, а старался осмыслить прочитанное и использовать его. При этом он думал не только о предстоящем процессе, но и о рабочем движении Германии.

Изучение всемирной истории укрепило его в мысли, как важно для пролетарского революционера, для марксиста знание исторического развития во всех его взаимо-

связях. Но он по собственному опыту знал, как мало у активных деятелей революционного движения времени и возможностей для такого изучения истории. У него возникла идея составить хронологическую таблицу, в которой последовательно указывались бы и кратко комментировались важнейшие исторические события.

Вооруженный пополненными и вновь приобретенными знаниями, Димитров приступил к составлению такой таблицы, начав с самых древнейших времен, и довел ее до 1871 г. Дальнейшие события вплоть до новейшего времени он успел только выписать на отдельных листках. Сделанные им выписки составили несколько тетрадей из числа тех, в которые он вносил свои заметки во время ареста. Тетради эти — свидетельство огромной работы арестованного революционера.

Серьезные научные занятия Димитров любил чередовать с шуточными. Так, например, в какой-то легковесной книжке он наткнулся на утверждение, будто все знаменитые люди родились в среду. Это якобы зависит от звезд. Что за дурацкая теория! Ему было весело доказать всю нелепость утверждения. Читая различные книги, он стал выписывать даты рождения самых знаменитых людей нового времени, а затем при помощи так называемого «вечного календаря», который он нашел в книге «Рекламс практишес виссен», установил, на какие именно дни недели приходились эти числа. Оказалось, что из длинного списка знаменитых людей ни один не родился в среду!

Так Димитрову удалось превратить свою камеру в рабочий кабинет. Чтение художественной и научной литературы, серьезные занятия и отдых — все это помогало ему воздвигнуть неприступный вал против всех попыток Фогта вывести его из душевного равновесия. Для тюремной администрации поведение Димитрова было бельмом на глазу, но ничего поделать она не могла. Поступки его не выходили за рамки тюремного режима.

Но однажды администрация тюрьмы все же смогла дать выход своей злобе. Димитров только что в который уже раз заявил жалобу по вопросу о кандалах. Запястья его были изранены. В ответ на письмо в камеру явился высокий чиновник из тюремной администрации, чтобы проверить жалобу. В разговоре с ним Димитров особенно резко протестовал против бесцельного стягивания наручников, причинявшего ему невыносимую боль.

Чиновник с раздражением ответил:

— Само собой разумеется, в тюрьме вам и положено испытывать боль. Здесь вам не личный кабинет!— и он указал на книги и тетради.— Вы ведь не дома! Да, боль неизбежна.

Боль от наручников продолжалась. Но и она не могла помешать Димитрову работать.

Среди бумаг, которые Димитрову удалось захватить с собой при высылке из Германии,— целая стопка тетрадей и отдельных листков. Всего страниц 400—500. В этих тетрадях, на этих листках — результаты работы Димитрова в тюрьме. Подавляющую часть их Димитров написал закованными руками! Каждая строка, каждая буква стоила страданий. Даже и сегодня можно сказать по почерку, на каком листке он писал скованными, а на каком — свободными руками.

Среди бумаг Димитрова имеется черновик письма, которое он 16 августа 1933 г. написал своей пражской знакомой г-же Розе Флайшман. Некоторые строки из этого письма дают представление о глубоких переживаниях Димитрова, о его настроении:

«Я стараюсь, насколько это возможно, использовать время пребывания в тюрьме и уже несколько месяцев занят главным образом тем, что более подробно изучаю историю Германии. Эти занятия очень интересные и поучительные и при этом ясно показывают связь между прошлым немецкого народа и современными событиями в Германии, касающимися всего мира. Они помогают правильно понять эти события и их преходящий характер, позволяя рассматривать их во многих отношениях как рецидив прошлого.

Мне лично, естественно, нелегко. Часто я чувствую себя, как *связанная птица*, у которой есть крылья, но она не может ими воспользоваться.

Я часто вспоминаю остроумные стихи Байрона:

«Ich bin hilflos, als der Teufel wünschen kann:
Mich zu verdammen, ist nicht mehr Gewinn,
Als einen Fisch ans Land zu ziehen, der an der Angel hängt,
Ein Lamm zur Schlachtbank hinzuführen, das dem Fleischer nicht entrann.
Doch pass' ich schlecht zu so erhabener Kost
Und sehne mich noch wenig auf den Rost» *

---

* «Я так беспомощен, как только может пожелать сам черт:

А иногда, когда мне особенно тяжело, я тихо напеваю знаменитое стихотворение Гете:

«Feiger Gedanken,
Bängliches Schwanken,
Weibisches Zagen,
Ängstliches Klagen,
Wendet kein Elend,
Macht Dich nicht frei!
Allen Gewalten zum Trotz sich erhalten,
Nimmer sich beugen, kräftig sich zeigen,
Rufet die Arme der Götter herbei!»*

И особенно утешает меня превосходный афоризм Гете:

«Gut verloren — etwas verloren,
Ehre verloren — viel verloren,
Mut verloren — alles verloren!»**

Да, так вот — смелость, смелость, всегда смелость! На всех парах вперед — несмотря ни на что!

Мысленно я часто бываю в Вене и ее окрестностях — от Аугартена через Каленберг, Кирлинг, Херманскогель, Гринцинг (попугай «Дора»), Пратер, Веслау, Вахау, Кремс (огромная монастырская библиотека), широкий Дунай, Диану, Унион, Баден и т. д. до Клостернойбурга (который для меня — как вторая родина!).

Между тем 8 мая после многолетней неизлечимой болезни умерла моя жена. В последние годы она, бедная, жила и умерла, как *истинная мученица*! Теперь моя сестра соберет ее стихи и издаст их, что будет самым хорошим памятником ей.

Желаю Вам всего доброго, с наилучшими пожеланиями!

Г. Димитров»[1].

Им уже ничего не стоит вытащить меня на сушу, как попавшую на удочку рыбу,
Или, как ягненка, который не сумел спастись от мясника потащить на бойню.
Но я не очень-то подхожу для такой изысканной трапезы
И еще меньше желаю попасть на сковороду».

(Перевод стихов дан по книге «Лейпцигский процесс».— *Прим. ред.*)

* «Трусливые мысли, боязливое колебание, женская робость, боязливая жалоба *не избавят тебя от нищеты и не сделают свободным*! Устоять вопреки насилию, *никогда не сгибаться, быть сильным*,— вот о чем бедные взывают к легиону богов!»

** «Богатство потерять — немного потерять,
Честь потерять — много потерять,
Мужество потерять — все потерять!»

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 58—59.

Упорная и успешная малая война, которую заключенный камеры № 47, тогда еще не известный миру, вел в тюрьме против попыток злобного и ограниченного судебного следователя морально сломить его, показывает величие духа и энергию Димитрова, которые он еще более ярко продемонстрировал своим поведением на Лейпцигском процессе.

Позорный документ

1 июня 1933 г. Фогт объявил предварительное следствие законченным.

Перед Димитровым встали новые вопросы.

Что дальше?

В чем его обвинят?

Состоится ли процесс?

Устроят ли ему и его товарищам по партии отдельный процесс или же предадут суду вместе с Ван дер Люббе?

Вполне можно представить себе то напряженное состояние, в каком находились Димитров и его товарищи в последующие месяцы и недели.

Фогт явно потерял надежду добиться от Димитрова хоть чего-нибудь, что могло бы подкрепить построенное на лжи обвинение. Но с тех пор Димитров лишился возможности составить себе более подробное представление о намерениях фашистов, хотя именно он и должен был стать главной фигурой процесса. Ему ни разу не устроили очной ставки ни с одним из обвиняемых, ни с одним из тех свидетелей обвинения, которых против него готовили. Не было ему ничего известно и о том, какие показания дали Ван дер Люббе, Торглер и соотечественники. Настоящего конкретного обвинения ему предъявлено так и не было. То же, что он смог уловить из вопросов и намеков Фогта, было сконструировано так неуклюже и глупо, что Димитров все меньше считал возможным, чтобы органы обвинения воспользовались подобными «открытиями» судебного следователя. Однако Фогт проявлял такую уверенность и высказывал свои нелепые предположения тоном такой твердой убежденности, что трудно было принять все это только за обманные приемы следствия с целью просто взвинтить обвиняемого и заставить его заговорить.

Короче говоря, предвидеть, что будет дальше, было трудно.

Напряжение Димитрова росло и потому, что именно в эти месяцы, после окончания предварительного следствия, произошел ряд событий, подвергших его терпение тяжелому испытанию.

Продолжались таинственные «представления» его каким-то неизвестным лицам.

Перестали приходить письма от родных и знакомых. Почему они больше не пишут, почему замолчали?

Замолк вдруг и адвокат, с которым Димитров, хоть и изредка, поддерживал контакт. Защитник не являлся на условленные свидания. Письма к нему оставались без ответа. В довершение всего Димитрову пришлось провести в тюрьме свой день рождения, и это еще сильнее заставило его почувствовать всю тяжесть заключения.

Дневниковые записи тех дней говорят об определенном возбуждении, которое овладело заключенным, несмотря на все его усилия.

«*Пятнадцатое воскресенье.* Тяжело. Грустно. На улице чудесная погода. Об этом можно только догадываться»,— записано 9 июля.

«Пятнадцатое июля, от адвоката Вилле опять ничего. Мое терпение подвергнуто тяжелому испытанию».

«23 июля. Семнадцатое воскресенье в Моабите. Хуже, чем сидеть летом в тюрьме,— только смерть!»

Лишь 28 июля ситуация наконец начала проясняться. В одной из газет Димитров прочел заявление, сделанное фашистским министром юстиции Франком в Мюнхене: «Процесс против Ван дер Люббе состоится в конце ноября или начале декабря. Иностранные защитники допущены не будут».

Известие это произвело на Димитрова двойственное впечатление. С одной стороны, оно давало надежду, что дата начала процесса наконец определена. Это было утешением, хотя, если верить сообщению, до суда оставалось еще по меньшей мере четыре месяца.

С другой стороны, заявление Франка разрушало только что возникшую надежду: незадолго до того болгарский адвокат Дечев сообщил, что готов принять на себя его защиту, и Димитров сразу предоставил ему полномочия. Значит, Дечева на процесс не допустят?

Насколько же велико было удивление Димитрова, когда на следующий день, 29 июля, он обнаружил в газете «Берлинер фольксцейтунг» известие, совершенно противоречащее первому. В нем говорилось, что, по сообщению из Лейпцига, вручение обвинительного акта «по делу Ван дер Люббе» состоится на днях и что IV Уголовный сенат Имперского суда уже назначил обвиняемым официальных защитников.

Чему же верить? Сообщению Франка или заявлению компетентного органа — Имперского суда? И против кого именно будет выдвинуто обвинение? По-прежнему ли намерены считать Димитрова и его соотечественников «сообщниками Ван дер Люббе»?

Но вот 31 июля из Имперского суда в Лейпциге приходит письмо. Адресовано Димитрову, Попову и Таневу — как «обвиняемым по делу Ван дер Люббе». Так, ясно!

Письмо извещало, что 25 июля IV Уголовный сенат решил назначить официальным защитником трех болгар д-ра Тейхерта. На следующий день пришло письмо и от самого Тейхерта. Адвокат сообщал, что обвинительный акт обвиняемым «будет вручен предположительно в середине следующей недели». Он рекомендовал Димитрову заранее обдумать, какие предложения о представлении доказательств он желает сделать.

3 августа заключенным действительно вручили обвинительный акт. Теперь все сомнения исчезли. Дело вступает в новую фазу. Надо готовиться к процессу.

Первым чувством, которое вызвал у Димитрова обвинительный акт, было любопытство. Интересно, как после столь нелепого и бессодержательного предварительного следствия верховная прокуратура попытается доказать и его собственную вину, и вину его товарищей по несчастью?

Димитров откладывает все в сторону и углубляется в чтение пространного документа. Чем дальше он читает, тем больше любопытство сменяется возмущением и гневом. Разбойничий роман, да и только! Порой Димитров глазам своим не верит. Нет, все это написано черным по белому! Прочтя, Димитров принялся делать выписки из текста обвинительного акта, сопровождая их своими комментариями. Эти выписки, которыми Димитров заполнил одну из рабочих тетрадей, говорят о его возму-

щении низостью составителей позорного документа. Мы неоднократно встречаем в его записях такие эпитеты и выражения: «Бандит!», «Ох, идиот!», «Вершина подлости!» Иногда в них проскальзывает уничтожающий юмор Димитрова. Например, обвинение в том, что он физически способствовал действиям других обвиняемых (между тем как именно в эти дни он находился в Мюнхене!), Димитров комментирует так: «Вероятно, посредством воздушных волн?!»

При иных обстоятельствах изучение этой писанины доставило бы Димитрову немало веселых минут — ведь то был документ не только беспредельной подлости и демагогии, но и немыслимой глупости. Но сейчас Димитрову было не до размышлений насчет умственных способностей нацистских обвинителей. Речь шла совсем о другом. Готовится преступление, готовится гнусный удар по Коммунистической партии Германии, по всему международному коммунистическому движению, не говоря уж о самих обвиняемых, которых этот обвинительный акт вел на эшафот.

Обвинительный акт был не только вызовом на бой, он одновременно обнажал стратегию и тактику врага; вот с этой-то точки зрения Димитров и стал тщательно изучать его.

Уже начальные страницы выдавали стратегическую цель: процесс должен вестись не против отдельных лиц, а против коммунизма. Первый раздел первой части обвинительного акта, освещавший «обстоятельства жизни обвиняемых, их биографические данные, а также их политические взгляды и деятельность», был целиком посвящен главному обвиняемому — голландцу Маринусу Ван дер Люббе и явно преследовал цель сделать из него члена Коммунистической партии. Но, поскольку Ван дер Люббе, как известно, таковым не был, обвинительный акт допускал сознательные передержки и ложь.

Данные о молодом голландце-каменщике опирались в основном на «тщательное расследование», которое произвел в Голландии специально посланный туда комиссар уголовной полиции Гейзиг. Он ссылался, в частности, на показания, которые якобы дали ему два земляка Ван дер Люббе — анархист по имени Ван Альбада и Гос Финк. Так, Ван Альбада заявил, что хотя Ван дер Люббе по его собственному совету и вышел из рядов Коммунисти-

ческой партии Голландии, но тем не менее якобы продолжал выполнять ее задания. Финк будто бы подтвердил эти показания.

Раздел, посвященный Ван дер Люббе, заканчивался словами: «О том, сколь большую заинтересованность проявляет и сейчас Коммунистическая партия Голландии по отношению к обвиняемому Ван дер Люббе, видно из того, что после его ареста к Финку в Лейден явился уполномоченный партии и забрал у того паспорт, а также дневник обвиняемого с явной целью уничтожить эти важные улики, которые предположительно могли скомпрометировать партию».

Лживость этих утверждений была разоблачена еще до процесса. Гос Финк письменно зафиксировал, что никогда не делал подобных заявлений. Так называемый дневник Ван дер Люббе, забранный у Финка вовсе не членом Коммунистической партии Голландии, а приверженцем незначительной полуанархистской группы «Раден-коммунистов», был опубликован в «Красной книге», которая от первой до последней буквы была направлена против компартии и Коминтерна.

Еще ничего не зная об этих заявлениях, Димитров, однако, сразу же увидел, что доказательства шиты белыми нитками, и распознал намерения, которые возлагались обвинителями на эти передержки. С подобными методами он достаточно хорошо был знаком и по собственному опыту.

Обвинители работали слишком грубо. Они допускали, например, явную ложь даже в изложении биографических данных подсудимых. Так, например, утверждалось, будто Торглер, которому предназначалась роль главаря поджога, в 1923 г. был членом пожарной комиссии, а поэтому знаком с пожарными работами. Попов изображался непосредственным поджигателем, а посему в его биографии сразу же «обнаружилось», что когда-то он работал в химической лаборатории!

А затем следовал сущий уголовный роман. Действие его начиналось в Нейкельне — берлинском пригороде, издавна известном как оплот коммунистов. О событиях, которые якобы разыгрались 22 февраля в этом «гнезде большевизма» и в ходе которых был задуман план поджога, поведал некий Панкнин — человек без определенных занятий и с довольно темным прошлым, но зато с «феноменальной» памятью.

Панкнин подробно рассказал, о чем будто бы говорили в тот день между собой безработные (разумеется, большинство из них — коммунисты!), стоявшие в очереди у дверей биржи труда в ожидании пособия. Так о чем же говорили эти коммунисты? Ясное дело, о том, что необходимо, пока не поздно, немедленно совершить революцию! Надо поскорее поджечь рейхстаг, дворец и еще кое-какие правительственные здания. Вдруг среди них появляется один иностранец, бродяга-голландец, каменщик Ван дер Люббе. Берлинские коммунисты, конечно, тут же посвящают его в свои планы, а он сразу соглашается и говорит примечательные слова: «Так тому и быть». Слова эти — «So muscht komme»— он произнес на ломаном немецком языке, а составители обвинительного акта сразу же сочли их безупречным голландским языком и поспешили внести в свой захватывающий детектив. Потом Ван дер Люббе спросил у какого-то незнакомого нейкельнского безработного адрес ЦК Коммунистической партии Германии, показав ему красную книжечку, которая, как утверждалось в обвинительном заключении, «вероятно, была членским билетом Коммунистической партии». Иностранец удалился, а «коммунистические заговорщики» продолжили свое совещание; один из них, Биге, воскликнул: «Парень что надо, сможем его использовать!»

Все это и рассказал Панкнин — человек с «феноменальной» памятью, которая сразу изменила ему на процессе, как только пришлось припоминать свое темное прошлое.

Судебный следователь был, разумеется, вынужден допросить указанных нейкельнских безработных. Все они без исключения отрицали эти беседы. Тем не менее обвинительный акт не только продолжал утверждать свое, но и добавлял, что «показания свидетеля Панкнина следует положить в основу для определения содержания бесед, которые велись у биржи труда в Нейкельне».

А тем временем голландец Ван дер Люббе, говорилось в обвинительном акте, продолжал бродить по улицам германской столицы. Побывал дома у нескольких нейкельнских рабочих, посидел в пивнушке некоего Шлаффке, а потом переночевал в ночлежке на Александриненштрассе.

И вот 25 февраля он приступил к осуществлению своего дьявольского плана, который — тут и сомневаться нечего! — был разработан немецкими коммунистами. Дальше только поспевай удивляться: он купил спички

и угольные разжигалки и, хотя на дворе стояла зима, стал бросать их то на покрытую снегом крышу ночлежки в Нейкельне, то в случайно оказавшееся открытым подвальное окно берлинской ратуши, то на чердак дворца, до которого добрался по строительным лесам. Пожаров, правда, никаких не возникло, зато преступное намерение доказано!

Тут повествование делало преогромный скачок. Сочинители с мастерством настоящих романистов вели заинтригованного читателя прямо на место главного преступления — к пылающему рейхстагу, подробно описывая, как был обнаружен пожар. Следовали драматические сцены с участием нескольких десятков действующих лиц. Одни видели в окнах рейхстага факелы, другие стреляли по злоумышленникам, третьи карабкались по стенам, четвертые бежали в полицейский участок, пятые видели каких-то подозрительных лиц, убегавших из здания через двери, которые, как удалось потом доказать, были в это время заперты, а кто-то ворвался в горящий рейхстаг и обнаружил там Ван дер Люббе. Под конец на сцене появились Геббельс, Геринг и Гитлер, чтобы, не сходя с места, изречь, что поджог могли совершить только коммунисты. Все это было так закручено, что распутать искусственно созданную путаницу не удалось бы даже и в ходе судебного разбирательства.

Потом обвинительный акт снова переходит к Ван дер Люббе, который якобы подробно рассказывает, как он готовился к этому гигантскому поджогу и как осуществил его. Но если описанию обнаружения пожара обвинительный акт посвящал добрых тридцать страниц, то события целых двух дней — 26 и 27 февраля — излагались всего на каких-то двух страницах. Согласно этой версии, Ван дер Люббе из Берлина поехал в Шпандау, оттуда — в Геннингсдорф, где переночевал с 26 на 27 февраля в полицейском участке, а затем сразу же направился обратно в Берлин, прямо к рейхстагу — поджечь его.

Это место обвинительного акта навело Димитрова на размышления. Ведь все это было для него совершенно ново. В течение пяти месяцев, проведенных в тюрьме со дня ареста, он не имел ни малейших сведений о результатах предварительного следствия и особенно о Ван дер Люббе. То, что Димитров прочел сейчас в обвинительном акте, было чистейшей фантазией; такие «фанта-

зии» ему знакомы. Но именно здесь, где приводились данные о самом Ван дер Люббе, он сразу почувствовал: тут что-то есть! Сквозь завесу лжи проскальзывала искра правды. Возьмем, к примеру, такую примечательную фразу: «Однако это показание (самого Ван дер Люббе о том, почему утром 26 февраля он отправился в Шпандау.— *А. К.*) не внушает доверия. В данной связи заслуживает внимания, что полиция секретным путем получила донесение о том, что в Шпандау сходились нити дела Ван дер Люббе».

Итак, на основании «секретных донесений», то есть, иначе говоря, сведений, полученных от шпиков, полиция напала в Шпандау на важный след. Но почему-то затем этот важный след исчезал из обвинительного акта!

Далее, в обвинительном акте, правда всего в двух строках, упоминалось, что ночь перед поджогом Ван дер Люббе провел в предместье Берлина Геннингсдорфе в полицейской ночлежке, познакомился там с двумя бродягами и долго разговаривал с ними. Но, как ни странно, разыскать этих двух бродяг не удалось! Да и полицейских из геннингсдорфского участка тоже не допросили, хотя Ван дер Люббе и провел у них последнюю, решающую ночь перед поджогом.

И, наконец, как утверждалось, Ван дер Люббе утром, в полдевятого, покинул Геннингсдорф и пешком отправился в Берлин. Хорошему ходоку, чтобы проделать этот путь, требуется три часа, но уже в девять один из свидетелей будто бы видел Ван дер Люббе в центре города: тот спросил у него дорогу... в советское посольство!

Нет, концы с концами явно не сходятся, обвинительный акт определенно пытается скрыть здесь что-то такое, что могло бы сыграть решающую роль в обнаружении истины!

Димитров читает дальше.

Теперь идет подробное изложение показаний непосредственно о поджоге, которые сам Ван дер Люббе дал на предварительном следствии: как он забрался в рейхстаг, как двигался внутри здания, какими средствами пользовался, чтобы разжечь пожар. Если верить обвинительному акту, Ван дер Люббе был прекрасно знаком со зданием рейхстага и утверждал, что действовал один. Он назвал все помещения, через которые проходил к месту поджога, и указал, что именно в них делал.

Например, Ван дер Люббе уверял, что в почти полностью сгоревшем зале пленарных заседаний — главном очаге пожара — он поджег только занавес. Но тут обвинительный акт, принимавший до того все без исключения показания Ван дер Люббе за чистую монету, вдруг становился на иную точку зрения, утверждая, что за три минуты, которые, по данным самого Ван дер Люббе, имелись в его распоряжении с момента поджога занавеса до обнаружения пожара, огонь никак не мог охватить зал пленарных заседаний, ибо в нем не было легко воспламеняющихся предметов. Допустить же, чтобы в течение трех минут от горящего занавеса загорелись скамьи для депутатов и стенные панели, невозможно. Таким образом, утверждали составители обвинительного акта, пожар в зале пленарных заседаний был подготовлен другими лицами, причем многочисленными. Тем более сам Ван дер Люббе показал, что жидкого горючего у него не было, а имелись только угольные разжигалки. Базируясь на заключении судебного эксперта д-ра Шатца, согласно которому «пожар в зале пленарных заседаний был вызван применением легко воспламеняющейся и оставляющей сильную копоть жидкости», обвинительный акт делал следующий вывод: «Таким образом, на основании приведенных выше данных относительно способа возникновения и распространения пожара в зале пленарных заседаний вытекает, что при осуществлении поджога рейхстага обвиняемый Ван дер Люббе должен был иметь каких-либо *сообщников*».

Так вот где собака зарыта!

С утверждением, что Ван дер Люббе совершил поджог не в одиночку, Димитров был вполне согласен. Но вот кто же они, эти сообщники?

Поначалу обвинительный акт обходил этот вопрос, а сразу обращался к другому щекотливому вопросу: как эти соучастники могли проникнуть в здание рейхстага? Ведь, как утверждали свидетели и как показал сам Ван дер Люббе, он пробрался туда один. Все входы в рейхстаг, за исключением пятого подъезда, через который, однако, как установлено, никто не входил, были заперты. Правда, имелся и еще один ход в рейхстаг — подземный. Он пролегал под улицей и вел в расположенное напротив здание, в котором жил председатель рейхстага Геринг. Просто-напросто умолчать о подземном

ходе обвинение не могло — об этом уже заговорила иностранная печать.

«Расследование» показало, что ночной вахтер дома председателя рейхстага Аберман в течение последних трех недель перед пожаром «неоднократно слышал по ночам шаги в подземном ходе, но не имел возможности установить, кому они принадлежали». Опасная констатация! Потому обвинительный акт сразу же добавлял: «Установлено, однако, что нет никаких оснований предполагать, будто звуки, которые слышал свидетель Аберман, могут иметь какое-либо отношение к пожару рейхстага».

Совесть обвинителей была явно нечиста. Об этом еще отчетливее говорили показания другого свидетеля — национал-социалиста Вебера, утверждавшего, что сразу же после поджога двери подземного хода — с чего бы вдруг?! — были найдены запертыми и охраняемыми.

Имелся и еще один след. Некий инженер Богун показал: в день пожара, в девять часов десять минут утра, он видел, как худощавый мужчина в коричневой фетровой шляпе, в темном пальто и темно-серых брюках выбежал из южного подъезда № 2. Но ведь подъезд этот был заперт! Однако обвинение быстро нашло решение загадки: дверь, закрытая на задвижку, была «открыта изнутри, а после того, как неизвестного выпустили, заперта вновь». Но сей таинственный человек в любом случае не мог пробыть в рейхстаге достаточно долго, чтобы успеть «надлежащим образом подготовить поджог зала пленарных заседаний».

Весь объемистый документ, полный противоречий и пестревший неправдоподобностями, сводился в конечном счете к одному: он должен был доказать, что «вечером 27 февраля зал пленарных заседаний был подготовлен для поджога, причем горючие вещества по возможности были внесены в здание рейхстага еще за некоторое время до пожара».

Сия глубокомысленная гипотеза служила мостком для обвинения против арестованного коммунистического депутата Торглера, которому инкриминировалось участие в поджоге. Теперь обвинительное заключение переходило к рассмотрению его вины.

Авторы документа снова давали волю своей буйной фантазии, незамедлительно превращая показания свидетелей в факты. В два часа дня 27 февраля, говорилось

в обвинительном акте, Ван дер Люббе побывал в рейхстаге, а пять минут спустя на трамвайной остановке неподалеку от рейхстага уже стоял Торглер с пакетом под мышкой. Затем всю вторую половину этого дня, в который произошел пожар, Торглер находился в рейхстаге, в комнате коммунистической фракции, которую покинул вскоре после восьми часов вечера — во всяком случае, на телефонный звонок служащего рейхстага Кольса там никто не ответил. Все это время Торглер и коммунистический депутат рейхстага Вильгельм Кёнен будто бы провели вместе с Ван дер Люббе. В день пожара либо в предыдущую пятницу или субботу Танев побывал в рейхстаге в комнате № 036 в сопровождении Ван дер Люббе, причем последний нес на плече ящик. В то же самое время в комнате № 038 происходил разговор Торглера с Поповым. Всех этих лиц видели и хорошо разглядели четыре национал-социалиста. Двое из них — депутаты рейхстага, а один — даже начальник бюро печати фракции НСДАП!

В заключение рассказывалось, что, незадолго перед тем как вспыхнул пожар, Торглер выбежал из рейхстага и немного погодя, когда здание уже пылало, отправился в ресторан «Ашингер», где «всячески старался привлечь к себе внимание».

Но это все цветочки, а ягодки впереди! Дальше обвинение выпускало на сцену своего коронного свидетеля — некоего Кунцака, представив его в качестве «коммунистического связного». Кунцак, обладавший столь же феноменальной памятью, как и его коллега Панкнин, сообщил о секретных заседаниях германских и голландских коммунистов, состоявшихся, по его словам, еще в 1925 г. в Дюссельдорфе. На этих заседаниях якобы были разработаны террористические планы. На одном из них выступал голландский товарищ по фамилии Люббен. Чего же больше! Все ясно: голландский каменщик Ван дер Люббе — а было ему тогда 16 лет — уже в ту пору готовился стать поджигателем!

Правда, обвинительный акт характеризовал сего свидетеля как «...уже неоднократно судимого, причем преимущественно за хищение чужой собственности и сексуальные преступления», но тут же добавлял: «Несмотря на это, показания его заслуживают доверия, ибо они, насколько возможна оказалась их проверка, соответствуют фактам».

Но вот наконец речь пошла об обвиняемых-болгарах. После всего прочитанного Димитров с нетерпением ждал дальнейшего. Невероятные, наивные вымыслы предшествовавших разделов почти заставили его позабыть о политической цели этого лживого творения. Доказательства нового раздела начинались с утверждения, что «на основании предпринятого всестороннего расследования следует считать установленным, что Димитров, Попов и Танев вели в Германии весьма активную антигосударственную деятельность. По всей видимости, они являются уполномоченными московского Центрального Комитета Коммунистической партии...»

А дальше подробно «доказывалось» то, что и так было известно: что арестованные болгары — коммунисты, а Димитров — «руководящий деятель Исполкома Коминтерна». Но ведь они никогда и не отрицали этого факта! Однако обвинение не довольствовалось его констатацией, а прибегало к измышлениям: «Из вышеуказанных показаний следует, что обвиняемые Димитров, Попов и Танев находились в Германии не в качестве более или менее безобидных болгарских эмигрантов, какими они хотели бы изобразить себя, а, напротив, должны рассматриваться как в высшей степени опасные лица, которые, опираясь на свои международные связи и используя находящиеся в их распоряжении значительные денежные средства, занимались в Германии деятельностью в коммунистическом, а следовательно, враждебном государству духе».

Но тем самым даже в самой отдаленной степени не доказывалось еще, что обвиняемые имели что-либо общее с поджогом рейхстага. Дабы установить такую связь, в обвинительном акте выдвигался ряд утверждений: «По всей видимости, обвиняемые являются уполномоченными московского Центрального Комитета Коммунистической партии, которые здесь, в Германии, должны были вести и вели деятельность с целью подготовки вооруженного восстания... Впрочем, обвиняемый Димитров, несомненно наиболее интеллигентный и опасный из троих болгар, не находит нужным скрывать, что он, будучи коммунистом, одобряет народное восстание против капитализма. Обвиняемый серьезно занимался также и теоретическими вопросами насильственного переворота в Германии, что вполне подтверждается и найденной у него брошюрой „Вооруженное восстание“».

Упоминание этой брошюры лишний раз показывает методы обвинителей. Брошюра представляла собой сборник статей марксистских теоретиков и специалистов военного дела об опыте вооруженных боев в буржуазных и пролетарских революциях XIX и XX веков и в свое время была легально издана в Германии. Но даже легальные книги такого содержания Димитров не стал бы возить в своем эмигрантском багаже — для этого он был слишком опытен. Брошюру подбросила ему германская полиция, которая практиковала подобные методы.

После столь «убедительного» начала, валившего в одну кучу и верные данные о Димитрове, и неуклюжие фальсификации, обвинение выпускало на свет божий ряд свидетелей, сфабрикованные показания которых предназначались для установления личной связи трех болгар с уже «изобличенными» поджигателями. Эти свидетели (а их была целая дюжина, и свои показания они дали частично под присягой) утверждали, будто в различных случаях, различных комбинациях и различных местах, а чаще всего — в самом рейхстаге видели Димитрова, Попова и Танева в обществе Ван дер Люббе или Торглера. Наиболее пространные и детальные показания принадлежали официанту Гельмеру из ресторана «Байренгоф»— по его доносу и были арестованы болгары. Тем временем Гельмер поднапряг свою память и теперь уже заявлял, что видел Димитрова в своем ресторане вместе с Ван дер Люббе раз шесть, причем последний раз именно 27 февраля — в день пожара. «Гельмер скорее может не узнать свою жену, чем Ван дер Люббе»,— так и стояло в обвинительном акте!

Но о свидетельнице, категорически утверждавшей, будто она видела Димитрова 26 февраля на Дюссельдорферштрассе в обществе Ван дер Люббе, в обвинительном акте уже не упоминалось. Алиби Димитрова в отношении этого дня уже было проверено и признано неопровержимым.

Дабы отомстить за фиаско свидетельницы обвинения, документ пытался изобразить поездку Димитрова в Мюнхен именно как доказательство его вины. «Обвиняемый Димитров,— говорилось в обвинительном акте,— 26 и 27 февраля находился не в Берлине, а в Мюнхене. Но это обстоятельство нисколько не ставит под сомнение его соучастие в поджоге рейхстага, ибо Димитров, несомненно,

был главарем обвиняемых болгар... Если же, далее, принять в данной связи во внимание, что Димитрова ранее неоднократно видели с обвиняемым Ван дер Люббе в «Байренгофе», а кроме того, он за некоторое время до пожара несколько раз бывал в рейхстаге, в том числе один раз даже в обществе Торглера, следует вывод, что даже если Димитров и не присутствовал лично на месте преступления, то по меньшей мере принимал участие в его подготовке в той или иной форме, будь то даже в форме способствования деянию других сообщников путем совета или физического воздействия либо посредством укрепления в них стремления к совершению данного преступления».

С нарастающим возмущением читал этот раздел Димитров. Но возмущение его стало еще больше, когда он вдруг обнаружил в обвинительном заключении такие вещи, с которыми, как он полагал, было покончено еще в ходе предварительного следствия. Их внесли в обвинительное заключение как ни в чем не бывало, словно они и не подверглись разоблачению: мнимый номер телефона Штёккера, конфискованные при аресте документы (причем вновь фигурировал и подброшенный Димитрову документ «отдела печати КПГ»), план Берлина (правда, крест, которым была помечена Дюссельдорферштрассе уже не упоминался, но зато появилась новая отметка на голландском посольстве и по-прежнему остались знаки на рейхстаге и дворце), а также обе почтовые открытки с видами этих двух правительственных зданий!

Но наивысшей точки гнев Димитрова против беспардонных авторов этого документа достиг, когда вслед за тем он прочел: «Несмотря на то, что Димитров женат, он под именем Шаффсма-Шмидт помолвлен с разведенной г-жой Анной Крюгер и напечатал извещение о помолвке. Такое извещение находится в деле В.II, лист 123а актов»[1]. Намерение обвинителей было совершенно ясным: дискредитировать моральный облик Димитрова как безупречного революционера! Откуда взялось это утверждение? Почему об этом извещении ни слова не говорилось на предварительном следствии? Димитров решил при первой же возможности выяснить дело до конца и с этой целью выписал приведенный выше абзац из обвинительного акта.

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 43.

У Димитрова почти пропало желание читать дальше, но вскоре внимание его опять приковал текст этого авантюрного «романа»: следовал особенно эффектный эпизод. Следующий раздел имел заглавие: «Показания свидетеля Гроте». Им посвящалась целая глава, причем в конце анализа объективных обстоятельств дела, что говорило о том значении, которое придавалось обвинением этому свидетелю, и о той роли, которая ему предназначалась. Еще даже не зная, что (как показал впоследствии процесс) Гроте является невменяемым психопатом, Димитров сразу же раскусил этого, как он его позже назвал, «классического свидетеля обвинения». Он разглядел и намерение обвинителей: доказать при помощи показаний Гроте тезис министерства пропаганды, что пожар рейхстага должен был послужить «сигналом» к восстанию.

Гроте изображался «старым членом» Коммунистической партии. Показания его, говорилось в первой же строке, доказывают, «что поджог рейхстага должен был дать сигнал для всеобщего восстания революционного пролетариата и был произведен по распоряжению влиятельных руководителей Коммунистической партии, которые для осуществления своего плана преднамеренно воспользовались помощью иностранцев, дабы при этом самим по возможности остаться в тени».

Затем весьма пространно и детально описывалась деятельность «Союза красных фронтовиков», командиром одного из подразделений которого Гроте, по его утверждениям, являлся. 26 и 27 февраля, показывал сей свидетель обвинения, в «Союзе красных фронтовиков» была объявлена «боевая тревога», означавшая наивысшую степень боевой готовности, непосредственно предшествующую выступлению. Далее следовали россказни об имевших место после пожара рейхстага разного рода высказываниях посторонних лиц. Из них якобы вытекало, что поджог был организован планомерно и мыслился как сигнал к нанесению удара. Особенно ссылался Гроте на высказывания некоего Кемпнера, члена КПГ, будто бы непосредственно участвовавшего в подготовке поджога.

Дальше показания Гроте и впрямь уже напоминали фантастический роман. Заговорщики, неся горючие материалы в саквояжах, пробирались в рейхстаг и там передавали их «высокому черноволосому мужчине» (подразуме-

вался Попов). Тайком проводил иностранцев в здание, разумеется, Торглер. Говорилось и о схваченных в пути курьерах, и о запальных шнурах, и о самовоспламеняющихся веществах. Мешала только одна «мелочь»: оба свидетеля — Зингер и Кемпнер,— на мнимых рассказах которых основывал свои показания Гроте, при допросе категорически отрицали это. По поводу такой «мелочи» в обвинительном акте записано, что их отказ подтвердить показания Гроте «вполне объясним при наличии известного указания, данного Коммунистической партией своим членам об их поведении на возможном судебном процессе».

Зато самого Гроте обвинительный акт считал, без всякого ограничения, вполне заслуживающим доверия, ибо «его показания поддерживают и подкрепляют подозрение против обвиняемых Танева и Попова, возникшее в результате изучения прочих доказательств». Фашистским судьям этого, разумеется, было вполне достаточно.

Сим шедевром неуклюжей фальсификации и заканчивалась та часть обвинительного акта, которая посвящалась собственно поджогу рейхстага.

Третья, и последняя, часть полностью обнажала цель, которую нацисты преследовали организацией процесса, и была озаглавлена так: «Носящие характер государственной измены стремления Коммунистической партии Германии».

Но уже самое начало третьей части демонстрировало политическую близорукость авторов обвинительного заключения. В ней говорилось, что в начале 1933 г. «противоречия между отдельными слоями населения становились все более крупными и напряженными, а потому в последнее время перед пожаром рейхстага уже не могло осуществиться формирование парламентарно дееспособных правительств».

Димитров сразу же отметил этот тезис жирными линиями на полях. Да, обвинительный акт в первый раз сказал правду! Но ведь эта констатация по существу и доказывала, что национал-социалисты неизбежно должны были прибегнуть к особым мерам, к провокации, чтобы создать внепарламентское правительство по воле и вкусу своих хозяев — магнатов финансового капитала!

Дальше в обвинительном акте констатировалось: «В качестве единственного действенного средства борьбы

с Коммунистической партией Германии неоднократно рассматривалось ее полное запрещение». Это тоже правда. Но КПГ представляла собой массовую партию с миллионами своих приверженцев. Запретить ее было не так-то просто. Запрет надо было подготовить. А для этого требовался из ряда вон выходящий предлог. Его-то и должен был дать поджог рейхстага, осуществленный нацистами, а приписанный коммунистам!

Но, разумеется, обвинительный акт имел в виду совсем другое. Из этой характеристики обстановки в Германии накануне поджога рейхстага обвинители стремились сделать вывод, что коммунисты поэтому и готовили на конец февраля всеобщее вооруженное восстание, сигналом к которому должен был якобы послужить пожар.

Подобная аргументация, развернутая на следующих страницах обвинительного акта, не выдерживала никакой критики. В подтверждение приводились лишь выдержки из полицейских отчетов о деятельности КПГ зимой 1932/33 г., а особенно в январе и феврале 1933 г. В этих полицейских докладах из различных провинций главную роль играли «секретные сообщения», т. е. опять же донесения шпиков.

Все эти данные носили в высшей степени неопределенный и общий характер. В частности, говорилось, например, будто «коммунисты еще задолго до пожара заявляли, что вскоре рейхстаг сгорит», но тут же приходилось добавлять: никаких убедительных доказательств, что высказывания эти мыслились всерьез, нет!

Весь же материал, как отмечал Димитров на полях, не содержал даже следа конкретного доказательства действительной подготовки немецких коммунистов к какому-либо вооруженному восстанию. Да таких доказательств и не могло быть! Димитров хорошо знал, что КПГ преследовала тогда совсем иные цели: ведь он был знаком с решением последнего пленума ЦК КПГ, состоявшегося 7 февраля 1933 г. Пленум поставил задачу создания как можно более широкого демократического единого фронта трудящихся масс Германии!

Два последних раздела обвинительного акта особого интереса не представляли. В одном констатировалось, что Ван дер Люббе в различных случаях говорил о «борьбе за свободу», о необходимости «встряски рабочего класса» и о «революции». В другом преступные деяния обвиняемых

подводились под соответствующие статьи уголовного кодекса.

Итак, вот он каков, обвинительный акт! И на основании столь явно лживого, неуклюже сфабрикованного, позорного документа пятерых обвиняемых намереваются предать в руки палача!

Но в одном отношении Димитров все-таки получил удовлетворение. Обвинительный акт в точности подтвердил то представление, которое Димитров, даже не зная всех подробностей, с самого начала составил себе об этой провокации и ее организации. Теперь обвинение играло роль машины для фабрикации эрзац-поджигателей с целью приписать это гнусное преступление мировому коммунистическому движению!

Линия, которую Димитров наметил в обоих своих заявлениях полицейским и судебным следственным властям от 20 марта и 30 мая, оказалась абсолютно верной. То, что на скамье подсудимых придется сидеть именно ему и трем его соотечественникам,— случайность. Не попадись в тот момент в руки нацистам трое болгар, они, вероятно, нашли бы других коммунистов-иностранцев, чтобы придать процессу против Ван дер Люббе политический и международный характер.

Коммунизм, Коминтерн, Советский Союз — вот кого хотели посадить нацисты на скамью обвиняемых!

Политический характер имела сама провокация, такой же характер носило и предварительное следствие, в этом же духе был составлен и обвинительный акт. Но раз политическим является сам процесс, значит, политической должна стать и защита!

По ту сторону тюремных стен

Но когда же начнется процесс?

Прошло еще много времени, пока определилась дата открытия процесса. Только 25 августа, три недели спустя после вручения обвинительного акта, Димитров прочел в газете сообщение телеграфного агентства Вольфа: «Президент IV Уголовного сената Имперского суда назначил открытие судебного разбирательства по делу о поджоге рейхстага на четверг, 21 сентября, в 9 часов утра. Слушание дела будет происходить в Лейпциге, а рассмотрение доказательств — в здании рейхстага».

Итак, для подготовки к предстоящей схватке у Димитрова оставалось менее месяца.

Содержание и цель его борьбы не изменились. Димитрову предстояло идти дальше по тому же пути, на который он встал во время предварительного следствия. Но теперь изменилась обстановка. Процесс раздвинет ему стены тюрьмы!

Крупный народный трибун и опытный агитатор, Димитров знал, какие возможности дает ему публичный процесс, за которым будет следить мировая общественность.

До сих пор он боролся в одиночку. Резкие и мужественные слова, которые бросал он в лицо своим противникам, не выходили за глухие стены полицейских кабинетов. Конечно, они оказывали свое действие, но, как показал обвинительный акт, оно не отвечало масштабам той огромной задачи, которую предстояло решить Димитрову.

В одиночку с мощным, организованным противником не справиться никому: нужны союзники. Они есть: сотни тысяч и миллионы классово сознательных рабочих во всем мире, их мощные организации, честные и правдивые люди, принадлежащие ко всем слоям общества, противники варварского фашизма. Но до сих пор Димитров был отрезан от этих своих союзников. Ему удалось установить контакт с ними только через посредничество нескольких лиц, к которым он обратился с письмами, но в письмах этих ему приходилось прибегать к иносказаниям. А теперь процесс открывал перед ним дверь, ведущую к его друзьям и помощникам в борьбе.

Определение даты начала публичного рассмотрения дела имело для Димитрова, таким образом, совершенно особое, скажем мы, политико-психологическое значение. Перед ним вставала новая задача. Как бы ни была ограничена его свобода действий на процессе, как бы тщательно ни была просеяна допущенная «публика», входя в зал суда, он вступал в широкий мир, который был для него жизнью, вступал, как говорил впоследствии, на «огромное поле битвы между коммунизмом и фашизмом». Отчетливее, чем когда-либо раньше, осознал он теперь, что дело идет не просто о его голове, о жизни и смерти других обвиняемых, а о гораздо более высоком и важном.

Он уже наметил себе линию борьбы, он представил себе, как поведет ее, как навяжет ее в зале суда своим обвинителям и судьям, своим смертельным врагам по ту сторону тюремных стен.

Позже, уже в Москве, Димитров в своих заметках о значении процесса короткими, лозунговыми пунктами охарактеризовал эту линию:

«Отсюда и весь мой образ действий:

a) *наступательная* тактика против фашизма;

b) *разоблачение* национал-социалистской провокации и всех целей этого удара;

c) *обнажение* подлинного лица фашизма;

d) *придание бодрости* сотням тысяч революционеров, томящихся в тюрьмах и концентрационных лагерях;

e) *выражение* протеста миллионов пролетариев против фашизма;

f) *внесение смятения* в ряды идущих за национал-социалистами масс;

g) *пример* поведения коммунистов на бесчисленных уже идущих и предстоящих процессах».

И в заключение — снова вывод:

«*Борьба*, *выполнение* революционного долга, а не только личная защита!»

Димитров ясно понимал, что его выступление на процессе должно дать новые политические аргументы массовому антифашистскому движению, в организации которого он принимал руководящее участие в январе—феврале 1933 г., должно теснее сплотить ряды борцов против фашизма, привлечь новых союзников.

Вот уже почти тридцать лет он, ученик Маркса, Энгельса, Ленина и Благоева, борется в рядах рабочего движения. Димитров постоянно видел свою цель в том, чтобы объединять вокруг коммунистического авангарда и вести в бой все те народные слои и группы, которых ход общественного развития делает противниками капитализма. Для него это издавна было осью любой коммунистической политики, и предстоявшая на процессе борьба не могла стать исключением. Дело заключалось теперь в том, чтобы в данный момент найти правильную тактику для достижения этой цели.

Любое слово — а на процессе слово — оружие! — имеет иной вес, оказывает иное воздействие в зависимости от того, когда, где и перед кем оно произнесено. На этом

процессе ему, именно ему — Димитров предвидел это — будут пытаться заткнуть рот, а потому здесь придется бороться в буквальном смысле за каждое слово. Надо использовать любую возможность, любой момент, чтобы установить контакт между ним, выразителем идей коммунизма, и массами союзников во всем мире, ибо это поможет создавать и укреплять великий единый фронт борцов против фашизма.

Что происходит за стенами тьюрьмы, какие настроения царят там, каково соотношение сил, каково положение в лагере противника, на какую помощь извне можно рассчитывать? Все эти вопросы, да и многие другие, связанные с ними, возникали перед Димитровым еще и до объявления даты начала процесса. С первого дня ареста он старался внести в них ясность.

Мы знаем, как Димитров уже в первые недели сумел всеми возможными путями добывать информацию о том, что делается на «воле». Но источники информации были весьма ограниченны. Наиболее важными служили допросы, а также то, что ему удавалось извлечь из ответов судебных следователей и тюремных властей на свои устные и письменные вопросы, контрвопросы, протесты и требования. Кое-что давали случайные разговоры с тюремными надзирателями, человеческое доверие которых ему все больше и больше удавалось завоевать. Отрывочные реплики, которыми он иногда перебрасывался во время прогулки во дворе тюрьмы с политическими заключенными, позволяли ему получить некоторое представление о настроении рабочих. Наконец, как опытный революционер, он обладал умением «выжать» сведения о происходящих событиях даже из искажающих или скрывающих правду сообщений вражеской прессы. Первый же номер газеты, полученный Димитровым в тюрьме,— это была «Морген-пост» — дал ему целую гору политической информации.

Все эти источники свидетельствовали о том, что во всем мире развертывается кампания в защиту обвиняемых коммунистов. Честные люди всего мира считали поджог рейхстага провокацией со стороны национал-социалистов и обвиняли их в том, что, пользуясь этой провокацией, они предприняли массовый поход с целью истребления своих противников. Из скудных сведений, полученных от новых арестантов, Димитров узнал, что в этой кампании участвует и продолжающая действовать в подполье

Коммунистическая партия Германии. Многие из этих арестантов брошены в тюрьму именно за распространение нелегальной литературы о поджоге рейхстага.

Отныне Димитров направляет все свои усилия на установление связи с организаторами этого движения, которыми являлись Коммунистический Интернационал и его секции совместно с сотрудничающими массовыми организациями. Крайне важно, чтобы они получали сведения о положении обвиняемых, о содержании предъявленных обвинений и о той тактике, которой сам он намеревался придерживаться на суде.

Кампания началась в Германии и за границей сразу же после поджога рейхстага. Она велась как всеобщая политическая кампания протеста против этой провокации и уже вскоре приняла огромный размах. Инициатива исходила одновременно и из Германии, и из Советского Союза.

Уже 28 февраля 1933 г. коммунистическая фракция ландтага Саксонии выпустила листовку о поджоге рейхстага, в которой заклеймила «наемных поджигателей». За нею последовало заявление Центрального Комитета Коммунистической партии Германии об истинных политических причинах провокации с призывом к массовому сопротивлению. 1 марта «Правда» в своей передовой разоблачила поджог рейхстага как антикоммунистическую провокацию. В течение марта, используя нелегальные связи, КПГ удалось получить более подробные сведения об обстоятельствах ареста Димитрова, Попова и Танева, благодаря чему в апреле общая антифашистская политическая кампания была дополнена протестом против ареста болгарских коммунистов и требованием их освобождения.

В начале апреля в Москву поступили первые весточки от Димитрова. Это были носившие по форме личный характер письма Димитрова к сестре Елене и французскому писателю Анри Барбюсу. Первое письмо было послано в Москву, а второе — в Париж. В них Димитров известил оба эти центра антифашистского массового движения о содержании выдвинутых против него обвинений и в завуалированной форме дал понять, в каком направлении следует вести дальше разоблачение провокации и борьбу за освобождение обвиняемых коммунистов.

К этому моменту уже развернулось широкое массовое движение против фашистской диктатуры в Германии. Инициатором этого движения были Коммунистический

Интернационал и его секции — коммунистические партии различных стран. Их поддерживали такие интернациональные массовые организации, как «Международный комитет борьбы против войны и фашизма», «Международная рабочая помощь» и МОПР. В феврале 1933 г. к ним присоединился «Антифашистский рабочий конгресс» европейских стран, инициаторами созыва которого были «Революционная профсоюзная оппозиция», «Антифашистский союз борьбы Германии», «Революционная профсоюзная оппозиция Польши» и итальянская «Всеобщая конфедерация труда»; буквально накануне поджога рейхстага эти организации призвали «все предприятия и местные рабочие организации, а также всех тех, кто действительно готов бороться за дело трудящихся против фашизма», выступить в защиту Димитрова. Возникший в марте 1933 г. в Копенгагене организационный комитет этого конгресса приступил к работе по созданию в Европе антифашистского Рабочего фронта. Примерно в то же время в Лондоне образовался «Международный комитет защиты жертв германского фашизма». По его инициативе была создана Международная следственная комиссия по делу о поджоге рейхстага.

Это положило начало боевому пропагандистскому походу, непосредственной целью которого являлось разоблачение виновников поджога рейхстага и распространение правды об этом преступлении нацистов. Международная следственная комиссия и сотрудничавшие с ней организации были полны решимости нанести удар нацистским поджигателям и вскрыть политические закулисные причины поджога. В состав Международной следственной комиссии вошли юристы и политические деятели с мировыми именами. Целым рядом блестящих политических акций (к числу которых принадлежало, например, официальное предложение нескольких всемирно известных французских и английских адвокатов принять на себя защиту болгар) комиссии удалось вынудить нацистские следственные органы заявить об их позиции в отношении выдвинутых ею обвинений. Эхо предпринятых комиссией действий можно было услышать даже со страниц нацистских газет. Именно таким образом Димитров косвенно и узнал о них.

Другим признаком активизации движения солидарности с обвиняемыми коммунистами явилась для Димитро-

ва растущая нервозность следственных властей в ответ на его требования или вопросы, касавшиеся зарубежных кругов. Это особенно проявлялось, когда речь заходила о привлечении того или иного названного самим Димитровым иностранного защитника или о выдаче поступившей на его имя зарубежной корреспонденции. Да и нацистская пресса все ожесточеннее полемизировала с теми, кто отрицал причастность коммунистов к поджогу рейхстага.

Движение за стенами тюрьмы продолжало шириться. В него постепенно включались и неевропейские страны.

В результате многомесячной подготовительной работы, в которой приняли участие многие антифашисты из Германии и других стран, журналисты и рабочие, юристы и писатели, был собран огромный документальный материал. Он освещал подлинные причины поджога рейхстага и со всей основательностью доказывал, что нацисты сами инсценировали его. Эта публикация документов вошла в историю под названием «Коричневая книга о поджоге рейхстага и гитлеровском терроре». Она вышла одновременно на многих языках и получила вскоре широкий отклик также и в буржуазной прессе, которая заимствовала из нее немало аргументов. В крупных газетах ведущих стран Европы и Америки появились подробные описания событий, связанных с поджогом рейхстага, передовые статьи о них. Воздействие этих публикаций на мировое общественное мнение было столь велико, что гитлеровское правительство оказалось вынуждено заявить правительствам других стран протест — правда, тщетный — против выпуска «Коричневой книги» и ее продажи. Напечатанная на папиросной бумаге, замаскированная под невинными обложками, она проникла даже в Германию, где сыграла огромную роль в политической информации борющихся в подполье коммунистов.

Следующим шагом после выпуска «Коричневой книги» явилось создание Международной следственной комиссии по делу о поджоге рейхстага. К этому времени организаторы кампании в поддержку обвиняемых болгарских коммунистов уже обладали весьма обширным материалом. В начале августа 1933 г. с помощью одного венгерского журналиста удалось заполучить и тайно вывезти из Германии экземпляр обвинительного акта. На его основе был проведен ряд публичных заседаний Международной следственной комиссии. Они начались 14 сентября 1933 г.—

за неделю до открытия Лейпцигского процесса — под председательством английского юриста Д. Н. Притта и стали известны под названием «Лондонского контрпроцесса», который привлек к себе внимание еще более широкой мировой общественности. Это объяснялось не только тем, что в качестве обвинителей, экспертов и судей в «Лондонском контрпроцессе» участвовали выдающиеся представители общественной жизни различных европейских стран, но в первую очередь ценностью представленных доказательств и заслушанных свидетельских показаний. Широкая международная пресса предоставила свои страницы для публикации его материалов. Доклад Международной следственной комиссии содержал в сущности те же самые положения, которые Димитров позднее, не зная, однако, о результатах предпринятого комиссией расследования, развил в ходе Лейпцигского процесса.

Димитров придавал большое значение развернувшемуся мощному движению. Уже после прибытия в Москву он говорил в одной беседе, запись которой сохранилась: «В данной связи правильно сказать, что публичное проведение процесса в Лейпциге, сам ход этого процесса и наше оправдание в значительной мере явились результатом мобилизации мирового пролетариата. Но это лишь одна сторона дела. Другая же сторона, по моему мнению, в известном смысле гораздо важнее. Это — тот факт, что в самой Германии, несмотря на террор, Коммунистическая партия провела в связи с поджогом рейхстага и процессом разъяснительную кампанию... Это сильно помогло тому, что большинство не только рабочего класса, но и мелкой буржуазии и интеллигенции не поверило, что поджог рейхстага совершили коммунисты. Это нам очень помогло...»

Мы еще увидим дальше, как отразилась политическая позиция коммунистов на самом процессе. С глубоким удовлетворением и восхищением говорил Димитров после своего приезда в Москву о великолепном поведении на суде тех немецких коммунистов, которых нацисты доставили на процесс в качестве свидетелей прямо из тюрем и концентрационных лагерей. Для него это было доказательством, что политическая работа Коммунистической партии Германии в массах продолжается и в тяжелейших условиях фашистской диктатуры. Но насколько огромна была эта работа, Димитров тогда едва ли мог догадываться.

И в самом деле, только впоследствии, в результате изучения материалов гестапо и других документов времен нацизма, стало видно, как хорошо сумела находившаяся в подполье компартия Германии использовать материалы процесса о поджоге рейхстага для своей разъяснительной работы, для пропагандирования идеи создания широкого антифашистского единого фронта.

Ныне мы знаем, что тогда в Германии почти каждые три дня выходил информационный бюллетень нелегального Центрального Комитета КПГ. Окружные и местные комитеты партии пользовались им в качестве основного материала для выпуска своих нелегальных листовок и газет, которые распространялись повсюду и попадали даже иностранным корреспондентам, присутствовавшим на процессе. Кроме того, о каждом дне процесса сообщали пресс-бюллетени «Международной организации помощи борцам революции». И, наконец, еженедельно появлялся бюллетень КПГ «Антифашистская служба печати». Служба печати КПГ выпускала и особый пресс-бюллетень для иностранных корреспондентов. В начале процесса он выходил ежедневно вечером по окончании судебных заседаний, но потом вследствие драконовских мер нацистов издание его прекратилось. Кроме того, окружные комитеты КПГ во многих случаях тоже выпускали свои пресс-бюллетени и различные информационные издания с материалами о процессе.

Обо всем этом Димитров в то время, когда он готовился к процессу, знать не мог. Но он знал одно: там, среди многих тысяч борющихся в подполье активистов КПГ,— его самые верные союзники. «Борьба в зале суда в Лейпциге,— говорил он в уже цитированной беседе,— была борьбой германского пролетариата, борьбой германской Коммунистической партии. Я выражал там интересы германского пролетариата, немецких коммунистов и Коммунистического Интернационала. Это определило наш успех».

Сознание этого рождало у Димитрова чувство еще большей ответственности перед германским рабочим классом и коммунистическим движением, перед Коммунистическим Интернационалом за свое поведение на суде. После той многомесячной борьбы за истину, которую он вел во время предварительного заключения, он лучше, чем кто бы то ни было другой, понимал подлинные причины совершен-

ного нацистами преступления. Он много размышлял в последние месяцы о стратегии и тактике борьбы не только на данном процессе, но и всей дальнейшей борьбы коммунистов за привлечение большинства рабочего класса на сторону дела мира и социализма. Все его поведение на процессе должно постоянно диктоваться сознанием этой ответственности. Каждое сказанное им слово, каждый его вопрос, каждое его заявление должны быть направлены к этой цели.

Теперь Димитров был уже уверен, что нацистам не удастся осуществить судебное разбирательство за закрытыми дверями. Под натиском мировой общественности им пришлось перейти в оборону. Процесс даст ему возможность после столь долгой изоляции через головы судей и «защиты» обратиться к массам — к тем самым массам, из которых он всю свою жизнь борца и революционера черпал силы и которые оставались его надежными союзниками там, на воле, за стенами тюрьмы.

В защиту Димитрова

Из заявлений Димитрова во время предварительного следствия и из всего его поведения следственные власти, а затем и IV Уголовный сенат Имперского суда уразумели, к чему он стремится. Поэтому они делали все возможное, дабы сорвать ту политическую защиту, к которой он готовился.

Димитрову пришлось повести настоящую борьбу за свою защиту. Эта борьба тоже вносила хоть некоторое разнообразие в монотонность одиночного заключения. Но прежде всего она давала Димитрову возможность получать дополнительную ценную информацию, которая так пригодилась ему впоследствии для его политической защиты, или, вернее сказать, для его политического наступления.

Сражение за защиту Димитров начал еще 12 апреля. В этот день, то есть сразу же после второго вызова на допрос к Фогту, Димитрова неожиданно снова доставили в рейхстаг и опять привели к следователю. Фогт сказал ему, что здесь находится адвокат, который желает переговорить с ним, Димитровым, и, возможно, взять на себя его защиту. Затем Фогт в сопровождении болгар-

ского переводчика провел Димитрова в другую комнату, где уже сидели почти все члены комиссии по делу о поджоге рейхстага. Обстановка напоминала служебное совещание.

Среди присутствовавших Димитров заметил молодого человека. По знаку Фогта он представился: адвокат Вернер Вилле—и сообщил, что его направили к Димитрову д-р Розенфельд и дочь этого адвоката, которые в настоящее время не могут продолжать свою практику.

Димитров в затруднительном положении.

Кто этот человек? Действительно ли он от д-ра Розенфельда? А что, если он подставное лицо судебного следователя?

Димитров решает проверить его.

— Я не знаю вас лично,— отвечает он.— Но если вы явились по просьбе д-ра Розенфельда — это для меня рекомендация достаточная. Должен, однако, сказать вам сразу: мне нужна только юридическая помощь. Политическую защиту я буду вести сам. Если вы с этим согласны, у меня есть две просьбы. Первая — информировать моих родных о моем теперешнем положении. У меня мать и сестра в Болгарии и младшая сестра в Москве. В Москве находится и мой друг господин Коларов. Я уже известил письмами его и моего друга Анри Барбюса о своем аресте. Прошу вас проверить, отосланы ли эти письма. Вторая просьба: чтобы вы немедленно приняли необходимые меры для прекращения варварского заковывания в кандалы, которому меня подвергают.

Димитров умышленно говорит громко, наблюдая за Фогтом. Тому явно не по вкусу, что заключенный сразу же приступил к деловому разговору. Реакция Фогта ясно показала Димитрову, что д-р Вилле действительно выполняет поручение д-ра Розенфельда. И, прежде чем Фогт успел вмешаться, Димитров заявляет, что готов воспользоваться услугами Вилле в качестве адвоката и немедленно предоставляет ему полномочия. Затем Димитров продолжает свой разговор с Вилле — присутствие судебного следователя и чиновников ему весьма кстати. Он говорит защитнику, что до сих пор даже и не знает, чего, собственно, от него хотят. Обращаясь к Фогту, Димитров добавляет:

— Я еще вчера просил вас сообщить мне наконец ясно и понятно, какие конкретные обвинения против

меня выдвинуты и какие улики против меня имеются. Теперь, в присутствии моего адвоката, я повторяю этот вопрос.

Фогт молчит: ему нечего ответить.

Тогда вмешивается д-р Вилле:

— Господин Димитров прав. Может быть, вы скажете мне, что ему инкриминируется?

Фогт с раздражением отвечает:

— Господин Димитров подозревается в соучастии в поджоге рейхстага. Имеются данные под присягой показания двух свидетелей, которые утверждают, что за несколько дней до пожара видели Димитрова вместе с Ван дер Люббе.

И это все. Где, когда, при каких обстоятельствах — об этом Фогт не сказал ни слова.

На том и заканчивается первая беседа Димитрова со своим защитником по собственному выбору. Он увидит его лишь еще один раз — 22 мая.

Отныне Димитров посылает адвокату Вилле копии всех писем, которые он направляет судебному следователю. Он делает это уже на следующий день. Из газеты Димитров узнал, что вместе с сообщением судебного следователя в печати опубликованы фотографии болгар, повсюду расклеены плакаты с их снимками, а подписи гласят, что они «занимались в Германии активной политической деятельностью в леворадикальном духе и были связаны с поджигателем рейхстага Ван дер Люббе». В письме Фогту Димитров самым резким образом протестовал против того, что подобное утверждение делается публично еще до того, как вообще началось следствие, и потребовал опубликования опровержения. Об этом Димитров и сообщает теперь своему адвокату.

Но напрасно ждет Димитров шесть дней ответа от д-ра Вилле. 18 апреля он требует от судебного следователя свидания со своим защитником, пишет и ему самому. Снова проходит шесть дней, и снова никакого ответа. Димитров напоминает Фогту о своем требовании, запрашивает д-ра Вилле, почему тот не отвечает.

Результат прежний.

26 апреля Димитров пишет опять и наконец 27 апреля получает ответ от д-ра Вилле. Письмо адвоката датировано 22 апреля — значит, его не вручали Димитрову несколько дней.

Что же пишет адвокат Вилле? В настоящее время он не имеет возможности опубликовать в печати заявление Димитрова, восстанавливающее его политическую честь, на чем настаивал доверитель. А заканчивалось письмо словами, которые заставили Димитрова призадуматься: «Хотел бы воспользоваться случаем, дабы обратить Ваше внимание на то, что я не смогу действовать по Вашему поручению, если в мое распоряжение не будут предоставлены некоторые денежные суммы. Прошу Вас сделать необходимые распоряжения».

Но если адвокат Вилле действительно направлен д-ром Розенфельдом, ему не составило бы труда найти средства и пути для получения от единомышленников Димитрова необходимых денежных средств. По-видимому, фраза эта имеет какой-то иной смысл. Очевидно, судебный следователь или же «унифицированная» нацистами палата адвокатов указали д-ру Вилле, что по существующим законодательным положениям он не имеет права принять на себя защиту в том случае, если не получает денежного вознаграждения. А господин Фогт прекрасно знает, что денег у Димитрова нет. Кто, как не сам следователь, отклонял все его прошения о выдаче хотя бы части конфискованных денег!

И снова больше трех недель Димитров ничего не слышит о своем адвокате Вилле. Тем временем он непрерывно пишет письма, в которых просит защитника встретиться для переговоров, а также принять меры к облегчению условий заключения. 10 мая Димитров сообщает, что его мать послала на имя Вилле деньги. Димитров просит адвоката до получения этих денег заимообразно внести за него в тюремную кассу несколько марок, чтобы он смог покупать газеты и приобретать некоторые продукты из тюремной столовой. Но от адвоката Вилле никакого ответа.

Только 22 мая Димитров снова видит его. В короткой беседе д-р Вилле сообщает Димитрову, что до сих пор не получил денег ни из Софии, ни откуда-либо еще, а потому не в состоянии вести его дело. Но адвокат все-таки обещает выполнить просьбы Димитрова в отношении учебника немецкого языка, газет и т. п.

Это — последняя встреча Димитрова со своим первым защитником, избранным им самим и некоторое время признававшимся судом. Все последующие письма и просьбы о беседе долгое время оставались без ответа.

7 июня, через неделю после окончания предварительного следствия, Димитров пишет своему адвокату резкое письмо о кандалах. Он приводит параграф из письменного тюремного регламента в доказательство беззаконности такой меры, как наложение кандалов.

«Теперь, после окончания предварительного следствия, я считаю еще более уместным пересмотр этого указания с целью его окончательной отмены... Во всяком случае я, по моему мнению, имею право знать, по какой причине на меня надели наручники и кто лично несет ответственность за это инквизиторское мероприятие.

Другое дело, если это тоже относится к системе так называемого искоренения коммунизма, т. е. физического уничтожения коммунистов-руководителей. Но в таком случае надо ясно и открыто об этом заявить» [1].

Димитров находился тогда под большим впечатлением попытки Танева совершить самоубийство, причиной которой было невыносимо мучительное пребывание в кандалах.

Адвокат Вилле опять не подает признаков жизни.

Наконец 5 июля приходит от него письмо, помеченное 30 июня. Вилле сообщает, что получил из Болгарии 100 марок и на будущей неделе посетит своего подзащитного. В заключение же добавляет: «Должен сообщить Вам, что, по всей видимости, не смогу принять участие в слушании дела в суде. Попытаюсь найти другого адвоката».

Проходит неделя, другая. Вилле молчит.

21 июля Димитров наконец получает письмо от Вилле, в котором тот окончательно сообщает, что больше не в состоянии выполнять функции его защитника.

Теперь Димитров остается без защиты не только по существу, но и по форме. Это дело рук того же Фогта, который стремится лишить обвиняемого элементарного права на защиту. Когда после получения денег из Софии отпал первоначальный предлог, адвоката заставили отказаться от защиты другими средствами и бог весть какими угрозами.

Так закончился первый этап борьбы за защиту.

И почти одновременно начался второй.

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 37—38.

18 июля из тюремной кассы Димитрову сообщают, что проживающий в «Центральном отеле» господин Стефан Дечев внес за него 10 марок.

На следующий день Димитрову передают датированное 14 июля письмо самого Дечева. Этот прибывший из Софии адвокат извещает, что получил от находящихся в Болгарии родных Димитрова поручение быть его юридическим представителем.

Теперь Димитров может с облегчением вздохнуть.

Не теряя времени, он на другой же день подписывает Дечеву доверенность на ведение дела и просит его о свидании.

Но терпение Димитрова снова подвергается суровому испытанию: минует неделя, прежде чем он получает ответ от Дечева. 29 июля от него приходит письмо из Парижа. Дечев сообщает, что предпринял в Берлине и Лейпциге шаги с целью добиться встречи с Димитровым. Но посетить своего подзащитного ему не разрешили. В Берлине он установил контакт с адвокатом Вилле, который только что сложил с себя защиту.

«В Германии я попытался,— писал дальше Дечев,— привлечь также других немецких адвокатов, но все они отказались. В любом случае по германским законам Вы получите официальных защитников, которые будут назначены Имперским судом. В тот момент, когда произойдет их назначение, мы — иностранные адвокаты Моро-Джиафсфери, Кампинки, Торез и я — свяжемся с немецкими защитниками и будем ходатайствовать перед Имперским судом о разрешении быть допущенными на процесс в качестве ассистентов официальных защитников».

Итак, судебные власти продолжали саботаж защиты. Но все же из этого письма Димитров понял, что за границей развертывается кампания за его освобождение и ряд видных иностранных юристов готов оказать ему поддержку.

В своем ответе Димитров не удержался от некоторых иронических реплик по адресу германской юстиции.

«Прошу Вас,— писал он Дечеву,— передать господам Джиафсфери, Кампинки и Торезу мою благодарность за их готовность принять на себя мою защиту. К сожалению, ныне в Германии дело обстоит таким образом, что для защиты невиновного политического заключенного приходится приглашать адвокатов из Франции».

10 августа Дечев, вызванный телеграммой, вернулся в Берлин. Но 11 августа Димитрова постигло новое разочарование. Имперский суд сообщил ему, что Дечев как защитник допущен быть не может. В качестве причины указывалось, что он не владеет немецким языком! Однако Имперский суд изъявлял согласие разрешить ему участвовать в процессе вторым защитником в помощь официальному защитнику по назначению д-ру Тейхерту.

Итак, надежда все-таки есть! Димитров немедленно посылает Дечеву свои предложения о доказательствах, истребовать которые он поручил д-ру Тейхерту.

14 августа Димитрову наконец удается повидать своего соотечественника Дечева. Тот все-таки добился встречи с заключенным, но судебные власти превратили ее в комедию. Представители следователя, в присутствии которых происходит встреча, сразу же заявляют, что разговор может вестись только по личным вопросам и никоим образом не должен затрагивать существа дела. Следящий за каждым словом болгарский переводчик прерывает беседу каждый раз, лишь только она выходит за чисто личные рамки. Димитров лишен возможности высказать Дечеву свои соображения о защите, не может изложить свою просьбу о сборе документов, доказывающих его невиновность.

Возмущенный Димитров в тот же день пишет письмо председателю IV Уголовного сената Имперского суда д-ру Бюнгеру, протестуя против такого обращения и препон, чинимых его защите. Результат только тот, что письмо, в котором Димитров письменно излагал Дечеву то, чего не смог сказать устно, возвратилось с пометкой: «Отправка письма не разрешена, ибо в нем затрагивается судебное дело». Опять целую неделю нет никаких вестей от Дечева, хотя он и находится в Берлине.

28 августа Димитров получает от Дечева письмо, которое вновь подтверждает, что согласие Имперского суда допустить болгарского адвоката в качестве помощника официального защитника — пустые слова, а практически саботаж продолжается. Дечев пишет Димитрову:

«Хотя Имперский суд и принял решение, дающее мне право предпринять шаги, требующиеся для Вашей защиты, я до сих пор не имел возможности ни ознакомиться с обвинительным актом, ни получить какие-либо разъяснения от Вашего официального защитника господина Тейхерта

(Лейпциг). Я еще раз обратился к Имперскому суду с просьбой о помощи в устранении такого положения».

Вскоре Дечев снова уезжает в Париж и оттуда 6 сентября сообщает Димитрову, что еще один болгарский адвокат — Петр Григоров — готов взять на себя его защиту. Дечев просит Димитрова информировать об этом Имперский суд, обратив особое внимание последнего на то, что адвокат Григоров владеет немецким языком!

Димитров предпринимает все необходимые меры.

11 сентября он вторично встречается с Дечевым, но им опять не разрешают обмолвиться хоть словом о защите.

Тем временем Григоров прибывает в Германию. 14 сентября у Димитрова происходит с ним краткая беседа — вновь в такой же обстановке, как и разговор с Дечевым. 20 сентября Имперский суд ставит Димитрова в известность, что Григоров тоже отстранен от защиты.

Такая же судьба постигает и все остальные многочисленные попытки обеспечить обвиняемого защитником по собственному выбору.

Сестра Димитрова Елена, приехавшая в Париж, прилагает там огромные усилия, чтобы помочь брату получить защитника. Но все ходатайства (а о своей готовности защищать Димитрова, кроме трех вышеназванных адвокатов, заявили американские юристы Лео Галлахер и Гарфилд Хэйз, а также французские — Виллар и Винцент) одно за другим отклоняются Имперским судом. Не допущен даже немецкий адвокат д-р Шеман из Саарбрюккена [1].

Но кульминационным пунктом действий судебных следователей, прокуратуры и суда, предпринятых с целью лишить обвиняемого законного права на защиту и воспрепятствовать тому, чтобы он узнал правду, является назначение 25 июля официальным защитником Димитрова германского адвоката д-ра Пауля Тейхерта.

Димитрову поневоле приходится согласиться с этим назначением, чтобы не потерять вообще всякую возможность контакта с иностранными защитниками хотя бы через него. В первом же письме д-ру Тейхерту Димитров вновь заявляет решительный протест против выдвинутых обвинений, адресуя защитника к своим письменным заявле-

---

[1] Саарская область была присоединена к Германии позднее, в 1935 г.— *Прим. ред.*

ниям от 20 марта и 30 мая, в которых уже высказал всё существенное по своему делу.

Дабы не оставлять у официального защитника никаких сомнений на сей счет, Димитров свое письмо от 1 августа 1933 г. заканчивает словами:

«...Как видно, решили нами, тремя арестованными болгарскими эмигрантами, заполнить места не найденных действительных виновников. Ведь в политических процессах ярче всего обнаруживается, как юстиция используется в качестве инструмента политики...

Мне очень любопытно узнать, *как* государственная прокуратура попытается обосновать обвинение в государственной измене в связи с поджогом здания рейхстага против политического деятеля, который фактически к этому не имеет ни малейшего отношения» [1].

В том же письме Димитров иронически замечает, что обвинительный акт «должен будет оказаться настоящим «художественным произведением» германской юстиции, если в нем на самом деле будет возбуждено обвинение в поджоге рейхстага» [2].

Эти строки написаны Димитровым еще до того, как он увидел обвинительный акт; из предварительного же следствия он не мог составить себе полного представления о том, как нацисты инсценируют процесс.

В своем ответе от 4 августа д-р Тейхерт поспешил сообщить, что, согласно § 138 Уголовно-процессуального кодекса, допуск иностранных защитников не разрешается. Все относящиеся к защите материалы следует направлять только ему. Менторским тоном он поучал Димитрова: «Одновременно рекомендую Вам в Ваших же собственных интересах прекратить нападки на германскую юстицию».

Одного этого письма Димитрову достаточно, чтобы понять, с кем он имеет дело. Поэтому, невзирая ни на что, Димитров решает действовать, насколько возможно, сам. Теперь он уже познакомился с обвинительным актом и готовится к процессу. Начинается напряженная работа. Прежде всего Димитров излагает официальному защитнику свои пожелания относительно защиты и 8 августа направляет ему подробную программу своих политических доказательств с указанием подлежащих вызову свидетелей.

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 43.
[2] Там же.

В письме от 10 августа Димитров сообщает официальному защитнику сведения о своем местопребывании и действиях до отъезда в Мюнхен и вместе с тем вскрывает большую путаницу в показаниях свидетелей. При этом он разоблачает метод, к которому прибегает обвинение:

«...Обвинительный акт даже сам признает, что подобную ошибку *допустил* свидетель Тель (стр. 179 акта), который якобы видел меня *в день пожара* перед зданием рейхстага. Не будь я случайно в этот день в Мюнхене, показания этого свидетеля безусловно сыграли бы *решающую роль* в обвинительном акте и совсем не рассматривались бы как *ошибка*» [1].

В подтверждение этой характеристики методов обвинения Димитров приводит уже известный факт со свидетельницей, которая якобы видела его вместе с Ван дер Люббе на Дюссельдорферштрассе.

Но д-р Тейхерт промолчал и на это важное письмо.

Не желая дать официальному защитнику возможность злоупотреблять своим мандатом, Димитров пишет ему 12 августа:

«Я думаю, это само собою разумеющееся дело (но чтобы предупредить какие-либо нежелательные недоразумения, я хотел бы это специально подчеркнуть), что я могу нести ответственность только за те Ваши шаги и предложения в связи с моим делом, которые Вы как мой защитник будете осуществлять на основе моих точных указаний или с моего предварительного согласия и в том духе, как я понимаю и предлагаю...

Прошу Вас принять к сведению это мое заявление» [2].

И снова никакого ответа.

17 августа Димитров напоминает Тейхерту, что до сих пор не имеет подтверждения, получил ли тот его письма и использовал ли их для соответствующих предложений о представлении доказательств. Он настаивает также на личной встрече с официальным защитником.

18 августа Димитров просит Тейхерта передать искреннюю благодарность Ромену Роллану и сообщить ему, что наручники все еще не сняты. В заключение Димитров предлагает официальному защитнику опубликовать полный текст обвинительного акта, что, как пишет он, «яви-

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 48.
[2] Там же, стр. 49.

лось бы, безусловно, самым лучшим и самым интересным доказательством моей невиновности» [1].

19 августа приходит наконец ответ Тейхерта. В нем всего несколько строк: «Как лично не заинтересованный в деле, я, вероятно, лучше могу судить, что именно в Ваших интересах, а посему, само собою разумеется, предпринимаю только те меры, которые, по моему разумению, соответствуют Вашим интересам».

Из всех предложений Димитрова о вызове свидетелей защиты Тейхерт соглашается только на приглашение одного из знакомых обвиняемого — австрийского писателя Якобуса Росснера, который имел некоторое внешнее сходство с Ван дер Люббе и мог быть спутан с тем. Об остальных же требованиях Димитрова адвокат заявляет: «В данный момент они кажутся мне неприемлемыми».

23 августа состоялась личная беседа между обвиняемым и защитником по назначению. Протекает она весьма бурно. Тейхерт категорически высказывается против выдвинутых Димитровым предложений политического характера.

Димитров едва сдерживает гнев:

— У меня такое впечатление, что «официальный защитник» в данном случае — саботажник защиты.

Тейхерт изображает возмущение:

«Вы можете защищаться как хотите, но мое право и мой долг сказать вам, что если вы будете защищаться так, как вы требуете сейчас, то непременно будете осуждены» [2].

Разгорается горячий спор о характере и методах защиты. К согласию, разумеется, не пришли, и господин Тейхерт уходит ни с чем.

Если раньше у Димитрова могли еще оставаться хоть какие-нибудь сомнения насчет роли господина официального защитника, то теперь они исчезли окончательно. Д-р Тейхерт явно имел задание помешать обвиняемому осуществить единственно возможную для того защиту — политическую — и стремился помочь следственным властям и суду в их попытках извратить и дискредитировать идеи коммунизма.

Но это еще не все.

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 50.

[2] «Там же, стр. 214.

26 августа Димитров, к удивлению своему, прочел в газете «Дейче альгемейне цейтунг» письмо, посланное Тейхертом в Париж адвокату Брантингу. Из статьи явствовало, что Брантинг и другие юристы принадлежат к числу членов «действующей за границей Международной следственной комиссии по делу о поджоге рейхстага». В своем письме Тейхерт отвергал точку зрения д-ра Брантинга, что в Германии защитник не свободен, а потому не может объективно использовать материал. Тейхерт обращался к Брантингу с призывом как можно быстрее прислать ему, официальному защитнику, «имеющийся в распоряжении комиссии материал, дабы исчерпать все возможности защиты». Это был явный трюк: получить материалы, чтобы ознакомить с ними фашистские власти и таким образом использовать эти материалы против обвиняемых.

Димитров сразу же высказывает Тейхерту неодобрение по поводу столь необычного для защитника поступка. Одновременно он напоминает, что Дечева, который специально приехал из Болгарии в Берлин, даже не проинформировали о предъявляемых обвинениях, лишили возможности вносить предложения защиты, а также собрать необходимый материал. Теперь Димитров уже без обиняков называет поведение Тейхерта саботажем защиты.

2 сентября Тейхерт отвечает Димитрову: он не позволит, чтобы обвиняемый указывал ему, как надо вести защиту; он не даст заставить себя действовать вопреки закону. Димитров, подчеркивает он, должен постоянно помнить, что речь идет не о защите Коммунистической партии, а только о защите его собственной и других обвиняемых.

Теперь между обвиняемым и защитником — открытая война. Взгляды их несовместимы.

«...Дело заключается не в том, *кто* из нас умеет лучше судить, *как* вести защиту, и еще меньше — в чрезмерно раздраженных нервах, а в том, что я придаю большое значение тому, чтобы мой соотечественник, который меня лично и мою политическую деятельность прекрасно знает и поэтому на 100 процентов убежден в моей невиновности, мог принять прямое или косвенное участие в моей защите» [1],— пишет Димитров Тейхерту 6 сентября 1933 г.

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 62.

Димитров дает ясно понять, что считает своего «защитника» орудием национал-социалистской партии.

«...Хотя я и не юрист,— продолжает Димитров,— но думаю все же, что могу понять, что назначенный защитник не обязан руководствоваться предписаниями подсудимого. И, конечно, у меня никогда не было такого намерения. Но, с другой стороны, официальный защитник также не является начальником над подсудимым и не может в данном случае действовать согласно так называемому «Führerprinzip» *. Здесь безусловно необходимо взаимное понимание между защитником и защищаемым. В противном случае подсудимый спокойно может отказаться от «блага» такой защиты и предпочесть самозащиту, хотя бы и весьма недостаточную» [1].

В своем ответе от 9 сентября Тейхерт обходил молчанием этот пункт, а говорил о «точном плане», который он составил для защиты и вручит Димитрову непосредственно перед началом процесса.

Но официальный защитник не сдержал и этого обещания. После перевода обвиняемого в Лейпциг он дважды — 19 и 20 сентября — посетил Димитрова в камере. «Ничего особенного»,— вот все, что он сказал своему подзащитному.

Итак, господин Тейхерт до последнего дня саботировал защиту!

---

* «По принципу фюрера».

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 63.

РАЗГРОМ ОБВИНЕНИЯ

Процесс начинается

Лейпциг, 21 сентября 1933 г.

Задолго до девяти часов утра в большом зале заседаний Имперского суда царит оживление.

Полицейские в форме и в штатском становятся у входов, выстраиваются вдоль стен. Первыми в зал впускают журналистов. Они рассаживаются за предназначенными для прессы столами в центре большого зала, который своими обшитыми панелями стенами, высокими узкими окнами по фасаду и тянущимися вдоль остальных трех стен галереями, опирающимися на колонны, напоминает домашнюю церковь старинного дворца.

Журналистам отведены места почетных гостей. Это — явный жест организаторов процесса, которые тем самым желают подчеркнуть его публичность вопреки распространившимся за границей и внутри Германии слухам. Журналисты располагаются двумя отдельными группами — немецкой и иностранной. Среди представителей германской прессы известных журналистов и корреспондентов не видно; сплошь одни «надежные» писаки из национал-социалистских или унифицированных газет либо свежеиспеченные новички — нацистские функционеры, которые намерены на этом крупном и верном деле сделать первые шаги своей журналистской карьеры.

От крупных газет Англии, Франции, США и других западных стран на процесс допущены только заранее «просеянные» постоянные берлинские корреспонденты. Непосредственно из своих стран прислали специальных корреспондентов лишь немногие, дружественно настроенные к нацистам зарубежные газеты. Особенно многочисленно представлена Голландия, что вполне понятно

в силу государственной принадлежности главного подсудимого Ван дер Люббе. Зато совершенно отсутствуют представители печати Советского Союза, хотя нацистская пресса клеветнически именует его «главным вдохновителем» поджога рейхстага.

Иностранные корреспонденты оживленно обмениваются приветствиями, знакомятся друг с другом, делятся впечатлениями, высказывают всякие намеки и догадки. Потихоньку рассказывают о новейшей сенсации: в последние дни им прямо в отель доставлен обширный документальный материал... Коммунистической партии Германии! Как бы ни относились к содержанию этого материала иностранные журналисты, они вполне оценили по достоинству сам факт: Коммунистическая партия Германии вовсе не «мертва», как утверждают нацисты!

Присутствующие оглядывают зал, обмениваются репликами. Вон там, вдоль торцовой стены, стоит несколько приподнятый на возвышении стол, за которым будут восседать судьи. Слева, напротив окон, а потому хорошо освещенная — скамья подсудимых в два ряда. От зала она отделена деревянным барьером, перед ней — столы защитников. Несколько чиновников кладут целую гору папок на стоящий напротив стол, за которым займут свои места верховный прокурор д-р Вернер с помощником. Справа, рядом с ним, оставлены места для представителей имперского правительства. Почти все они уже заняты; в первом ряду все узнают имперского министра юстиции д-ра Франка.

Постепенно заполняются и предназначенные для публики скамьи позади столов прессы, а также на противолежащей судейскому столу галерее. Входные билеты давались только избранным, но всех входящих в зал вновь тщательно проверяют, а потому в дверях образуются длинные очереди.

Время близится к девяти. Зал почти полон.

Вдруг гул голосов стихает. Все взоры устремлены на небольшую дверь позади скамьи подсудимых: ведут!

Иностранные корреспонденты вытягивают головы, указывают пальцами на пятерых людей, которые входят сейчас один за другим в зал; их сопровождают полицейские в форме саксонской охранной полиции. Первым вводят Ван дер Люббе. На нем тюремная одежда, руки скованы, он идет сгорбившись, с опущенной головой

и, не глядя ни на кого, садится между двумя полицейскими на первой скамье. Его внешний вид и поведение сразу привлекают внимание журналистов, и они оживленно переговариваются друг с другом. То же происходит, когда вводят следующего обвиняемого. Это Торглер. Оглядев зал, он занимает место рядом с голландцем. Затем (как и Торглер, в обычном костюме и без ручных кандалов) входят трое болгар. Корреспонденты не проявляют к ним особого интереса. Пока болгары рассаживаются на задней скамье, они склоняются над блокнотами, начинают делать первые записи.

— Скажите, вот тот, совсем сзади, вблизи судейского стола,— это Димитров, не так ли?

Да, это Димитров. Он, человек, которому предстоит вскоре встать в центре всего процесса, сидит сейчас в самом дальнем углу зала, почти невидимый для публики и представителей прессы.

За исключением Торглера, он сейчас единственный из обвиняемых, у кого в руках имеются материалы: несколько голубых тетрадей, исписанные листки и две брошюры. Одна из них — Уголовно-процессуальный кодекс в издании «Реклам», а другая —«Программа Коммунистического Интернационала». Раскладывая перед собой эти орудия своей защиты, он внимательно оглядывает зал.

Так вот она, его аудитория на ближайшие недели! Через этих людей должен он найти путь к мировой общественности, которая там — за высокими, ослепляющими ярким светом окнами. Что думают о нем сейчас эти люди? Все ли они — сплошь противники? А может быть, среди иностранных журналистов есть симпатизирующие или даже проникшие сюда под видом представителей печати друзья по партии? Допустили ли на процесс советских журналистов?

Нет, ни одного знакомого лица! От Димитрова не укрылось и то сравнительное безразличие, с каким газетчики и публика, вытягивавшие шеи, чтобы поглядеть на Ван дер Люббе и Торглера, отнеслись к нему самому и его соотечественникам. Что ж, придется привлечь к себе их внимание!

По залу проходит новое движение. Уже больше девяти. Суд идет? Но нет, взоры публики снова направлены не на стол судей, а на скамью обвиняемых. Полицейские,

стоящие между скамьей подсудимых и стеной зала, расступаются.

С моноклем в глазу в зал важно входит д-р Зак — защитник Торглера, за ним четверо помощников, нагруженных папками и целой кипой книг. Он подходит к столам, поставленным для защитников, весьма обстоятельно усаживается. Со своими помощниками и книгами он занял почти все места, отведенные для представителей защиты. Оба других официальных защитника пытаются что-то возразить. Но с д-ром Заком особенно не поговоришь. Каждым своим движением он дает понять: он здесь самая важная персона, он, собственно, главное лицо на этом процессе!

Часы показывают десять минут десятого. Наконец раздается голос служителя: «Высокий суд идет!» Все встают. В зал входят пятеро судей в багрово-красных мантиях. Впереди — приземистый лысый д-р Бюнгер, он занимает председательское место.

— Судебное разбирательство по делу Ван дер Люббе и сообщников открыто.

Димитров напряженно прислушивается к голосу этого низенького человека, который как-то визгливо произносит сейчас вступительные слова. Председателю IV Уголовного сената Имперского суда так хотелось бы, чтобы эти слова, в которых сразу же ощущается вынужденный переход к обороне, прозвучали сигналом атаки на не названного им противника. Противник этот, как выясняется,— общественное мнение, особенно зарубежное (тут д-р Бюнгер повышает голос и глядит в сторону представителей иностранной прессы), ибо своей горячей заинтересованностью оно создало атмосферу предубежденности против суда. Но германский суд не даст повлиять на себя! Он рассмотрит дело с полной независимостью, публично, без всякой предубежденности и со всей объективностью.

Димитров вспоминает о словах Фогта при первом допросе и о речи прусского министра юстиции Керля, которую он тогда процитировал следователю. С чего бы этот агрессивный тон, выдающий нечистую совесть и невольно говорящий о том, что суд переходит к обороне? Но Димитров может только догадываться о том, что разыгралось перед процессом.

Целыми месяцами министерство пропаганды, пресса, радио пугали общественное мнение Германии «ужасами

грозящего большевизма», подстрекали его против «красных», выпускали специальную литературу. Накануне процесса газета «Лейпцигер нейесте нахрихтен», как бы давая квинтэссенцию этой пропаганды, писала, что теперь необходимо вскрыть «практические разрушительные последствия» коммунистической идеологии: «именно этой цели и должен служить Лейпцигский процесс. Он должен открыть всему миру глаза на то, что любое государство стоит на краю гибели, если не находит в себе мужества подобным образом выжечь каленым железом заразу большевизма».

У национал-социалистского правительства имелись совершенно конкретные намерения. Процесс предназначался для реабилитации в глазах всего мира уже заподозренных в провокации нацистских поджигателей и палачей, он был призван оправдать варварское преследование коммунистического движения, дать новый материал для антикоммунистической травли, создать основу для запланированного процесса-монстр против руководства КПГ и, наконец, доказать, что национал-социалистское правительство успешно борется с коммунизмом и своевременно спасло капиталистическую Европу от коммунистической опасности.

Однако намеченная программа оказалась сильно поколебленной именно в глазах общественного мнения как за границей, так и в самой Германии. Загнанная в подполье, Коммунистическая партия, не останавливаясь ни перед какими жертвами, своей пропагандой подорвала доверие к нацистскому тезису и посеяла в массах сомнение в его истинности. Что касается заграницы, то там благодаря развернутой вокруг процесса кампании, изданию «Коричневой книги», деятельности Международной следственной комиссии и контрпроцессу общественное мнение было в общем и целом настроено против нацистских обвинителей, в пользу обвиняемых.

Таким образом, еще до начала процесса оборонительную позицию пришлось волей-неволей занять не только Бюнгеру, но и германскому правительству. Инспираторы процесса оказались вынужденными считаться с этой необходимостью. Но они хорошо знали, что наступление — лучший вид обороны. Раз уж под давлением зарубежной и германской общественности им все-таки пришлось открыть процесс 21 сентября, а не в конце ноября

или начале декабря, как в свое время заявил Франк, и вести его публично (хотя и со значительными ограничениями, ибо представителей социал-демократической и коммунистической прессы не допустили), они попытались с самого начала сгладить дурное впечатление, произведенное вынужденным отступлением.

Эту цель преследовала вступительная речь д-ра Бюнгера. Под этим знаком и начался процесс. Борьба против «неизвестной величины» — общественного мнения — продолжалась, будучи направлена главным образом против «шестого обвиняемого»—«Коричневой книги», «переварить» которую нацистам было весьма трудно.

Слушание дела начинается допросом Ван дер Люббе.

Хотя, согласно Уголовно-процессуальному кодексу, первая часть допроса предназначена служить установлению личности обвиняемого, верховный прокурор в первый же день процесса вызывает четырех свидетелей. В «Коричневой книге» содержались некоторые данные о пребывании Ван дер Люббе незадолго до поджога рейхстага в саксонских городишках Зёрневиц и Броквиц, где он вступил в контакт с национал-социалистскими организациями. Свидетели обвинения должны опровергнуть эти утверждения.

На первом допросе Ван дер Люббе, продолжающемся весь первый и второй день заседаний, сразу же становится ясно, кому именно национал-социалистское правительство поручило во имя спасения процесса возглавить наступление против кампании, ведущейся за рубежом. Это не кто иной, как официальный защитник д-р Зак. Именно он своим вмешательством в допрос свидетелей из Саксонии всячески старается опровергнуть утверждение «Коричневой книги». Все вопросы, которые Зак, в поддержку верховному прокурору д-ру Вернеру, ставит свидетелям, направлены на то, чтобы найти слабый пункт зарубежной кампании и нанести удар по ней, изобразить ее как клеветническую травлю с целью укрывательства настоящих поджигателей, а тем самым раз и навсегда дискредитировать «Коричневую книгу» и контрпроцесс.

А такие слабые стороны действительно имелись. При сборе, подборе и комментировании огромного материала, использованного в «Коричневой книге» для оправдания обвиняемых коммунистов и для обвинения нацистских поджигателей, редакторы допустили некоторые фактиче-

ские ошибки. После своего освобождения Димитров сам указал на некоторые из них. Но в тех условиях, в которых возникла эта документальная публикация, имевшая столь большое значение для хода антифашистской борьбы, избежать подобных ошибок было трудно. Только в середине апреля 1933 г. друзья Димитрова по партии во всем мире убедились в том, что он арестован, и узнали, в чем именно он обвинен. Лишь с того момента мог начаться сбор материала для «Коричневой книги» и его пропагандистское использование. Можно лишь поражаться, что вообще удалось не только выпустить еще во время предварительного следствия, задолго до процесса, этот большой сборник документов (объемом почти в триста страниц), но и распространить его по всему миру, больше того — в замаскированных специальных изданиях, отпечатанных на папиросной бумаге, тайно забросить тысячи экземпляров в Германию. Число сотрудников, имевшихся в распоряжении Международной следственной комиссии, было невелико, а средства ограниченны. Расследование фактов велось во многих странах, а в Германии к тому же нелегально; затем результаты сообщались в Париж. Не удивительно, что вкрались некоторые ошибки.

Обвинение не жалело усилий, чтобы попытаться опровержением некоторых второстепенных утверждений этого неприятного для нацистов документа отвлечь внимание от содержавшихся в нем главных обвинений и разоблачений.

Помпезный выход д-ра Зака в зал суда был, таким образом, не случаен. Национал-социалистское правительство явно сознавало, что составленный в июле обвинительный акт стал уже непригоден и что при данном составе суда, назначенного в более ранней стадии, при нынешних обстоятельствах могут возникнуть различные трудности. С другой стороны, отступить теперь оно уже не могло. Не могло оно также ни назначить новый состав суда, ни подготовить новый обвинительный акт, ни ждать окончания работы над новым Уголовно-процессуальным кодексом. Все это потребовало бы отсрочки процесса (Франк и предлагал ее), но зато дало бы новую пищу для кампании за рубежом. В этой сложной ситуации и нашли «спасителя» в лице д-ра Зака.

Первый день процесса, казалось, говорит о правильности такой тактики. Обвинение одерживает один «успех» за другим.

Например, иностранная пресса поставила под сомнение подлинность голландского паспорта Ван дер Люббе. Но голландские власти подтверждают ее. Орфографическую ошибку в своей подписи в паспорте, которая служила доказательством произведенной в Германии подделки документа, Ван дер Люббе на заседании суда объясняет тем, что один из его товарищей по ночлежке что-то нацарапал в нем.

Допрос Ван дер Люббе относительно его политического прошлого, происходивший под руководством д-ра Бюнгера и при содействии полицейского комиссара Гейзига, рисует облик смутьяна, который постоянно околачивался в кругу безработных, вечно скандалил с полицией, организовывал нападения на благотворительные учреждения и, во всяком случае, был «коммунистом по убеждениям».

Блестяще «опровергнуто» и другое утверждение «Коричневой книги». Специально приглашенные свидетели показывают, что Ван дер Люббе — вовсе не тот человек, который выдавал себя за национал-социалиста и остановился в Броквице у своих друзей по партии. Нет, он только переночевал в ночлежке соседнего населенного пункта Зёрневиц, его просто спутали.

Второй день процесса проходит под флагом дальнейшего «разоблачения» «Коричневой книги». Перед началом заседания помощник верховного прокурора д-р Паризиус зачитывает телеграмму национал-социалиста Хайнеса из штаб-квартиры штурмовиков (СА), который, по утверждению «Коричневой книги» и зарубежной печати, непосредственно участвовал в поджоге рейхстага. Хайнес же заявляет, что с 26 февраля до 1 марта он находился в Глейвице, это может подтвердить ряд свидетелей, и просит суд оградить его от инсинуаций «Коричневой книги».

Далее, директор тюрьмы предъявляет письмо, написанное Ван дер Люббе в камере. Оно должно «доказать», что тюремные власти стремились помочь Ван дер Люббе, а тем самым «опровергнуть» сообщения о плохом обращении с обвиняемым и ограничении его права на защиту.

И, наконец, медицинский эксперт д-р Бонхёфер подтверждает отличное психическое состояние Ван дер Люббе.

Каждый раз д-р Зак тут как тут, лишь только требуется еще более явно «разоблачить» какую-нибудь «ложь» «Коричневой книги».

Эта весьма ловко проведенная атака на зарубежную кампанию, особенно на «Коричневую книгу», производит некоторое впечатление. Правда, суд остерегается даже упоминать о содержащихся в «Коричневой книге» действительных обвинениях, правильность которых подтвердилась в дальнейшем ходе процесса. Но немногие внешне удавшиеся опровержения второстепенных утверждений «Коричневой книги» (которые, действительно, не являлись вполне неуязвимыми) поначалу дискредитируют этот опасный для фашизма сборник документов как ненадежный в целом. Немецкие газеты в своих отчетах о первых двух днях слушания дела пишут уже о «полном крахе утверждений иностранной прессы». Впрочем, удивляться их позиции не приходится. Но даже в сообщениях представителей зарубежной печати ощущается некоторое смущение: а может быть, они и впрямь попались на удочку коммунистической пропаганды?

Эта слишком поспешная оценка результатов первых двух дней процесса побудила суд, который и в дальнейшем охотно прислушивался к подсказкам нацистской прессы, сделать шаг, в котором вскоре приходится раскаяться и д-ру Бюнгеру, и его доверителям.

Первоначально после Ван дер Люббе должен был подвергнуться допросу Торглер. Так объявил председатель суда. Иначе и быть не могло, если хотели следовать порядку обвинительного акта. Поэтому полной неожиданностью для всех явилось сообщенное д-ром Бюнгером 23 сентября решение суда допросить вместо Торглера болгар.

Первым вызывают Димитрова.

Димитров не ожидал этого вызова: он еще не знал, что Торглер тем временем уступил давлению национал-социалистов и стал проводить капитулянтскую линию. Ведь отсрочка допроса Торглера явно означала: пусть сначала болгары изложат свою коммунистическую программу, чтобы дать д-ру Заку возможность под маской защиты «более безобидного» Торглера перейти в наступление на «мировой коммунизм».

В ожидании своего вызова сразу после допроса Торглера Димитров все же успел сделать некоторые заметки

для своего первого выступления. Он внимательно следил за ходом предыдущих заседаний и тщательно проштудировал сообщения тех национал-социалистских газет, которые смог получить. От него не укрылись как намерения руководителей процесса, так и впечатление, произведенное слушанием дела на представителей прессы, в том числе иностранной. Он все больше осознавал огромное значение, которое приобретало именно его первое выступление. Представители зарубежной печати служили единственным связующим звеном между ним и массами за стенами тюрьмы и зала суда — в Германии и во всем мире. Надо превратить этих иностранных корреспондентов, находящихся под влиянием нацистского суда, в орудие своего контрнаступления.

То обстоятельство, что суд, допрашивая Ван дер Люббе, сам вышел за узкие рамки установления его личности и углубился в выяснение политических вопросов, было Димитрову на руку. Раз позволительно судьям, тем более можно ему! Господа хотят заниматься политикой? Тогда пусть поглядят, что это значит, когда политикой займется коммунист!

Подчиняясь вызову председателя суда, Димитров собирает свои бумаги, идет — теперь уже видимый всеми и сопровождаемый взглядами всего зала — к судейскому столу и останавливается перед ним. Он становится так, что слова его будут обращены не только к судьям, но и к залу, причем именно в ту сторону, где сидят иностранные журналисты.

Уверенным движением руки Димитров придвигает к себе микрофон — как раз этим утром была закончена радиофикация зала. Это металлическое кольцо с алебастровым ящичком в середине для него сейчас — весь мир, огромный мир, миллионы уже приобретенных друзей и миллионы тех, кого еще только надо завоевать на свою сторону. Наконец он сможет говорить с ними после более шести месяцев изоляции.

Говорит Димитров

В огромном зале парижского «Пале де мютуалите» собрались свыше тысячи юношей и девушек. Революционная молодежь всего мира прислала сюда своих делегатов, чтобы совместно обсудить вопросы борьбы против

войны и фашизма. Впервые на Запад прибыла и делегация молодежи Советского Союза, чтобы на большом публичном митинге установить контакт с молодежью Западной Европы и Америки.

С напряженным вниманием слушает зал выступление украинской колхозницы: она рассказывает о новой, прекрасной жизни, которую социализм принес сельской молодежи.

В это время из-за кулис выходит юноша и быстро идет к столу президиума. Он наклоняется к председателю и протягивает ему листок бумаги, который сразу переходит из рук в руки. Видно, как загораются радостью лица читающих. За столом президиума — с трудом сдерживаемое возбуждение.

Но вот украинская делегатка заканчивает свою речь и покидает трибуну.

Поднимается председательствующий на митинге высокий худой человек. Это Анри Барбюс. Обычно столь серьезное и даже печальное, лицо его сейчас мальчишески весело светится. Он поднимает руку, призывая к тишине. Молодежи в зале уже передалось возбуждение президиума.

— Товарищи!— восклицает Барбюс, и сразу становится тихо.— Товарищи, мы только что получили сообщение, которое наполнит вас мужеством и уверенностью. Я даю...

Но, прежде чем он успевает произнести фамилию оратора, которому предоставляется слово, на сцену уже взбирается молодой французский рабочий со свежим номером газеты «Тан» в руке — он купил его только что на улице:

— Товарищи! Последнее сообщение из Лейпцига, с процесса о поджоге рейхстага! Товарищи...

Делегаты в передних рядах привстали.

— ...Сегодня утром Георгий Димитров произнес большую, двухчасовую речь. У нас имеются только краткие телеграммы корреспондента «Тан». Но между строк мы слышим голос коммуниста...

Весь зал встает:

— Читать! Прочесть!

Читается отклик консервативной французской газеты. Но даже ее сообщение вызывает восторг юношей и девушек, собравшихся в этом зале со всего мира.

— Я горжусь героическим восстанием болгарских рабочих и крестьян... Верно, что я большевик, пролетарский революционер... Но именно поэтому я не авантюрист-террорист, не заговорщик и не поджигатель... Я нахожусь здесь для того, чтобы защищать коммунизм и самого себя!.. Само собою разумеется, что для моей борьбы годились все средства, как легальные, так и нелегальные... Если бы вы были так же невиновны, господин председатель, как я, если бы вас так же бросили в тюрьму и держали в ней пять месяцев, как меня, к тому же закованным, вы поняли бы, что я должен говорить именно так!

По залу прокатывается волна воодушевления:

— Димитров! Да здравствует Димитров!

Нет, теперь не до остальных ораторов! Председатель закрывает митинг. Молодежь группами, взявшись за руки, возбужденно жестикулируя, с пением выходит на улицу. Повсюду, на улицах и площадях Парижа, в кафе, у заводских ворот, перед зданиями учреждений, стоят группы людей — так же, как в Лондоне, Брюсселе, Амстердаме, Цюрихе, Вене. Они склонились над вечерними выпусками газет, обмениваются мнениями об этом большом событии, об этом человеке, который не побоялся в логове фашистского зверя с такой силой поднять свой голос.

Свершилось великое дело.

Первыми же словами Димитров сумел заставить служить своему делу даже врагов. Ведь это благодаря сообщениям буржуазных корреспондентов о нем узнали массы и он нашел путь к их сердцам. А те самые люди, которые еще вчера, быть может, пожимали плечами или с некоторым сожалением приходили к выводу, что суду будет легко справиться с «этими коммунистами», теперь невольно стали пропагандистами коммунизма.

Никто из тех, кто смотрел на Димитрова, когда он утром начал свое выступление перед фашистским судом, даже и не предполагал, что этот день явится для обвиняемого двойным праздником.

Это был прежде всего день, когда Димитров наконец получил возможность перед лицом общественности опровергнуть возведенную на него гнусную ложь, показать свое подлинное лицо коммуниста и тем продемонстрировать величие того дела, которое он защищает. И это

был день десятой годовщины того события, которое являлось кульминационной точкой в его жизни революционера и борца.

Журналисты еще только начали делать свои беглые заметки, когда Димитров спокойным, почти тихим голосом стал рассказывать о своем жизненном пути.

— Я — сын рабочего класса Болгарии,— произнес Димитров. Журналисты поначалу не обратили внимания на эти слова, посчитав их лишь ораторским приемом. Но дальнейшее заставляет их прислушаться:

«Тысячи и тысячи крестьян, рабочих, интеллигентов убиты... Все права и свободы народных масс уничтожены...» [1]

О чем, о какой стране он говорит? Журналисты вопросительно глядят на судей. Ах да, это же он о Болгарии!

То было ровно десять лет назад.

«*23 сентября — восстание рабочих и крестьян под руководством Коммунистической партии против мучителей народа и узурпаторов власти, за рабоче-крестьянское правительство.*

В этом восстании я, *как уполномоченный* моей партии, принимал *активное и руководящее* участие» [2].

Теперь обвиняемый говорит уже громко. В словах его звучит гордость. Судьи беспокойно ерзают на стульях. Журналисты переглядываются: да, это не жалкий лепет голландца в первые два дня! Некоторые из них хотели бы выйти, чтобы побыстрее послать в свою редакцию телеграмму о такой сенсации. Но никто не уходит. Потому что голос обвиняемого становится все решительнее.

«*Я горжусь этим героическим восстанием*» [3],— бросает он в зал.

Журналисты лихорадочно строчат в своих блокнотах. Итак, подействовало! Теперь они — в его власти, он добился этого! Теперь его слова достигнут тех, кому они предназначены — массам в Германии и во всем мире,— вольют в них мужество и веру в победу.

Тут председатель теряет терпение. Он пытается смягчить воздействие слов Димитрова:

— Разве вы были приговорены в Болгарии к смертной казни не за создание вооруженных банд?

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 69.

[2] Там же.

[3] Там же.

Да, Димитров был приговорен к смерти.

— Но я не создавал никаких «банд»! — говорит Димитров. — Это было вооруженное восстание измученных народных масс.

И он продолжает:

«...Партия получила кровавый урок и учитывает его. И освободительная борьба болгарских рабочих и крестьян под руководством Коммунистической партии, освещаемая великим опытом Сентябрьского восстания, неуклонно идет вперед, к окончательной победе.

Для *искоренения коммунизма* фашистские правительственные банды непосредственно после восстания и в течение последующих двух лет убили свыше 20 тысяч рабочих, крестьян и интеллигентов... И несмотря на это, коммунизм в Болгарии в настоящий момент имеет несравненно более глубокие и крепкие корни, чем в 1923 г. Это является хорошим предупреждением всем ревностным искоренителям коммунизма в других странах...» [1]

Сказано ясно и понятно.

Председатель обрывает Димитрова:

— Вы здесь не обвинитель, а обвиняемый!

— Я здесь для того, чтобы защищать коммунизм и самого себя!

И дальше, рассказывая свою биографию, Димитров в зале фашистского судилища излагает основные тезисы Программы Коммунистического Интернационала. Все чаще пытается председатель сбить его своими репликами, но каждый раз получает резкий отпор. Не давая помешать себе, Димитров, следуя заранее составленному конспекту своей речи, развертывает политическую программу социалистической революции, провозглашает необходимость массовой борьбы за диктатуру пролетариата; он осуждает методы индивидуального террора и заговорщических авантюр и изобличает нацистскую демагогию; он показывает цели и задачи коммунизма и блестящие успехи социалистического строительства в Советском Союзе. Парируя реплики д-ра Бюнгера, Димитров направляет острие своего выступления на разоблачение пристрастных и низких методов предварительного следствия, выступает против ограничения своего права на защиту, против фальсификаций, против наложения кандалов.

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 70.

Все чаще, но все беспомощнее попытки председателя ослабить впечатление, произведенное этой речью.

Поединок длится два часа. Все яснее становится, кто одержит верх. С возрастающим интересом внимают журналисты речи выдающегося народного трибуна. Напряженно прислушиваются даже нацистские журналисты-дебютанты. Кое-кто в публике пытается поддержать аплодисментами грубый окрик председателя, но их сразу одергивают: все хотят слышать ответ Димитрова.

Выступление Димитрова близится к концу. Теперь он переходит к последней теме, намеченной в его плане наступления,— к показу несостоятельности всего предварительного следствия. Одновременно он дает понять свою конечную цель — разоблачение действительных сообщников Ван дер Люббе.

«Все предварительное следствие против меня велось с предвзятостью и с явным намерением *любой ценой* вопреки всем противоречащим этому фактам сфабриковать из меня для Имперского суда поджигателя рейхстага, после того как длившееся месяцами предварительное следствие оказалось не в состоянии, как это теперь для меня ясно, найти настоящих виновников» [1].

Еще несколько вопросов и ответов, и председатель закрывает заседание.

Иностранные корреспонденты срываются со своих мест, мчатся в телефонные кабины, на почтамт. Во все концы мира летят телеграммы, передаются телефонные сообщения, которые доносят до общественности слова замечательного болгарина. Вряд ли кто-либо из журналистов отдает себе при этом отчет, что под влиянием коммуниста Димитрова он сам стал орудием в этом поединке и бессознательно оказывает услугу самому непобедимому и великому делу в мире — социализму.

Но кое-кто все-таки понял, что произошло. Это было руководство нацистской пропаганды. Димитрову стало ясно это из передовых статей фашистских газет за 24 сентября. Все они оказались вынужденными высказаться по поводу его выступления на суде.

Газета «Фёлькишер беобахтер» пыталась сделать вид, будто вполне довольна ходом событий. «...Димитров вошел в раж... глаза его пылают гневом. Он гордится

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 72.

тем, что стоял во главе восстания. Жаль только, что болгарские коммунисты тогда были более оппортунистичны, нежели революционны, что они еще не были тогда настоящими большевиками! Правильно, господин Димитров: по крайней мере сразу ясно, что и как, и понятнее, с кем именно имеет дело Имперский суд, занимаясь вашей интересной личностью!»

Лейпцигские газеты пробовали подхватить тот же тон. Но их корреспонденты и редакторы сильнее испытали на себе непосредственное впечатление от поведения и речи Димитрова, а потому им не удалось полностью скрыть тот страх, который нагнало на них его выступление.

«Он — болгарин, человек из народа, который сумел подняться сам, своими широкими плечами...— писала «Нейе лейпцигер цейтунг».— Одно перечисление городов и стран, где он побывал, говорит о том, что он был фанатическим приверженцем коммунистической идеи... Димитров — отборный экземпляр этой породы людей. Лишенный чувств, он и обращаясь к другим не апеллирует к чувствам. Он изучил характер человека, как закон, чтобы использовать его в своих целях. Он законченный психолог. Д-ру Бюнгеру не так-то легко было вновь усадить на скамью подсудимых этого человека с вулканическим темпераментом. Он использовал радиотрансляцию так, как было нужно ему, не забывая при этом непосредственно обращаться к иностранным корреспондентам. Это то эхо, которое он ищет, и — как видно из мировой прессы — он найдет... И вот этот субъект, который гордится тем, что возглавлял революционное восстание, который кричит прямо в лицо любому человеку буржуазного класса, что боролся против него, который отбрасывает прочь всякую сентиментальность, вызывает аплодисменты у буржуазных корреспондентов из-за границы! Но неужели же люди буржуазного класса действительно столь внутренне сломлены, что отдельный коммунист, который борется за свое учение и за свою жизнь, рассматривается ими как герой?.. Неужели распад и декаданс европейца зашли уже столь далеко, что он ищет и находит удовлетворение в своей слабости и избегает любой борьбы? Сегодня надо бороться — на той или на другой стороне».

А газета «Лейпцигер нейесте нахрихтен» в своей передовой писала: «Мы, являющиеся, так сказать, первыми

хронистами этого гигантского процесса, не имели бы никакого основания как-либо вторгаться и выходить за рамки хорошо продуманного плана его заседаний, который имеет на каждый день цель, поставленную его образцовым председателем, если бы на третий день слушания дела к барьеру не подошел болгарин Димитров — человек, являющийся, несомненно, коммунистом большого масштаба! Этот человек не имеет ничего общего с политическим сектантством Ван дер Люббе и с революционным чиновничеством Торглера. В лице Димитрова идея коммунизма — не только пламя, не только программа действия, но и самая ужасающая политическая реальность... После первых же слов Димитрова чувствуешь, что этот человек уже включил данный большой процесс в свою подчиненную исключительно политическим целям жизнь. Он хочет немедленно добиться превращения трибунала в политическую арену... Зал заседаний вдруг оказался заряжен политической энергией... Совершенно все равно, какую роль играл он в поджоге рейхстага. В любом случае уже доказано, что Димитров — политический поджигатель чудовищного масштаба... Культурный мир должен сорвать эту ставшую плотью Программу III Интернационала, если не хочет погрузиться в бесконечную кровавую ночь».

Димитров читал эти строки не без чувства триумфа. А ведь он не знал еще, что пишет зарубежная пресса! Но если так уже заговорила даже печать противника!..

И он представил себе, какими глазами будут читать немецкие рабочие это наполненное ненавистью и вместе с тем явно дышащее страхом описание его личности и поведения на суде. «Ставшая плотью Программа III Интернационала»— разве это не высшая похвала для пролетарского революционера?! И разве подвергающиеся преследованиям, угнетенные и измученные немецкие трудящиеся не ощутят сразу же, что́ именно сказал он и хотел сказать? Придаст ли это им новые силы в тяжкой борьбе, которую они ведут изо дня в день и в которой кое-кто уже, возможно, потерял мужество?

Итак, первый решающий шаг сделан, и он принес победу. Но яростное рычание раненого противника говорит о том, что и тот тоже кое-чему научился и теперь окажет энергичное сопротивление.

Битва началась хорошо. Но она еще только началась.

Два плана, два метода, два мира

Так первой речью Димитрова 23 сентября, собственно, и начался по-настоящему процесс, который превратился в нечто совершенно иное, нежели задуманное национал-социалистами, больше того, привел к прямо противоположному результату. Димитров разгромил тщательно, до мельчайших деталей разработанный план организаторов процесса, противопоставил им свой собственный метод и тем самым подготовил тот приговор коммунизма фашизму, который он произнес в своей заключительной речи перед судом 16 декабря. Эта речь фактически и завершила процесс.

Вернемся же вновь к обвинительному акту, чтобы посмотреть, чего именно хотели организаторы процесса.

Ван дер Люббе, признавший себя виновным, подлежал «разоблачению» как член Коммунистической партии Голландии. Изучение обстоятельств пожара должно было доказать, что план поджога был разработан коммунистами, которые для его осуществления завербовали Ван дер Люббе в Нейкельне. Описание поджога, данное самим Ван дер Люббе, было так дополнено показаниями «надежных свидетелей», что явствовало: во-первых, у него имелись сообщники, а во-вторых, сообщники эти весьма хорошо знали здание рейхстага. Требовалось доказать, что этими соучастниками являлись Торглер и болгары. Состав преступления подпадал под действие изданного 29 марта закона о введении и применении смертной казни — так называемого «закона Ван дер Люббе»— и тем самым влек за собой смертный приговор. За исключением подлежавшего доказательству тезиса о принадлежности Ван дер Люббе к Коммунистической партии, эта часть обвинительного акта должна была рассматриваться совершенно вне взаимосвязи со всеми политическими вопросами. Лишь только после того, как обвиняемые оказались бы изобличенными в инкриминируемом преступлении, следовало доказать, что поджог являлся частью преступной системы действий Коммунистической партии Германии, а таким образом и всего мирового коммунистического движения. Тщательное разграничение рассмотрения дела на «чисто человеческую» и особую «политическую» часть имело решающее значение для осуществления этого плана организаторов процесса.

По каждому важному пункту обвинения имелся свой главный свидетель. Показания этих коронных свидетелей явно были тщательно подготовлены заранее, и всему надлежало идти без сучка и задоринки. Решающих свидетелей подобрали так, чтобы они являлись вполне «надежными» для суда и защиты, над которыми висел дамоклов меч «национальной чести».

Первая группа свидетелей состояла из высокопоставленных национал-социалистских чинов. Достоверность показаний второй группы подкреплялась тем, что (как это имело, например, место с Гроте) их «сведения в значительной мере совпадали с материалами остальных доказательств». Не удивительно, так как все доказательства фабриковались в одном источнике! Третью группу, которая состояла из узников концентрационных лагерей и заключенных тюрем, рассчитывали заставить дать нужные показания под угрозой мести, перед которой эти свидетели были беззащитны.

Весь план строился в расчете на то, что суд будет иметь дело с обвиняемыми, которые уже сломлены длительным заключением и варварским обращением, а также совершенно парализованы и приведены в небоеспособное состояние усилиями защиты, безоговорочно преданной закулисным инспираторам процесса. При таких обстоятельствах гладкому течению процесса или ускоренному слушанию дела не мог помешать и допуск более широкой «общественности». Нацисты явно полагали, что триумфальное осуществление намеченной ими программы приведет благодаря соответствующей информации к желанному успеху за границей, т. е. обезвредит зарубежную «кампанию травли» и приведет к восхвалению национал-социалистского правительства как «спасителя» западного мира от коммунизма.

Но, как говорится, расчет был сделан без хозяина.

Уже своей первой речью Димитрову удалось показать, что он стремится и способен сорвать весь этот план и шаг за шагом сбить процесс с намеченной нацистами линии. Слишком рано «Фёлькишер беобахтер» поспешила в статье некоего «истинно германского» барона дю Перля под заголовком «Роль Димитрова кончена» сообщить 26 сентября: «Клин, который этот отпетый тип пытался вбить между германской и иностранной прессой, оказался неэффективным ввиду дальнейшего поведения подсуди-

мого. В конце заседания реакция всего зала дала ему почувствовать, что поведение его рассматривается всеми пусть как довольно забавное, но отнюдь не как подходящее, и уж, во всяком случае, не как оправданное».

Подготовка к процессу показала, что национал-социалисты рассчитывали покончить с делом в течение нескольких недель. Но в конце первого месяца заседаний председатель суда д-р Бюнгер озабоченно заметил, что «процесс страшно затянулся», и в объяснение привел причину: «Слишком много задается вопросов!»

Именно этого и не ожидали руководители процесса. Димитров широко воспользовался своим правом задавать вопросы, которое он, согласно Уголовно-процессуальному кодексу, имел не только как обвиняемый, но и как защитник. Бюнгер постоянно обвинял его в «злоупотреблении правом задавать вопросы» и всячески старался ограничить это право. Постоянно повторяемое Димитровым: «Я спрашиваю...» (он произносил это с болгарским акцентом) стало крылатым словом среди журналистов и в кулуарах суда.

Но особенно злило председателя и нарушало планы суда то, что Димитров не ограничивался одними только вопросами. Большинство его вопросов сопровождалось краткими, а иногда и несколько более длинными заявлениями. Бюнгеру не раз приходилось обращать внимание обвиняемого на то, что тот не должен под видом вопросов произносить защитительные речи. Важнейшие вопросы и заявления Димитров формулировал в устных или письменных требованиях о вызове свидетелей и представлении доказательств. Такой тактикой Димитров постепенно добился, что рассмотрение дела все больше вел уже не председатель, а он. Бюнгеру не раз приходилось озабоченно и нервозно признавать и это. Тщетно заявлял он, что не позволит сбить себя с толку.

Корреспондент голландской газеты «Де телеграф» сообщал 2 ноября: «Димитров значительно превосходит этого старого господина своей хитростью и ловкостью. Он непрерывно выманивает того из его будки, и бравый председатель мчится за ним, а потом никак не может найти путь обратно».

26 сентября, три дня спустя после первой речи Димитрова, Бюнгер уже оказался вынужденным сообщить о «полной перестройке слушания дела».

Государственному обвинению не удалось сохранить в тени и избежать допроса упомянутых в обвинительном акте второстепенных свидетелей, которых не собирались вызывать на процесс. Пришлось вытащить их на свет божий, и на глазах суда и мировой общественности эти свидетели обвинения превращались в свидетелей в пользу обвиняемых. Первоначальные столпы обвинения рушились один за другим. Методы фабрикации подставных свидетелей становились видны всем. Рухнуло все здание обвинения коммунистов в соучастии в поджоге рейхстага. Общественности стало ясно, что обвинительный акт лишился всякой ценности. Понадобилось в страшной спешке фабриковать новых свидетелей и срочно вызывать их в суд. Более того, суду пришлось выдвинуть на позиции орудия сверхтяжелого калибра — пригласить на процесс национал-социалистских лидеров, что первоначально не планировалось.

Под натиском «вопросов» Димитрова суд оказался вынужден, хотя бы для видимости, потянуть за новые нити следствия. Тем самым были фактически пригвождены к позорному столбу методы предварительного следствия. В ходе рассмотрения доказательств и по мере выяснения фактических материалов по делу суду все больше становилось не по себе. Все чаще приходилось неожиданно прерывать заседания и объявлять длительные перерывы. Все продолжительнее становились совещания, на которые удалялся суд, чтобы решить вопрос об удовлетворении заявлений Димитрова насчет свидетелей и доказательств.

Бюнгер стремился поскорее покончить с предъявлением доказательств. 11 ноября он заявил, что допрос остальных свидетелей необходимо значительно ускорить, чтобы побыстрее перейти к «политическому комплексу». Сигнал подал Геббельс. 8 ноября он произнес речь, которая задала тон: дело, мол, не в доказательстве непосредственного соучастия Торглера и болгар; для моей пропаганды хватит и доказательства того, что они были идейными инициаторами поджога рейхстага.

Сам Геббельс уже больше не ждал от процесса ничего хорошего. 13 ноября нацистская пресса получила указание ежедневно публиковать о процессе не более 60 строк. 18 ноября газета «Ангриф» («Наступление») своей статьей «Виновны или невиновны?» фактически протрубила отсту-

пление. Гиблое дело должна была спасти политическая часть процесса.

Но переход в чисто политическую область лишь отвечал планам Димитрова. Политическая часть процесса в конечном итоге принесла триумф коммунизму.

Уже в начале этой последней стадии процесса корреспондент «Де телеграф» писал 26 ноября: «Димитров действительно взял в свои руки руководство процессом. Председатель все время дает увлечь себя в политическую область. Димитров тащит за собой даже верховного прокурора, который хочет заставить свидетелей-коммунистов дать показания о нелегальных целях Коммунистической партии, но получает такие четкие ответы, которые делают честь допрашиваемым». Тем самым буржуазный корреспондент констатировал, что свидетели политической части процесса говорили не против коммунизма, а в его пользу.

Учитывая тот оборот, который принял процесс, политическая часть, если подходить с точки зрения обвинения, была построена совершенно неверно. Основополагающий доклад «Об изменнических стремлениях Коммунистической партии» базировался на цитированной в обвинительном акте полицейской памятной записке. Она была составлена в июле 1933 г. и затем, предположительно, несколько дополнена в августе и сентябре. Многочасовое чтение этого материала полицейским чиновником уголовным советником Гелером — начальником «Центрального бюро по надзору за коммунистическим движением»— произвело убийственное впечатление даже на самих судей. Бюнгер призвал Гелера ограничить свои показания и по возможности приводить лишь те данные, которые исходят от официальных служащих полиции, ибо иначе «такие сведения было бы технически трудно проверить». Иными словами: обильно использованные в докладе сообщения полицейских шпиков показались теперь компрометирующими даже самому суду. Но и с учетом этих сообщений реферат Гелера не содержал ни единого слова, которое могло бы служить доказательством подготовки коммунистами восстания и оправдывало бы характеристику пожара рейхстага как сигнала к нему!

Свидетели-коммунисты, которые, давая на суде устные показания, отказались от своих запротоколированных показаний на предварительном следствии как от полученных силой, сделали непригодным весь материал Гелера.

«Спаситель» д-р Зак уже отказался от состязания и больше на заседания не являлся. Верховный прокурор настолько был сбит с толку, что неоднократно обращался к подсудимому со словами «господин Димитров». Теперь именно прокурор требовал сократить допрос свидетелей по данному пункту. Своей иронической репликой: «Не увиливайте, господин верховный прокурор!»— Димитров 1 декабря зафиксировал это свершившееся отступление обвинения.

К концу процесса верховный прокурор оказался перед грудой развалин. Речи прокурора были жалкой попыткой спасти рушащееся обвинение: никто в зале их даже не слушал и не воспринимал всерьез. Все знали, что в ходе процесса его обоснование стало делом второстепенным. Главный результат: национал-социалистские организаторы суда оказались побежденными!

В этом весьма драматическом в целом ходе процесса имелись отдельные кульминационные политические моменты, которые каждый раз означали крах того или иного тезиса обвинения и выявление правды о поджоге рейхстага.

Бросим взгляд на эту цепь успехов Димитрова, наложивших отпечаток на весь процесс и предопределивших его исход.

23 сентября, в день первой речи Димитрова перед судом, уже первая часть процесса вопреки воле его организаторов приобрела политический характер. В зал в качестве обвинителя вошел Коммунистический Интернационал, а германскому фашизму пришлось занять место на скамье подсудимых. Одновременно именно благодаря этому открытому политическому наступлению — в результате присутствия на процессе иностранных корреспондентов — был установлен контакт с мировой общественностью.

26 сентября Димитров задает свои первые вопросы наступательного характера. Они адресованы Ван дер Люббе:

«Непонятно, почему Ван дер Люббе раньше давал такие подробные показания следователю, а здесь, на открытом заседании суда, молчит и не дает никаких ответов. Если он действительно нормальный, как утверждают эксперты-профессора, остается лишь предположить...» [1]

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 115.

Верховный прокурор перебивает Димитрова: обвиняемому нечего строить здесь какие-то предположения, ибо он может задавать вопросы исключительно в связи с теми тремя поджогами, которые тут рассматриваются. Димитров отвечает:

«Сейчас я это сделаю. Во всяком случае, я должен хоть раз высказать свою точку зрения. Ван дер Люббе был простой, довольно хороший парень. Он был каменщиком, странствовал, ездил и после этого он совершил это преступление. Тут могут быть только два предположения: либо Ван дер Люббе безумец, либо он нормальный человек. И если он нормальный и молчит, то молчит, подавленный чудовищным бременем преступления против рабочего класса. Я задам Ван дер Люббе следующий вопрос: *слышал ли он хоть раз когда-либо в жизни мое имя*?» [1]

Председатель прерывает Димитрова: вопрос не разрешается, он неуместен.

Но Димитров не отступает. Обращаясь к Ван дер Люббе, он громко говорит:

«Он должен сказать правду!

Председатель: Вы не имеете права спрашивать, спрашиваю я. (Ван дер Люббе молчит.)

Димитров: Я ставлю и следующий вопрос Ван дер Люббе.

Председатель: Какой?

Димитров: Почему он так ведет себя здесь? Почему он говорит сначала «да», потом «нет», в третий раз «да» и «нет», а в четвертый совсем ничего не говорит? Понимает ли он это или нет? Поистине великолепно! Смешно!

Председатель: Послушайте, вы не имеете права здесь вмешиваться в ход дела. Вы выступаете так, словно вы непосредственно участвуете в ведении заседания. Я отклоняю ваш вопрос.

Димитров: Третий вопрос: говорил ли Ван дер Люббе с кем-нибудь об этих поджогах?

Председатель: К чему этот вопрос?

Димитров: Сговаривался ли он с кем-нибудь об этом?

Председатель: Этот вопрос отклоняется.

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 115—116.

Димитров: Последний вопрос: зачем он совершил это чудовищное преступление против рабочего класса Германии и *с кем* он его совершил?» [1]

Зал, отвечавший оживлением на настойчивые вопросы Димитрова, теперь приходит в возбуждение, а д-р Бюнгер проявляет крайнюю нервозность:

«Итак, я отклоняю ваши вопросы. Все это мы уже слышали. Он совершил это один, а причины он частью указал, частью нет. Хватит, довольно вопросов» [2].

Суд поспешно удаляется на совещание, а когда возвращается, д-р Бюнгер сообщает решение: подсудимому Димитрову больше не разрешается задавать вопросы, так как он злоупотребил этим своим правом и спрашивает только для того, чтобы вести коммунистическую пропаганду. Димитров пытается продолжить говорить, но полицейские силой заставляют его сесть на место.

«Председатель: Довольно, Димитров!

Димитров: Я протестую против этого!» [3]

Что означал этот эпизод, важность которого суд признал запретом дальнейших вопросов, а германская и зарубежная печать — подробными корреспонденциями? Для каждого, кто следил за процессом, стало ясным: если бы коммунисты в самом деле действовали вместе с Ван дер Люббе или же имели с ним какие-либо отношения, связанные с поджогом рейхстага, Димитров никогда не рискнул бы задать Ван дер Люббе такие вопросы. А что, если бы Ван дер Люббе назвал своих соучастников? Вопросы Димитрова и та настойчивость, с какой он добивался ответа на них, были самым убедительным доказательством невиновности болгарского коммуниста. С этого дня, как показала вся иностранная пресса, сомнений в несостоятельности обвинения, выдвинутого против болгар и Торглера, больше уж не было.

28 сентября Димитров наносит решающий удар по методам предварительного следствия. Ставшие позднее известными факты фальсификации и вымогательств, к которым прибегали следственные власти, чтобы сфабриковать обвинительный материал и вложить в уста свидетелей нужные показания, лишь дополнили эту перво-

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 115—116.
[2] Там же, стр. 116.
[3] Там же.

начальную констатацию. В качестве объекта для демонстрации методов предварительного следствия Димитров избирает злополучного господина Фогта. Димитров заставляет его на открытом заседании признать ряд сознательных фальсификаций и публикаций, вводящих общественность в заблуждение.

16 октября под ударами Димитрова, в результате его вопросов и констатаций, рассыпается искусно сконструированное описание обстоятельств самого поджога, совершенного Ван дер Люббе. Допрошенные в ходе пяти заседаний свидетели давали противоречивые показания по вопросу о количестве лиц, которых они якобы видели проникающими в здание рейхстага, в отношении обстоятельств обнаружения пожара и сообщения о нем, а также о размерах виденных ими очагов пожара и его следах, об использованных горючих материалах, об аресте Ван дер Люббе и найденных при нем предметах. Особенно заметны эти вопиющие противоречия в освещении странных обстоятельств, при которых властям было сообщено о пожаре. «Неизвестные и не поддающиеся розыску гражданские лица», которые первыми сообщили о нем, служили той нитью, которая могла бы привести к обнаружению действительных поджигателей. Окончательно доказано, что главный очаг пожара был создан не Ван дер Люббе, а другими людьми и что этих параллельно действовавших поджигателей должны были впустить в рейхстаг находившиеся внутри него лица, которые хорошо знали все здание, а особенно подвальные помещения.

31 октября Димитров показывает, чего стоят главные свидетели обвинения. Это происходит сразу после допроса верховным прокурором «свидетеля»— вора Лебермана. После его допроса д-р Бюнгер разрешает Димитрову задать вопрос.

«Димитров: Мне хотелось бы знать, поскольку это имеет значение для процесса: кто пригласил сюда этого свидетеля? Является ли он свидетелем прокуратуры?

Председатель: Я уже сказал: этот свидетель однажды, 13 октября, послал записку в дирекцию тюрьмы, после чего он был допрошен прокуратурой. Но это я уже сказал.

Димитров: Это я уже слышал.

Председатель: После этого было предложено вызвать его в качестве свидетеля.

Димитров: Кем?

Председатель: Имперской прокуратурой. Но я хочу вам сразу сказать: не занимайтесь критическими придирками, которые совершенно бесполезны. Ведь вы же не можете ни прокуратуре, ни суду помешать вызвать свидетеля, если он что-нибудь сообщает.

Димитров: Я и не хочу этого... Свидетель подал заявление 13 октября — это после того, как он прочел в газетах о процессе в связи с пожаром в рейхстаге. Он это и сказал. Он находится под арестом; он не свободный человек. Он зачислен в третий разряд заключенных. У него есть надежда быть выпущенным теперь на основании его лжи здесь. Я спрашиваю, кто повлиял на него, кто склонил его сделать эти мерзкие, позорные...» [1]

Председатель обрывает Димитрова, а свидетель, само собой разумеется, отвечает, что никто на него никакого влияния не оказывал. Но вопрос Димитрова сам по себе дает достаточный ответ. Так это и понято публикой и за столами прессы. Димитров, заметивший, какое это произвело впечатление, бросает верховному прокурору:

«Поздравляю вас, г-н прокурор, с таким свидетелем!» [2]

Главное в этом диалоге — заявление Димитрова, адресованное суду:

«...Мне хотелось бы только, господин председатель и господа судьи, заметить, что круг свидетелей (главных свидетелей) прокуратуры против нас, обвиняемых коммунистов, сегодня этим свидетелем замкнулся. Этот круг открылся депутатами рейхстага от национал-социалистской партии, национал-социалистскими журналистами и замкнулся вором» [3].

Порядком измотанный д-р Бюнгер либо прослушал, либо не сразу уловил смысл этого замечания. Но тем лучше его поняла пресса, причем не только иностранная, а даже и «Фёлькишер беобахтер». Эта газета дословно процитировала заявление Димитрова, сопроводив его своим комментарием: «Председатель ответил на это, что время для защитительной речи еще не настало. Верховный же прокурор на такое сравнение промолчал. Мы,

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 124—125.
[2] Там же, стр. 125.
[3] Там же, стр. 124.

национал-социалисты, со своей стороны надеемся, что в дальнейшем, независимо от того, защитительная ли это речь или нет, суд найдет средства, чтобы пресечь подобные недопустимые и грязные выпады коммунистического преступника против национал-социалистских свидетелей».

Итак, удар попал в точку. Только после этого пинка со стороны «Фёлькишер беобахтер» суд спохватился и стал действовать, подтвердив на следующий день успех Димитрова своим запоздалым решением удалить его из зала суда на более продолжительный срок.

А 4 и 8 ноября происходят знаменитые столкновения Димитрова с приглашенными на процесс в качестве свидетелей нацистскими главарями Герингом и Геббельсом.

Попеременно переходя в своем наступлении от тона протеста к тону допроса, от обвинения — к насмешке, коммунист Димитров показывает неизмеримое превосходство над своими обвинителями, вконец осрамившимися на глазах у всей общественности. Саркастическая реплика Димитрова: «Вы, наверно, боитесь моих вопросов, господин премьер-министр?» [1] — отныне преследует Геринга вплоть до его жалкого конца. Эти два дня явились политической кульминацией процесса и нашли подробное освещение в печати.

13 ноября благодаря настойчивой постановке вопросов Димитров вскрывает еще два следа, ведущих к действительным поджигателям. Суд оказывается вынужден заняться более подробным выяснением обстоятельств пребывания Ван дер Люббе в Геннингсдорфе в ночь перед поджогом и, кроме того, допросить в качестве свидетеля того человека, который во время пожара поспешно выбежал из здания рейхстага, кое-как одетый, словно удирая. Это — национал-социалистский депутат рейхстага д-р Альбрехт. По значению, придаваемому этим свидетелям, и тому, как относится суд к их смехотворно сфабрикованным показаниям, всячески мешая Димитрову задавать им вопросы, общественности ясно, что суд всеми средствами старается замести оба эти следа.

Димитров подводит итог этого допроса, заявив, что история с Альбрехтом — второй (первый — Геннингсдорф) случай, когда полиция, хотя это и было очень важно, не произвела никакого расследования.

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 129.

18 ноября Димитров окончательно разделывается с вопросом о соучастии коммунистов в поджоге рейхстага. Главные свидетели обвинения — официант Гельмер, национал-социалисты Карване, Кройер и Фрой и психопат Гроте — полностью изобличены во лжи, и суду приходится отказаться от них.

2 декабря Димитров уже может констатировать: попытка обвинить Коммунистическую партию Германии в подготовке на конец февраля вооруженного восстания, а также изобразить поджог рейхстага как «сигнал» к нему полностью провалилась. Тем самым обвинение потеряло последний аргумент против обвиненных в соучастии коммунистов, а главная цель — представить национал-социалистское правительство спасителем Европы от коммунизма — оказалась недостигнутой.

Начиная с 3 декабря, после этой последней победы, Димитров по существу уже почти полностью завладел процессом. В этот день корреспондент голландской газеты «Де Маасбоде» писал: «Если последние два дня были уничтожающими для обвинения, то и у суда тоже не много оснований быть довольным самим собой. Ведь он доказал, что боится Димитрова и больше не может с ним справиться. Большинство вопросов Димитрова отклонялись как недопустимые. Но этого человека нельзя заставить замолчать никакими средствами. И он говорит. Председатель мечет гром и молнии, непрерывно обрывает его, приказывает ему замолчать, но ничто не помогает. Димитров неутомимо продолжает говорить и наносить один меткий удар за другим. Он стал искусным адвокатом, и, когда он начнет произносить свою собственную защитительную речь, весь мир будет слушать ее затаив дыхание».

16 декабря Димитров произносит свою заключительную речь перед судом. Она достойно увенчала его политическую борьбу против германского фашизма, явилась триумфом коммунизма.

Так процесс стал полной противоположностью задуманному нацистами судилищу над коммунистами. Освобождение обвиняемых коммунистов — таков был его неизбежный результат.

Еще 2 декабря в ответ на обоснование д-ром Бюнгером неслыханного запрета вообще задавать вопросы Димитров заявляет:

— Я не преследую никакой иной цели, кроме своей политической защиты, потому что и обвинение носит политический характер. Некоторые мои вопросы определенно весьма неприятны. Но это не моя вина. Я не добровольно оказался на скамье подсудимых. Я предпочел бы, пользуясь полной свободой, работать во имя коммунизма... Но ничего не могу поделать, если каша, заваренная господином верховным прокурором, теперь оказалась ему не по вкусу...

Еще в последний день перед заключительными речами Димитров и в иной форме констатировал полный крах обвинения. После того как на процессе было заслушано последнее показание, он еще раз просит слова.

— У меня имеется еще одно ходатайство, которое господин верховный прокурор может удовлетворить. Не настал ли теперь, после окончания предъявления доказательств, момент для опубликования этого классического обвинительного акта? Я охотно готов принять на себя все расходы по его публикации во всех странах и на всех языках.

Председатель суда и верховный прокурор, явно испугавшись этого заявления, быстро собирают свои бумаги и покидают зал заседаний. Но отказ от ответа — тоже ответ!

После своего возвращения в Москву Димитров писал в одной статье:

«Как гордые львы, прибыли эти люди в Лейпциг, а домой поползли, как поджавшие хвост пудели».

Путь от обвиняемого к обвинителю

Как удалось Димитрову совершить тот поворот во всем ходе процесса, о котором говорилось в предыдущей главе? Чтобы понять это, надо сначала уяснить себе положение, в котором Димитров первоначально оказался на суде. В своей книге «Пожар рейхстага» корреспондент «Таймс» Дуглас Рид пишет: «В конце процесса его личность господствовала над судом, хотя вначале атмосфера была явно враждебна ему».

После процесса весь мир говорил: «Димитров был не обвиняемым, а обвинителем!» Но такой вывод возникал постепенно. На самом процессе Димитров ни разу не произнес, говоря о себе, слова «обвинитель». Сам он

никогда публично не именовал себя им. Наиболее резкой формулировкой, которую он употребил для характеристики своей роли на процессе, явилось слово «кредитор». Оно было произнесено на заседании 10 октября. Димитров только что констатировал, что очевидцы обнаружения пожара никогда не вызывались на очную ставку. Он старается доказать теперь, что эти свидетели даже не читали свои внесенные в протокол показания. Председатель всячески пытается не допустить вопросов Димитрова. Разгорается жаркая борьба.

Димитров: Я задаю этим трем свидетелям один и тот же вопрос: прочли ли свидетели протоколы допроса, которые они подписали, сами или нет?

Председатель: Протокол, как я уже сказал, был им зачитан, утвержден ими и подписан. Итак, зачитан. Вот, здесь же написано: зачитан!

Димитров: Зачитан! Но прочли ли они его сами?

Председатель: Зачитан!

Димитров: Этот вопрос...

Председатель: Нет, я отклоняю его! Категорически отклоняю! Поскольку протокол подписан, отклоняю!

Димитров: Почему?

Председатель: Не считаю нужным обосновывать. Я установил, что протокол этим свидетелям зачитывался и ими утвержден. Дальнейших вопросов не допускаю!

Димитров: Для своей защиты я считаю, господин председатель, весьма важным, чтобы...

Председатель: Я уже сказал, если вы будете продолжать, я не буду обращать на вас больше никакого внимания... Если удовлетворяюсь этой констатацией я, поневоле должны удовлетвориться и вы.

На эту реплику Бюнгера Димитров и бросает свой ставший знаменитым ответ:

— *На этом процессе я не должник, а кредитор*!

Итак, путь от обвиняемого — к кредитору, а от кредитора — к обвинителю, о котором корреспондент будапештской газеты «Пештер ллойд» уже 25 октября счел возможным написать: «Он мог бы занимать место не на скамье подсудимых, а рядом с верховным прокурором — таково его поведение на процессе и так он действует».

Но таким общепризнанным обвинителем Димитрову поначалу еще предстояло стать. Это превращение — от начала и до конца — дело его собственных рук.

На первый взгляд поведение Димитрова на процессе производило впечатление вполне цельной, планомерной системы. Но это было верно лишь наполовину — в действительности оно являлось сочетанием планомерности и импровизации.

Димитров сумел наметить только общий план своей политической защиты. Она коренилась в политическом анализе нацистской провокации, а основные линии этой защиты намечены в его заявлениях полицейским и судебным следственным властям от 20 марта и 30 мая 1933 г.

Но преобладающая часть материала, в которой нуждался Димитров для осуществления своей защиты, оставалась неизвестной ему вплоть до начала процесса. Он изучил обвинительный акт. Но относительно общего хода политического развития после ареста Димитрову было известно только то, что он смог вычитать из доступной ему нацистской прессы. Весь остальной материал приходилось собирать во время процесса: единственным источником являлись события, происходившие в самом зале суда, да комментарии нацистских газет. Поэтому он и следил за слушанием дела с таким вниманием, как никто другой в зале.

При этом Димитрову особенно помогло умение разбираться в людях. Он всегда сидел ближе всех к трибуналу, ни на минуту не спуская с него глаз. Судьи, а особенно д-р Бюнгер, столь мало владели собой, что их поведение постоянно давало Димитрову основания для важных умозаключений. Так, например, сначала он лишь догадывался о значении пребывания Ван дер Люббе в Геннингсдорфе, но вся важность этого обстоятельства стала ему ясна, лишь только он увидел, как смертельно перепугался д-р Бюнгер, когда он, Димитров, впервые — это было 30 октября — задал комиссару уголовной полиции Бунге вопрос:

— Что известно свидетелю о появлении и ночевке Ван дер Люббе в Геннингсдорфе?

С данного момента Димитров знал, что этот вопрос — решающий и что необходимо делать все возможное, дабы снова и снова заставлять суд возвращаться к нему.

Так же вел себя Димитров и по отношению к различным другим свидетелям. Достаточно было ему услышать начало их показаний, чтобы сразу же составить о них свое представление и обнаружить их слабые места. Туда он и нацеливал свои вопросы.

Иногда Димитрову приходилось исходить из собственных предположений. Особенно характерны два эпизода. Димитрова впоследствии не раз спрашивали, как он приходил к таким верным утверждениям. Спрашивавшие невольно предполагали наличие у него сведений о таких вещах, о которых он заведомо знать ничего не мог. Так было, когда в одном случае он назвал свидетеля — комиссара уголовной полиции Кинаста — русским белогвардейцем, а в другом утверждал, что свидетель д-р Дрешер и один из редакторов «Фёлькишер беобахтер» Иов Циммерман — одно и то же лицо.

Димитров легко объяснил оба эти случая.

Комиссар уголовной полиции Кинаст принадлежал к комиссии по делу о поджоге рейхстага и играл весьма заметную роль в полицейском дознании. Димитров неоднократно встречался с Кинастом и по его акценту установил, что тот по рождению русский. К тому же сам Кинаст однажды заявил, что живет в Германии с 1918 г. Русский, который покинул Россию в 1918 г., а теперь служит в уголовной полиции и к тому же так ненавидит коммунистов,— кем же мог он быть, как не белогвардейцем! Яростная поспешность, с какой Бюнгер отклонил вопрос, не является ли Кинаст русским белогвардейцем, а также тот факт, что сам Кинаст с того дня больше не появлялся на процессе, показали, что Димитров оказался прав.

Еще проще был инцидент с Дрешером-Циммерманом.

2 октября «Фёлькишер беобахтер» опубликовала погромную статью «Димитров — бессовестный коммунист». Автор статьи — некий Иов Циммерман — описывал, как он, находясь десять лет назад в Софии, узнал, что тогдашний депутат-коммунист и сегодняшний обвиняемый Димитров является одним из организаторов взрыва Софийского кафедрального собора: «*Объявление о его побеге и фотография были вывешены во всех общественных и правительственных зданиях*» [1].

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 88.

30 октября на процессе в качестве свидетеля выступает д-р Дрешер — сотрудник шефа печати национал-социалистской фракции рейхстага. В своих показаниях Дрешер, почти буквально в тех же словах, что и Иов Циммерман, рассказывает, как он побывал в Болгарии, видел там фотографии организатора взрыва Софийского собора и в снятом на этой фотографии некоем Димитрове узнал Димитрова — обвиняемого по данному делу.

После этих показаний Димитров сразу же задает Дрешеру вопрос, не имеет ли тот что-нибудь общее с Иовом Циммерманом? Дрешер, разумеется, отвечает: нет, а д-р Бюнгер спешит пресечь дальнейшие вопросы.

Дальше же происходит вот что: с того дня Иов Циммерман, который до тех пор являлся постоянным специальным корреспондентом «Фёлькишер беобахтер» на процессе, перестал сотрудничать в газете. Димитрову бросилось в глаза и то, что не только «Фёлькишер беобахтер», но и вся нацистская пресса, которая поместила подробные отчеты именно об этом дне процесса, полностью замолчала происшедший эпизод. Поэтому 2 ноября Димитров направляет д-ру Бюнгеру письменное заявление о вызове в суд в качестве свидетеля члена редакции «Фёлькишер беобахтер» Иова Циммермана для установления его тождества с д-ром Дрешером. Д-р Бюнгер отвечает, что выяснение этого факта он передает Имперской прокуратуре. Через несколько дней официальный защитник Димитрова д-р Тейхерт вручает ему письмо Имперской прокуратуры. В письме сообщается, что редактор Циммерман и д-р Дрешер, как установлено, имеют различные даты рождения, а потому не могут быть одним и тем же лицом.

— Вы видите сами,— говорит Тейхерт,— что речь идет о двух совершенно разных лицах.

— Прекрасно,— отвечает Димитров,— но принесите мне сведения о некоем Вилли Циммермане, который является редактором одной из газет Шерля [1]. Не является ли он Иовом Циммерманом из «Фёлькишер беобахтер»?

Димитров подает новое ходатайство о проверке тождества обоих лиц. Это ходатайство, как и заявление о вызове Циммермана в суд, удовлетворено не было. Но ясно, что если бы Дрешер и Циммерман действительно не являлись

---

[1] Один из крупнейших газетно-журнальных концернов фашистской Германии.— *Прим. перев.*

одним и тем же лицом, «Фёлькишер беобахтер» никак не упустила бы случай еще раз начать травлю Димитрова.

Этот инцидент имел особенно важное значение. Д-р Дрешер дал свои показания под присягой. Он был единственным свидетелем, утверждавшим, что видел Димитрова вместе с Торглером. Следовательно, он совершил клятвопреступление. Когда Димитров на последнем заседании перед окончанием представления доказательств публично обвинил Дрешера в нарушении присяги, суд заявил, что это не установлено, и отклонил вопрос.

Таким образом, во время процесса Димитров заранее продумывал все свои вопросы, предложения и требования, но их формулировка, как устная, так и письменная, являлась импровизацией. Димитров, как он однажды выразился, постоянно держал свои карты при себе и пользовался любой возможностью сделать нужный ход. Иногда он заранее решал обязательно задать тот или иной вопрос, а иногда — когда представлялся удобный случай. Но именно потому его вопросы в большинстве случаев и были такими разящими и меткими.

Однако было бы неправильно охарактеризовать роль Димитрова только как роль обвинителя. Обвинителем он мог стать, лишь являясь — и притом прежде всего — защитником и следователем.

Как защитник он выступал вполне открыто в течение всего процесса, официально заявив об этом.

Еще во время своего первого допроса 23 сентября Димитров говорит:

— Я здесь для того, чтобы защищать коммунизм и самого себя.

Он публично клеймит попытки лишить его права на защиту.

Когда после переноса заседаний в Берлин д-р Бюнгер 10 октября объявляет, что суд вновь назначил Тейхерта официальным защитником болгар, Димитров перебивает его и громко бросает в зал:

«Я защищаю себя сам, господин председатель» [1].

На следующий день, 11 октября, Димитров пытается задать вопрос в связи с выездом суда в рейхстаг для осмотра места преступления. Председатель не разрешает, говоря, что он злоупотребляет правом задавать вопросы.

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 215.

Но Димитров не успокаивается и, когда председатель лишает его слова, восклицает:

«Я не только обвиняемый Димитров (Председатель: Молчите!), но и защитник Димитрова» [1].

Председатель объявляет, что Димитров удаляется из зала заседаний до дальнейшего распоряжения и что его следует отвести в тюрьму.

Димитров отвечает:

«Это является произвольным лишением меня права защиты, господин председатель» [2].

В течение всего процесса Димитров ни разу не упускал случая подчеркнуть свое положение и свои права защитника. Исходя из этого, он требовал различные документы, в частности «Коричневую книгу», выдержки из дела и стенографические протоколы судебных заседаний.

Для того чтобы подготовиться к своей защите, Димитров в тюремной камере изучил Уголовно-процессуальный кодекс, который получил накануне процесса. На заседаниях он не расставался с Уголовно-процессуальным кодексом и «Программой Коммунистического Интернационала».

Кого же защищал Димитров?

23 сентября он заявил, что находится здесь для того, чтобы защищать коммунизм и самого себя. В дальнейшем он уточнил это положение. Когда к концу процесса д-р Бюнгер попытался указать ему, что он должен защищать только себя, а не коммунизм и Коминтерн, Димитров ответил:

— Я уже сказал ранее, что защищаю себя как коммунист, а именно — веду политическую защиту. Полагаю, что коммунизм и Коммунистический Интернационал в моей защите не нуждаются. Но важно установить, что Коммунистическая партия не имеет ни малейшего отношения к пожару рейхстага.

Действительно, на этой стадии процесса, в результате всего его предыдущего хода защита коммунизма стала излишней.

Во вторую очередь Димитров защищал самого себя. Но не просто ради спасения собственной головы, а ради того, чтобы снять с себя, как революционера, а следовательно, с коммунизма, порочащее его честь обвинение

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 118,

[2] Там же.

в участии в этой провокационной, антикоммунистической авантюре.

Но Димитров защищал и других обвиняемых коммунистов.

Оба его соотечественника находились в неблагоприятном положении: они недостаточно владели немецким языком, обладали меньшей сопротивляемостью варварскому обращению, да и сама их позиция в отношении всего процесса была неправильной. Торглер трусливо отказался от всякой борьбы и позволил д-ру Заку превратить себя в орудие национал-социализма. Танев и Попов встали на позицию личной защиты. Димитров внутренне возмущался слабостью своих соотечественников и предательством Торглера. Но для общественности все трое были коммунистами, а поэтому Димитров включил в свою защиту и их.

В конечном счете он защищал даже и Ван дер Люббе — это жалкое создание, орудие, которым воспользовались настоящие поджигатели. Если бы при рассмотрении дела Ван дер Люббе и социальных и индивидуальных причин его поступка суд придерживался той точки зрения, которую открыто отстаивал Димитров, если бы официальный защитник, вместо того чтобы действовать как верный приверженец своего «фюрера», встал бы на платформу Димитрова и приложил серьезные усилия, чтобы помочь своему подзащитному, Ван дер Люббе не был бы приговорен к смертной казни!

Но, защищая Ван дер Люббе, Димитров прежде всего стремился показать, что этот деклассированный, запутавшийся молодой рабочий не имеет ничего общего с коммунизмом. Димитров хотел показать Ван дер Люббе таким, каков тот есть на самом деле: достойная сочувствия жертва экономической и политической продажности буржуазного общества, человек, которому место не в каторжной тюрьме и уж тем более не на плахе, а в учреждении социального воспитания.

Уже сам обвинительный акт, но еще более каждый последующий день процесса подтверждали, что предварительное следствие велось с беспримерной, гнусной односторонностью и прибегло к методам сознательной фальсификации.

Ни во время предварительного следствия, ни в ходе процесса нельзя было заметить и следа тех «объективных

поисков истины», которые старались имитировать и следователь, и председатель суда. Важнейшие стороны подлежавших расследованию событий и обстоятельств намеренно игнорировались и во время следствия и на суде. Вопреки своему заявлению д-р Бюнгер делал все возможное, дабы не допустить дополнительного расследования, которое могло бы пролить свет на темные стороны дела.

Поэтому Димитрову приходилось, преодолевая бесчисленные препятствия, самому пытаться, насколько это было возможно в тех условиях, уточнять материалы следствия и добиваться дальнейшего расследования.

На заседании 4 октября Димитров публично объясняет, почему он настаивает на таком расследовании, которое должно быть проведено, невзирая ни на что и ни на кого. Это происходит в связи с вопросом, заданным Димитровым Ван дер Люббе: зачем совершил он это чудовищное преступление против рабочего класса Германии и с кем он его совершил? Председатель, охарактеризовав этот вопрос как «коммунистическую пропаганду», хочет отклонить его. Димитров отвечает Бюнгеру репликой, которая адресована за пределы зала суда, рабочему классу:

— Рабочие всего мира ожидают ясного ответа Ван дер Люббе. Коммунистический Интернационал и все коммунисты заинтересованы в том, чтобы иметь полную ясность по вопросу о поджоге рейхстага и чтобы подлинные поджигатели были найдены.

Димитров повторяет это вновь:

«Миллионы ожидают ясного ответа!» [1]

Задавая свои вопросы Ван дер Люббе, Димитров ясно дает понять, что делает это вовсе не для того, чтобы выгородить себя. 13 ноября он говорит:

«Я уже однажды категорически заявил: я лично, как коммунист и революционер, никогда бы не стал спрашивать Ван дер Люббе, кто были его сообщники, если бы он совершил революционный акт. Но так как его поступок является актом контрреволюционным, то я с самого начала требовал и настаивал, чтобы он дал ясные показания о своих сообщниках и вдохновителях» [2].

Димитров стремится в первую очередь показать политические причины провокации. Далее, он старается вскрыть

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 117.
[2] Там же, стр. 139—140.

ведущие к вдохновителям поджигателей следы, которые обвинительный акт сознательно обходил или заметал. Больше того, ему иногда приходится требовать расследования даже тех пунктов, которые сам обвинительный акт приводил в качестве доказывающих его вину, но о которых суд во время слушания дела вдруг «позабыл» — разумеется, не случайно, а потому, что эти отягчающие обстоятельства на глазах у всех превращались в оправдывающие.

Но обстановка, в которой протекал этот единственный в своем роде процесс, не только ставила известные границы поведению Димитрова на суде, но и предписывала определенные формы.

Зал суда являлся для Димитрова не ареной поединка между ним и обвинением. Нет, зал суда был для него общественным форумом, который он превратил в важный участок фронта борьбы социализма против фашизма. Если бы Димитров и не знал, что именно этого больше всего боялись нацисты, он мог бы понять это из комментария «Лейпцигер нейесте нахрихтен» к заседанию 23 сентября. Газета писала: «По лицам иностранных журналистов видно, что теперь, как они считают, наступило то, чего они с первого дня ожидали от Лейпцигского процесса: началась битва между двумя чисто политическими фронтами. Этот совершенно ложный взгляд следует — в духе выступления председателя суда — ликвидировать в самом зародыше».

Корреспонденты газет — как германских, так и зарубежных — являлись для Димитрова не только связующим звеном с массами всего мира. Перед ним стояла тяжелейшая задача: превратить *буржуазных* (а другие допущены не были) иностранных журналистов в носителей его *революционных* политических взглядов, больше того, сделать рупором своих идей даже нацистских газетчиков.

По опыту первых дней Димитрову приходилось считаться с тем, что судьи, включая и председателя, станут чинить ему все мыслимые препятствия. До самого конца процесса он так и не знал, будет ли у него возможность произнести большую обобщающую речь. Поэтому он старался все, что нужно было ему сказать — разоблачения, факты, заявления и описания,— распределить на весь процесс, преподносить малыми дозами в самой краткой форме, причем делать это всегда в связи с вопросами,

так как это единственная форма, разрешенная обвиняемому Уголовно-процессуальным кодексом. Надо было в ходе процесса прощупать все возможности для этого. Но д-р Бюнгер неизменно прерывал его:

— Стойте! Довольно! Садитесь!

— Стоп! Предупреждаю: вступление окончено. Теперь или задавайте вопросы, или садитесь; ничего другого здесь не разрешается.

«Я вам с самого начала хочу сказать: говорите коротко, о чем мне его [Ван дер Люббе.— *А. К.*] спрашивать, без каких бы то ни было вступлений! Это одно. Второе: не произносите, как вы это сделали уже сегодня утром, в некотором роде адвокатских речей, даже ничего похожего на них. .» [1]

«Довольно, вам слово не дано. Я определяю, когда можно делать заявления... Я не разрешаю сейчас выступать с заявлениями... Тихо! Вы тут ничего не можете констатировать...» [2]

27 сентября Димитров получает первое недвусмысленное предупреждение: суд угрожает удалить его с дальнейших заседаний.

Таким образом, существовала опасность, что своим неосторожным поведением он может потерять возможность присутствовать на судебных заседаниях и участвовать в них.

Этим и объясняется, что в течение всего процесса Димитров ни разу прямо не назвал национал-социалистов поджигателями, хотя сам ни в малейшей степени не сомневался в этом. Он лишь говорил, что Ван дер Люббе явился орудием в руках «других людей». Этих «других людей» он характеризовал так:

— На мой взгляд, Ван дер Люббе, сознательно или бессознательно, пошел вместе с врагами германского рабочего класса и вместе с ними совершил поджог рейхстага.

Иногда Димитров прямо намекал на ограничение его свободы слова — например 11 ноября, когда на наглое утверждение имперского прокурора ответил:

— Я не буду квалифицировать этого обвинения, иначе меня снова удалят из зала.

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 146.

[2] Там же, стр. 115.

Чтобы выбить у суда почву из-под ног и не дать заткнуть себе рот, Димитров пользовался различными поводами для «заявлений о своей лояльности».

Так, 7 октября, в день появления на суде после первого своего удаления из зала суда, Димитров объясняет предыдущий инцидент тем, что не всегда может подобрать подходящие выражения на чужом для него языке.

— Я не имел намерения,— говорит он,— оскорбить лично кого-либо из судей, представителей следственных органов или полиции. Я и теперь не имею такого намерения. Я требую только одного: возможности защищать себя как коммуниста и невиновного так, как я считаю это правильным, и свободно и беспрепятственно заявить о поджоге то, что я считаю необходимым.

Еще накануне Димитров направил д-ру Бюнгеру письмо в таком же духе и добился разрешения вновь присутствовать на суде.

25 ноября, когда вновь возникает критический момент, Димитров четко определяет свое отношение к суду. Это происходит в связи со ставшим знаменитым заявлением д-ра Бюнгера:

— Недавно одна иностранная газета написала, что, собственно, не я, а вы ведете процесс. Я должен опровергнуть это, но отсюда вы видите, что ваше поведение производит такое впечатление, будто вы хотите здесь председательствовать... Я должен следить за тем, чтобы вы строго придерживались установленного мною порядка слушания дела.

На это предостережение, явившееся замаскированной угрозой, Димитров отвечает:

— Могу лишь заявить, что я, как обвиняемый, стоящий перед Имперским судом, знаю только одного начальника — это председателя сената.— И тут же с явной иронией добавляет:— Так вот, я и прошу моего начальника дать мне возможность защищаться...

Намерения суда лишить Димитрова возможности участвовать в заседаниях на данном этапе не были серьезной преградой, так как в ходе процесса сенат вскоре сам стал в известной мере заинтересован в его присутствии. Реакция заграницы доказала, что его удаление из зала суда было палкой о двух концах. После своего удаления 11 октября Димитров направил председателю суда письмо: он считает, что должен держать себя перед Имперским

судом как политический подсудимый, а не как солдат в казарме или военнопленный в концентрационном лагере, и протестует против произвола суда. Димитров подчеркивает: никакие удаления не могут его запугать. Письмо заканчивается словами: «Если все же такое нетерпимое для меня обращение будет продолжаться, тогда — я должен об этом прямо заявить — я буду вынужден подумать, независимо от возможных последствий, имеет ли смысл вообще появляться дальше перед судом» [1].

Письмо возымело успех: Димитрова вновь допускают на заседания суда, и в течение двух недель не следует ни одного нового удаления.

Все эти обстоятельства и обусловливали особенности тех формулировок, которые выбирал Димитров. Ограничиваемый со всех сторон, он должен был все-таки найти пути, чтобы быть услышанным массами. Ему приходилось придавать своим репликам такую форму, чтобы корреспонденты были вынуждены и смогли дословно воспроизвести их на страницах своих газет. Поэтому сарказм и остроумие его высказываний были хорошо продуманы и взвешены. Их эффект показал, что в большинстве случаев Димитрову удавалось достигнуть своей цели.

Весь мир понимает, что́ имеет в виду Димитров,

когда 15 ноября он бросает д-ру Бюнгеру реплику, вызвавшую смех в зале: «Если вы хотите похудеть, приезжайте в Моабит!» [2];

когда 20 октября он спрашивает свидетеля Богуна, инженер тот или «романист»;

когда в тот же день в ответ на вопрос председателя, почему он не задает вопросов бывшим руководителям берлинской пожарной охраны — социал-демократам, он восклицает: «Свидетели, к сожалению, не герои!» [3];

когда он говорит наделенному особенным даром «фантазии» свидетелю — инспектору рейхстага Скрановитцу, которому вдруг пришло в голову, что он видел Попова в рейхстаге: «Когда я первый раз увидел Скрановитца, я подумал, что передо мной — македонский террорист, у которого на совести десяток убийств коммунистов. Только потом я узнал, что он бравый прусский чиновник...»;

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 82.
[2] Там же, стр. 145.
[3] Там же, стр. 218.

когда 27 ноября он под смех зала заявляет свидетелю обвинения полицейскому комиссару Маллаху (который сказал, что, насколько он может припомнить, Коммунистическая партия Германии до поджога рейхстага не преследовалась): «Если я вас правильно понимаю, то я должен предположить, что вы не выполнили приказов г-на Геринга» [1].

Особенно огромный политический успех имеет знаменитая реплика, брошенная Димитровым Герингу: «Вы, наверно, боитесь моих вопросов, господин премьер-министр?» [2] Она стала тогда в Германии крылатой фразой.

По мере того как в ходе процесса суд все чаще оказывается вынужденным в полном смятении переходить к отступлению, поведение Димитрова делается все более резким и недвусмысленным, а д-р Бюнгер становится заметно менее уверенным. Теперь Димитров платит ему за придирки в начале процесса той же монетой.

— Да вы что-то сегодня нервничаете, господин председатель!— восклицает он 6 декабря, обращаясь к д-ру Бюнгеру.

— Я не нервничаю никогда, но вы ведете себя бесстыдно!— отвечает председатель.

— Вы же можете опять удалить меня,— иронически парирует Димитров.

— Ничего, я это еще сделаю в последний день!

Димитров — тоном невинности:

— Разве я виноват, что обвинению так не везет с его коронными свидетелями — они один за другим оказываются психопатом, лжецом, фальсификатором...

Тут д-р Бюнгер прерывает Димитрова, но не затем чтобы опровергнуть это утверждение, а чтобы возмутиться:

— Я решительно отвергаю выражение «не везет» и окончательно лишаю вас слова.

— Но должен же я защищаться, господин председатель! — спокойно отвечает Димитров, а когда тот в ярости встает, чтобы удалиться с судьями на совещание, кричит ему вдогонку:— Господин председатель, господин председатель!..

Зал реагирует громким смехом. Если бы смех убивал на самом деле, д-ру Бюнгеру пришлось бы испустить

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 152.
[2] Там же, стр. 129.

дух тут же, не сходя с места. Суд, а вместе с ним и обвинение опозорились вконец.

Противник хорошо понял, к чему клонит Димитров. Да и вообще национал-социалистская пресса иногда отличалась большой наблюдательностью и со своей точки зрения правильнее оценивала происходящее, чем симпатизировавшие обвиняемому иностранные газеты.

Так, по поводу приведенного выше «извинения» Димитрова от 7 октября «Лейпцигер нейесте нахрихтен» писала: «Димитров извиняется! На лицах новых слушателей и иностранных корреспондентов — настоящее разочарование. Но терпение, и никто в накладе не останется! Обвиняемый лишь сменил личину, и под овечьей шкурой вскоре уже снова рычит старый волк. Его сарказм в миролюбивой оболочке стал даже еще опасней! Эти отравленные стрелы, которые он внезапно выпускает словно из засады, служат репликами, которые должна подхватить марксистско-еврейская газетная свора. Эти замечания болгарин всегда бросает так, что из них может взойти великолепный посев лжи. В своей подробной характеристике Димитрова мы уже подчеркивали, что он рассматривает весь процесс лишь как новую фазу своей революционной борьбы. Его афоризмы — это извращающие истину, кричащие пропагандистские плакаты. Они должны создать почву для такого резонанса, благодаря которому его высказывания распространятся по всему свету. Они служат указаниями его подручным в мировой прессе, с какой именно лживой точки зрения им следует «изображать» процесс. Нельзя недооценивать эту тактику Димитрова. Перед нами — не блеющая невинная овечка, нет, это ловкий тип, который знает свое дело». Статья заканчивалась словами: «Надо постоянно резко осаживать его!»

Председатель суда честно старался выполнить этот совет, носивший характер директивы. Тщетно! Ему не удалось помешать Димитрову стать из обвиняемого защитником, а из защитника превратиться в подлинного обвинителя!

Суд как орудие нацистов

Венская «Арбейтерцейтунг» 10 декабря 1933 г. дала меткую характеристику суда: «Все выступающие в зале суда — актеры-марионетки. В том числе и судьи. Председатель Бюнгер и все члены суда совершенно явно не

беспристрастны. Это значит, что они были заранее готовы, как они делали в бесчисленных других случаях, во что бы то ни стало осудить коммунистов, в виновность которых в общем и целом они верят. Они полагали, что полиция, как обычно, даст им в руки доказательства вины, а суд, нимало не заботясь о том, какими средствами добыты эти доказательства, и не задаваясь вопросом, действительно ли виновны обвиняемые, просто осудит их так, как того требует обвинительный акт. Они были готовы безо всяких доказательств признать и давших ложную присягу коронных свидетелей, и показания, полученные путем насилия и вымогательства. Ведь таково их ремесло. Но к чему они никак не были готовы — так это к тому, что дело окажется настолько запутанным и противоречивым, что в нем допущено множество, гораздо больше, чем известно общественности, невероятных режиссерских ошибок, ибо даже те, кто представляет на суде обвинение, не разглядели вещи полностью и не во все посвящены. Во многих случаях было явно видно, как судьи сами приходили в ужас от некоторых показаний, полностью опровергавших другие доказательства; это подрывало их собственную веру в то, что обвинение сфабриковано как следует».

Именно беспомощность, родившаяся из этой растерянности, полностью привязала суд к национал-социалистскому руководству, стоявшему за ним. Будучи сами шовинистами и антикоммунистами, судьи все же еще не дошли до того варварского цинизма, какого требовали от них закулисные «режиссеры» процесса и с каким они должны были нанести удар по коммунизму. Теперь, поколебленные в своей самоуверенности, они совершенно растерялись, прислушивались при каждом случае к «голосу своего хозяина», словно утопающие хватались за любую соломинку, брошенную им нацистским руководством.

Слепое повиновение суда любому знаку, поданному нацистской прессой, принимало поистине гротескные формы.

13 октября газета «Ангриф» поместила подстрекательскую статью против четырех иностранных юристов, присутствовавших на процессе по поручению «Международного объединения юристов». Она потребовала, чтобы «иностранным адвокатам вежливо указали на границы

германского рейха». А 14 октября суд принял решение об их удалении из зала, за которым последовали арест и высылка.

31 октября газета «Фёлькишер беобахтер» возмутилась высказыванием Димитрова, что круг свидетелей обвинения замкнулся вором, и потребовала энергичного пресечения «подобных гнусных выпадов». На следующий день д-р Бюнгер спохватился и заявил, что не понял как следует этих слов обвиняемого, а иначе принял бы самые энергичные меры в отношении Димитрова. Затем он устроил Димитрову разнос. На просьбу Димитрова позволить ему разъяснить смысл своих вчерашних слов председатель с яростью ответил отказом. Когда же Димитров воскликнул: «„Фёлькишер беобахтер" может быть довольна!»— суд удалился на совещание, а по возвращении председатель объявил решение: Димитров «удаляется с сегодняшнего заседания; пусть его отведут в тюрьму!» [1]

27 ноября та же газета «Фёлькишер беобахтер» (после того как доклад полицейского комиссара Гелера произвел столь невыгодное впечатление) выразила «пожелание», чтобы суд изменил методы допроса свидетелей политической части процесса. Уже 28 ноября суд, недолго думая, объявил о сокращении допроса полицейских свидетелей.

Иногда прямое вмешательство национал-социалистов в ход процесса бывало и еще более открытым. Д-р Бюнгер явно терял бразды правления. Наиболее ярким доказательством явилось удаление Димитрова из зала во время того заседания, на котором в качестве свидетеля допрашивался Геринг. Стоило Герингу в неприкрытой форме потребовать этого, как председатель вскочил и, даже не посовещавшись с членами суда, приказал полицейским вывести Димитрова из зала.

То, как обставлялось и производилось удаление Димитрова, лучше всего показало, что эти меры диктовались суду извне. Они были не результатом «недопустимого» поведения Димитрова, а средством отстранить Димитрова-защитника от обсуждения определенных пунктов дела.

Первое удаление с заседания происходит 6 октября. Непосредственный повод — атака Димитрова на фальсификаторские методы полиции во время предварительного следствия. На этом заседании, в ходе которого суд не

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 221.

осмелился воспользоваться опровергнутыми еще на предварительном следствии баснями о крестах на плане Берлина, почтовых открытках и тайных адресах, Димитров неоднократно употребляет выражение «работа полиции». Наконец речь заходит и об истории с телефонными номерами. Свое объяснение по этому пункту Димитров заканчивает словами:

— Полиция колоссально бездарна и непонятлива.

Суд немедленно удаляется на совещание и через восемь минут объявляет решение: удалить обвиняемого из зала. Пока Димитрова выводят, он успевает крикнуть в зал:

— Приговор наверняка уже вынесен в другом месте!

В этот день, кроме допроса еще целого ряда полицейских чиновников, которые должны подкрепить шитые белыми нитками показания о беседах Ван дер Люббе в Нейкельне с коммунистами, предстоял также допрос Попова и Танева. Присутствие Димитрова, естественно, было крайне нежелательным.

Следующее удаление — 11 октября. На этот раз повод — уже приводившееся высказывание, что он не только обвиняемый Димитров, но и защитник обвиняемого Димитрова. Перед тем Димитров вполне вежливо попросил разрешения задать председателю один вопрос в связи с намеченным на завтра осмотром рейхстага. Во время осмотра подлежали проверке весьма противоречивые показания различных свидетелей насчет того, как Ван дер Люббе проник в здание рейхстага. Кроме того, предстоял допрос свидетелей о весьма странных обстоятельствах первого сообщения о пожаре, а также допрос вахтера рейхстага Вендта и начальника противопожарной охраны здания Гемпа. Оба они были после пожара рейхстага уволены, так как высказали вещи, опровергавшие взятые с потолка утверждения обвинения!

Третье удаление — 1 ноября — из-за уже упоминавшегося требования «Фёлькишер беобахтер». В этот день должен допрашиваться один из коронных свидетелей «многолетней подготовки» поджога рейхстага с участием Ван дер Люббе — вор Кунцак. Происшедшее позднее разоблачение этого свидетеля показало, насколько заинтересован был суд в том, чтобы не допустить присутствия Димитрова при допросе Кунцака.

3 ноября Димитрова вновь удаляют из зала суда. И вновь повод — совершенно незначительный. Верховный

прокурор пытается дискредитировать показания свидетельницы Вайс из Москвы на том основании, что она будто бы носит чужое имя и не желает сказать настоящую фамилию своего мужа. Димитров высказывает свое удивление неосведомленностью прокурора о положении и законах в Советском Союзе, где жена в браке может сохранить свою фамилию.

Д-р Бюнгер прослушал реплику и теперь со словами: «Что он сказал?» — отрывается от своих бумаг.

Верховный прокурор выражает сомнение в том, что в Советском Союзе существуют такие законы.

На подобное невежество высокопоставленного юриста третьего рейха Димитров отвечает:

«Господину верховному прокурору нужно еще многому поучиться» [1].

Суд уходит и после короткого совещания объявляет: обвиняемый Димитров удаляется с сегодняшнего, а также двух последующих заседаний.

Для этого у суда имелась особая причина. В повестке дня стоял допрос свидетелей, которые должны были «доказать» связь болгар с торговым представительством СССР в Берлине и с «Международной организацией помощи борцам революции», а также их частые встречи с Ван дер Люббе в «Байренгофе». Не трудно догадаться, почему именно в этот день Димитрова удалили из зала суда.

3 ноября суду становится известно, что на следующий день со своими показаниями выступит Герман Геринг. Как видно, поначалу было решено не допускать Димитрова на это заседание. Однако совершенно неожиданно 4 ноября утром его вновь вводят в зал суда и объявляют, что отмена его удаления с заседаний вызвана допросом Геринга.

Пятое удаление происходит в тот же день, 4 ноября, в результате взрыва бешенства Геринга. Димитров отсутствует затем в течение всех имеющих важное значение допросов свидетелей, вплоть до появления в суде Геббельса.

Насколько мало суд был заинтересован в выяснении истины, показали частые неожиданные перерывы в заседаниях и внезапное прекращение расследования, лишь

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 222.

только допрос даже свидетелей обвинения приводил к нежелательным результатам.

В первый раз это происходит при расследованиий Нейкельнского комплекса. После того как в ходе допроса свидетелей из Нейкельна становится все более ясно, что утверждения обвинительного акта — фантазия провокатора Панкнина, д-р Бюнгер совершенно неожиданно прекращает допрос свидетелей и отправляет их по домам, чтобы больше никогда уже не вызвать, а сам переходит к следующему пункту.

Аналогичный случай имеет место и 3 ноября. Свидетельница обвинения Гартунг долго распространяется по поводу деятельности, которую Попов якобы вел с 1928 г. в «Международной организации помощи борцам революции». Между тем в эти годы он даже не находился в Германии. Председатель вдруг прерывает заседание и переносит его; сама же свидетельница словно канула в Лету.

То же самое происходит и 16 октября. Димитров в упор задает инспектору электроосвещения рейхстага Шольцу вопрос, считает ли тот возможным, что поджигатели проникли через подземный ход. Не успевает свидетель и рта открыть, как д-р Бюнгер уже закрыл заседание.

Кто же были те люди, которые приняли на себя сложные и неблагодарные задачи, поставленные перед судом нацистским руководством?

Официально главной фигурой на процессе являлся д-р Вильгельм Бюнгер. Отдельные представители иностранной прессы рисовали его беспомощным, бездарным и малозначительным юристом. Действительно, порой он и впрямь производил именно такое впечатление. Временами было просто смешно наблюдать, как он давал сбить себя с толку неожиданными вопросами, терял выдержку, забывал только что сказанное им самим, нес что-то несусветное и почти в отчаянии уверял, что не даст водить себя за нос. Иногда, особенно в те моменты, когда Димитров выдвигал свои ходатайства о вызове свидетелей из национал-социалистского лагеря, можно было даже заметить, как дрожит председатель суда.

И все-таки было бы не только несправедливо в отношении д-ра Бюнгера, но и ошибочно недооценивать все то, что сделал он полезного для своих доверителей и хозяев, и видеть только одни его слабые стороны.

Д-р Бюнгер являлся опытным юристом старой немецкой школы, а также и активным политическим деятелем. Долгое время он был депутатом саксонского ландтага от Немецкой народной партии, потом министром юстиции Саксонии и, наконец, с июня 1929 по февраль 1930 г.— премьер-министром вольного государства Саксония. В прошлом он служил в Имперской прокуратуре и еще до того, как ему поручили вести Лейпцигский процесс, имел довольно большую практику в Имперском суде. Если же в Лейпциге д-р Бюнгер не раз играл жалкую роль, то виной тому было его стремление спасти грубо инсценированный нацистами процесс, а сделать это было поистине невозможно!

Несмотря на потуги Бюнгера создать некоторую видимость своей «объективности», он был готов и желал неуклонно выполнить данное ему задание — уничтожить обвиняемых. И если Бюнгеру это не удалось, то это не его вина, а тех, кто дал ему такое задание: в результате неожиданного поворота в ходе процесса он вынужден был отказаться от первоначального плана.

Давление развернувшейся за рубежом кампании лишь усилило двойственность в поведении председателя IV Уголовного сената Имперского суда. С одной стороны, она подкрепляла в нем старание сохранить хотя бы декорум объективности — ведь как-никак он вел дело на глазах всего мира! Д-р Бюнгер понимал, что на этом процессе решается не только судьба обвиняемых, но и судьба того, что в его кругах именуется «честью германского судейского сословия», т. е. речь идет об авторитете Имперского суда. С этим была связана и доля его личной чести и авторитета. С другой же стороны, зарубежная кампания усиливала националистические чувства д-ра Бюнгера. Ведь он защищал свой «фатерланд», а поскольку у власти находился Гитлер, он, как истый германский чиновник, отождествлял «отечество» с национал-социализмом. Тем самым он был прочно связан директивами национал-социалистского руководства, находившимися в резком противоречии с объективным ведением процесса. Этим противоречием и объясняется поведение д-ра Бюнгера. Но было бы неверно считать его назначение на пост председателя суда ошибкой национал-социалистов. С их точки зрения, д-р Бюнгер был идеальным руководителем процесса. Если бы на его место посадили «стопроцентного»

нациста типа Фрайслера [1], публичный процесс быстро превратился бы для них в открытую катастрофу.

Остальные члены суда были личностями менее примечательными.

Особая роль наряду с Бюнгером принадлежала, несомненно, д-ру Гёндерсу. Он явно использовался в качестве главной силы для доказательства политической части обвинения.

В первый период процесса перед ним на судейском столе вечно громоздилась целая гора папок с документами, книг и брошюр. Он задавал свидетелям многочисленные вопросы, политически враждебные обвиняемым. Эти вопросы показывали, что он активно участвовал в большом количестве антикоммунистических процессов, особенно в Рейнской области. Гёндерс хорошо знал коммунистическую организацию и ее практику, ему были знакомы имена и деятельность многих партийных работников. Димитров распознал намерение Гёндерса ловкими вопросами подготовить политическую часть процесса и сразу же взял его на мушку. Выяснилось, что д-р Гёндерс вовсе не так уж подкован, как хотел показать, и не так-то трудно привести его в замешательство. Однажды Гёндерс, задавая вопрос одному из первых вызванных на суд свидетелей-коммунистов, с особой значительностью произнес: «Отвечайте мне *под вашей присягой*!» Намерение судьи было ясным. Сразу же после этого наступил черед Димитрова задавать вопросы. Чтобы заклеймить попытку судьи запугать свидетеля, Димитров решил в своем вопросе скопировать жест и тон Гёндерса и громким голосом произнес: «Отвечайте мне *под вашей присягой*!»

После ряда таких атак Димитрова д-р Гёндерс поутих. Постепенно стали исчезать со стола перед ним папки и книги, а к концу процесса, именно во время политической части, «политический судья» вообще потерял дар речи.

В первой стадии процесса суд производил впечатление единства. Между председателем и четырьмя судьями царило полное единодушие. Но в ходе процесса началась дифференциация. Можно было отчетливо наблюдать, что

---

[1] Известный своими кровавыми приговорами, вынесенными антифашистам в период второй мировой войны, председатель так называемого «народного трибунала», судившего участников антигитлеровского заговора 20 июля 1944 г.— *Прим. ред.*

у отдельных членов суда возникало различное мнение об обвиняемых, свидетелях, о судьбе обвинения и перспективах самого процесса. Один из судей, д-р Фрёлих, уже вскоре дал понять, что считает проигранным обвинение против «сообщников» Ван дер Люббе. Он вмешивался в слушание дела и поставил ряд вопросов, которые прямо шли на пользу обвиняемым. Растущее расхождение во мнениях между судьями выражалось и в том, что суду требовалось все большее время для вынесения своих решений.

Что касается верховной прокуратуры, то она по самому своему существу была инструментом третьего рейха.

Верховный прокурор д-р Вернер и его заместитель д-р Паризиус тоже отнюдь не были глупцами. Если в ходе процесса они не раз и становились комическими персонажами, то не по своей личной вине, а вследствие абсурдности стоявших перед ними задач. Однако тот факт, что, хорошо зная весь обвинительный материал и неся ответственность за предъявление обвинений, они тем не менее не воспрепятствовали привлечению болгар к суду, никак не свидетельствует об их большом уме. Этот факт говорит не только о недостатках интеллекта, но и об отсутствии гражданского мужества: они не нашли в себе силы сказать всю горькую правду своим национал-социалистским доверителям.

Более слабым из обоих представителей верховной прокуратуры являлся Паризиус. Ему принадлежала львиная доля в составлении обвинительного акта, что уже достаточно говорит само за себя. Даже при тех условиях можно было бы произвести на свет божий все-таки не такое неуклюжее творение, полное вопиющих противоречий. Свои атаки против обвинительного акта и государственной прокуратуры Димитров концентрировал прежде всего на Паризиусе. Он довел своего противника до того, что тот в конце концов взмолился: пусть суд запретит Димитрову все время называть его имя! В дальнейшем он стал вести себя весьма сдержанно и лишь изредка выступал сам.

Иначе обстоит дело с д-ром Вернером. В свое время молодой честолюбивый адвокат из Рейнланд-Вестфалии, он уже давно начал деятельность в кайзеровском юридическом ведомстве, а затем в министерстве юстиции

Веймарской республики и сделал при президенте Эберте быструю карьеру. Приспособившись к обстоятельствам, он стал демократом. Сделавшись начальником отдела Имперской прокуратуры, он стремился еще выше. Он сумел «обойти» своего наиболее опасного конкурента адвокатаНоймана, и его назначили имперским прокурором. Сначала и на этом посту он изображал себя демократом. Переход к правым произошел довольно внезапно. Наиболее отчетливо он проявился в 1931 г., когда д-р Вернер взял под защиту национал-социалистов. Именно этот поступок явно и побудил нацистов после своего захвата власти 30 января 1933 г. оставить д-ра Вернера на том же посту верховного прокурора, которым он был обязан Веймарской республике. Поэтому готовность д-ра Вернера служить нацистам была вполне понятна. Однако он оказал им медвежью услугу. Ведь даже если обвинительный акт и составлял Паризиус, то д-р Вернер все равно нес ответственность за этот скандальный документ.

Когда Димитров однажды бросил верховному прокурору реплику, что тому нужно еще многому поучиться,— это отнюдь не было лишь ироническим замечанием, рассчитанным на то, чтобы поставить представителя обвинения в смешное положение. Столь малое знакомство высокопоставленного юриста с законодательством Советского Союза поистине являлось признаком удивительного невежества.

В своей заключительной речи на процессе д-р Вернер сам вынес себе приговор. Разве можно было всерьез принимать представителя верховного обвинительного органа Германской империи, который после всего того, что выявилось на процессе, продолжает поддерживать глупейшие, опровергнутые на глазах всей общественности пункты обвинительного акта, словно речь идет о краже какого-нибудь ящика или о похищенной пишущей машинке, и как ни в чем не бывало опирается в своих утверждениях на показания свидетелей, от которых отказалась даже нацистская пресса!

К числу «судей» на этом процессе фактически принадлежали и защитники.

Особенно жалкую роль среди них играл официальный защитник Ван дер Люббе д-р Зейферт. С самого начала он ясно дал понять, какое задание получил для осущест-

вления «защиты» своего подзащитного. Сам процесс и все, что разыгрывалось вокруг него, давали Зейферту огромный материал для спасения Ван дер Люббе. Так называемые улики были полны явных противоречий и фальсификаций. Настоящая, беспристрастная медицинская экспертиза, которую он обязан был потребовать, как защитник, несомненно, дала бы смягчающие обстоятельства. К тому же имелась и юридическая сторона дела: можно было по крайней мере попытаться опровергнуть правомерность применения к его подзащитному чрезвычайного декрета, опубликованного уже после поджога рейхстага, хотя и имевшего обратную силу. Ничего похожего Зейферт не сделал, больше того, он неоднократно препятствовал расследованию действий Ван дер Люббе — чего добивался Димитров, — а под конец сделал реверанс перед Имперской прокуратурой, заявив, что она не могла поступить иначе. Зейферт действовал, как слепое орудие своих национал-социалистских хозяев, и сыграл решающую роль в передаче Ван дер Люббе в руки палача.

В принципе подобным же образом вел себя и д-р Тейхерт — официальный защитник болгар. Если он иногда изображал себя действительным защитником и в конце концов высказался за оправдание своих подзащитных, то это вовсе не его заслуга, а выполнение данного ему задания. Он и на процессе продолжал выполнять все ту же роль, которую начал играть еще во время предварительного следствия. Тейхерт делал все возможное, дабы помешать Димитрову вести политическую защиту, и пытался доказать, что коммунисты принимали участие в поджоге рейхстага. Поэтому Димитров во время процесса не раз резко нападал на Тейхерта, а однажды даже изобличил его во лжи, когда тот утверждал, что передал своему клиенту стенограммы заседаний суда, прекрасно зная, что это не так.

И тем не менее Тейхерт обладал некоторой субъективной честностью. Свое мнение об официальном защитнике Димитров высказал в письме, которое написал ему 18 декабря, незадолго до вынесения приговора.

«Я сознаю,— писал Димитров,— что у вас есть все основания быть недовольным мной, но хотел бы надеяться, что, несмотря на это, *лично* вы не сердитесь на меня. Наши столкновения были, к сожалению, неизбежны. Мы — обвиняемый и защитник — занимали в течение

длившегося три месяца слушания дела две различные позиции; у нас имелись два различных взгляда на характер и метод защиты; мы и идеологически принадлежим к двум различным мирам. Но я чувствую себя обязанным признать, что, в соответствии со своим положением, вы должным образом добросовестно вели защиту, хотя в силу своего положения часто пытались сковать мою политическую защиту. Я проявляю необходимое понимание этого и далек от мысли делать вам какие-либо упреки. Напротив, я должен подчеркнуть мое личное уважение к вам как к человеку и дельному адвокату. Могу совершенно откровенно сказать вам, что если бы мне пришлось выбирать между вами как официальным адвокатом и господином д-ром Заком как защитником по собственному выбору, я, вне всякого сомнения, предпочел бы вас, а не д-ра Зака».

Положение д-ра Тейхерта было аналогично положению председателя суда. Тейхерт не был национал-социалистом, а являлся членом партии немецких националистов. Под давлением зарубежной кампании в нем тоже боролись адвокат и националист. Как адвокат, он избрал себе такую линию: изображать Ван дер Люббе анархиствующим одиночкой и опровергать соучастие болгар мелкими вещественными доказательствами. Придерживаясь этой линии, он предпринял ряд заслуживающих признания попыток опровергнуть вину болгар. Больше того, однажды он даже поднялся до настоящего «деяния». Это произошло во время допроса официанта Гельмера. Рядом перекрестных вопросов д-р Тейхерт загнал этого свидетеля в угол, а затем перешел в прямую атаку на предварительное следствие: «Я сожалею, что благодаря этому свидетелю, которой абсолютно заблуждается, судебный следователь дал толкнуть себя на путь, который является весьма роковым для немецкого народа».

Д-р Вернер ответил на эту реплику весьма резкими словами, а нацистская пресса выразила д-ру Тейхерту порицание. С тех пор официальный защитник болгар стал сдержаннее. В своей защитительной речи он лишь в весьма деликатной форме затрагивал национал-социалистских свидетелей, давших под присягой заведомо лживые показания, и пытался обелить органы следствия и прокуратуры долгими рассуждениями на тему, что свидетелям свойственно заблуждаться. Но и этот немецкий адвокат не

воспользовался возможностью опровергнуть то тяжкое обвинение в политической и личной трусости, которое бросил всей германской адвокатуре его знаменитый французский коллега Моро-Джиафферри в своей речи «Геринг, поджигатель — это ты!»

Совсем гнусно вел себя на процессе защитник Торглера адвокат д-р Зак.

Мы уже говорили о той роли, которая предназначалась ему на процессе национал-социалистскими руководителями. Но сыграть до конца эту роль, к которой он приступил со всеми ужимками крупного комедианта, д-ру Заку не удалось. Не суждено было добиться успеха и этому высококвалифицированному «спасителю». Не его вина. Он, убежденный, активный национал-социалист, сделал все, для того чтобы спасти дело своей партии.

Уже на пятом заседании Зак во всеуслышание заявил, как понимает он свою задачу на этом процессе. В тот день допрашивался судебный следователь Фогт. Выступая в качестве свидетеля, Фогт вел себя так же неуклюже и действовал так же топорно, как и в качестве судебного следователя. Зак, несомненно, почувствовал, что тем самым Фогт компрометирует весь процесс, а потому вмешался под видом желания задать вопрос в защиту Торглера.

Когда Фогт, явно выпадая из заученной роли, стал обороняться и снова произнес свои ставшие уже «классическими» слова: «Я — германский судья и советник Имперского суда, и меня зовут Фогт!»— Зак ответил ему: «А я — германский адвокат и защищаю здесь достоинство германского суда в глазах заграницы!»

Итак, Зак защищал отнюдь не своего доверителя Торглера, а «достоинство германского суда!». В выпущенной впоследствии книге о Лейпцигском процессе он дал подробное «теоретическое» обоснование своей позиции, фактически заявив, что в нацистском государстве задача защитника — вовсе не защита обвиняемого, а помощь судье и прокурору в деле «справедливого возмездия и устрашения».

Взять на себя защиту Торглера д-ра Зака, по его собственным словам, побудила надежда, что в этом процессе он будет «иметь особую возможность выступить в защиту нового взгляда на право и продемонстрировать перед всей общественностью свое понимание обязанностей и задач германского адвоката».

Этому стремлению, несомненно, и отвечало все поведение Зака на процессе. За его первым турниром в защиту прекрасной дамы «национальная честь», когда он преломил свое копье против «Коричневой книги», последовала целая цепь других стычек, предпринятых в пользу правительства и тезиса обвинения. Поистине лихорадочную деятельность развернул он во второй половине октября, когда было принято решение о приглашении в суд в качестве свидетелей его высоких господ. Не проходило дня, чтобы д-р Зак не предпринимал попыток «покончить» с так называемой «ложью „Коричневой книги“» или с утверждениями Международной следственной комиссии. Он, верно, не замечал, что самолично выставлял себя на публичное посмешище, когда предлагал то или иное положение «Коричневой книги» в качестве вопроса именно тому свидетелю, которого оно и обвиняло.

8 декабря газета «Берлинер тагеблатт» оценила заслуги Зака: «На этом процессе необходимо было предъявить доказательства по трем направлениям. Во-первых, для опровержения уже упомянутого подозрения, выдвинутого «Коричневой книгой» и другими зарубежными публикациями. (Заслуга в этом отношении принадлежит в первую очередь верховному прокурору д-ру Вернеру и защитнику Торглера адвокату д-ру Альфонсу Заку)...»

Все это вполне понятно. Зак был активным, убежденным национал-социалистом и выполнял задание своей партии, одновременно ставя с ног на голову понятие о долге защитника.

Но ведь Зак принял на себя защиту человека, которому грозила смертная казнь! Причем человек этот был до самого последнего времени депутатом рейхстага от той партии, против которой, в сущности, и был затеян весь процесс. В обвинительном акте выдвинутые против отдельных подсудимых обвинения были неразрывно связаны с обвинениями против Коммунистической партии Германии и мирового коммунизма.

Зак взял на себя защиту Торглера с тем условием, что будет защищать его исключительно как человека, но ни в коем случае не как коммуниста и отнюдь не выступит защитником КПГ и коммунистического движения. Торглер, уже тогда повернувшийся спиной к своей партии, согласился на это условие и в дальнейшем полностью встал на позиции разграничения своей защиты как

человека и как коммуниста. Зак, мысливший не только юридически, но и политически, прекрасно сознавал, что такое разграничение на процессе, который направлен против коммунизма и Коммунистической партии Германии, означает для его подзащитного либо физическую смерть — если Торглер будет отстаивать свою партию, либо политическую — если он станет морально отмежевываться от нее.

Но процесс и нужен был д-ру Заку именно как сенсационный случай, для того чтобы продемонстрировать свои вышеизложенные взгляды. Он нуждался в такой демонстрации для своей юридической и политической карьеры. А то, что эта карьера будет сделана за счет подзащитного, его нисколько не смущало.

Если в конечном итоге Торглер был оправдан, то вовсе не благодаря Заку, а в результате героической борьбы Димитрова на процессе и антифашистской кампании, развернувшейся за рубежом, что заставило нацистских правителей Германии отказаться от осуществления своих первоначальных планов в отношении обвиняемых по делу Ван дер Люббе.

Своей демонстрацией взглядов на «обязанности и задачи германского адвоката» д-р Зак лишь доказал, что адвокат в третьем рейхе являлся нечем иным, как бессовестным подручным палача.

Таким образом, весь суд, начиная от председателя и кончая защитниками, представлял собой группу ярых противников обвиняемых коммунистов, которая служила послушным орудием в руках главного врага коммунизма — национал-социалистского правительства.

Остальные обвиняемые

На скамье подсудимых Димитров сидел не один. Кроме него, перед судом должны были «отвечать» еще четверо обвиняемых. Из них один — Ван дер Люббе, хотя и был безудержным путаником, «политическим безумцем», как охарактеризовал его Димитров еще во время предварительного следствия, все же являлся рабочим. Остальные в течение многих лет принадлежали к Коммунистическому Интернационалу.

От Ван дер Люббе Димитров не ожидал ничего или же весьма мало. Но все-таки поначалу он рассчитывал, что

своим обращением к инстинкту пролетария ему удастся заставить Ван дер Люббе на глазах всей общественности совершить поворот в своем поведении и выступить с разоблачением провокации, жертвой которой сам он явился. Уже первые заседания показали Димитрову, что он заблуждался. Ван дер Люббе в течение всего процесса, за исключением двух дней, находился в состоянии такой апатии, что никому не удавалось вытянуть из него что-либо разумное. Димитров, разумеется, рассчитывал на помощь со стороны своих товарищей по партии — Торглера, Попова и Танева. Но Попов и Танев не проявили достаточного понимания политического значения процесса и встали на линию пассивной личной защиты. Торглер же в конечном счете отказался выступить как политический борец в защиту идей коммунизма. В ряде случаев он просто наносил Димитрову удар в спину.

Кто же были остальные обвиняемые?

«Загадочный» Маринус Ван дер Люббе родился 13 января 1909 г. в Голландии в городе Лейден. Он был сыном бродячего торговца и испытал на себе ту же судьбу, которую уготовило капиталистическое общество сотням тысяч его молодых товарищей по классу. В результате производственной травмы Ван дер Люббе на время потерял возможность работать каменщиком и попал в ряды огромной армии молодых безработных, которых капиталистическая система почти полностью лишала работы не только во времена кризисов, но и постоянно, в силу своей природы. Хотя он и вступил сначала в Союз коммунистической молодежи Голландии, но длительная безработица изолировала его от своего класса. Вскоре он установил связи с выброшенными из жизни молодыми деклассированными интеллигентами, зараженными индивидуалистическими, анархистскими идеями. Ван дер Люббе как раз вступил тогда в тот решающий возраст, когда формируются первые политические убеждения. Деятельность в Союзе коммунистической молодежи Голландии не удовлетворила его. Анархистское стремление Ван дер Люббе к независимости, его честолюбие не находили себе выхода в отнюдь не «романтической» повседневной агитационной работе, которую вела в то время голландская коммунистическая молодежь, и толкали его в анархо-синдикалистский лагерь.

Анархиствующие друзья Ван дер Люббе, несомненно, превосходили его своим интеллектом. Еще в так называе-

мой «Красной книге», которую они с целью «защиты» Ван дер Люббе выпустили незадолго до процесса, они довольно высокомерно высказывались о явствующих из его дневника характерных чертах, «которые революционер, если бы мы ему их приписали, вероятно, никогда не признал бы собственными». Эти черты, по мнению друзей Ван дер Люббе, могли создать впечатление, что он являлся не революционером, который «на все сто процентов порвал с буржуазией, а лишь тем, кто еще полностью находится во власти мелкобуржуазных идей и понятий».

Мелкобуржуазные идейки, казавшиеся его друзьям революционными теориями, весьма быстро нашли отклик у Ван дер Люббе. Как и большинство анархистов, он переоценивал не только значение индивидуума вообще, но и своей собственной личности. Он не мог найти себе места в коммунистической организации, дисциплина и идейная твердость которой казались ему сковывающими «высокий» полет его мыслей и невыносимо отсталыми в сравнении с его действиями. Он не вступил на путь организованной классовой борьбы и со временем оказался в чужих руках орудием борьбы против собственного класса.

В 1926 г. Ван дер Люббе вступил в местную группу коммунистической молодежи в Лейдене. Из сообщения ответственного руководителя Союза коммунистической молодежи Голландии того времени видно, что Ван дер Люббе трудно было найти свое место в этой организации. У него была потребность играть всюду руководящую роль и осуществлять свои путаные идеи. С 1929 г. он стал все сильнее подпадать под влияние своих новых анархиствующих друзей, а затем примкнул к небольшой группе «интернациональных коммунистов» и начал выступать в защиту идей так называемой «левой рабочей оппозиции». В Голландии Ван дер Люббе жил вместе со своими единомышленниками в неком подобии общежития и вел свою деятельность главным образом среди безработных. Он выступал против парламентаризма и профсоюзного движения и организаций всякого рода, против «лидеров II и III Интернационала» и пропагандировал «прямое действие». Во время одной из демонстраций безработных он бил стекла в окнах биржи труда, за что был посажен на три месяца в тюрьму.

После своего разрыва с коммунистическим движением он отправился странствовать. Планы его поездок были

совершенно фантастичны и свидетельствовали как о его наивности, так и о стремлении прославиться.

Свое первое «кругосветное путешествие» Ван дер Люббе предпринял непосредственно после выхода из Союза коммунистической молодежи в 1931 г. Далеко он не ушел. Уже в Вестфалии его за бродяжничество и недозволенную мелкую торговлю арестовали и отправили в тюрьму отсиживать три недели. В июне 1931 г. он снова очутился в Лейдене, а уже в сентябре опять отправился в «кругосветное путешествие», странствовал по Германии, Австрии и Югославии. В 1932 г. Ван дер Люббе предпринял свое третье «кругосветное путешествие». В Польше он был арестован при попытке перейти границу и долгое время находился в тюрьме. Обратный путь привел его в Германию, где его пребывание подтверждается регистрацией в списках обитателей ночлежек Зёрневица и Лейпцига. По возвращении в Голландию он 12 июня был арестован в Утрехте и с 12 июля по 2 октября 1932 г. отбывал наказание по приговору, вынесенному ему заочно. Выпущенный из тюрьмы, он снова принялся вести агитацию среди безработных. 22 декабря Ван дер Люббе выступил на собрании бастующих шоферов такси в Народном доме Гааги. В весьма путаной речи он обрушился на профсоюзы всех направлений и их руководителей, протестовал против частичных действий.

Зимой 1932/33 г. у Ван дер Люббе заметно ухудшилось зрение, и он долгое время находился на излечении.

В начале февраля 1933 г. Ван дер Люббе предпринял новую поездку в Германию, вернуться из которой ему уже не было суждено.

Что следует из всех этих фактов, которые суд обязан был тщательно изучить с точки зрения отношения Ван дер Люббе к поджогу рейхстага?

Если принять во внимание анархо-синдикалистские взгляды Ван дер Люббе, его авантюристическую натуру и стремление к «самоутверждению» своей личности, а также то, что он разделял ложнореволюционные, мелкобуржуазные идеи своих друзей о «серой пролетарской массе», которую парламентаризм и профсоюзы уводят с революционного пути и которую надо побудить к активности действиями отдельных «настоящих» революционеров, вполне можно объяснить, что, совершая поджог рейхстага, он был искренне убежден, что выполняет революцион-

ный долг. Но ввиду его ограниченности, а также плохого зрения совершенно исключено, чтобы Ван дер Люббе поджег рейхстаг без подстрекательства и один.

Путаность взглядов Ван дер Люббе, его болтливое добродушие, его утрированное стремление утвердить собственную значительность легко объясняют, каким образом он смог стать жертвой провокаторов, которые под каким-то подходящим предлогом сумели использовать его.

Но не было ни малейшего основания считать Ван дер Люббе сознательным руководителем или даже исполнителем широко задуманной политической акции. Исходя из имевшегося материала, любые проницательные следственные органы должны были бы передать его дело психиатру. Во всяком случае, любой разумный судья признал бы в его деле смягчающие обстоятельства.

Так или иначе, жалкий Ван дер Люббе никоим образом не дорос до международного процесса. Только во время самого суда он, кажется, понял, в какую адскую политическую машину он попал. У такого человека, как он, уже одно сознание этого должно было вызвать состояние шока, которое лишило его всякой возможности защищаться перед судом.

С первого до последнего дня процесса Ван дер Люббе являл собой облик человека, который находится под воздействием наркотических средств. Иностранные специалисты выдвинули тогда предположение, что ему давали вместе с пищей скополамин. Он сидел на скамье подсудимых, съежившись, с опущенной головой и часто с закрытыми глазами, похожий скорее на мертвеца, чем на живого человека, совсем не следил за ходом заседания, хотя, несомненно, понимал немецкий язык лучше, чем показывал. Когда его спрашивали, он давал отрывочные, совершенно сбивчивые ответы, из которых ничего нельзя было понять. Только дважды за все время процесса он оживился, и именно в эти дни Димитрову удалось выудить из него несколько ответов, которые свидетельствовали, что он мог бы сказать куда больше, если бы с ним правильно обращались.

Следующий обвиняемый — Эрнст Торглер.

Торглер принадлежал к числу тех более старших по возрасту партийных работников КПГ, которые вышли из рядов социал-демократической молодежи и СДПГ периода

кануна первой мировой войны. Решающим фактором, побудившим его, как он сам рассказывал на суде, примкнуть к социал-демократии, было влияние матери, которая давно состояла в рядах этой партии и была лично дружна с ее старыми лидерами. Так юный Торглер получил теоретическое образование, которое он почерпнул из социал-демократической литературы довоенного периода. Он стал торговым служащим и, уже принимая участие в рабочем движении, продолжал интересоваться проблемами положения служащих и чиновников.

Под влиянием первой мировой войны и Октябрьской революции Торглер отошел от социал-демократии. В 1920 г. вступил в Коммунистическую партию Германии.

В 1924 г. он был избран в рейхстаг по списку КПГ и с тех пор непрерывно входил в него в качестве депутата от коммунистов. Как члену парламента, а впоследствии председателю коммунистической фракции рейхстага Торглеру часто приходилось выполнять поручения КПГ в государственных органах. Так, в критические 1932—1933 гг. ему неоднократно выпадала задача вести переговоры с полицейскими и правительственными органами в период канцлерства Брюнинга, Папена и Шлейхера. Еще в самом начале 1933 г. он обсуждал на совещаниях с представителями правительства Шлейхера вопрос о запрещении нацистской демонстрации. Благодаря подобным переговорам он привык к общению с «властями» и стал сторонником «легальных» методов борьбы. Эта переоценка легальности и побудила Торглера сразу же после пожара рейхстага без разрешения руководства КПГ добровольно явиться в полицей-президиум. Он верил в «порядочность» фашистских противников, которые, разумеется, и не подумали считаться с его парламентской неприкосновенностью, а тут же арестовали его.

Торглер мог бы сделать правильные выводы из своего ошибочного шага, предпринятого вопреки воле партии. Но вместо этого он пошел дальше по пути отмежевания от КПГ. Он отверг директивы, которые дала ему партия для его поведения на предварительном следствии, и проводил капитулянтскую линию на процессе. Он игнорировал категорическое предупреждение партии не принимать услуг национал-социалистского защитника Зака. Он не отказался от Зака даже и тогда, когда КПГ во время процесса разоблачила этого «защитника» как ору-

дие государственной прокуратуры. В конце концов он принял и условие Зака защищать его «только как человека», вне связи с политикой, и отклонил предложенную ему благодаря заботе партии помощь иностранных адвокатов.

Шаг за шагом отходя от своей партии, Торглер постепенно превратился в орудие национал-социалистов.

С самого начала Торглер дал понять, что не только не намерен придерживаться метода политической защиты, избранного Димитровым, но и категорически отвергает его. Он ни разу не пришел на помощь Димитрову и ни разу не протестовал, когда болгарского коммуниста удаляли из зала. Больше того, он неоднократно и публично отмежевывался от Димитрова и не раз, встречая его в коридоре по пути в зал суда, осыпал упреками за резкие политические выступления, тем самым ясно выражая страх за свою собственную судьбу.

Димитров предпринимал различные попытки, насколько это было возможно на открытых заседаниях, показать Торглеру неправильность такого поведения и увлечь его за собой на верный путь. Но ему это не удалось.

В последнем слове Торглер выразил благодарность своему защитнику — тому самому д-ру Заку, который не упускал ни малейшего случая прийти на помощь суду и верховному прокурору в их борьбе против Димитрова!

Измена привела Торглера к исключению из Коммунистической партии Германии [1].

Обвиняемые Попов и Танев прошли школу долгой нелегальной работы в Болгарии и в эмиграции. Попов в 1931—1932 гг. являлся членом Политбюро ЦК БКП, а Танев руководил профсоюзным отделом ЦК БКП.

Благой Попов происходил из среды трудовой интеллигенции и уже давно играл большую роль в революционном движении Балканских стран. Он родился в 1902 г. в провинции, в семье сельского учителя. В доме отца часто велись политические споры, так что у юноши рано пробудился интерес к политике, когда он после первой мировой войны стал учиться в реальном училище. Там он сразу вступил в Союз коммунистической молодежи

---

[1] После оправдания и освобождения из тюрьмы Торглер заявил об отказе от антифашистской деятельности и в 1935 г., как ренегат, был исключен из КПГ. Ныне живет в Западной Германии и является членом СДПГ.— *Прим. ред.*

и вскоре был избран руководителем растущей молодежной группы училища. Осенью 1919 г. Попов принял участие в крупной коммунистической демонстрации, которая вылилась в вооруженное столкновение с войсками. Ему пришлось на время прервать свою учебу и деятельность по руководству коммунистическим движением учащейся молодежи, так как в июле 1922 г., во время нового вооруженного столкновения между демонстрантами — коммунистической и реакционной молодежью,— он был ранен револьверным выстрелом в голову.

Во время фашистского переворота 9 июля 1923 г. Попов находился в Софии, будучи молодым студентом, и руководил молодежной коммунистической организацией одного из районов болгарской столицы. После поражения Сентябрьского восстания 1923 г. и запрета Болгарской коммунистической партии, в которую он вступил в 1922 г., Попов работал в нелегальном партийном и молодежном комитете одного из провинциальных округов, пока в конце октября 1924 г. ему не пришлось эмигрировать за границу ввиду преследований полиции.

Большую часть своей эмиграции Попов провел в Советском Союзе, где получил высшее образование. В конце 1923 г. вернулся на нелегальную работу в Болгарию и вскоре был избран в Центральный Комитет БКП. В конце 1930 г. ему опять пришлось покинуть Болгарию, но через год он возвратился и вошел в состав секретариата и Политбюро ЦК БКП.

Через несколько месяцев Попова снова арестовали, но он сумел бежать и оказался вынужден эмигрировать в третий раз. Осенью 1932 г. приехал в Германию, где занимался делами болгарских политэмигрантов, и в марте 1933 г. был арестован в Берлине [1].

Василь Танев происходил из Македонии. Рабочий класс этой страны издавна страдал от двойной эксплуатации. Македонский народ многие века жил под двойным игом сменявших друг друга иноземных захватчиков, а также местных фабрикантов и помещиков. Поэтому Македония издавна давала революционному движению Балканских стран особенно много верных борцов.

---

[1] После освобождения из фашистской тюрьмы Попов жил в СССР. В 1954 г. вернулся в Болгарию.— *Прим. ред.*

Танев родился в 1897 г. в семье железнодорожного рабочего. Отец его принимал участие в македонском повстанческом движении против турок и был убит в одном из боев, когда сыну не исполнилось еще и девяти лет. Таневу не пришлось посещать школу, в одиннадцать лет он уже должен был добывать себе на хлеб, работая учеником сапожника.

После второй Балканской войны, в 1913 г., Танев переселился вместе с родными в Болгарию. В первую мировую войну он служил матросом черноморского флота болгарской армии. После демобилизации, в 1919 г., он примкнул к профсоюзному движению и вступил в Болгарскую коммунистическую партию. Быстро завоевав авторитет среди своих товарищей, он стал функционером своего профсоюза и членом его Центрального Комитета. Принимал руководящее участие также в организации ряда забастовок рабочих других отраслей промышленности.

Ко времени фашистского переворота и Сентябрьского восстания 1923 г. Танев являлся членом окружного комитета БКП в одной из провинций. После непродолжительного пребывания в эмиграции он в мае 1924 г. вернулся в Болгарию, чтобы принять участие в нелегальной деятельности компартии. Впервые его арестовали во время репрессий против партии в связи со взрывом Софийского собора в 1925 г. и осудили на двенадцать с половиной лет заключения в каторжной тюрьме. После 11 месяцев заключения он был выпущен по амнистии, после чего возобновил свою партийную работу, был снова арестован и подвергся истязаниям в тюрьме. Затем во время последующей непродолжительной эмиграции полиция напала на след нелегальной деятельности Танева в провинции, и его заочно приговорили к 12 годам тюремного заключения.

В 1931 г. Танев возвратился в Болгарию и руководил в ЦК БКП профсоюзным отделом. Осенью 1932 г. по партийному заданию он выехал за границу. Возвращаясь в Болгарию, где он намеревался возобновить свою нелегальную деятельность, Танев 24 февраля 1933 г. заехал в Берлин, чтобы повидаться с Димитровым и Поповым и обсудить с ними различные вопросы коммунистического движения в эмиграции и в самой Болгарии [1].

---

[1] После освобождения из фашистской тюрьмы жил в Советском Союзе. Осенью 1941 г. в составе группы парашютистов высадился в Болгарии и вскоре погиб в схватке с фашистами.— *Прим. ред.*

Положение Попова и Танева было не простым. Во время предварительного следствия Фогт сделал все, для того чтобы скрыть от них действительное содержание обвинения. Разобраться в обвинительном акте не мог даже и немец, не говоря уж об иностранцах, слабо владеющих немецким языком. Перевели же обоим обвиняемым болгарам только абзацы, непосредственно касавшиеся их самих. От Димитрова их изолировали сразу же после ареста. Они лишь иногда видели его издали, когда их водили на допрос. Таким образом, Димитров не имел возможности помочь им своим советом. Естественно, с тем бóльшим вниманием они должны были бы следить за поведением Димитрова на самом процессе, чтобы брать с него пример. Вместо этого они совершили ошибку, равняясь на Торглера. Они считали процесс «чисто германским» делом, в котором Торглер, мол, разбирается лучше, и полагали, что он, с согласия Коммунистической партии Германии, придерживается наиболее целесообразной в данном случае линии.

Их непростительная ошибка в том, что они дали склонить себя к чисто личной защите и ни разу открыто не солидаризировались с Димитровым, что они позволяли д-ру Бюнгеру ставить Димитрову в пример их «приличное поведение», что они не протестовали против его удаления с заседаний, что они, за исключением пунктов, касавшихся их лично, не проявляли никакого интереса к процессу и тем самым возложили все бремя политической борьбы на одного Димитрова.

Вот как произошло, что на этом процессе Димитров действительно один противостоял суду.

Разоблачение методов следствия

Со дня своего первого выступления 23 сентября Димитров стал для всего мира центральной фигурой, настоящим героем процесса. С этого момента каждому — в том числе и противникам, а также и тем, кто втайне был уверен в участии коммунистов в поджоге рейхстага,— стало ясно: этот болгарский революционер — человек необычайный, личность выдающаяся.

Каждый новый день заседаний подтверждал и усиливал это впечатление. Вскоре сообщения о процессе стали брать в руки только для того, чтобы прочесть, чтó сказал

Димитров. Люди выражали разочарование, если его удаляли с заседания и не давали ему слова. А стоило ему выступить, как его меткие формулировки, его разящие саркастические реплики передавались из уст в уста.

Национал-социалисты — разумеется, против своей воли — содействовали этой популярности Димитрова. Не поставленные Фогтом в известность о том, какую опасность представляет собой Димитров, и будучи убеждены, что все пойдет как по маслу, в соответствии с тщательно разработанным планом, они сами создали процессу гигантскую рекламу.

Передовые статьи нацистских газет от 24 сентября, а также передача в тот же день по радио граммофонной записи отдельных выступлений на процессе оказались грубой ошибкой нацистской режиссуры. Но, положив такое начало, она уже не могла отступить. Правда, руководители судилища весьма быстро отказались от первоначально намеченной на весь период процесса радиотрансляции из зала суда. Допущенную вначале ошибку они попытались исправить все более злобными нападками на Димитрова в печати и в выступлениях радиокомментаторов. Но это не помогло. Наоборот! Одно-единственное слово Димитрова опровергало все, что они могли сказать против него. Гнуснейшая нацистская ругань быстро забывалась, а сказанное Димитровым оставалось в памяти.

Глупее всего вели себя радиокомментаторы. Вот что они говорили в одной из передач:

«Сегодня мы вновь передаем из зала Имперского суда в Лейпциге запись 23-го заседания по делу поджигателя рейхстага Ван дер Люббе и сообщников. Сегодня, когда предоставлено слово экспертам, Ван дер Люббе, как обычно, продолжает сидеть неподвижно, с низко опущенной головой. Димитров снова вмешивается в слушание дела, играя роль защитника, и пытается ввести общественность в заблуждение, будто он не является тем самым обвиняемым, который уже много раз играл преступную роль как международный коммунистический подстрекатель. Сегодняшнее демагогическое и наглое поведение обвиняемого Димитрова вновь показывает, с какой объективностью германский суд ведет этот процесс на глазах у всей мировой общественности.

Включаем запись заседания.

Председатель: Это не имеет отношения к делу и неуместно.

Димитров: Господин председатель, что Ван дер Люббе был не один...

Председатель: Это вы уже говорили...

Димитров: ... был не один, что он должен был иметь сообщников, вот что я говорю.

Но я пойду еще дальше. На мой взгляд, Ван дер Люббе в этом процессе является, так сказать, Фаустом в деле о поджоге рейхстага. Этот жалкий Фауст предстал перед судом, но Мефистофеля здесь нет...»

Могло ли после этой передачи у кого-нибудь остаться сомнение в том, кто демагог, а кто объективен, кто вел себя нагло, а кто спокойно?

Нацистам было уже поздно хвататься за голову. Им не помогали теперь ни крики, ни брань. На процессе все более властно чувствовалась отныне режиссерская рука Димитрова.

И все же представление, которое весь мир день за днем создавал себе о Димитрове на основе сообщений, являлось односторонним. Были видны только отдельные блестящие выступления и вопросы, люди радовались их меткости, восхищались мужеством Димитрова, удивлялись его памяти, поражались его знаниям и остроумию, хохотали над его саркастическими репликами. Короче говоря: видели только необычные, оригинальные стороны его характера.

Но во всем своем величии личность Димитрова и его политическое деяние предстает только тогда, когда методически, опираясь на хронологическую последовательность событий, в деталях восстанавливаешь шаг за шагом все то, что свершил он за эти три месяца процесса — как защитник, как судебный следователь, как обвинитель и как судья.

Как защитник коммунизма, как защитник самого себя и своих обвиняемых товарищей — коммунистов, Димитров придерживался единственной и четкой основной политической линии, того доказательства, которое сам он называл «политическим алиби».

Против абсурдного обвинения преданных суду коммунистов в соучастии в поджоге рейхстага неопровержимо говорил один факт: именно то, что они — коммунисты, их принадлежность к Коммунистическому Интернационалу.

На основе документов Димитров вновь и вновь подчеркивал: коммунистическое движение не имеет ничего общего с индивидуальным террором, с покушениями, поджогами и тому подобным, что якобы должно служить «сигналом» к выступлению. Во всей истории Коммунистического Интернационала нет ни одного такого случая. Более того, марксизм-ленинизм возник и развился именно в борьбе против теорий и движений, которые следовали такой тактике, и Коммунистический Интернационал и в теории и на практике всегда выступал против групп и тенденций, проповедующих индивидуальные террористические акты в качестве средства «пробуждения масс».

В конкретном случае поджога рейхстага утверждение, будто коммунисты задумали его как сигнал к восстанию, было особенно бессмысленно. КПГ и Коминтерн в данный момент не имели ни малейшей заинтересованности в таком акте.

Димитров не упускал ни одного случая, чтобы вновь приводить на процессе это доказательство невиновности коммунистов. Он делал это особенно часто в связи с различными алиби, которые имели известное значение для доказательства личной невиновности обвиняемых коммунистов.

Так, 24 ноября при рассмотрении алиби Попова и Танева в вечер пожара рейхстага Димитров заявляет:

— По моему мнению, господин председатель, лучшим алиби для обвиняемых Димитрова, Попова и Танева служит тот факт, что эти трое болгар являются членами Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии и ответственными коммунистами. Именно потому они не поджигатели.

Дабы подкрепить это политическое алиби, Димитров подает ряд заявлений о представлении доказательств — например, о зачтении «Программы Коммунистического Интернационала», о приглашении на суд в качестве свидетелей руководящих деятелей Исполкома Коминтерна и Коммунистической партии Германии.

Суд отклоняет все эти ходатайства. Он боится выяснения именно данного пункта. Ведь он с самого начала получил от национал-социалистского руководства процессом задание доказать обратное! Гитлер хотел «разоблачить» Коммунистический Интернационал как организацию преступников и поджигателей, чтобы убеди-

-тельно продемонстрировать «всему цивилизованному миру», от какой угрозы он его спас.

Димитров мог бы ограничиться опровержением нацистской лжи о коммунизме в общем и целом. В тех условиях это тоже было бы немалым делом. Но Димитров сделал большее. Он часто говорил, что задача революционера и коммуниста перед судом — не только абстрактно заявлять о верности своему мировоззрению и использовать процесс для пропаганды коммунистических идей вообще, но и, более того, конкретно подойти к существу данного процесса и на основе обвинительного материала показать всю лживость противника, разоблачить методы его борьбы, неправильность его идей.

Именно это Димитров мастерски и сделал на Лейпцигском процессе. Никто, даже председатель и прокуроры, не следил за ходом процесса так внимательно, как он. Никто так, как он, не записывал каждое слово свидетелей, не фиксировал так каждое противоречие в их показаниях и каждое изменение в тактике председателя и обвинителей, чтобы при подходящем случае использовать это в своих целях.

Димитров постоянно сознавал свою триединую роль: защитника, следователя и обвинителя. В течение всего процесса он не упускал ни одной возможности продвинуться по этой линии хоть немного вперед.

После того как суд остался совершенно глух к его главному аргументу — политическому алиби — и вновь и вновь пытался ограничить расследование поисками доказательств физического соучастия обвиняемых коммунистов, Димитров сосредоточил свое главное внимание на опровержении этих доказательств. Он и при этом обнажал сущность дела, концентрируя свой огонь прежде всего на методах предварительного следствия, в ходе которого были сфабрикованы мнимые доказательства соучастия коммунистов. Публичное разоблачение и пригвождение к позорному столбу методов предварительного заключения нанесло тяжелый удар всему зданию обвинения.

Уже во время первой речи перед судом Димитров в ответ на призыв д-ра Бюнгера к порядку громко кричит в зал:

— Все предварительное следствие было тенденциозно!

27 ноября Димитров пользуется случаем, чтобы впервые доказать это утверждение и одновременно сформулировать его еще резче.

В этот день выступают в качестве свидетелей чиновники уголовной полиции и органов юстиции, которые вели ранее допрос Ван дер Люббе. Комиссар уголовной полиции Гейзиг, являвшийся в комиссии по делу о поджоге рейхстага, так сказать, «специалистом по Ван дер Люббе», утверждает, что голландец был весьма словоохотлив и дал совершенно ясные и связные показания. При допросе Гейзиг якобы даже не пользовался услугами переводчика. А комиссар уголовной полиции Цирпинс утверждает, что Ван дер Люббе в совершенстве владеет немецким языком и даже изъяснялся на этом языке со всеми нюансами.

Димитров сразу же улавливает противоречие: если это действительно так, то почему же потом Фогт разговаривал с Ван дер Люббе через переводчика, а сам голландец говорит на каком-то почти совершенно непонятном жаргоне? Председатель обрывает Димитрова и грозит лишением слова. Но тем самым он лишь показывает, что вопрос попал в цель, а вся пресса поместила ответ Димитрова, в котором тот подвел итог словесной дуэли:

— Этот факт характерен для методов предварительного следствия. Все предварительное следствие было тенденциозным, жестоким и неправильным!

Сразу же после этого допрашивается судебный следователь Фогт. Он принимает позу великого психолога и знатока коммунистов. Подробно рассказывает, как наигранной вежливостью и дружелюбием побудил Ван дер Люббе говорить. Фогт явно старается сгладить дурное впечатление о себе, произведенное констатацией Димитрова. Но в своих усилиях он не преуспел.

Первое, в чем Димитров уличает Фогта,— незаконное содержание его в кандалах. Сразу же обнаруживается, что господин советник Имперского суда лжец. Например, он утверждает, будто дал распоряжение держать Димитрова в кандалах только после попытки Танева совершить самоубийство. Тогда Димитров спрашивает Фогта о дате этого поступка Танева. Оказывается, что между обоими событиями— разница во времени во много недель! Затем Димитров задает вопрос: от Фогта ли исходило лживое сообщение, будто Димитров и его соотечественники участвовали во взрыве Софийского собора?

Фогт признает это, отговорившись «ошибкой» Следует новый вопрос: не он ли, Фогт, передал прессе сообщение, что трое болгар, как доказано, связаны с Ван дер Люббе? Фогт вновь подтверждает этот тезис, заявляя, что имеется свидетель, который сможет подтвердить его.

Только теперь, кажется, председатель замечает, в какую лужу сел Фогт, а вместе с ним и все предварительное следствие. Он прерывает Димитрова, приказывает ему замолчать. Но Димитров кричит в зал:

— Я еще докажу, что весь метод предварительного следствия является подлым!

Больше сказать ему ничего не удается — председатель лишает его слова. Но Димитрову больше и не надо ничего говорить: господин Фогт, руководитель предварительного следствия, разоблачен как лжец и получил свой первый на суде удар.

В качестве следующей мишени Димитров избирает помощников Фогта — комиссаров уголовной полиции.

Руководящим центром всего предварительного следствия являлась так называемая комиссия по делу о поджоге рейхстага. Полицейские и судейские чиновники работали в ней рука об руку, а нацисты всех рангов и чинов, не имевшие никакого отношения ни к полиции, ни к суду, чувствовали себя там как дома. В комиссии сходились все линии воздействия на следствие со стороны руководящих нацистских органов.

Об этих обстоятельствах Димитров говорит 11 ноября во время допроса комиссара уголовной полиции Брашвица. Тот бесстыдно повторяет перед судом нелепые басни насчет открыток с видами рейхстага и дворца, а также крестов на плане Берлина.

— Помощник комиссара уголовной полиции Кинаст,— заявляет он,— заметил на плане города различные отметки, в том числе кресты на зданиях рейхстага и дворца. Обнаружить их было очень трудно, потому что они были тонко нанесены карандашом. Я мог различить их только при помощи лупы.

Димитров тут же наносит удар:

— Как же это так,— спрашивает он Брашвица,— что свидетель мог разглядеть кресты на плане только через лупу, если они, когда мне был предъявлен этот план, были видны ясно и четко?

Брашвиц пытается выкрутиться:

— Какие-либо изменения на плане полностью исключены. Но ведь я хотел сказать не то, что кресты были слабо нанесены, а то, что ввиду множества отпечатанных на таком плане знаков среди них было трудно найти кресты. Поэтому они были сравнительно слабо заметны.

Председатель чувствует, какое впечатление производит это отступление на иностранных журналистов, и поспешно прекращает допрос Брашвица. Вызывает следующего свидетеля — чиновника уголовной полиции Штайнбаха, но и с этим ему не везет. Не успевает д-р Бюнгер показать Штайнбаху план с обозначенными крестами пунктами, как тот, ко всеобщему удивлению, заявляет, что найденный им план города имел другую обложку!

Брашвиц спешит спасти положение:

— Господин Штайнбах показал мне только лишь план и сказал при этом, что на нем, вероятно, имеются весьма важные отметки.

Но Штайнбах не понимает намека:

— Это, очевидно, недоразумение. Я еще даже и не держал в руках план, когда сказал, что найденный нами материал содержит важные заметки. При этом я не имел в виду отметки на плане.

Председателю вновь приходится вмешаться: ведь это же комиссар Кинаст обнаружил отметки на плане и показал их Брашвицу!

Теперь для Димитрова настал момент атаковать комиссию в целом.

— В комиссии работали только чиновники?— задает он вопрос Брашвицу.

Брашвиц отвечает, что в ней работали только принадлежащие к ней чиновники.

— Можете ли вы утверждать это под присягой? — спрашивает Димитров.

Брашвиц молчит. Председатель приходит ему на помощь, делая выговор Димитрову. Но Димитров не выпускает Брашвица из-под огня.

— Я докажу, что в этой комиссии по делу о поджоге рейхстага действовали безответственные и не состоящие на государственной службе лица.

В этот момент Димитров получает неожиданную поддержку. Член суда д-р Фрёлих спрашивает Штайнбаха, попадали ли бумаги в руки других лиц, кроме чиновников, прежде чем определялись их отличительные черты.

Штайнбах дает многозначительный ответ:
— С целью ведения следствия — нет.
— С другими целями?
— Не могу припомнить.
Так продолжается еще некоторое время. Штайнбах виляет. Он все твердит, что не давал бумаг никому и частных лиц для их обработки не использовал.
Тогда Димитров задает вопрос в упор:
— А, может быть, с ними имел дело кто-нибудь из СА, СС или из НСДАП?
Теперь полицейский чиновник замечает, куда его занесло. Он спохватывается, становится навытяжку и категорически заявляет, что об этом и речи быть не может. Тайна раскрывается мгновенно: он не смеет сказать правду, если не хочет иметь дело со штурмовиками, представители которых постоянно находились в комиссии и оказывали воздействие на следствие.
Так выглядела в действительности эта «комиссия по расследованию», на протоколах которой основывалось обвинение! Она в сущности была не судебной инстанцией, а канцелярией национал-социалистской партии, где полицейские и судейские чиновники играли роль исполнителей приказов тайного политического руководства процессом.
Димитров по собственному опыту знал, что один из методов следствия — не устраивать очных ставок свидетелей с другими лицами и с обвиняемыми, о которых они давали свои показания. Сам он ни разу не допрашивался совместно ни с остальными обвиняемыми, ни с теми свидетелями, которые показывали против него.
На суде Димитров публично разоблачает этот своеобразный метод. Во время допроса Фогта и Гейзига он обращает внимание суда на то, что Ван дер Люббе ни разу не задал вопроса о нем, Димитрове, и даже ни разу вообще не назвал его фамилии. На прямой вопрос Димитрова Ван дер Люббе тот отвечает, что никогда раньше не видел его и ничего о нем не слышал.
Теперь, как только появляется новый свидетель, Димитров сразу же спрашивает, устраивалась ли этому свидетелю очная ставка с другими свидетелями, давшими показания по тому же вопросу. И каждый раз ответ отрицательный.
Следственные власти и суд уделили обстоятельствам проникновения Ван дер Люббе в рейхстаг и обнаружения

пожара якобы наибольшее внимание. Но свидетелю Талеру, утверждающему, что он видел, как Ван дер Люббе пробрался в рейхстаг, даже не была устроена очная ставка с голландцем. Не состоялось и очных ставок свидетелей Флётера и Талера, а также вахмистра Буверта, которые якобы встретились друг с другом перед рейхстагом в момент обнаружения пожара. Более того, Димитрову даже не было устроено очной ставки с официантом Гельмером, давшим против него основной обвинительный материал. Не имел очной ставки и Попов со свидетелями Кемпнером и Зингером, которые дали против него якобы наиболее отягчающие показания, а также со свидетелями Борхардом и Дорнбеком, давшими показания, имевшие решающее значение для его алиби. Не было очных ставок свидетелей Карване, Кройера, Фрея, Веберштедта и Дрешера с обвиняемыми, о которых эти пятеро нацистских свидетелей утверждали, будто видели их вместе и порознь перед самым поджогом рейхстага... Впрочем, этот перечень можно было бы продолжить до бесконечности. Лишь только заходит речь о якобы важных свидетелях, непосредственно имевших дело с обвиняемыми, как тут же выясняется, что очных ставок не было.

Настойчивые и методичные вопросы Димитрова, почему не было очных ставок, производят все более и более сильное впечатление. Постепенно выясняется, что у следственных властей есть что утаивать: очные ставки сразу обнаружили бы всю несостоятельность сфабрикованных ложных показаний.

В тех случаях, когда, как было заранее известно, свидетели давали показания, противоречащие друг другу, из них отбирали для допроса на суде одного — именно того, который подходил для планов руководства процессом и давал уличающие обвиняемых показания. Так, в случае с «Байренгофом» суд намечал вызвать только официанта Гельмера, игнорируя восемь остальных кельнеров этого ресторана, решительно опровергавших его показания. Так было и в случае с Гроте, когда не желали вызвать других свидетелей, которые своими показаниями изобличали лживость его утверждений.

Но Димитров хорошо изучил обвинительный акт. Каждый раз, лишь только председатель уже готов с удовлетворением отпустить свидетеля, приглашенного верховным прокурором, он требует вызова других свидетелей.

Так как эти свидетели названы в самом обвинительном акте, суд не мог просто отклонить такие требования. Но стоило допросить этих других свидетелей, и соответствующий пункт обвинения каждый раз позорно трещал по швам.

Самый тяжелый удар по предварительному следствию, а таким образом и по тем, кто нес за него ответственность, был нанесен Димитровым тогда, когда он вскрыл методы, которыми национал-социалисты принуждали отдельных свидетелей давать ложные показания.

Все началось довольно безобидно.

28 сентября для подтверждения показаний свидетеля Панкнина о разговорах Ван дер Люббе с нейкельнскими безработными допрашивается свидетель Цахов. Он опровергает все, что подсказал ему Панкнин. Д-р Бюнгер указывает ему на противоречие между его письменными и устными показаниями. Свидетель вдруг сквозь рыдания выдавливает:

— Господин судья, я и без того уже достаточно наказан, потому как нахожусь в концлагере... Я ведь сознаюсь, глупость была с моей стороны сказать, что штурмовики не должны бить людей ногами в зад. Вот и все, что я сказал, а насчет поджога — так я никогда и слова не говорил!

В этот же день корреспондент «Геральд трибюн» телеграфировал редакции своей газеты: «То была самая потрясающая сцена на процессе и вместе с тем — самый страшный приговор методам процесса и его предыстории».

28 октября. О событиях, происходивших в здании рейхстага во второй половине того дня, когда возник пожар, допрашиваются буржуазный журналист Эме и бывший секретарь социал-демократической фракции рейхстага Якубовиц.

Эме дает показания, которых нет в протоколе допроса на предварительном следствии. Д-р Бюнгер спрашивает, почему он не сообщил всего этого на предыдущем допросе. Эме отвечает:

— Я считал нецелесообразным с точки зрения моей личной безопасности говорить всю правду... При этом каждый должен в первую очередь думать о своей собственной безопасности.

Дает перед судом новые показания и Якубовиц. И он тоже на аналогичный вопрос помощника прокурора

Паризиуса отвечает, что не хотел таким сообщением поставить себя под сильное подозрение и втянуть социал-демократическую партию в историю с поджогом.

15 ноября суд допрашивает хозяйку квартиры фрау Рышковски о связях Попова. Выясняется, что с целью заставить ее дать уличающие Попова показания у нее производили домашние обыски и грозили преданием суду.

Все эти свидетели не проявили особенно сильного характера и не имели твердых политических убеждений. Поэтому на суде они высказываются с колебаниями и осторожностью.

Полностью вымогательские методы предварительного следствия были разоблачены лишь в политической части процесса, когда перед судом прошли рабочие-коммунисты, доставленные из концентрационных лагерей и тюрем. На предварительном следствии они якобы признали, что на конец февраля готовилось коммунистическое восстание. Димитров, который во время допросов Цахова, Эме и других был удален с заседаний, задает ряд вопросов свидетелям-коммунистам. Это происходит 4 декабря.

Уже первые свидетели-коммунисты энергично отрицают, будто они говорили о подготовке восстания. Их просто спрашивали об их взглядах на восстание. Потом в протоколе их ответы были так «причесаны», как будто они говорили именно о восстании в феврале 1933 г.

Рабочий Йешке открыто заявляет 4 декабря:

— Нас заставили дать наши показания!.. Нам подсказали наши показания, а когда мы потом...

— А, все это болтовня!— прерывает его председатель.

— Нет,— твердо отвечает Йешке,— это правда!

Вступает Димитров.

— Полиция вас избивала?

— У меня голова так болела, что я все подписал!

— Вам угрожали?

— Нам сказали: если не подпишете, попадете в Бризков!— отвечает Йешке.

— А что такое там было?— спрашивает председатель.

— Там находился отряд штурмовиков!

Теперь правда выходит наружу. Ее подтверждают и другие свидетели из концлагерей. «Признания» были добыты угрозами и истязаниями.

Димитров называет вещи своими именами:

— Итак, это показания, полученные под давлением!

Для д-ра Бюнгера это уж чересчур.— Замолчите! — кричит он и лишает Димитрова слова. Но он не может помешать тому, что остальные свидетели-коммунисты, глядя на вынужденного молчать Димитрова, один за другим берут назад свои прежние показания и рассказывают о том, как их заставляли лгать.

Так Димитров в течение всего процесса не упускал ни одного случая, чтобы показать, какими методами был подготовлен этот процесс. Тем самым он не только осветил закулисную кухню лейпцигского суда, но и дал всему миру ясное представление о том, как готовятся в гитлеровской Германии политические процессы.

Невиновность коммунистов

В любой другой цивилизованной стране установление таких грубых фальсификаций, передержек и упущений привело бы к приостановке процесса и проведению нового следствия. Но «объективный» национал-социалистский суд даже и не помышлял о чем-либо подобном. Д-р Бюнгер как ни в чем не бывало продолжает слушание дела на основе обвинительного акта, полностью потерявшего свою силу.

Лишь один раз, в начале процесса, председатель делает попытку отклониться от предписанной ему линии. Ведь и он тоже, при всем своем желании, не может не испытывать на себе влияние Димитрова. Ему вменили в обязанность в первую очередь доказать, что четверо коммунистов, посаженных на скамью подсудимых, были сообщниками Ван дер Люббе. Д-р Бюнгер явно ощущает, насколько это будет трудно. Но прежде всего он предчувствует ту опасность, которую таит в себе версия, что при совершении своего преступления Ван дер Люббе обязательно имел пособников. А если не удастся доказать, что ими были именно эти четверо коммунистов? Тогда сразу возникнет вопрос: кто же помогал голландцу, кто же в действительности совершил поджог? Вопрос весьма неприятный, особенно из-за этого Димитрова! А потому в течение нескольких дней д-р Бюнгер пытается доказать, что Ван дер Люббе был единственным поджигателем. Как мило и просто все тогда бы выглядело!

Но для такого выхода из положения уже слишком поздно. Слишком хорошо «подготовлены» свидетели в

соответствии с принятой линией обвинения. Кроме того, тайное руководство процессом позаботилось о том, чтобы преградить д-ру Бюнгеру путь к отступлению. Раз попытка изобразить Ван дер Люббе членом Коммунистической партии Голландии сорвалась, значит необходимо, чтобы он имел соучастников, а соучастниками этими обязательно должны быть коммунисты. Если не доказать этого, весь процесс потеряет смысл! А потому в последующие дни свидетелям строго-настрого приказано давать такие показания, которые полностью исключают действия Ван дер Люббе в одиночку. Особенно рьяно действует в этом духе «эксперт» — судебный химик д-р Шатц, который научно доказал, что поджог в обнаруженном виде не мог быть произведен одним человеком.

С видимым неудовольствием возвращается д-р Бюнгер к старой линии и принимается за доказательство соучастия Димитрова и других коммунистов в поджоге рейхстага.

Ведь ни один из этих обвиняемых не был схвачен на месте преступления. Следовательно, надо было доказать, что они участвовали в поджоге.

Следственные власти проявили в этом пункте особенно бурную фантазию. Они сочинили версию, что поджог рейхстага готовился многие недели, месяцы и даже годы, а Ван дер Люббе уже давно был избран для этой цели.

21 октября в качестве первого свидетеля «истинности» этого утверждения допрашивается бродяга по кличке Органистка. Он с готовностью показывает, что во время своего бродяжничества в октябре 1932 г. встретил Ван дер Люббе в городе Констанце на берегу Боденского озера и тот тут же со всеми подробностями рассказал о своем плане поджечь германский рейхстаг. Правда, собственными ушами Органистка, оказывается, этого не слышал, ему стало об этом известно только со слов другого бродяги — Мюллера. Вот Мюллер — тот сам слыхал речи Ван дер Люббе, а потом сказал ему, Органистке: «Ты еще про этого Ван дер Люббе услышишь!»

Мюллер первоначально в качестве свидетеля не был вызван, и допрос его производится позднее по ходатайству Димитрова. Ван дер Люббе не узнаѐт ни одного из бродяг. Мюллер же, хотя и утверждает, что встречал голландца вместе с Органисткой, отрицает, будто слышал от Ван дер Люббе приписываемые тому слова.

Димитров задает совсем простой вопрос: а где же, собственно, был Ван дер Люббе в октябре 1932 г.?

Выясняется, что именно в это время он находился в Лейдене и каждую неделю сам пунктуально получал там пособие по безработице!

После этого разоблачения Димитров принимается за Мюллера всерьез. Под натиском его вопросов свидетель вынужден признать, что после мнимой встречи он еще целых два месяца бродяжничал вместе с Органисткой и они ни разу и словом не обмолвились об этой истории. Далее выясняется, что Органистка неправильно указал цвет волос Ван дер Люббе, да и сам этот свидетель тоже!

Димитров подводит итог:

— Все это — доказательство того, что Органистка говорил здесь неправду!

Председатель велит Димитрову попридержать язык и объявляет перерыв.

Но с этой парой свидетелей дело кончено, только их и видели!

После осечки с Мюллером и Органисткой обвинение 31 октября вытаскивает на свет божий нового свидетеля. Это некий Август Леберман. Его доставили сюда из тюрьмы города Любек, где он уже не впервой сидит за воровство и грабеж.

«Фёлькишер беобахтер» принимает этого свидетеля с ликованием. Корреспондент газеты барон дю Прель пишет: «Таких свидетелей встретишь не каждый день... Человек, который многие месяцы служил тайным курьером КПГ и к тому же благодаря такой деятельности является политически подготовленным, несомненно, может дать в связи с политическим процессом значительно больше материала, чем... ресторатеры, официанты, служащие рейхстага и гражданские лица...»

У этого «политически подготовленного» вора фантазия еще побогаче, чем у Органистки. Он показывает, что в январе 1932 г. в Гамбурге Торглер дал ему задание поджечь рейхстаг, чтобы «сыграть злую шутку с нацистами». Бравый жулик Леберман отказался, хотя Торглер якобы сулил ему или 14 тысяч марок в награду, или пулю в спину.

Столь явная ложь ставит в тупик даже председателя суда. Он спрашивает свидетеля:

— Это действительно правда — все, что вы рассказываете?

Бросив взгляд на верховного прокурора, Леберман подтверждает истинность своих показаний. Но Димитров перехватывает этот взгляд и вдруг спрашивает: кто пригласил сюда свидетеля? Ответ не является для Димитрова неожиданным. Леберман «найден» только 13 октября 1933 г., т. е. через три недели после начала процесса. Он сидел тогда в тюрьме за небольшой разбойничий налетик! Там он прочел в газетах о предстоящем процессе и подал письменное заявление о желании выступить свидетелем. Его предложение, как устанавливает своими вопросами Димитров, принял лично сам верховный прокурор!

Этот инцидент и дает Димитрову основание для той реплики о замкнувшемся вором круге свидетелей, за которую он был удален из зала.

«Число свидетелей обвинения все возрастает, а качество их непрерывно падает!»— писала тогда «Нейе Цюрхер цейтунг».

Но и этот провал ничему не научил обвинителей. На другой день они выпускают еще двух свидетелей такого же качества — одного уже фигурирующего в обвинительном акте и одного свежеиспеченного.

Первый из них — вор Кунцак, который как раз отсиживает свой срок в тюрьме Наумбурга за очередное сексуальное преступление. Память у него еще посильнее, чем у Лебермана! Он даже совершенно точно помнит о тайной международной коммунистической конференции, состоявшейся в Дюссельдорфе в 1925 г. На заседании, на котором якобы присутствовал и Торглер, весьма революционную речь произнес один голландец по фамилии не то Луббе, не то Луббен. Кунцак будто даже сделал себе письменные заметки об этом заседании, да вот только жена сожгла их! Потом Кунцак рассказывает длинную историю об опытных взрывах, которые производились в одной пещере в Вульхайде, под Берлином. И снова Торглер был здесь, а вместе с ним — другие руководящие коммунисты; они много говорили тогда о взрывах общественных зданий.

Димитров, будучи удален, не присутствует в тот день на заседании. Но д-р Бюнгер чувствует себя так, будто тот стоит за его спиной со своими вопросами. Ведь показания Кунцака слишком уж фантастичны! Достаточно просто сообразить: к моменту «тайной международной конференции» коммунистов в Дюссельдорфе Ван дер Люббе было

всего 16 лет, и жил он тогда в Голландии! А Кунцак за свои сексуальные преступления к тому времени уже не раз подвергался тюремному заключению и был лишен гражданских прав. И д-р Бюнгер по здравом размышлении отказывается от этого великолепного свидетеля, о котором «Берлинер бёрзенцейтунг» на другой день написала: «Свидетель Кунцак — тот бывший коммунист и сексуальный преступник, который рассказывал об опытных взрывах КПГ в Вульхайде,— не произвел убедительного впечатления. Его показания были неясны и противоречивы, и обвиняемым, казалось, не приходилось особенно бояться быть уличенными им...»

Второй свидетель того же сорта — репортер принадлежащей концерну «Шерль» газеты «Локальанцейгер» Вилли Циммерман — персонаж просто комический. Рыжеволосый господин в очках в золотой оправе дает показания о разговоре, который он якобы вел 23 февраля 1933 г. с Торглером в вагоне городской электрички. Ему, незнакомому буржуазному журналисту, Торглер будто бы сообщил подробные сведения о планах КПГ по свержению существующего режима. Пролетариат, сказал, в частности, Торглер, не позднее чем через неделю заговорит так, что у штурмовиков от страха голова затрясется, призыва к восстанию ждать осталось уж недолго.

Обо всем этом свидетель вспомнил только 30 сентября 1933 г. Торглер спрашивает Циммермана, неужели тот считает его таким глупцом и как вообще решается преподносить суду такой вздор. Тут репортер «Шерля» запутывается настолько, что даже д-р Зак не может удержаться, чтобы не дать ему морального пинка, прежде чем тот ретируется.

Так с позором провалилось доказательство длительной подготовки поджога рейхстага.

Теперь остается доказать участие обвиняемых коммунистов в его непосредственной подготовке.

Суд переходит к рассмотрению этого пункта обвинения. Первый на очереди — Димитров. Фабрика свидетелей заранее подготовила целый ряд лиц, которые 26 и 27 февраля якобы видели Димитрова в обществе Ван дер Люббе или в рейхстаге. Но благодаря доказанному мюнхенскому алиби Димитрова все они стали непригодны. У обвинения остался только один Гельмер, официант ресторана «Байренгоф». Это «любимый свидетель д-ра

Паризиуса», как назвал его Димитров, когда 7 октября д-р Бюнгер впервые произнес фамилию Гельмера.

Но перед судом Гельмер предстает только 11 ноября. Слово в слово он повторяет свои показания, данные на предварительном следствии, даже свое утверждение, что 27 февраля видел Димитрова, Попова и Танева в «Байренгофе». Гельмер продолжает твердить это даже после того, как ему указывают, что в этот день Димитрова не было в Берлине. Так же «видел» он и Попова в мае 1932 г., хотя тот в это время находился в Москве.

В этот день Димитрова нет в зале суда, и он не может задать вопросы Гельмеру. Но он еще раньше потребовал вызова других официантов «Байренгофа», и д-ру Бюнгеру пришлось согласиться.

И вот на следующий день слово получают коллеги Гельмера по «Байренгофу». Они единодушно опровергают все его утверждения. Да, они часто видели Димитрова в ресторане, а с ним — одного иностранца, но вовсе не Ван дер Люббе. Приметы этого иностранца, описанные официантами, точно совпадают с внешностью другого человека — австрийского писателя Якобуса Росснера, который по требованию Димитрова уже был допрошен и отнюдь не делал секрета из встреч с ним в «Байренгофе».

«В противоположность Гельмеру никто из остальных официантов никогда не видел болгар вместе с Ван дер Люббе. Тем самым от показаний Гельмера, которые являлись решающей основой для обвинения против Димитрова и его соотечественников, ничего не осталось»,— писала французская газета «Жур». Того же мнения придерживалась и вся иностранная печать.

Если выдвинутое против Димитрова обвинение в связях с Ван дер Люббе строилось на этой единственной, такой гнилой основе, что оно сразу же рухнуло, то под утверждение о контактах Торглера и Попова с голландцем в день поджога прокуратура подвела более крепкий фундамент. Ядро группы свидетелей, предназначенной доказать этот пункт обвинительного акта, составили видные национал-социалисты: два депутата рейхстага — Карване и Фрей, представитель гитлеровской партии в Австрии Кройер, два крупных функционера отдела печати НСДАП — майор Веберштедт и д-р Дрешер. В помощь им наготове была целая куча нацистских свидетелей рангом помельче.

Эти пятеро свидетелей явились наиболее ярким примером тех топорных методов, при помощи которых фабриковались и комбинировались лживые показания.

В сознании собственной безопасности и неприкосновенности, даваемой им их положением, эти высокие господа не особенно утруждают логикой свою фантазию, а потому показания их уже с первого слова полны противоречий.

Их мнимые наблюдения относятся ко второй половине дня поджога. В этот день Карване, Кройер и Фрей вместе пришли в рейхстаг после трех часов. Прохаживаясь по фойе зала заседаний главного комитета, Карване сразу же заметил Торглера, а справа позади него — Ван дер Люббе. Сделав второй круг по фойе, он увидел Торглера на том же месте, но уже с другим человеком. Ему бросилось в глаза необычайно бледное лицо Торглера. Фрей тоже считает, что первым незнакомцем был Ван дер Люббе, но подтвердить это под присягой не желает. Тем определеннее он утверждает, что, проходя второй раз по фойе, узнал в собеседнике Торглера Попова. И, наконец, Кройер опознает в Ван дер Люббе спутника Торглера при первой встрече, но утверждает, что не может вспомнить лицо, увиденное при второй встрече.

В связи с этими показаниями возникает подробный перекрестный допрос, в котором Димитров все больше и больше захватывает инициативу.

Прежде всего выясняется, что данные сейчас перед судом показания противоречат зафиксированным в протоколах предварительного следствия. Оказывается невозможным установить, когда именно были составлены эти протоколы. Сначала свидетели говорят, что 27 февраля, потом — что на следующий день. Когда Димитров указывает им на это противоречие, они пытаются прибегнуть к отговоркам. Несмотря на сумерки, Фрей тогда «точно узнал» Попова, хотя шляпа у того и была глубоко надвинута на глаза. Когда на суде Фрею показывают Попова, он хотя и опознает его, но на вопрос, как тот выглядел, отвечает, что тогда тот не носил очки. Попов же, как констатирует Димитров, носит очки всегда и снял их только во время выступления Фрея. В отношении Кройера выясняется, что свои внесенные в протокол показания о внешности Ван дер Люббе он сделал после того, как ему показали голландца.

Уже одни эти противоречия сами по себе говорят о многом. Но они еще ничто в сравнении с нелепостью придуманных свидетелями сцен: поджигатели в течение шести часов перед поджогом сидели на месте преступления, в фойе, через которое все время проходили другие лица. Немалой глупостью надо обладать, чтобы выступить на открытом суде с такими абсурдными утверждениями и выдавать их за истину!

Но вот допрос этих трех свидетелей закончен, и Димитров берет слово, чтобы сказать свое мнение о них. Председатель прерывает его, напоминая, что он имеет право лишь задавать вопросы. Поэтому свой приговор свидетелям Димитров облекает в форму вопроса:

— Как же это так получается, что Карване определенно видел только Ван дер Люббе, а Попова — нет? Что Фрей видел только Попова, а Ван дер Люббе — нет или лишь неточно? Что Кройер видел точно только Ван дер Люббе, а Попова — не наверняка? Вся эта история со свидетелями поразительна и подозрительна!

Тут Карване невольно приходит на помощь Димитрову, высказав именно то, на что тот мог лишь намекать:

— Димитров дал понять, что сомневается в достоверности наших показаний, полагая себя вправе указать на то, что здесь мог иметь место сговор. Я хотел бы решительно возразить против этого...

Но возражение ему не помогло, ибо сразу же после этого словоохотливейший, одареннейший бурной фантазией и глупейший из всех этих свидетелей —«старый германский офицер» майор Веберштедт, подтвердил, что да, здесь действительно имел место сговор.

Господин майор подготовился к допросу особенно основательно. Итак, он еще во второй половине дня 27 февраля, когда произошел пожар, почувствовал в рейхстаге резкий запах —«вероятно, бензола или бензина». Запах шел из комнаты фракции КПГ. На предыдущих допросах Веберштедт уже показал, что неоднократно видел Танева в рейхстаге задолго до пожара. Он продолжает утверждать это и на суде. Главное же в его показаниях вот что: к вечеру дня пожара он встретил в рейхстаге двух незнакомых мужчин, из которых один был высокого роста и широкоплеч, а другой — заметно пониже. Высокий нес на плече ящик. Разумеется, с горючим

материалом! В мужчине пониже Веберштедт впоследствии узнал Танева, а более крупным, с ящиком, был Ван дер Люббе.

Димитров снова приступает к вопросам. Обнаруживаются некоторые расхождения: на первом допросе Веберштедт показал, что видел Ван дер Люббе без головного убора и узнал его по светлым волосам. А на суде он присочинил ему высокую шапку. На Таневе он сначала заметил длинное пальто. Но, когда на суде свидетелю предъявляют это пальто и Танев надевает его, оказывается, что оно короткое.

Димитров хочет знать, когда свидетель дал свои показания для протокола. Только 20 марта, заявляет господин майор.

— А почему так поздно? — спрашивает Димитров.

Дело в том, что он, Веберштедт, еще раньше сделал заявление комиссии по делу о поджоге рейхстага.

Димитров требует допросить членов этой комиссии.

Вызванный комиссар уголовной полиции Бунге из комиссии заявляет, что этой полиции о подобных показаниях ничего не известно.

Вскоре обнаруживается, что в показаниях Веберштедта все-таки есть зерно «истины». Незадолго до пожара два человека действительно внесли в рейхстаг ящики. Два новых свидетеля — служащие здания рейхстага Гуче и Адлер — дают описание внешности этих мужчин, до мельчайших подробностей совпадающие с внешностью «опознанных» Веберштедтом лиц. Но, как выясняется, это были... рабочие одной фирмы по доставке товаров, а в ящиках находились... бутылки с вином для социал-демократической фракции! Зал отвечает на это разоблачение взрывом хохота.

Димитров сразу же использует провал прусского офицера. Он спрашивает Веберштедта, который все еще не осознал толком ситуации, делился ли тот своими наблюдениями с коллегой по пресс-бюро НСДАП — пятым свидетелем д-ром Дрешером.

— Весьма подробно! — отвечает Веберштедт.

— А Дрешер тоже говорил с вами о своих наблюдениях, о том, что он видел меня, Димитрова, в рейхстаге?— невинным тоном продолжает спрашивать Димитров.

— Разумеется, он рассказал мне,— подтверждает Веберштедт.

Что и требовалось доказать! Теперь Димитров может сделать вывод:

— Итак, оба подробно говорили между собой по этому вопросу! Таким образом, речь идет о свидетелях, которые выступают здесь с заранее распределенными ролями: один из них утверждает, что видел Танева и Люббе, другой — Димитрова... И так поступают германские офицеры!

После того как Димитров публично показал, чего стоят эти «достопочтенные» свидетели, никто уже не воспринимает всерьез пятого из этой компании — д-ра Дрешера. И он тоже, ясное дело, 27 февраля чуть позднее трех часов дня «случайно» оказался в рейхстаге. Ему тоже ударил в нос резкий запах бензина. Во время своего допроса в комиссии он — тоже совершенно случайно!— увидел Димитрова. Тут его и осенило (по порядку!). Первое: этого человека он еще за несколько дней до поджога видел в рейхстаге вместе с Торглером. Второе: этот иностранец с «типичным, выразительным лицом», стоявший рядом с Торглером у лестничных перил,— не кто иной, как Димитров, в свое время осужденный в Софии за взрыв в соборе!

Но быстро устанавливается, что, во-первых, в указанное время Димитров вообще не мог быть в рейхстаге и что, во-вторых, того Димитрова, который был осужден в связи со взрывом в Софийском соборе, звали вовсе не Георгий, а Стефан.

Но лишь только Димитров хочет спросить сего легкомысленного свидетеля, как же тот дошел до такого показания, д-р Бюнгер объявляет допрос законченным и закрывает заседание.

Зато теперь Димитров может начертить схему распределения ролей главных свидетелей обвинения, которой он дал ставшее знаменитым название *«чертов круг»*. Эту схему он передает на судейский стол. Д-р Бюнгер и его заседатели с раздражением изучают ее. С них и без того хватит!

Но руководители процесса придерживаются иного мнения. Посему на другой день председатель суда вновь возвращается к этому пункту. С явной неохотой он вызывает еще нескольких мелких свидетелей, допроса которых от него потребовали, чтобы сгладить неприятные впечатления предыдущего дня. Но и с этими свидетелями обвинению не повезло.

Первым допрашивается вахтер здания рейхстага Хорнеман. Не успевает председатель спросить его, знает ли он кого-нибудь из обвиняемых, как тот восклицает: «Вот этого — да!»— и указывает на Димитрова. А когда замечает, что Димитров смеется, в замешательстве добавляет: «Это тот самый человек, которого я видел в рейхстаге в день пожара!»

На сей раз смеется уже весь зал. Ведь Хорнеман не знает, что в тот день, 27 февраля, Димитров был в Мюнхене!

Теперь «опознанный» быстро задает свидетелю вопрос, к какой партии тот принадлежит. Потеряв уверенность из-за реакции зала, Хорнеман дает уклончивый ответ: он не хочет признать, что состоит в национал-социалистской партии. Димитров намерен спрашивать дальше, но председатель запрещает, и ему приходится ограничиться репликой:

— Хотел бы я знать, кто заплатил этому свидетелю!

С этим свидетелем тоже покончено.

Димитров быстро расправляется и со следующими. Вот, например, бывший служащий социал-демократической фракции рейхстага Деншель. И он тоже в день пожара видел в здании незнакомых людей. Но раньше он ничего не говорил о Попове. О том, что одним из этих людей был Попов, он дал показания только после трех «допросов», за несколько дней до своего выступления на суде.

Димитров не упускает случая дискредитировать этого свидетеля. Он спрашивает, почему тому понадобилось целых восемь месяцев, чтобы додуматься до всего этого, и, не дожидаясь ответа, произносит, обращаясь к д-ру Бюнгеру:

— Господин председатель! Откуда же все это берется? И это ведь не в первый раз. Свидетеля Хорнемана тоже подучили во время допроса.

Разумеется, Деншель оспаривает, что на него кто-либо влиял. Димитров делает вид, что вовсе и не думал этого:

— У этого свидетеля явно есть особый дар: задним числом пробуждающаяся память,— говорит он, обращаясь скорее к залу, чем к председателю.

Председатель лишает Димитрова слова, но вынужден убрать Деншеля. Впоследствии Деншель взял назад свои показания против Попова и Торглера.

Наконец доходит очередь и до еще одного мелкого свидетеля — нацистского депутата д-ра Руппина. Он заявляет, что в день пожара ему бросилось в глаза особенно оживленное хождение в помещениях фракции КПГ и мимо них. На сей раз Димитров не считает даже нужным ставить вопросы по существу утверждения, а просто спрашивает, к какой партии принадлежит свидетель. Смысл его вопроса ясен каждому: после всего, что здесь происходило, понятие «национал-социалист» равнозначно понятию «лжесвидетель». Руппин тоже распознает тайный замысел Димитрова. Тогда Димитров бросает ему:

— Или вы, может быть, стыдитесь сказать, что вы национал-социалист?

Теперь и д-ру Бюнгеру ясно, куда метил Димитров.

— Мое терпение исчерпано! — кричит он.— Предупреждаю вас в последний раз!

Но Димитров наносит еще один удар:

— Я вовсе не собирался,— говорит он, обращаясь к председателю,— оскорбить свидетеля. Но ведь здесь — политический процесс. И я не рекрут и не пленный, я защищаюсь политическими аргументами против политического обвинения.

В версии о соучастии обвиняемых коммунистов в поджоге рейхстага Попову надлежало играть совершенно особую роль. Согласно обвинительному акту, именно он в день пожара вместе с Ван дер Люббе находился в здании рейхстага и подготовил к поджогу зал пленарных заседаний. Но при этом требовалось объяснить, каким же путем Попов выбрался из рейхстага.

Объяснение это должен был дать свидетель инженер Богун. Его допрос состоялся 18 октября и занял особенно много времени.

Богун вновь подробно рассказывает суду, что около девяти часов вечера 27 февраля он видел, как из подъезда № 2 вышел человек, который, получив сигналы от двух женщин, стоявших на другой стороне улицы, бросился бежать. При своем первом допросе Богун утверждал, что видел все это ровно в девять часов десять минут. Но как раз в девять часов десять минут вахмистр Буверт совсем рядом выстрелил в окно подвального помещения рейхстага. Незадолго до этого времени поблизости находились Талер и Флётер, они побежали звать полицейского. Обо всем этом уже говорилось на процессе. Не удивительно, что

теперь, перед судом, Богун вдруг меняет время своих наблюдений на без пяти минут девять.

Димитров непрерывно атакует Богуна вопросами, и при каждом ответе свидетель дает совсем новые показания. Они противоречат не только занесенным ранее в протокол, но и тому, что Богун только что сказал на суде. А если какие-либо его сведения о цвете ботинок, шляпы и других предметов одежды неизвестного лица, которым якобы является Попов, и совпадают, то оказывается, что они даны уже после очной ставки с обвиняемым.

Димитров сразу же замечает, что и прокурорам и судьям явно не по себе. Когда д-р Бюнгер наконец велит увести свидетеля, Димитров подводит итог:

— Я думал, что господин Богун—инженер; теперь я скорей считаю, что он романист!

И снова весь зал смеется.

Последнее звено в цепи «доказательств» относительно соучастия коммунистов в поджоге рейхстага — показания свидетеля Гроте. Они образуют целый комплекс, которому посвящена особая глава обвинительного акта, ибо должны доказать, что участие болгар в поджоге, организованном руководством Коммунистической партии Германии, было связано с подготовкой восстания. Тем самым эти показания должны явиться мостом к главному политическому пункту обвинения.

«Комплекс Гроте» рассматривается на суде, когда все остальные звенья цепи «доказательств» уже разбиты, а национал-социалистское руководство процессом, как явствовало из фашистской прессы, уже потеряло надежду доказать соучастие обвиняемых коммунистов.

Гроте снова рассказывает перед судом детективную историю, которая уже изложена в обвинительном акте, но при этом меняет ряд своих прежних показаний и добавляет новые измышления.

Вероятно, на данном этапе процесса суд уже решил отказаться от этого свидетеля, ибо совершенно неожиданно для дачи показаний вызываются упоминавшиеся вместе с Гроте в обвинительном акте Зингер, Кемпнер и Барц, которые, однако, раньше не числились в списке свидетелей, намеченных для допроса на самом процессе. Их допросили сразу же после первого допроса Гроте.

Зингер, по национальности венгр, по профессии шофер, член КПГ, уже с апреля находился в заключении. Перво-

начально против него и Кемпнера на основании показаний Гроте было выдвинуто обвинение в соучастии в поджоге рейхстага. Но так как от него ничего не добились, его просто бросили в тюрьму. Затем 30 октября он, прочтя в случайно попавшейся газете высказывания, приписанные ему Гроте, сам подал ходатайство, чтобы его допросили.

Зингер держится перед судом спокойно и уверенно. Можно констатировать, что никто в зале не сомневается в правдивости его показаний. Димитров сразу замечает, что имеет дело с настоящим коммунистом, и своими вопросами умело направляет высказывания Зингера. Зингер заявляет, что утверждения Гроте вымышлены от начала до конца.

Явно под впечатлением твердого поведения Зингера и вопросов Димитрова Гроте категорически подтверждает, что руководящие органы КПГ постоянно отговаривали членов партии от террористических актов и, как он выразился, «спускали на тормозах» их желание нанести удар.

Не менее определенны и показания свидетеля Кемпнера. Он был членом КПГ, но с начала 1932 г. отошел от нее. Как и Зингер, он опровергает все показания Гроте и называет его обманщиком. Гроте утверждал, что Кемпнер участвовал в тайном совещании коммунистов 18 апреля. Но Кемпнеру достаточно лишь сообщить, что он был арестован еще 8 апреля. Тут вступает Димитров и спрашивает Ван дер Люббе, видел ли он когда-нибудь Кемпнера. Нет, не видел.

Не лучше идет дело у суда и со свидетелем Барцем. Гроте утверждал, будто в квартире Барца происходили тайные коммунистические совещания, в которых участвовал Попов. Барц заявляет, что это — фантазия.

Но верховный прокурор все никак не может расстаться со своим свидетелем Гроте. Поэтому 23 и 24 ноября этот комплекс рассматривается снова. Вновь допрашивается Барц, который заявляет, что в момент якобы происходившего совещания он лежал в больнице. Субарендаторша квартиры Барца фрау Бейер подтверждает это; вторая квартиросъемщица, фрейлейн Макке, тоже отрицает всякие совещания у Барца.

Теперь для Димитрова настает момент разделаться с Гроте. Он еще 17 ноября подал заявление о судебно-

медицинской экспертизе психического состояния Гроте, так как первые же слова свидетеля показали ему, что тот — явный психопат. Ходатайство было тогда отклонено. 25 ноября после фрейлейн Макке допрашивается каменщик Шмидт, в квартире которого, по показаниям Гроте, якобы размещались ночные посты Союза красных фронтовиков. Шмидт характеризует эти показания как чистейший вымысел.

— Я сожалею,— говорит затем Димитров,— что мое ходатайство о проверке психического состояния злосчастного Гроте отклонено сенатом.

Наконец 5 декабря происходит допрос последнего свидетеля по «комплексу Гроте». Он тоже подтверждает, что никогда не произносил слов, вложенных ему в уста Гроте, и называет его лжецом.

— Что вы скажете, господин верховный прокурор, насчет «комплекса Гроте», не рухнул ли он совсем?— вежливо спрашивает Димитров, подводя тем самым черту под позорной главой обвинения.

Спустя день зачитывается медицинское заключение: Гроте действительно является человеком, который «едва ли может быть признан вменяемым».

Тем самым окончательно рухнула система «доказательств» соучастия болгар в поджоге рейхстага. Это пришлось признать даже нацистской прессе. После окончания предъявления доказательств «Берлинер бёрзенцейтунг» писала 7 декабря 1933 г.: «Пока у каждого наблюдающего за всем ходом процесса складывается впечатление, что представителю обвинения будет трудно доказать прямое и активное участие в поджоге рейхстага лиц, сидящих рядом с Ван дер Люббе на скамье подсудимых».

Но Димитрову этого мало. Ведь обвинение не довольствуется только тем, что выдает четырех коммунистов за непосредственных соучастников. Оно утверждает, что преступление было подготовлено в тесном контакте и по заданию руководящих органов КПГ. С этой целью обвинители выдумали целый ряд связей, якобы имевшихся у обвиняемых с Центральным Комитетом КПГ.

Наиболее слаб обвинительный материал против Димитрова и Танева.

Немногими вопросами Димитров каждый раз доказывает, что во всех этих утверждениях нет ни слова правды. Когда свидетелей уводят, он говорит:

— Я требую от верховного прокурора д-ра Вернера показать мне хотя бы один-единственный документ, одну-единственную строчку, написанную мною какому-либо руководящему лицу КПГ. К чему эта игра в загадки? Дайте покой бедной полиции, которая без толку ломает себе голову над моими телефонными номерами и записями.

Д-ру Вернеру нечего ответить.

Большие усилия прилагала прокуратура для доказательства обвинения против Попова. Это было необходимо потому, что он изображался непосредственным преступником.

6 ноября на суде выступают сразу девять свидетелей, которые должны доказать самые тесные связи Попова с немецкими коммунистами. Все их показания вертятся вокруг явок, которые якобы происходили в квартире одного коммуниста по фамилии Кемпфер. Все как один свидетели называют Попова «русским агитатором», который вел заседания у Кемпфера. Большинство этих свидетелей — штурмовики, функционеры нацистской партии и их личные знакомые. Они выделяются своей военной выправкой и словоохотливостью. Налоговый советник Юнг утверждает, что 30—40 раз видел, как Попов посещал Кемпфера, а именно в период между серединой мая и концом июля 1932 г., т. е. как раз в то время, когда Попов находился в Советском Союзе! Жена Юнга заявляет, что наблюдала за квартирой Кемпфера в бинокль и видела Попова.

Штурмовик Мюллер распространяется насчет террористических групп коммунистов, основываясь на бумагах, с которыми он якобы сумел ознакомиться при обысках в «Доме Карла Либкнехта». Его коллега Аренс сразу же узнает в Попове «русского еврея». Третий штурмовик — Альтхабер—тоже раз 30—40 видел Попова и утверждает, что Кемпфер был известен как главарь террористов. Их друзья и единомышленники Фогель и фрейлейн Квапе будто бы, как и Юнг, наблюдали за квартирой Кемпфера из окна и на расстоянии свыше 50 метров видели Попова, которого теперь опознали.

Вместо того чтобы опровергать эти вымыслы, Димитров просто заявляет ходатайство дать ему возможность самому допросить Кемпфера. Д-р Бюнгер удовлетворяет ходатайство Димитрова, и 14 ноября Кемпфер появляется перед судом, хотя в обвинительном акте сказано, что он «исчез».

Кемпфер производит впечатление человека растерянного. Выясняется, что с апреля по июнь 1933 г. он находился в заключении! Тогда он отрицал, что знал Попова.

— Вы, верно, ищете поджигателя рейхстага? Но тогда вы ошибаетесь. Я не знаю такого и не покажу ни на кого,— заявил он тогда.

После своего освобождения из концлагеря Кемпфер домой не вернулся. 23 сентября, т. е. незадолго до начала процесса, его вдруг арестовали на границе Саарской области. Он снова попал в лагерь, и только 11 ноября — за неделю до дачи показаний названными выше свидетелями — к нему явился Гейзиг и в присутствии двух чиновников уголовной полиции и коменданта лагеря снял с него допрос. После этого допроса Кемпфер вдруг заявил, что знает Попова.

Он сразу «узнаёт» Попова и на суде. Однако на вопрос Димитрова Кемпфер признаёт, что накануне видел Попова в коридоре суда.

Допрашивают и жену Кемпфера. Ее, как и мужа, допросили 11 ноября, и тогда она отрицала, что знает Попова. На суде с ней происходит нервный припадок. Видно, «обработка» для дачи нужных показаний подействовала на нее сильнее, чем на мужа. Заседание приходится надолго прервать; тем временем фрау Кемпфер «пришла в себя». Но и теперь она все-таки не может сказать ничего толкового. В дальнейшем ходе допроса она окончательно запутывается, и ее показания во многом противоречат показаниям мужа.

Поведение этих свидетелей столь красноречиво, что Димитров не считает нужным дальше задавать им вопросы. Они настолько запуганы, что правды все равно не скажут. Поэтому он только заявляет ходатайство о вызове в качестве свидетелей тех полицейских чиновников, которые допрашивали Кемпфера и его жену в концлагере. Ясно, что к таким показаниям их принудили силой и угрозами, если не пытками. Суд отклоняет ходатайство и тем самым подтверждает не высказанное Димитровым обвинение, что показания супругов Кемпфер получены под давлением!

Так в конечном счете терпят крах все попытки доказать вину трех болгар.

Остается Ван дер Люббе.

28 сентября судебный следователь Фогт дает понять, какую роль отводит обвинение пребыванию и беседам

Ван дер Люббе в Нейкельне, где якобы была установлена связь между поджигателем и центральным руководством КПГ. Важнейшие показания по этому комплексу даны свидетелем Панкниным.

С целью придать россказням Панкнина необходимый фон сначала выпускают на сцену городского инспектора Франка. Он рисует мрачную картину обстановки в Нейкельне, подчеркивая, что «террористические группы» коммунистов якобы планировали нападение на возглавляемый им филиал благотворительного учреждения. Замышлялись эти нападения в трактире Шлаффке, руководил ими нейкельнский комитет КПГ, а заправилами были двое из вызванных свидетелей — Яннеке и Штаркер.

Оба эти свидетеля проводили Ван дер Люббе, рваная одежда которого вызвала у них жалость, к служащему благотворительного заведения Пфайферу, который снабдил его кое-какой одежонкой и оплатил выпитую им чашку кофе. Перед судом Пфайфер заявил, что не считал Ван дер Люббе коммунистом.

Затем собственной персоной появляется на сцене коронный свидетель Панкнин. Он бодро повторяет, приукрашивая новыми подробностями, то, что уже известно из его показаний, приведенных в обвинительном акте. Председатель всячески помогает ему, и на следующий день нацистская пресса единодушно констатирует, что «усилия д-ра Бюнгера получили значительную поддержку благодаря хорошей памяти свидетеля и его способности давать ясные и определенные показания».

Весь этот комплекс рассматривался в последние дни сентября. Процесс еще только начинался, и председатель суда и газеты еще не потеряли своей веры в доброкачественность обвинительного акта.

Но торжествовать было рано!

Панкнин дает понять, что он — «хороший немец», национальным долгом которого было немедленно сообщить полиции о своих сенсационных наблюдениях.

Вот тут-то и вступает Димитров. Прежде всего он устанавливает, что Панкнин с 1928 г. состоит в Немецкой национальной народной партии. Эта констатация чрезвычайно важна, поскольку Панкнин утверждает, что поддерживал близкие отношения с различными коммунистами-безработными в Нейкельне. Значит, он шпик. Димитров высказывает это осторожно, но недвусмысленно:

— Как же это так, что «хороший немец» Панкнин сразу же после разговора с Ван дер Люббе не сообщил полиции о том, что готовятся такие опасные вещи?

Никто не дает ответа на этот вопрос, да он и не нужен.

Вскоре Панкнин разоблачается и как прямой лжец.

В качестве следующих свидетелей допрашиваются рабочие, которые якобы вместе с Ван дер Люббе стояли перед биржей труда в Нейкельне и вели бунтарские речи о поджоге, восстании и т. п. Первый из этих свидетелей, Цахов, отрицает все приписанные ему Панкнином высказывания и дает понять, что в концлагере у него пытались силой получить ложные показания.

Следующий свидетель, Пауль Бинге, на вопрос Димитрова рассказывает, что с 10 марта по 12 июля его продержали в тюрьме. Он действительно встречал Ван дер Люббе, но никогда не говорил о нем «правильный парень, его мы сможем использовать». Кроме того, под давлением вопросов Димитрова выясняется, что как Бинге, так и Цахов, которых пытаются представить связными центрального руководства Коммунистической партии Германии, вообще не были ее членами.

Оба других свидетеля — Яннеке и Штаркер — не отрицают, что они коммунисты. Особенно Яннеке подробно рассказывает о коммунизме, о программе КПГ и ее политике единого фронта в начале 1933 г. Димитров своими вопросами помогает им практически разоблачить вымыслы Панкнина. Они единодушно заявляют, что Ван дер Люббе не называл себя членом Коммунистической партии Голландии, что ни о каком определенном сроке революции и о поджоге общественных зданий речи не было и что трактир Шлаффке вовсе не являлся никаким «местом коммунистических сборищ».

После жалкого провала обвинения с этими четырьмя свидетелями, которые вместо подтверждения показаний Панкнина полностью опровергли их, рассмотрение данного важного пункта быстро пошло к концу.

Весь этот вопрос был вскользь затронут еще раз лишь 21 октября. В зал ввели некоего Хинтце, который упоминался в качестве одного из коммунистических «заправил» в Нейкельне. Но и на этот раз обвинению повезло не больше. Хинтце, доставленный из тюрьмы, сам признал, что получил от полковника полиции задание участвовать в действиях коммунистов. Итак, и он был шпик и прово-

катор, подобно Панкнину. К тому же за ним числились и многие другие грязные дела. В конце концов выяснилось, что Хинтце сообщил полиции о якобы задуманном нападении на благотворительное учреждение в Нейкельне именно после того, как сам призывал запастись оружием.

— Я вообще не понимаю, почему таких законченных преступников и провокаторов выпускают в качестве свидетелей! — воскликнул Димитров.

Д-р Бюнгер спешно прекратил допрос и велел увести Хинтце. С той поры речи о Нейкельне больше не было.

Уже 30 сентября корреспондент парижской «Тан» писал о первой стадии процесса, посвященной выяснению «комплекса Ван дер Люббе»: «Если попытаться подвести итог первых восьми дней процесса, можно лишь констатировать, что усилия суда вскрыть связь между поджигателем Ван дер Люббе и Коммунистической партией или же хотя бы просто с людьми, игравшими в ней определенную роль, не привели ни к малейшему успеху... Таким образом, значительная часть обвинения рухнула».

Теперь, спустя месяц после начала суда, эта истина была ясна уже всему миру. В такой ситуации тайные руководители процесса и решили пустить в ход свои орудия самого крупного калибра — двух нацистских главарей, Геринга и Геббельса. Для обвинения это кончилось сокрушительным разгромом.

Перед судом — Геринг и Геббельс

Теперь, видно, никогда уже не установить в точности, что́ именно в конечном счете побудило руководство национал-социалистской партии, которое пыталось направлять процесс из-за кулис, ввести в бой собственной персоной своих самых видных главарей. Ведь к тому моменту, когда верховный прокурор возбудил ходатайство о приглашении в суд в качестве свидетелей министров Геринга и Геббельса, к 18 октября, было ясно, что Димитров все больше берет инициативу в свои руки. Проницательный наблюдатель должен был сказать себе, насколько рискованно отдать во власть этого замечательного трибуна двух сомнительных «великих мира сего» нацистского режима.

Примечательно, что вызов последовал в связи с допросом свидетелей относительно подземного хода, соединявшего здание рейхстага с подвалом дворца председателя

рейхстага, т. е. резиденции Геринга. Своим поистине поразительным чутьем Димитров в ходе допроса свидетелей и осмотра рейхстага уловил, что именно здесь — весьма важное звено в цепи всех событий, связанных с поджогом. Через этот подземный ход следы вели к действительным поджигателям, к настоящим сообщникам Ван дер Люббе! И след этот вел к Герингу! Ведь все, в том числе и упорное нежелание суда расследовать этот вопрос, говорило за то, что именно через подземный ход проникли в рейхстаг штурмовики, которые по заданию Геринга при помощи жидкого горючего создали главные очаги пожара!

Руководители процесса тоже чувствовали, что речь здесь идет о весьма щекотливом деле, о чрезвычайно опасном моменте всего суда. Возможно, это и сыграло определяющую роль в решении именно теперь ввести в действие против опасного болгарина орудия самого крупного калибра, каковыми закулисные режиссеры процесса явно считали обоих нацистских главарей.

В официальном обосновании вызова Геринга и Геббельса в суд имелись очевидные противоречия. В качестве причины д-р Вернер указал, что надо дать министрам возможность защититься от распространяемой против них клеветы (!). Одновременно они должны «высказаться относительно событий и общего политического положения». В решении же сената, напротив, говорилось, что Геринг и Геббельс должны быть выслушаны тогда, когда будет рассматриваться так называемый политический комплекс, а это намечено лишь на середину ноября.

И вот вопреки этому решению 4 ноября, когда предъявление доказательств о поджоге и его подготовке находилось еще в самом разгаре, в зале суда совершенно неожиданно появляется «свидетель Геринг».

Д-р Бюнгер еще не совсем подготовлен к его появлению в данный момент. Допрос Геринга он начинает со вступления, в котором снова говорит о «подозрениях и клеветнических выпадах со стороны известных зарубежных кругов», в отношении которых и должен высказаться свидетель. При этом председатель недвусмысленно указывает на «Коричневую книгу» и ее позицию относительно «предмета данного процесса» и только потом называет «по существу дела связанные с этим события, а также политические условия».

Димитров настораживается. Ему ясно: «Коричневая книга», о существовании и распространении которой он узнал сначала лишь из бешеных нападок нацистской прессы, явно произвела в Германии и за границей такой эффект, что нацисты сочли необходимым нанести по ней массированный контрудар.

Манера, в какой Геринг начинает свои показания «по существу дела», подтверждает предположение Димитрова. Геринг немедленно обнажает оружие против «Коричневой книги». Он делает это подчеркнуто небрежно и развязно, пытаясь высмеять описание его роли в поджоге, но уже само упоминание об этом выглядит глупейшим образом. Геринг все больше входит в раж. Не обращая внимания на осторожные предупреждения д-ра Бюнгера, уже наученного горьким опытом полемики с Димитровым, он пускается в безудержное самовосхваление, превознося себя как не останавливающегося ни перед чем спасителя отечества. Он даже не замечает, в каком противоречии находятся его слова с показаниями, только что данными под присягой его сообщниками по нацистской партии, и даже с тем, что сам он говорил всего несколькими минутами ранее.

Председатель суда внимает разглагольствованиям Геринга с растущей нервозностью.

Особенно внимателен Димитров, с внутренним удовлетворением следящий за этой клоунадой. Он уже давно считал нацистских лидеров людьми ограниченными, но то, что он видит сейчас, превосходит все ожидания. Ему ясно: необходимо перед всем миром «раздеть» этого нацистского главаря и тот режим, который он олицетворяет; не так-то уж трудно будет вызвать на это стоящего перед ним тщеславного тирана.

После того как Геринг высказался «по существу дела» и в протокол внесены его показания о событиях в ночь пожара, председатель суда осведомляется, есть ли у кого-либо вопросы. Он уже хочет с облегчением вздохнуть и отпустить Геринга, но тут просит слова Димитров.

И вот начинается знаменитый допрос Геринга! Допрос, во время которого Геринг, все больше теряя самообладание, не только до предела опозорился, но и наглядно показал всю бесчеловечность и жестокость нацистского режима, жертвой которого спустя менее десяти лет стали миллионы людей во всем мире.

Димитров же продемонстрировал не только свое умственное превосходство, свое человеческое величие, спокойствие и уверенность, но и превосходство и величие своего мировоззрения, нового общественного строя, социализма и коммунизма, от имени которого он говорил.

То, как задумал и вел Димитров допрос Геринга, доказывало, в частности, насколько хорошо изучил он психологию своей нацистской жертвы и насколько методично действовал. Постепенно, не торопясь, привлекая материал предшествующего следствия, он подстраивал одну ловушку за другой. Под конец Геринг на глазах у всей мировой общественности настолько запутался в противоречиях, что выйти из положения смог только припадком бешенства и вынужден был прибегнуть к защите со стороны суда.

Этот «диалог» настолько неповторим и столь характерен для революционного метода Димитрова, что стоит привести его здесь с незначительными сокращениями.

В самом начале Димитров делает тонкий ход: он подчеркивает «величие» свидетеля, а себя изображает «маленьким» человеком, задающим вопросы. Геринг чувствует себя столь польщенным, что не замечает ловушки, которую Димитров расставляет ему уже первым вопросом. Бесцеремонно-развязный Геринг просто сам устремляется в эту ловушку.

Димитров говорит, что хочет задать несколько вопросов особенно потому, что свидетель является премьер-министром Пруссии и влиятельным лицом национал-социалистской партии Германии. Сперва парочку небольших вопросов!

«Граф Гельдорф * показал здесь, что 27 февраля около 11 часов ночи он по собственной инициативе отдал приказ об аресте коммунистических и социал-демократических руководителей и функционеров. Сейчас я спрашиваю г-на премьер-министра: говорил ли тогда граф Гельдорф об этом мероприятии с г-ном Герингом или нет?

Геринг: На этот вопрос уже, собственно говоря, был дан ответ. Когда граф Гельдорф услышал о пожаре, ему, как и каждому из нас, было ясно, что это должно было быть делом рук Коммунистической партии. Он уже отдал распоряжение своим ближайшим сотрудникам.

* Шеф берлинских штурмовиков.— *Прим. ред.*

Но я еще раз подчеркиваю: разумеется, я вызвал его к себе в кабинет и сказал ему, что теперь я должен его просить, чтобы он представил также и своих СА, на что он мне ответил, что такое распоряжение уже частично отдано. Таким образом, я взял на себя ответственность за отданное им распоряжение, которое, однако, еще не вступило в силу, и еще раз подкрепил его государственным авторитетом» [1].

Хотя Геринг уже явно начинает нервничать, Димитров некоторое время все еще продолжает задавать вопросы подчеркнуто любезным и внешне невинным тоном. Но уже в словах, которыми он подводит итог ответа, чтобы подтолкнуть свидетеля поближе к ловушке, молнией мелькает ирония: ну, еще бы, конечно, ведь господа Геринг и Гельдорф, вне всякого сомнения, единомышленники! Однако Геринг все еще не замечает опасности.

Димитров говорит, что, разумеется, граф Гельдорф был того же мнения о поджоге рейхстага, что и господин Геринг, и добавляет:

«Мне хотелось бы только знать, состоялась ли между 11 и 12 часами личная беседа между графом Гельдорфом и премьер-министром Герингом?

Геринг: Вы только что слышали это: он был у меня*» [2].

Приход Гельдорфа к нему Геринг считает делом само собою разумеющимся.

— Хорошо! — говорит Димитров и продолжает:

«Депутаты национал-социалистской партии в рейхстаге — *г-н Карване* и *г-н Фрей* показали здесь, что часов в 11 они были в прусском министерстве внутренних дел и сообщили там, что они и австрийский национал-социалист Кройер видели в день пожара Торглера вместе с Ван дер Люббе. Говорили ли тогда эти депутаты рейхстага с г-ном премьер-министром Герингом?

Геринг: Нет.

Димитров: Знал ли г-н премьер-министр, что г-н Карване и г-н Фрей сообщили об этом?

Геринг: На другой день после пожара я узнал, что они сообщили об этом.

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 126.

* В своих показаниях, данных под клятвой перед судом, Гельдорф отрицал эту встречу с Герингом.— *Прим. ред.*

[2] «Лейпцигский процесс», стр. 126.

Д и м и т р о в: Утром или еще ночью?

Г е р и н г: До, а может быть, и после обеда» [1].

Димитров просит внести это в протокол. Геринг заявляет, что это можно установить на основании документов.

Димитров еще раз спрашивает: — Значит, до обеда или после обеда?

Председатель суда говорит:

— Господин свидетель ведь уже ответил, что он не знает, но что это можно установить.

«Г е р и н г: Министерский советник Дильс * может установить, когда мне были сообщены эти свидетельские показания.

Д и м и т р о в: Я хотел бы точно знать, почему Карване на мой вопрос заявил определенно, что он сообщил после полуночи, вскоре после пожара» [2].

Теперь Геринг замечает, что ему не удалось легко отделаться от этого вопроса. Димитров помнит каждое слово из предыдущих показаний свидетелей и умеет воспользоваться этим. Герингу, заметно обеспокоенному, приходится признать, что толком он не знает. Заявляя, что дело, мол, ясное, он говорит:

«Три человека дали показания в министерстве чиновникам, а не мне. Этого я могу и не знать. Это могло быть ночью или до полудня. Когда мне об этом сообщили, я не помню» [3].

Так Димитров поймал его! Если премьер-министр, он же министр внутренних дел, не знает столь многого, откуда же ему тогда известно то, что он публично утверждал с такой уверенностью? При попытке ответить на на этот вопрос Геринг первый раз выходит из себя.

«Д и м и т р о в: 28 февраля премьер-министр Геринг дал интервью о поджоге рейхстага, где говорилось: у «голландского коммуниста» Ван дер Люббе был при аресте отобран, помимо паспорта, и членский билет Коммунистической партии. Откуда знал тогда г-н премьер-министр Геринг, что у Ван дер Люббе был с собой партбилет?

Г е р и н г: Нужно сказать, что я до сих пор очень мало интересовался этим процессом, т. е. читал не все

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 126.

* Шеф гестапо в то время.— *Прим. ред.*

[2] «Лейпцигский процесс», стр. 126.

[3] Там же, стр. 127.

отчеты. Я только иногда слышал, что вы (обращаясь к Димитрову) — большой хитрец. Поэтому я предполагаю, что вопрос, который вы задали, давно ясен для вас, а именно что я вообще не занимался расследованием этого дела. Я не хожу туда и сюда и не проверяю карманы людей. Если вам (обращаясь к Димитрову) это еще не известно, я говорю вам: полиция обыскивает всех опасных преступников и сообщает мне, что ею найдено» [1].

Димитров хочет что-то спросить Геринга, но его прерывает председатель, и он восклицает:

— Если бы я мог говорить свободно...

Председатель: Сейчас говорю я! (Димитров пытается что-то сказать.) Обращаю ваше внимание, что ответ на этот вопрос дан. (Димитров: «Если бы я мог говорить свободно!») Ответ дан. Если хотите задать новый вопрос, говорите, но так, чтобы я его точно понял.

— Да, совершенно точно! — отвечает Димитров и задает новый вопрос:

«Трое чиновников уголовной полиции, арестовавшие и первые допросившие Ван дер Люббе, единодушно заявили, что у Люббе не было найдено партбилета. Откуда же взялось это сообщение о партбилете, хотел бы я знать?

Геринг: Это я могу вам сказать совершенно точно. Сообщение это было мне сделано официально. Если в ту первую ночь сообщались вещи, которые, быть может, не поддавались такой быстрой проверке, и если какой-нибудь чиновник, быть может, на основе показаний заявил о том, что у Люббе был при себе партбилет, а проверить такое показание не было возможности, то, следовательно, это было расценено, вероятно, как факт, и мне, само собой разумеется, так и сообщили. Я на следующий же день, до обеда, передал это сообщение в печать. Тогда еще не был проведен окончательный допрос. Само по себе это не имеет значения, ибо здесь, на процессе, как будто бы установлено, что у Ван дер Люббе не было партбилета.

Димитров: Свидетель является премьер-министром, министром внутренних дел и председателем рейхстага. Несет ли министр ответственность за свою полицию?

Геринг: Да!

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 127.

Д и м и т р о в: Я спрашиваю: что сделал г-н министр внутренних дел 28 и 29 февраля или в последующие дни для того, чтобы в порядке полицейского расследования выяснить путь Ван дер Люббе из Берлина в Геннингсдорф, его пребывание в ночлежном доме в Геннингсдорфе, его знакомство там с двумя другими людьми и, таким образом, разыскать его истинных сообщников? Что сделала ваша полиция?» [1]

Тут председатель заявляет, что вопрос слишком длинен. Димитров возражает: «Зато достаточно ясен!»

Поведение Геринга тоже достаточно ясно говорит Димитрову, что тот лично приложил к делу свою руку и прекрасно знает, кто в действительности сообщники Ван дер Люббе, а вероятно, и то, как проникли они в здание рейхстага. Вот почему Димитров сразу же переключается на комплекс предшествовавших пожару событий — так называемый Геннингсдорфский комплекс, чтобы вскрыть связи Ван дер Люббе с нацистами, а тем самым и лично с Герингом.

Геринг высокомерно отвечает:

«Само собой разумеется, что мне, как министру, незачем было бегать по следам, как сыщику. Для этого у меня есть полиция» [2].

Геринг заявляет далее, что он лишь отдал приказ с максимальной быстротой и тщательностью произвести расследование и при этом постоянно указывал, что Ван дер Люббе должен был иметь сообщников.

— Для меня это ясно! — кричит он.

— Для меня тоже, — спокойно подтверждает Димитров.

«Д и м и т р о в: После того как вы, как премьер-министр и министр внутренних дел, заявили, что поджигателями являются коммунисты, что это совершила Коммунистическая партия Германии с помощью Ван дер Люббе, коммуниста-иностранца, не направило ли это ваше заявление полицейское, а затем и судебное следствие в определенном направлении и не исключило ли оно возможности *идти по другим следам* в поисках истинных поджигателей рейхстага?

Г е р и н г: Прежде всего закон предписывает уголовной полиции, чтобы при всех преступлениях расследова-

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 127.
[2] Там же, стр. 128.

ние велось по всем направлениям, независимо от того, куда бы они ни вели, повсюду, где видны следы. Но я не чиновник уголовной полиции, а ответственный министр, и поэтому для меня было не столь важно установить личность отдельного мелкого преступника, а ту партию, то мировоззрение, которые за это отвечают. Уголовная полиция выяснит все следы — будьте спокойны. Мне надо было только установить: действительно ли это преступление не относится к политической сфере или оно является политическим преступлением. С моей точки зрения, это было политическое преступление, и я точно так же был убежден, что преступников надо искать в вашей (обращаясь к Димитрову) партии. (Потрясая кулаками в сторону Димитрова, кричит.) Ваша партия — это партия преступников, которую надо уничтожить! И если на следственные органы и было оказано влияние в этом направлении, то они были направлены по верным следам»[1].

Неуверенность Геринга в ответах на эти вопросы подтверждает предположения Димитрова: нацистский главарь знает, кто действительно поджег рейхстаг, и он боится политического оборота допроса! Сейчас Геринга можно вывести из себя и тем самым заклеймить этот тенденциозный процесс в глазах всей мировой общественности. И вот Димитров — разумеется, как требует д-р Бюнгер, в форме вопроса — наносит Герингу сокрушительный удар.

«Известно ли г-ну премьер-министру, что эта партия, которую «надо уничтожить», является правящей на шестой части земного шара, а именно в Советском Союзе, и что Советский Союз поддерживает с Германией дипломатические, политические и экономические отношения, что его заказы приносят пользу сотням тысяч германских рабочих?

Председатель (к Димитрову): Я запрещаю вам вести здесь коммунистическую пропаганду.

Димитров: Г-н Геринг ведет здесь национал-социалистскую пропаганду! (Затем, обращаясь к Герингу.) Это коммунистическое мировоззрение господствует в Советском Союзе, в величайшей и лучшей стране мира, и имеет здесь, в Германии, миллионы при-

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 128.

верженцев в лице лучших сынов германского народа. Известно ли это!..»[1]

Тут Геринг окончательно теряет власть над собой и, прервав Димитрова, в бешенстве орет:

«Я вам скажу, что́ известно германскому народу. Германскому народу известно, что здесь вы бессовестно себя ведете, что вы явились сюда, чтобы поджечь рейхстаг. Но я здесь не для того, чтобы позволить вам себя допрашивать, как судье, и бросать мне упреки! Вы в моих глазах мошенник, которого надо просто повесить.

Председатель: Димитров, я вам уже сказал, что вы не должны вести здесь коммунистическую пропаганду. Поэтому пусть вас не удивляет, что господин свидетель так негодует! Я строжайшим образом запрещаю вам вести такую пропаганду. Вы должны задавать лишь вопросы, относящиеся к делу.

Димитров: Я очень доволен ответом г-на премьер-министра.

Председатель: Мне совершенно безразлично, довольны вы или нет. Я лишаю вас слова.

Димитров: У меня есть еще вопрос, относящийся к делу.

Председатель (еще резче): Я лишаю вас слова!

Геринг (кричит): Вон, подлец!

Председатель (обращаясь к полицейским): Выведите его!

Димитров (которого полицейские выводят из зала): Вы, наверно, боитесь моих вопросов, господин премьер-министр?

Геринг (кричит вслед Димитрову): Смотрите, берегитесь, я с вами расправлюсь, как только вы выйдете из зала суда! Подлец!»[2]

Димитрова выводят, а Геринг, багрово-красный от ярости, громко крича, еще некоторое время стоит и потом покидает зал. Председатель спешно закрывает заседание. Иностранные корреспонденты штурмуют телефонные кабины. Выиграна решающая битва против нацистского режима!

Первоначально намечалось сразу же допросить в качестве свидетеля и Геббельса. Но сейчас об этом не может

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 128.
[2] Там же, стр. 128—129.

быть и речи. Суд как ни в чем не бывало продолжает допрос второстепенных свидетелей об обстоятельствах поджога. Это происходит в отсутствие Димитрова, удаленного с заседаний на три дня!

Тем временем тайное руководство процессом решает, что делать ему после катастрофического фиаско с допросом Геринга, весь масштаб которого становится еще яснее благодаря реакции мировой печати.

Умнее всего было бы просто-напросто отказаться от допроса Геббельса, но теперь это невозможно, ибо выглядело бы как признание провала Геринга.

И вот 8 ноября, когда Димитров снова допущен к заседаниям, в зале суда появляется Геббельс. И сразу же становится ясно, какая роль предназначена этому парадному оратору гитлеровской партии. Дело тут уже не в самом процессе о поджоге рейхстага. Геббельс призван любой ценой сгладить роковое впечатление, которое произвели приступы бешенства и угрозы Геринга. Поэтому Геббельс должен являть лик совершеннейшего спокойствия и в противоположность Герингу демонстрировать свою готовность отвечать на любой вопрос, лишь бы избежать впечатления, что кто-то покушается на право «обвиняемого и защитника» Димитрова ставить вопросы.

Когда 8 ноября д-р Бюнгер вызывает Геббельса к пульту для свидетелей, в кратких вступительных словах председателя суда чувствуется, что он успел получить нахлобучку. Председатель предупреждает Геббельса, что тот не должен полемизировать с «Коричневой книгой».

Уже в первых словах Геббельс дает почувствовать и вторую часть сговора. Он заявляет, что не намерен произносить речь и просит председателя задавать ему вопросы. На сей раз Геббельс не поддается собственной болтливости и привычке к ораторскому успеху. Но, несмотря на все свои попытки, он не может пройти мимо «Коричневой книги».

Однако и д-р Бюнгер не без вины. Уже первый его вопрос исходит из констатации «Коричневой книги», что 27 февраля, в разгар избирательной кампании накануне выборов в рейхстаг все влиятельные национал-социалистские руководители и ораторы остались в Берлине, вместо того чтобы разъехаться по Германии для ведения предвыборной борьбы. Геббельс заявляет, что это «вполне естественно»: было решено и являлось обычным,

что первые две-три недели все влиятельные лица должны были по возможности находиться в Берлине.

Затем Геббельс, не дожидаясь дальнейших вопросов, переходит к обрисовке событий ночи пожара. Сам он, говорит Геббельс, находился у себя дома, где в этот момент у него случайно (!) был в гостях Гитлер. Вдруг ему звонит начальник отдела иностранной печати Ханфштенгель, который тоже случайно (!) как раз находился в гостях у Геринга в его дворце председателя рейхстага. Но, описывая дальнейшие события этой ночи, Геббельс завирается. В противоположность показаниям Геринга (согласно которым Гитлер сразу же по прибытии к горящему рейхстагу назвал пожар «сигналом коммунистов») он рассказывает, как к этому моменту уже встретил у подъезда № 2 Геринга и тот сразу же стал говорить Гитлеру и ему о «коммунистическом покушении» и сообщил им новость об аресте голландского коммуниста Ван дер Люббе, который уже допрошен. Несколько минут спустя к подъезду № 2 подошел — тоже, разумеется, случайно! — и вице-канцлер фон Папен. Господа стояли потом группами, наблюдали за пожаром и под конец собрались в кабинете Геринга в его дворце председателя рейхстага. Здесь уже, по свидетельству Геббельса, было принято решение о проведении акции против Коммунистической партии.

Противоречия между этим описанием событий и показаниями Геринга совершенно очевидны. Четыре дня назад Геринг утверждал, что увидел Гитлера и фон Папена в своем кабинете только после обхода вокруг горящего рейхстага, а об аресте Ван дер Люббе узнал лишь после решения о преследовании коммунистов.

Вслед за некоторыми высказываниями о политической обстановке перед пожаром и после него Геббельс — не будучи спрошен об этом — начинает подробно распространяться об индивидуальном терроре, который он изображает как предпочтительное средство борьбы коммунистов. При этом он обвиняет Торглера в том, что тот особенно злобно пропагандировал лозунг «Бей фашистов!», и называет его «величайшим из всех подстрекателей». Но и то, и другое полностью противоречит фактам. Вероятно, это послужило директивой Имперской прокуратуре, которая позднее потребовала для Торглера смертной казни. Коммунистическая партия, утверждает Геб-

бельс, лишь из тактических соображений отказалась от вышеприведенного лозунга, между тем как ее подпольная печать продолжает призывать к насилию и восстанию.

Димитров слушает очень внимательно, делает много заметок. Он уже нащупал слабое место в аргументации Геббельса. Отвечая на первые вопросы, заданные ему Димитровым, Геббельс держится совсем по-иному, чем Геринг. Он еще раз решительно заявляет о готовности отвечать на все вопросы.

— Я не боюсь вопросов обвиняемого Димитрова,— говорит он и, глядя на Димитрова, добавляет: — Я справлялся с людьми покрупнее, чем этот мелкий коммунистический агитатор.

Геббельс, верно, рассчитывал оскорбить этим Димитрова, но просчитался. Димитров только усмехается: каждому видно, что он выше Геббельса даже ростом.

Димитров задает вопросы. Геббельс отвечает уклончиво, иногда отделывается дешевыми остротами.

Димитров хочет знать, что известно Геббельсу о политических убийствах, совершенных в Германии правыми кругами в годы Веймарской республики, и упоминает при этом об убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Председатель прерывает его:

«Довольно!.. Дело заходит очень далеко. Нам нужно выяснить, кто поджег рейхстаг. Здесь мы не можем возвращаться к далекому прошлому.

Геббельс: Может быть, было бы целесообразнее, если бы начали от Адама и Евы. Когда были совершены эти убийства, национал-социалистского движения еще не существовало.

Димитров: Знает ли свидетель, что такие германские государственные деятели, как Эрцбергер и Ратенау [1], были убиты правыми кругами, а не коммунистами?

---

[1] *Эрцбергер, Маттиас* (1875—1921) — германский буржуазный политический деятель. В ноябре 1918 г. в качестве главы германской делегации подписал в Компьене перемирие с державами Антанты. Был убит как защитник Версальского договора офицерами-националистами.

Ратенау, Вальтер (1867—1922) — германский буржуазный политический деятель. В 1922 г. занял пост министра иностранных дел Германии. Подписал от имени Германии Рапалльский договор с Советской Россией. В июне 1922 г. был убит террористами из реакционной националистской организации «Консул».— *Прим. ред.*

Председатель (прерывая): Я хочу этот вопрос немедленно отвести, если господин министр не пожелает ответить.

Геббельс: Я не стану обходить этого вопроса. Убийство Эрцбергера и Ратенау было совершено не национал-социалистскими кругами. Тогда наше движение было еще совсем маленькой группой...

Председатель: Димитров, это второй вопрос, который я должен был отвести; вы, вероятно, помните, к чему это вело раньше. Я обращаю ваше внимание на это *.

Димитров: Не являются ли круги, совершившие подобные политические убийства в Германии, теперь *союзниками* национал-социалистов?..

Геббельс: Я не знаю детально, кто совершил эти акты. Некоторые из них бежали за границу, частью были застрелены прусской полицией, а некоторые застрелились сами. Большинства из них уже нет в живых, и я ими не интересуюсь.

Гл. прокурор д-р Вернер: Очень хорошо, что г-н министр ответил на все эти вопросы. (*Председатель*: *Да*, *именно*.) Но я думаю, что все же было бы правильнее вообще не давать ответа на такие вопросы, ибо они ставятся для того, чтобы вести здесь пропаганду с определенной целью. Я думаю, что, если вы ответите на все вопросы, обвиняемый Димитров всегда найдет повод к тому, чтобы задавать новые вопросы, которые будут служить целям его пропаганды.

Геббельс: Я отвечаю на вопросы Димитрова только для того, чтобы не дать ему, поддерживающим его людям и мировой прессе повода утверждать, будто я увернулся, увильнул от ответа на какой-нибудь вопрос...»[1]

Димитров разгадывает отвлекающий маневр Геббельса, парирует его и возвращается к главному политическому вопросу:

«...Все эти вопросы связаны с предъявленным мне политическим обвинением. Именно поэтому я и задаю эти вопросы. Между прочим, меня обвиняют в том, что я хотел путем поджога рейхстага *насильственно изменить гер-*

* Председатель имеет в виду удаление Димитрова из зала суда за ряд вопросов, разоблачающих фашистских поджигателей рейхстага.

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 134—135.

манскую конституцию. Я спрашиваю: какая конституция действовала в Германии 30 января и 27 февраля?

Геббельс: Действовала Веймарская конституция. Была она хороша или плоха — это не имеет значения. Но она была законной, и мы ее признали. Изменение ее мы не хотели предоставлять Коммунистической партии, а право такого изменения оставляли за собой. Проведенные уже изменения конституции я считаю недостаточными.

Димитров: Это доказывает, что вы не уважаете германскую конституцию.

Председатель: Обвиняемый Димитров! Оставьте в стороне эти юридические заключения» [1].

Итак, Геббельс вынужден перейти к обороне! Это становится еще виднее, когда он явно в расчете на присутствующих иностранных журналистов пытается в первую очередь подчеркнуть легальность нацистского движения и оградить его от обвинения в терроре.

Димитров сразу же замечает это и направляет свои вопросы на доказательство обратного. Он спрашивает Геббельса насчет совершенного в Германии осенью 1932 г. ряда покушений с бомбами, в связи с которыми имели место процессы и нескольким национал-социалистам были вынесены смертные приговоры. Димитров задает вопрос, не были ли эти террористические акты делом национал-социалистов?

Геббельс отговаривается тем, что, возможно, чуждые германской национал-социалистской партии круги направили в нее провокаторов для того, чтобы совершать такие покушения.

Тогда Димитров напоминает «забывчивому» Геббельсу, что Гитлер направил осужденным нацистским убийцам телеграмму, в которой в политических целях торжественно и демонстративно поздравил их.

Министр пропаганды не может увильнуть и бормочет что-то невнятное насчет «субъективно правильных действий в интересах отечества».

Имперскому прокурору и председателю суда все чаще приходится спешить на помощь свидетелю.

Наконец Димитров преподносит Геббельсу тот факт, что в Австрии и Чехословакии его якобы строго легальная партия действует нелегальными методами, оперирует

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 135.

в своей политической борьбе фальшивыми адресами, шифрованной корреспонденцией и т. п.

В ответ Геббельс ищет спасения в дешевом трюке:

«Вы, как видно, хотите оскорбить национал-социалистское движение. Я отвечу вам словами Шопенгауэра: „Каждый человек заслуживает того, чтобы на него смотреть, но не того, чтобы с ним разговаривать!“» [1]

Д-р Бюнгер улавливает намек и тут же хочет лишить Димитрова слова. Но тот не остается в долгу:

— Я доволен. Отсутствие ответа — часто лучший ответ!

Димитрову все же удается задать еще несколько вопросов, и Геббельс попадает в западню.

— Как, по мнению свидетеля, имели ли национал-социалисты в период до января 1933 г. право защищаться при помощи оружия от коммунистических нападений, которые, как утверждает свидетель, будто бы имели место? — спрашивает он.

Геббельс отвечает утвердительно.

— А оборонялись ли национал-социалисты?

Геббельс дает ответ особенно громко:

— Само собой разумеется. А вы думали, мы дадим себя на заклание без сопротивления?

Тогда Димитров еще громче спрашивает:

— А не думаете ли вы, что и коммунисты теперь тоже имеют право обороняться?

Председатель запрещает Димитрову подобный тон, но Димитров повторяет свой вопрос в еще более конкретизированной форме. Геббельс сбит с позиции. Он не отвечает прямо на вопрос, а лишь повторяет то, что уже в общей форме говорил о праве национал-социалистов на оборону. С него хватит. Он собственной волей прекращает свой допрос, заявив, что «с педантичной точностью опроверг все обвинения „Коричневой книги“», и удаляется, предупредив иностранных корреспондентов, чтобы они в своих сообщениях осветили все правдиво.

Тем и закончилась интермедия с Геббельсом. После Геринга он показал другую сторону фашистской медали. Если Геринг воплощал воинствующее зверство германского фашизма, то Геббельс — его безудержную демагогию.

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 136.

Так Димитров вступил на процессе в единоборство с двумя «героями» гитлеровской Германии и одержал над ними победу: над Герингом — с его саблей и топором, и над Геббельсом — с его глоткой и пером.

Впоследствии, вскоре по прибытии в Москву, Димитров вынес собственный приговор своим противникам:

«...Я считаю, что частная жизнь этих людей не оказывает решающего влияния на германскую политику. Если нравы того или другого из них отличаются причудливостью, если тот или другой уже побывал в заведении для душевнобольных, если тот или другой является физическим дегенератом или отравляет себя морфием,— все это недостаточные причины для того, чтобы объяснить существующий режим. Если судить по Геббельсу, Герингу и другим национал-социалистам, которых я видел на суде и которые занимают менее видное положение, то национал-социалистские руководители, по моему мнению,— это безрассудная, жестокая группа представителей самой крайней, самой хищной, самой агрессивной, самой шовинистической и самой грубой части высшей германской буржуазии и юнкеров. Они не показались мне ни особенно умными, ни особенно прозорливыми. Это лишь исполнители. Не они истинные хозяева страны. За ними скрываются их хозяева — торговцы пушками, заправилы тяжелой индустрии, круппы, тиссены и др. Но эти исполнители воли хозяев пойдут до конца. Они не боятся ни кровопролития внутри страны, ни ужаснейших преступлений» [1].

Характеризуя обоих своих противников, выступивших против него на суде, Димитров отмечал:

«...Геринг говорил откровенно и грубо, как солдат реакции. Он хоть пытался прямо отвечать на мои неудобные для него вопросы. Быть может, он позднее — слишком поздно — понял, что его ответы были наилучшей пропагандой в пользу коммунизма, мнимым уничтожением которого он похвалялся. Геббельс начал с заявления, что он ответит на все мои вопросы, но он уклонился от всех вопросов, до одного. Он не дал ни единого прямого ответа. Фигляр. Главный проповедник чистоты арийской расы мал ростом, смугл, уродлив, словом, чистейший образчик человека смешанной крови. Он живое доказательство всей нелепости «теорий» расизма» [2].

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 286.

[2] Там же, стр. 286—287.

Димитров дал меткую характеристику нацистской верхушки:

«Особая способность Гитлера состояла в том, что он сумел объединить вокруг себя всю эту банду бывших офицеров и аферистов и внушить политически незрелым массам веру в то, что он — мессия германского народа. Геббельс — это жонглер, который флиртует с бунтарским духом масс и своими безудержными речами умеет увлечь деклассированные элементы. Геринг — политический бандит, слепое орудие свирепейшего капитализма, воплощение нордического фашиста».

То, что эта характеристика фашистской Германии еще в 1933 г. распространилась по всему миру, в немалой степени способствовало возникновению антигитлеровского фронта в годы второй мировой войны.

В зале суда звучит «Коммунистический Манифест»

Утверждение обвинения, что посаженные на скамью подсудимых коммунисты участвовали в поджоге рейхстага и что они поддерживали связь с руководством Коммунистической партии Германии, было опровергнуто. Это имело для обвиняемых коммунистов решающее значение — их уже больше не могли осудить за участие в поджоге рейхстага.

Димитров мог бы удовольствоваться этим успехом. Его задача, как защитника обвиняемых коммунистов, была выполнена.

Но выдающийся революционер не удовлетворился этой победой. Он видел свой долг не только в том, чтобы защитить невиновных обвиняемых, но и отстоять дело коммунизма.

В плане фашистов обвинение коммунистов служило лишь мостом к главной цели — к обвинению и осуждению Коммунистического Интернационала и коммунизма в целом. Обвинительный акт давал обширный материал для «доказательства» этого обвинения даже и в том случае, если бы отпало обвинение против «сообщников» Ван дер Люббе. Поэтому было необходимо опровергнуть этот «доказательный материал», который подлежал рассмотрению преимущественно в последней, так называемой политической, части процесса.

Но Димитров не стал ждать с опровержением этого центрального тезиса обвинения до начала политической части, хотя председатель, как правило, постоянно пресекал вопросы такого рода, обещая вернуться к ним впоследствии. Димитров не упускает ни малейшей возможности спросить каждого свидетеля, знал ли тот что-либо о якобы запланированном на февраль 1933 г. восстании коммунистов, «сигналом» к которому должен был послужить поджог рейхстага.

Он задает этот вопрос подряд всем свидетелям-коммунистам, которые допрашивались по различным пунктам обвинительного акта, например депутатам рейхстага от КПГ Тео Нейбауэру, Касперу и Керфу, служащим коммунистической фракции рейхстага Дерсе и Реме, партийным работникам Дитбендеру, Петерсону и Зингеру. Он спрашивает даже тех свидетелей, которые раньше или позже вышли из КПГ, таких, как Кемпнер. Все они подтверждают то, что уже сказано Димитровым о позиции Коммунистической партии Германии в отношении индивидуального террора, и подчеркивают, что партия не предпринимала никаких мер по подготовке восстания на конец февраля.

Димитров задает вопросы и свидетелям-некоммунистам.

Еще 9 августа 1933 г. Гитлер в интервью «Нью-Йоркер штатсцейтунг» заявил: «Когда в ночь пожара рейхстага к нам со всех концов Германии стали по телефону, телеграфу и радио поступать призывы о помощи, я принял решение, невзирая ни на что, немедленно пустить в ход всю имеющуюся в моем распоряжении силу, все отряды штурмовиков...»

В первые же дни после поджога прусская служба печати опубликовала аналогичные сообщения о якобы предпринятых коммунистами террористических актах и попытках к восстанию, ссылаясь на документы, будто бы найденные при обыске в «Доме Карла Либкнехта».

Но если бы такие планы восстания действительно существовали и правительство знало о них, оно должно было бы принять меры для его подавления. Об этом Димитров спрашивает нацистских свидетелей: графа Гельдорфа, профессора фон Арнима, депутата Карване, министров Геринга и Геббельса. Всем им приходится признать, что сами они таких мер не принимали и о таких мерах ничего не знали.

Таким образом, еще до начала политической части процесса тезис о планировавшемся коммунистическом восстании, «сигналом» к которому предназначен был служить поджог рейхстага, всесторонне опровергнут.

Поэтому обвинение вынуждено было изменить первоначальное содержание политической части. Если исходить из обвинительного акта, суд должен был бы ограничиться зачтением приложенных к нему донесений о «планах восстаний». Но в ходе слушания дела этого оказалось недостаточно, и 9 ноября верховный прокурор решил вызвать в качестве свидетелей политической части процесса 37 человек, в том числе 10 чиновников уголовной полиции во главе с уголовным советником Гелером. Свидетели подобраны таким образом, чтобы они могли дать показания о событиях в различных районах Германии. Кроме того, решено зачитать ряд приговоров ранее состоявшихся процессов против коммунистов.

Политическая часть начинается 27 ноября 1933 г. в Лейпциге докладом Гелера. Доклад длится целых пять часов. Скамьи для публики и столы прессы пустеют, судьи клюют носом. Бессистемное нагромождение бесконечных мелочей, взятых из самых различных источников, не производит никакого впечатления. Единственный человек в зале, действительно слушающий Гелера,— это Димитров. Он, как всегда, жадно следит за каждым словом: ему нужен материал для защиты и нападения.

К концу заседания (Гелер все еще не кончил свой доклад) председатель просит свидетеля говорить покороче. Возможно, д-р Бюнгер получил соответствующую директиву, ибо на следующий день в «Фёлькишер беобахтер» можно было найти пожелание «большей конкретности в освещении рассматриваемой политики». «Зачтение документов,— писал корреспондент этой газеты,— возможно, и необходимо, но следовало бы избежать создания впечатления полной бюрократизации слушания дела».

Димитров и в этом случае иного мнения.

— Я лично,— говорит он, когда председатель сообщает о сокращении доклада,— не имею ничего против того, что здесь излагается весь этот материал, а особенно что он публикуется в прессе, во всей прессе! Я очень доволен этим! Было бы лишь целесообразно в каждом отдельном случае точно указывать источник: идет ли речь о полицейском донесении или о документе.

28 ноября Гелер продолжает свой доклад, говорит до обеденного перерыва. Закончив чтение, он делает выводы: Коммунистическая партия Германии намеревалась через всеобщую стачку прийти к вооруженному восстанию, а затем к перевороту, причем сделать это в феврале 1933 г. Если же КПГ не удалось осуществить свое намерение, то, во-первых, потому, что не возник единый фронт с социал-демократией, и, во-вторых, потому, что вмешались государственные органы.

Отсюда Гелер делает лихой скачок к поджогу рейхстага: КПГ планировала и осуществила его, чтобы затем приписать этот акт национал-социалистской партии и таким образом сплотить социал-демократических и беспартийных рабочих в единый фронт.

После доклада Гелера разгорается оживленный спор, ведущую роль в котором играет преимущественно Димитров, искусно облекающий свои выступления в форму «вопросов».

«Димитров: Г-н верховный прокурор вызвал в связи с политической частью процесса 37 свидетелей, в числе которых 10 чиновников уголовной полиции — комиссары, секретари и другие — и приблизительно 25 политических заключенных, находящихся под предварительным следствием. Один из этих 10 чиновников — вчерашний и сегодняшний свидетель г-н Гелер. На него возложена важная задача: сделать обширный, глубоко обоснованный доклад. Я полагаю, что мы имеем в его лице не только свидетеля, но и «политического эксперта». Я полагаю, далее, что в лице этого свидетеля мы имеем докладчика от национал-социалистского правительства о так называемой коммунистической опасности в Германии. Это, следовательно, весьма компетентная личность, весьма компетентный свидетель. Поэтому мне хочется просить г-на председателя разрешить мне коротко выяснить различные важные моменты, т. е. я хочу выяснить их не сам, а посредством вопросов к свидетелю.

Я с большим вниманием выслушал его доклад. Я должен признаться, г-н председатель и г-да судьи, что, несмотря на то, что доклад скучен, он был благодаря множеству документов весьма интересен и для меня лично очень полезен. Я впервые узнал из этого доклада много важных вещей и за это очень благодарен в отличие от г-на д-ра Зака. Я того мнения, что, поскольку процесс

организован как политический процесс, надо до конца выяснить его политическую подоплеку и политический характер. Делать, так уж делать до конца! На войне, как на войне, говорят французы.

Председатель: Итак, это было вступление, Димитров. Перейдем теперь к существу вопроса.

Димитров: Я за то, чтобы, хотя это продлится несколько дольше, основательно выяснить вопрос о поджоге рейхстага. Мне хочется спросить г-на свидетеля, верно ли я его понял, что в высказываниях он имел в виду, во-первых, решения XII пленума Исполкома Коминтерна, во-вторых, имеются в виду решения Коммунистической партии Германии, общегерманской партийной конференции, окружных партийных конференций и других ее органов.

Председатель: Что вы этим хотите сказать? Я вас не понял.

Димитров: Имеет ли он в виду эти решения?

Председатель: Это мы уже знаем. Мы уже слышали это от него самого. Не нужно повторяться. Что еще вы хотите знать?

Димитров: Я хотел бы только совершенно точно знать, правильно ли я понял? Имеются ли в виду только эти решения?

Председатель: Да, имеются в виду решения пленума ИККИ и различные решения Центрального Комитета и окружных конференций. Ведь это же ясно.

Димитров: Во-вторых, имеются ли в виду различные документы, листовки, циркуляры, газетные статьи, брошюры, изданные до пожара, и множество подобных документов, выпущенных уже после пожара. Так ли это?

Председатель: Да.

Димитров: В-третьих, имеются ли в виду различные сведения о деятельности Коммунистической партии после пожара, после запрещения партии, т. е. доказательства того, что партия действует нелегально, что она живет, борется и т. д.? Затем, различные полицейские сообщения о конфискованных — также после пожара — взрывчатых веществах, о различном оружии, схемах с планами взрывов и поджогов и т. п. И, наконец, «коммунистическая поэзия» 1925 г., глупые, неразумные, очень плохо сформулированные статьи в стихотворной форме... Итак, в этом все вещественные доказательства.

Председатель: Вы совершенно правильно поняли. Я не знаю, почему вы все это еще раз повторяете?

Димитров: Если я верно понял, то $^3/_4$ этих документов, а то и $^4/_5$ подкрепляют мой тезис, а именно что Коммунистическая партия Германии в январе, феврале и марте не ставила перед собой в качестве непосредственной задачи вооруженное восстание и что поджог рейхстага не имеет ничего общего с этим. Итак, этот материал, этот любопытный доклад с помощью $^3/_4$ приведенных в нем документов подтверждают мой тезис»[1].

Тут верховный прокурор прерывает Димитрова репликой: это не вопросы, а защитительная речь. Председатель поддерживает прокурора и грозит лишением слова.

Димитров продолжает:

«Я хочу констатировать нечто относительно этого материала, относительно того, что здесь приводилось. Верно ли, г-н докладчик, что в числе множества документов, собранных со всех концов Германии, вы не представили ни одного документа, который показал бы, что правительство, что органы власти ожидали между 20 февраля и концом февраля вооруженного восстания со стороны Компартии и в связи с этим привели в боевую готовность вооруженные силы государства. Такие документы вы здесь не представили.

Председатель: Но вы же слышали, что сказал свидетель?

Гелер: Извините, г-н председатель, я не совсем понял вопрос.

Председатель: Есть ли у вас такие документы, из которых видно, что уже были приведены в боевую готовность вооруженные части или что-нибудь подобное, что правительство уже подготовило вооруженные отряды?..

Димитров: ... В ожидании такой опасности. Есть у вас такой документ?

Гелер: Такого документа я не оглашал. У меня его нет, да он и не нужен.

Димитров: Есть у вас вообще такие документы?

Гелер: На это я не могу здесь ответить, я не знаю...

Димитров: Итак, я спрашиваю, г-н председатель, известен ли свидетелю, как докладчику от имени компе-

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 153—154.

тентного по этому вопросу органа, какой-нибудь документ, какой-нибудь приказ, какой-нибудь циркуляр, какое-нибудь распоряжение прусского правительства, или имперского правительства, или полиции по этому вопросу?

Председатель: Вы повторяете свой предыдущий вопрос. На него свидетель уже ответил» [1].

Полицейский чиновник Гелер действительно ответил на него и ответил отрицательно. Он, руководитель отдела государственной тайной полиции (гестапо) по надзору за коммунистическим движением, оказался не в состоянии дать убедительное доказательство подготовки коммунистического восстания!

Как только Димитров замечает отступление Гелера, он сразу же сам переходит в наступление и бросает вопрос: а не готовилось ли в это время действительно восстание, только не со стороны Коммунистической, а со стороны национал-социалистской партии? Не ожидая ответа, он сразу же заявляет ходатайство о вызове для разъяснения этого вопроса новых политических свидетелей, в том числе и Эрнста Тельмана. Димитров обосновывает это тем, что в столь важном случае нельзя удовлетвориться в качестве свидетелей лишь рядовыми членами партии, а надо заслушать представителей руководства КПГ. Действительная же причина требования Димитрова гораздо глубже. Со дня ареста Тельмана, который был для него не только весьма уважаемым соратником по борьбе, но и другом, Димитрова не оставляет мысль о судьбе руководителя германских коммунистов. После того как Димитров увидел его во время прогулки во дворе Моабитской тюрьмы, он не перестает думать, чем может он помочь Тельману. Если бы теперь удалось добиться его выступления в зале суда и тем самым дать ему возможность вновь предстать перед общественностью! Как подействовало бы на борющихся в подполье коммунистов, если бы они услышали своего Тедди, пусть даже слова его и прошли бы через фильтр буржуазной прессы! Появление Тельмана перед лейпцигским судом дало бы новый стимул и кампании за его освобождение, которая уже развернулась во всем мире. (Она еще больше усилилась после освобождения Димитрова.) И если бы удалось вырвать этого боевого соратника и друга из когтей нацистов так же, как (Димит-

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 154—155.

ров уже чувствовал это), очевидно, произойдет с ним и его болгарскими товарищами!..

Таковы были мысли и желания Димитрова на будущее.

В любом случае важно прежде всего окончательно разгромить политическую часть обвинения.

Поэтому Димитров требует зачтения полицейских сообщений и из тех частей Германии, откуда полиция не сообщала ни о каких коммунистических «приготовлениях» к восстанию. Д-р Бюнгер для вида принимает ходатайство Димитрова к сведению и уже было собирается отпустить Гелера. Но Димитров категорически возражает, и тому приходится остаться.

Затем один за другим допрашиваются комиссары и секретари уголовной полиции из провинции.

Первым говорит уголовный комиссар Виль из Гамбурга. По его данным, в этом округе в начале 1933 г. положение все более обострялось. Он рассказывает о попытках коммунистов совершать поджоги и покушения при помощи бомб, о боевой готовности коммунистов за четыре недели до пожара рейхстага. Но когда Димитров спрашивает его, имеются ли у него документы о конкретных приготовлениях КПГ к восстанию в конце февраля, Виль отвечает: нет.

Трое следующих свидетелей — комиссар Хоман из Кёнигсберга, секретари уголовной полиции Маллах из пограничного района и Штаглих из Альтоны — повторяют примерно то же, что и предыдущий. Все четверо основываются на инцидентах, которые были вызваны оборонительными действиями коммунистов от нацистских нападений. Димитров хорошо помнит об этих событиях и сразу же вмешивается в допрос, чтобы обратить особое внимание на этот факт. Но каждый раз свидетели «не могут припомнить» именно этого.

— Просто поразительно,— замечает Димитров,— насколько слабеет у этих свидетелей память каждый раз, как только виноваты национал-социалисты!

Если большинство указанных свидетелей ограничивается сухими показаниями на основе донесений полицейских органов и шпиков, то уголовный комиссар Брозиг из Дюссельдорфа хочет услужить обвинению несусветнейшей ложью. Так, он рассказывает о «тайной конференции железнодорожников» в Дюссельдорфе. Димитров

знал об этой конференции, и свидетелю в конце концов приходится признать в ответ на его вопросы, что это была обычная профсоюзная конференция, причем организованная столь «тайно», что руководство КПГ даже подало в прусское министерство внутренних дел официальную жалобу против ее роспуска. Далее Брозиг упоминает о якобы предпринятой коммунистами попытке отравить 18 тысяч национал-социалистов. Димитров своим вопросом констатирует, что это утверждение заимствовано из обвинительного акта одного процесса, который еще даже не состоялся, и с возмущением восклицает:

— Но это же немыслимо, абсурдно и идиотство выдавать здесь за истину подобные вещи!

Чтобы упростить допрос чиновников уголовной полиции, Димитров в конце концов сформулировал 10 вопросов, по которым следовало их допрашивать. Но 7 из этих вопросов были отклонены, и суд разрешил только следующие:

«3. Замечались ли и какие именно конкретные признаки попыток переворота 26 и 27 февраля и также непосредственно после поджога рейхстага?

4. Были ли даны со стороны центральных властей и какие именно распоряжения перед пожаром, непосредственно относившиеся к ожидаемому коммунистическому восстанию?

5. Как и в какое время после пожара были начаты аресты коммунистических, социал-демократических и других оппозиционных функционеров и рабочих?» [1]

Но и на эти вопросы не последовало ни одного ответа, который хоть как-нибудь подкрепил бы тезис обвинения.

В политической части процесса двухчасовой доклад делает и судебный следователь Имперского суда советник д-р Леше.

Этот свидетель в еще большей степени, чем Гелер, стремится доказать, что коммунисты принципиально рассматривали вооруженное восстание как средство завоевания власти. В доказательство Леше обширно цитирует «Манифест Коммунистической партии» и «Программу Коммунистического Интернационала».

Лишь только Леше заканчивает свой доклад, Димитров просит слова.

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 104.

— Я,— говорит он, обращаясь к Леше,— с величайшим интересом прослушал ваш двухчасовой доклад. Вы утверждаете, что Коммунистическая партия в Германии готовила пролетарскую революцию и вооруженное восстание. Но вы не привели ни одного доказательства того, что это восстание готовилось именно на 27 февраля 1933 г. Есть у вас такие доказательства?

Леше вынужден ответить, что нет.

— Но ведь вам, как *знатоку* материала,— продолжает Димитров,— должно быть известно, что революция — не единовременный акт. Вы же цитировали «Коммунистический Манифест», словно это секретный документ. Но при этом вы забыли процитировать именно последние строки. Я хочу их вам прочесть.

И вот, к удивлению суда и публики, Димитров громким голосом читает:

«Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!» [1]

Председатель суда вне себя. Он намерен лишить Димитрова слова. Но тот категорически требует, чтобы ему дали говорить дальше, ибо ему необходимо задать еще один важный вопрос. И, не обращая внимания на председателя, пытающегося прервать его, Димитров продолжает:

— Правильно ли я понял, что на процессах, на которые здесь ссылались, людей осуждали лишь на основании цитат из коммунистических работ Три четверти докладов Гелера и Леше были направлены против программных пунктов Коммунистической партии, которая опирается на учение Маркса и Ленина. Если вы хотите быть последовательными, вы должны посадить на скамью подсудимых 6 миллионов немцев, весь мировой коммунизм, миллионные массы рабочих-коммунистов всего мира. Но ведь здесь речь идет о кое-чем другом — о вопросе, действительно

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 459.

ли — не теоретически, а практически — Коммунистическая партия Германии готовила восстание на 27 февраля, к моменту пожара рейхстага.

После столь уничтожающей критики «теоретической» части доклада Леше, в ответ на которую д-р Бюнгер только и смог сказать, что именно эти вопросы и подлежат рассмотрению, Димитров обращается к практической части выступления Леше.

Леше зачитал многочисленные куски из протоколов, составленных судебными следователями при допросах арестованных коммунистов. Теперь Димитров берет Леше под такой перекрестный огонь вопросов насчет показаний схваченных коммунистов, что тот в конце концов признает:

— Ни один свидетель не сказал мне, что поджог рейхстага должен был служить сигналом к восстанию.

— Вот это я и хотел знать,— быстро отвечает Димитров.

Собственно говоря, с данным пунктом покончено. Лучшие свидетели обвинения, квалифицированные сотрудники уголовной полиции, «специалисты» по коммунистическому движению полностью обанкротились.

Насколько решающим был успех Димитрова, показывает комментарий, который одна из унифицированных газет — «Берлинер тагеблатт»— посвятила 1 декабря этой части процесса: «По заслушанным показаниям чиновников уголовной полиции можно получить примерное представление о той ситуации, в какой находилась Германия в два первых месяца нынешнего года, пока на основе пожара рейхстага не была проведена решающая битва против левых радикалов... О непосредственной угрозе коммунистического переворота, разумеется, нельзя говорить в том смысле, что батальоны штурмовиков и Союза красных фронтовиков противостояли друг другу с оружием в руках в открытом решительном сражении... Вооруженное восстание явилось бы следующим этапом в столкновении между национал-социалистским и коммунистическим мировоззрением. Но уже первый этап, а именно мобилизация масс был сорван активностью национал-социализма».

К такому выводу, отвечавшему действительности и в зародыше содержавшему доказательство того, что рейхстаг подожгли не кто иные, как национал-социалисты, с целью получить предлог для наступления на массовое

коммунистическое движение, после разгрома обвинения Димитровым пришел весь мир.

Но это грандиозное поражение нацизма не помешало суду следовать своей прежней программе как ни в чем не бывало.

Сначала зачитывается целый ряд приговоров, вынесенных коммунистам Имперским судом якобы за подготовку к совершению государственной измены в первые месяцы 1933 г. Но теперь Димитрову остается только констатировать: ни один из этих приговоров не имеет ни малейшего отношения к поджогу рейхстага. Напротив, они доказывают, что коммунисты не готовили никакого восстания на конец февраля 1933 г.

Суд переходит к допросу 27 рабочих-коммунистов, доставленных на процесс из тюрем и концентрационных лагерей. Они, по замыслу суда, должны подтвердить, что в их районах низовые органы партии готовили восстание на конец февраля.

В связи с вызовом этих свидетелей Димитров снова возбуждает ходатайство о заслушании в качестве свидетелей не только рядовых членов КПГ, но и ответственных руководителей Коммунистической партии и предлагает вызвать секретарей окружных партийных комитетов.

— Мое предложение вызвать Тельмана отклонено на том основании, что он находится под следствием в предварительном заключении. Хотя я не могу согласиться с таким обоснованием, ибо и другие свидетели были доставлены сюда из следственной тюрьмы, я предлагаю допросить здесь секретарей окружных партийных организаций по следующим вопросам: верно ли, что Коммунистическая партия призывала к захвату в конце февраля полицейских казарм, почтамтов и телеграфа, железнодорожных станций, типографий и т. д. или предпринимала в этом направлении какие-либо попытки?

Верховный прокурор д-р Вернер выступает против ходатайства Димитрова о вызове свидетелей, обосновывая это так:

— Обвинение отнюдь не утверждало, что попытки к к организации восстания предпринимались повсюду. А потому мы можем считать установленным, что такие попытки не имели места и что имелись только тенденции в данном направлении, которые, однако, не доходили до попытки вооруженного восстания.

Димитров торжествует: сам д-р Вернер вынужден отказаться от своего утверждения.

— Принимаю к сведению,— сразу произносит он,— что верховный прокурор считает установленным, что со стороны Коммунистической партии не предпринималось никаких попыток к вооруженному восстанию.

Но суд решает отомстить за свое поражение. Д-р Бюнгер заявляет Димитрову, что отныне тот имеет право задавать вопросы свидетелям лишь по специальному разрешению председателя. На вопрос Димитрова: «Значит, против меня введено осадное положение?»— д-р Бюнгер отвечает: «Да, вы можете обращаться к сенату!»

Ограниченный таким образом в своем праве, Димитров использует первую же предоставившуюся возможность, чтобы снова сформулировать ряд вопросов, которые должны быть предложены всем вызванным свидетелям в отношении деятельности Коммунистической партии Германии в этот период.

Вопросы эти таковы:

«Давала ли партия после назначения Гитлера (рейхсканцлером.— *Ред.*) указания о массовых актах и забастовках протеста или о вооруженном восстании?

Находилась ли партия в состоянии оборонительной борьбы, и как та понималась?

Понимался ли пожар рейхстага в качестве сигнала к выступлению?

Какие указания имелись в партии после пожара рейхстага?

Какие действия готовились на воскресенье — день выборов?

Являются ли так называемые «пятерки» нелегальными партийными формированиями или террористическими группами?

Когда прорабатывались решения XII пленума Исполкома Коминтерна?

Предназначалась ли массовая самозащита для обороны или для непосредственного восстания в феврале и марте?

Что считалось в феврале 1933 г. непосредственной задачей партии: создание пролетарского единого фронта или проведение вооруженного восстания с целью захвата власти?»

Учитывая партийную принадлежность приглашенных свидетелей, задать им эти вопросы было более чем

естественно. Но суд наотрез отклонил заявление Димитрова.

И все-таки суд не смог помешать правде проложить себе дорогу!

Первым представители государственного обвинения вызывают бывшего коммуниста Кальденбаха из Аннаберга (Саксония). В концлагере он «покаялся» и примкнул к Гитлеру — какими средствами это было достигнуто, можно судить по одному его виду! Кальденбах рассказывает, что его местная группа КПГ получила в феврале директиву об организации массовой забастовки, которая, по его мнению, должна была перейти в вооруженное восстание. Кроме того, в январе и феврале было закуплено больше, чем обычно, оружия. Но тут свежеиспеченный национал-социалист бросает обвинение на произвол судьбы, заявив, что эта закупка оружия производилась для того, «чтобы не допустить похода штурмовиков на Берлин», и что под подготовкой к свержению правительства подразумевалось создание единого фронта. Более того, он ясно говорит, что, как он считает, Коммунистическая партия не имеет никакого отношения к поджогу рейхстага!

Приведенные выше вопросы Димитров сформулировал именно в связи с показаниями Кальденбаха, которые свидетельствовали о том, что даже ставший ренегатом рабочий не в состоянии поддержать тезисы обвинения. Димитров категорически заявляет, что эти вопросы должны быть заданы всем свидетелям, за исключением Эльстера, ибо этот свидетель — явно душевнобольной. Эльстер в своем кратком выступлении сам назвал себя «бедным больным человеком», и установлено, что он в течение долгого времени находился в лечебнице для душевнобольных. Когда Димитров старается установить это, председатель грубо замечает ему, что и сам он, Димитров, тоже был на излечении в санатории.

— В *легочном* санатории, господин председатель! Я — не умалишенный! — с полным спокойствием парирует Димитров.

То, что поневоле признал Кальденбах, в следующие дни подтверждают и другие свидетели из Аннаберга, Фалькенштейна, Цильтендорфа, Фрайенвальде, Нейенхагена и других городов. Они говорят: на основании указаний руководства КПГ местные партийные группы в январе и феврале 1933 г. были нацелены прежде всего на отраже-

ние фашистских нападений; перед партийными группами было поставлено в качестве главной задачи завоевание масс и создание единого фронта коммунистических, социал-демократических и принадлежащих к другим направлениям рабочих; какой-либо директивы о вооруженном восстании в феврале не давалось; пожар рейхстага явился для всех коммунистов неожиданностью, и никто из них и не думал рассматривать его как сигнал к выступлению.

Верховная прокуратура и суд совершенно теряют голову! Ведь в протоколах допросов этих свидетелей все было так прекрасно и ясно: тут имелись и директивы ЦК КПГ о восстании и его практической подготовке на конец февраля, и запланированные взрывы электростанций, и закупка оружия для насильственных действий, и тому подобное. И вдруг свидетели заявляют, что все прежние показания получены от них силой и один за другим дают такое описание событий, которое соответствует линии Димитрова!

Начинает свои показания пятидесятилетний рабочий — инвалид Никель. С первых же слов он хочет отказаться от прежних показаний, но на секунду останавливается, собираясь с духом. Д-р Бюнгер кричит ему:

— Говорите же! Ведь вы знаете, к чему это ведет!

Председатель наверняка хочет напомнить свидетелю о тех методах насилия, которым его подвергли при допросе на следствии, и дать понять, что́ ожидает Никеля за стенами зала суда, если он скажет правду. Но старый рабочий и революционер лучше фашистского судьи знает, что́ это значит! Он вдруг выпрямляется и рассказывает, как фальсифицировались показания.

Дело коммунизма торжествует!

По лицу Димитрова видно, сколь умножаются его силы от общения с такими замечательными пролетарскими борцами, которые, невзирая на ожидающую их месть гитлеровцев, воздают должное истине и перед лицом врага из свидетелей обвинения превращаются в его соратников по борьбе против фашистской провокации! Пусть суд ввел против него осадное положение. Но суд не может воспрепятствовать тому, что в эти дни действительное руководство процессом перешло в руки Димитрова!

К этому моменту уже весь мир, во всяком случае, каждый коммунист и каждый, принадлежащий к тому огромному массовому движению, которое до начала фаши-

стской террористической диктатуры все в большей степени определяло жизнь Германии, знает о великолепном поведении Димитрова на суде. Даже в тюремные камеры и за колючую проволоку концлагерей, откуда привели в суд многих свидетелей, уже проникла весть о его речах, о его атаках на судей и стоящее за их спиной нацистское руководство. Это вселяет новое мужество в сердца преследуемых и истязаемых. И вот, стоя за свидетельским пультом, они видят в лице Димитрова свою любимую партию, которая — вместе с ними. С большой любовью и огромным признанием говорил впоследствии Георгий Димитров об этих свидетелях.

Особенно высоко он оценивал мужественные и умные показания коммунистического депутата рейхстага Тео Нейбауэра. Того самого Тео Нейбауэра, который еще многие годы потом нелегально работал в Германии, а в 1944 г., будучи одним из руководителей антифашистского Сопротивления немецкого народа, был арестован и в 1945 г. казнен гитлеровцами.

Нейбауэра впервые допросили еще во время предварительного следствия. Он активно участвовал в проводившейся коммунистами Германии кампании в защиту арестованных болгар и по разоблачению провокации с поджогом рейхстага. Как опытный коммунист, он сразу же понял политическую линию защиты и наступления Димитрова. На суде он подтверждает, что Коммунистическая партия Германии не думала в феврале 1933 г. о вооруженном восстании, а направляла все свои усилия на борьбу за установление единого фронта рабочего класса. Опираясь на сформулированные Димитровым вопросы, Нейбауэр дает всестороннее и точное освещение событий, предшествовавших назначению Гитлера рейхсканцлером и последовавших вслед за тем. Выступление Нейбауэра не только значительно помогает Димитрову опровергнуть утверждения обвинения и его «специалистов», но и рассчитано на то, чтобы дать указания борющимся в подполье немецким коммунистам.

Такое же значение имели и показания редактора центрального органа КПГ — газеты «Роте фане»— Вернера Хирша. Блестящими и мужественными назвал Димитров показания коммунисток Реме — секретаря фракции КПГ в рейхстаге, и Дерзе — машинистки. Политически четкими, решительными и полностью отве-

чавшими политической линии Димитрова были показания коммунистических депутатов Каспара и Керфа. Тщетно пытался Гелер сбить Керфа с толку своими вопросами о некоторых прежних процессах в Дюссельдорфе, где работал Керф. Легко смогли опровергнуть утверждения доносчиков, а также басни полицейских «специалистов» выданный одним из доносчиков свидетель-коммунист Зингер, венгр по национальности, и Кемпнер, доставленные в суд из предварительного заключения.

Особенно сильное впечатление на иностранных корреспондентов произвело то, что часть свидетелей рабочих-коммунистов, невзирая на грозящую им лично опасность, взяла назад свои показания, данные на предварительном следствии, и заклеймила методы насилия, посредством которых они были добыты.

Димитров своими то осторожными, то прямыми вопросами помогал этим свидетелям найти нужный путь и подкреплял их в этом решении. В то же время своими вопросами ему удалось настолько загнать в угол ренегата Кальденбаха, на которого делал столь большую ставку д-р Вернер, что этому свидетелю обвинения волей-неволей пришлось дать ряд ответов, подтверждавших высказывания Димитрова.

Эти дни принесли Димитрову большое удовлетворение. Они не только показали ему, каких замечательных, стойких борцов воспитало германское коммунистическое движение, но и дали ему почувствовать, что его собственное поведение на процессе понято за стенами суда, во всей Германии и прежде всего — нелегально борющимися товарищами.

Все сообщения представителей иностранной прессы об этих днях процесса выдержаны в том тоне, который задала голландская газета «Де Маасбоде» 5 декабря: «Сегодня — 50-й день заседаний. Мы охотно были бы готовы забыть о заставляющих призадуматься фактах, чтобы тем самым уклониться от обязанности бросить ретроспективный взгляд, который мог бы доставить радость лишь международному большевизму».

После допроса последнего из этого ряда свидетелей — молочника Зегера из Нейенхагена — Димитров подводит итог их показаний. Он больше не придерживается формы вопросов, а говорит таким тоном и в такой манере, словно именно он и есть председатель суда:

— Как заявило обвинение, уже допрошены 37 свидетелей политической части процесса. Эти свидетели были вызваны дополнительно. Я констатирую, что вопреки Уголовно-процессуальному кодексу все эти свидетели допрошены без предварительного извещения нас, обвиняемых, относительно того, о чем они должны были допрашиваться.

Д-р Бюнгер велит Димитрову говорить спокойно. Д-р Вернер прерывает обвиняемого, но теперь уже не для того, чтобы, как раньше, протестовать, что Димитров произносит защитительную речь, а дабы сказать, что суду уже давно подан подробный документ об этих показаниях и он сам, верховный прокурор, 2 ноября упомянул о цели вызова указанных свидетелей.

— Но мы не были поставлены о том в известность! — продолжает Димитров.— Что же дал этот допрос? Сначала был допрошен ряд чиновников. Тут надо констатировать, что эти свидетели, будучи чиновниками, являются зависимыми. Они не могли здесь говорить свободно, а должны были выполнять свой долг чиновников. Что касается других свидетелей, то здесь прежде всего надо подумать об одном: тысячи и тысячи оппозиционных рабочих находятся в концентрационных лагерях и тюрьмах. Сотни осуждены на многие годы заключения в каторжных тюрьмах. Во многих случаях вынесены смертные приговоры. Кто знает это, тот знает и то, что эти рабочие не могли говорить свободно. Их заявления на прежних допросах и то, что они сказали здесь, нельзя назвать полноценными. И тем не менее эти свидетели высказали здесь такие вещи, которые говорят не в пользу обвинения, а против него. Коммунисты — не сектанты, не заговорщики. Они — мировая массовая партия, которая не скрывает своих целей. Для доказательства того, что показания членов Коммунистической партии, выступавших здесь, являются правильными, а также учитывая, что оба главных докладчика обвинения рассматривали решения XII пленума Коминтерна как основу для якобы намеченных КПГ планов переворота в феврале 1933 г., предлагаю допросить в качестве свидетелей: основного докладчика на XII пленуме ИККИ О. Куусинена (Финляндия, в настоящее время проживает в Москве), а также членов Президиума ИККИ Марселя Кашена (Франция, в настоящее время проживает в Париже) и Сен-Катаяма (Япония, в настоящее время проживает в Москве).

Затем Димитров называет пункты, по которым должны быть допрошены предлагаемые им свидетели: образование единого фронта трудящихся масс для защиты их жизненных интересов — как непосредственная задача КПГ в начале 1933 г. Отрицание террористических действий как препятствия для мобилизации масс и для массовой борьбы. Активное участие КПГ в выработке этих директив. Характер Коммунистического Интернационала как всемирной массовой партии, которая не скрывает своей политики.

— Что же касается верховного прокурора и тех, кто дал ему задание,— добавляет Димитров,— то с ними я еще поспорю потом.

Верховный прокурор взрывается от возмущения. Он вскакивает и кричит, что никто не давал ему никакого задания и что обвинение руководствуется только собственным убеждением и ничем иным. Никто ему уже не верит. Д-р Вернер не успокаивается и зачитывает ряд выдержек из речей, якобы произнесенных известными коммунистическими деятелями, а также из приговоров, вынесенных на процессах по обвинению коммунистов в государственной измене. При этом он углубляется в прошлое вплоть до 1921 г. и привлекает приговор по делу о попытке взорвать «Колонну победы» (Siegessäule) в Берлине, предпринятой вовсе не коммунистами, а так называемой Коммунистической рабочей партией, против которой они решительно боролись.

Димитров не дает д-ру Вернеру осуществить этот дешевый маневр:

— Если господин верховный прокурор возвращается к столь далеким политическим процессам, то я требую зачитать приговор, вынесенный Имперским судом в 1924 г. Гитлеру и другим национал-социалистам по делу о мюнхенской попытке путча!

Д-р Бюнгер уже настолько измотан, что больше даже и не протестует, а вялым голосом заявляет, что ходатайство сначала должно быть подано сенату.

Теперь верховный прокурор пытается предпринять отвлекающий маневр. Д-р Вернер спрашивает Димитрова, верно ли, что в свое время, в 1924 г., он получил выговор за то, что не соблюдал в точности указания Москвы. Но эта попытка дискредитации бьет мимо цели.

— То, что говорит верховный прокурор, совершенно верно,— быстро отвечает Димитров.— Моя позиция

в 1923 г. справедливо подверглась критике Коммунистическим Интернационалом. В руководстве Сентябрьским восстанием мы допустили ошибки, я уже сам сказал это здесь. Благодаря критике со стороны Интернационала мы извлекли урок из этих ошибок. Но именно потому, что мы извлекли уроки из наших тогдашних ошибок, особенно абсурдно предполагать, будто Коммунистический Интернационал дал мне задание в первые месяцы 1933 г. поднять восстание в Германии и с этой целью поджечь рейхстаг.

Своим выстрелом д-р Вернер поразил самого себя!

Тут д-р Бюнгер раздраженно заявляет: он не потерпит, чтобы здесь, перед Имперским судом, велась защита коммунизма.

— Я защищаю здесь не коммунизм,— возражает Димитров.— Он не нуждается в моей защите. Я политически защищаю себя как коммуниста.

Все эти инциденты показывают, в какой степени потерял суд руководство процессом и сколь отчаянно прибегал он ко всяким мерам пресечения, чтобы завуалировать полный крах этой последней и самой важной части обвинения. Но завуалировать его было уже невозможно. Основная, политическая цель обвинения достигнута не была. Защитник Димитров сделал свое дело!

В длинной веренице политических процессов, которые знает история, не найдется, пожалуй, ни одного другого, на котором бы качество выдвинутых обвинением свидетелей столь метко характеризовало сами политические условия в стране и на котором представители и закулисные круги обвинения были столь уничтожающе разоблачены, а посаженные на скамью подсудимых политические противники одержали столь явную победу!

Обладающая властью партия, выдающая себя за спасителя своего народа и всего мира от «коммунистической опасности» и восхваляющая свои принципы как высшее достижение человеческой культуры, начинает процесс против своих политических противников, которых она изображает выродками и отбросами человечества. Внимание всего человечества привлечено к этому процессу. В распоряжении его устроителей — весь государственный аппарат, который они используют со всеми его методами террора. Партия противников в Германии якобы «разгромлена», во всяком случае, она свирепейшим образом

подавлена. Ее сторонников преследуют и травят на пяти шестых земного шара.

И вот в доказательство своих обвинений и в подтверждение своих идей «сверхчеловеков» партия обвинителей не может найти ничего и никого, кроме банды заведомых сексуальных преступников, воров, взломщиков, продажных субъектов, шпиков, психопатов, ренегатов, отпетых лгунов, а также «достопочтенных мужей» и «христиан», которые лжесвидетельствуют, глазом не моргнув, явных глупцов — короче говоря, людей неполноценных, у которых на лице написаны не только клятвопреступление и ложь, но и трусость.

Представителей другой партии — партии обвиняемых — приводят на суд прямо из тюрем и концлагерей, прямо из рук пытающих их палачей, и они оказываются истинно достойными людьми, с незапятнанным прошлым, честными рабочими. Они выступают перед судом как мужественные приверженцы правды, как стойкие, верные своему мировоззрению борцы за свои идеалы, как герои, не страшащиеся никакой опасности.

Это было и осталось уничтожающим приговором не только полицейским и судебным органам нацистского государства, не нашедшим для такого исторического спора людей, которые хоть чуть более достойно представили бы их хваленый третий рейх, но и приговором всему этому режиму.

Теперь Димитров почувствовал наконец под ногами твердую политическую почву. Он делает решающий шаг дальше. Начав еще допросом прусского премьер-министра и министра внутренних дел Геринга, он идет теперь по следам, ведущим к настоящим сообщникам Ван дер Люббе, к настоящим поджигателям — национал-социалистам.

СЛЕДЫ НАСТОЯЩИХ ПРЕСТУПНИКОВ

Что произошло в ночь пожара?

Разгромом обвинения решена бóльшая часть задачи, которую поставил перед собой Димитров как защитник обвиняемых коммунистов и коммунизма. Создана основа для оправдания болгар и Торглера. Но, кроме того — каков бы ни был приговор,— всему миру доказано: выдвинутое против Коммунистической партии Германии и Коммунистического Интернационала гнусное обвинение в поджоге рейхстага совершенно беспочвенно. К концу рассмотрения судом доказательств ни один честно мыслящий человек уже больше не верит в это обвинение. Но, раз оно отпадает, в обвинительном акте зияет брешь. Если коммунисты не являются подстрекателями и сообщниками Ван дер Люббе, кто же тогда заставил голландца пойти на преступление, кто помог совершить его, зажечь этот гигантский пожар? Ведь все предварительное следствие, а также и процесс доказали: Ван дер Люббе действовал не один и не по собственной инициативе, у него действительно были сообщники! На этом же зиждился весь обвинительный акт!

При таких обстоятельствах руководителям процесса остался один выход: ограничиться утверждением о наличии у Ван дер Люббе соучастников и отказаться от какого-либо дальнейшего расследования, кто же они на самом деле.

Димитров знает, что национал-социалисты пошли на это поневоле. Ведь для него уже ясно, что именно среди них, среди нацистов, следует искать как зачинщиков поджога, так и прямых соучастников Ван дер Люббе. И именно потому он стремится отныне навязать суду необходимость дать ответ на вопрос: кто они, эти действительные зачинщики и соучастники, кто настоящие поджигатели?

Ни один коммунист, а тем более Димитров, не мог питать иллюзий, что удастся заставить фашистский суд ответить на этот вопрос. Но надо сделать все для того, чтобы на самом процессе, воспользовавшись открытыми заседаниями, показать общественности, в каком именно направлении следует искать настоящих поджигателей. Фашистское нападение будет отражено только в том случае, если это удастся.

Разрушение политической конструкции, положенной в основу обвинения, дало на вопрос об истинных сообщниках только негативный ответ: закулисными лицами и пособниками Ван дер Люббе никак не могли быть коммунисты. Индивидуальные террористические акты, покушения, поджоги в качестве сигналов к восстанию — все это не тактика коммунистов. Тактической целью Коммунистической партии Германии, в соответствии с директивами Коминтерна, в 1933 г. являлось не вооруженное восстание, а сплочение всех трудовых масс в пролетарский единый фронт. Коммунисты вообще не готовились к восстанию. Если же в низовых органах КПГ кое-где и появлялись путчистские тенденции, то ее руководство противодействовало таким тенденциям. Никто в КПГ не ждал никакого сигнала к восстанию, и никто из коммунистов не начал восстания после пожара рейхстага, весть о котором распространилась по стране с быстротой молнии. Никто из коммунистов не был ни малейшим образом заинтересован в поджоге рейхстага. Все это вполне ясно доказали допросы свидетелей.

Теперь возникал вопрос: а кто же, собственно, был заинтересован в этом абсурдном поступке?

Показав на предыдущем заседании свое намерение добиться расследования этого вопроса, Димитров во второй день рассмотрения так называемой политической части обвинения уже открыто настаивает на нем. 27 ноября он подает с этой целью письменное заявление о вызове свидетелей, а 28-го устно обосновывает его.

Итак, только что советник уголовной полиции Гелер поневоле признал, что не имеет никакого документа о мерах, предпринятых правительством для отражения якобы готовившегося коммунистического восстания. После краткого перерыва слово получает Димитров.

— Я еще раньше предлагал,— говорит он,— пригласить председателя Коммунистической партии Германии

Эрнста Тельмана. Я прошу теперь суд высказать свое мнение по этому вопросу. Так как докладчик заявил, что не может дать ответа на поставленный мною важный вопрос, я напоминаю суду о поданном мною вчера письменном заявлении.

Стоит привести здесь текст этого заявления, ибо оно в наиболее полной форме говорит о следующем: во-первых, с какой точностью нащупал Димитров самое слабое место обвинения; во-вторых, как сумел он сочетать свое собственное политическое оправдание с сокрушительным разоблачением террористических методов нацистского режима и, наконец, сколь великолепно владел он всем материалом, прибегая к своей исключительной памяти.

Заявление от 27 ноября 1933 г. гласит:

«Для выяснения *фактического* политического положения в Германии в начале 1933 г. и во время поджога рейхстага я предлагаю допросить в качестве свидетелей:

1. Бывшего рейхсканцлера, генерала в отставке, *Шлейхера* *.

2. Вице-канцлера *фон Папена* **.

3. Бывшего имперского министра д-ра *Гугенберга* ***.

4. Бывшего канцлера д-ра *Брюнинга* ****.

Эти господа должны быть прежде всего допрошены о следующем:

1. Верно ли, что в конце 1932 г. и в январе 1933 г. национал-социалистское руководство угрожало вооружен-

---

* *Шлейхер, Курт, фон* — генерал, представитель германских помещиков. 2 декабря 1932 г. был назначен Гинденбургом рейхсканцлером. После прихода Гитлера к власти примкнул к антигитлеровской группировке в нацистской партии и был убит 30 июня 1934 г.— *Прим. ред.*

** *Папен, Франц, фон* — германский реакционный политический деятель. Был рейхсканцлером с июня по ноябрь 1932 г. и способствовал установлению фашистской диктатуры в Германии. В годы фашистского господства был вице-канцлером в правительстве Гитлера и послом в Турции. После поражения Германии был приговорен к многолетнему тюремному заключению, однако в 1949 г. решением апелляционного суда Западной Германии был освобожден.— *Прим. ред.*

*** *Гугенберг, Адольф* — крупный представитель германского монополистического капитала, реакционный политический деятель. Активно способствовал приходу Гитлера к власти; один из руководителей военной промышленности Германии.— *Прим. ред.*

**** *Брюнинг, Генрих* — германский рейхсканцлер с марта 1930 по июнь 1932 г. Правительство Брюнинга было правительством подготовки фашистской диктатуры.— *Прим. ред.*

ным походом на Берлин, если президент фон Гинденбург не передаст власть Гитлеру?

2. Верно ли, что в связи с этим национал-социалистским руководством был предпринят ряд террористических акций *в целях оказать давление*?

3. Верно ли, что правительство Шлейхера прибегло к строгим мерам против национал-социалистских террористов вплоть до введения смертной казни?

4. Верно ли, что вождь национал-социалистов Гитлер в противоположность правительству Шлейхера открыто взял под защиту приговоренных к смерти национал-социалистских террористов?

5. Верно ли, что в январе 1933 г. и накануне образования так называемого национального правительства вследствие внутренних споров в «национальном лагере», вследствие расхождений и споров между национал-социалистским руководством и его ударными отрядами, с одной стороны, и сторонниками генерала Шлейхера, фон Папена, Гугенберга, с другой стороны, была опасность непосредственного вооруженного столкновения, и не являлась ли как раз эта опасность непосредственной причиной внезапной передачи Гитлеру поста рейхсканцлера и образования «национальной коалиции»?

6. Верно ли также, что и после 30 января эти расхождения и споры продолжали существовать и что отношения между национал-социалистскими боевыми отрядами, с одной стороны, и «Стальным шлемом» *, Союзом офицеров запаса и другими «отечественными» организациями и группами, с другой стороны, были очень напряженными и приводили к многочисленным столкновениям?

7. Верно ли, что некоторые организации «Стального шлема» в феврале установили связь с Союзом республиканского флага ** с целью совместного выступления против ожидавшегося «единовластия» национал-социалистов?

---

* «Стальной шлем»— немецкая полувоенная шовинистическая организация, основанная в ноябре 1918 г. офицером запаса фабрикантом Зельдте для борьбы с революционным движением в Германии. «Стальной шлем» субсидировался крупными промышленниками из немецкой национальной партии и в 1932 г. насчитывал 200 тысяч членов.— *Прим. ред.*

** Союз республиканского флага («Рейхсбаннер») — военизированная организация социал-демократической партии Германии.— *Прим. ред.*

8. Верно ли, что пожар в рейхстаге был всесторонне использован национал-социалистским руководством для преодоления возникших у него правительственных трудностей, для достижения «единовластия» и создания так называемого «тоталитарного государства» («Третья империя») путем насильственного роспуска всех партий, организаций, вспомогательных формирований, кроме национал-социалистских, путем «унификации» экономических, государственных, культурных, спортивных, военных, юношеских, церковных и других организаций и учреждений, печати, пропаганды и т. д.?

9. Верно ли, что в это время (в январе и феврале 1933 г.) не ожидалось всерьез никакого непосредственного вооруженного восстания по инициативе Коммунистической партии и что эту легенду начали распространять только после поджога рейхстага с тем, чтобы ею оправдать насильственные меры правительства и насильственные действия отрядов СА и СС?

10. Верно ли, что самоубийство председателя фракции партии германских националистов в рейхстаге *Оберфорена*, так же как и многие другие самоубийства и всякого рода «несчастные случаи», находятся в непосредственной связи с этим насильственным походом национал-социализма и с внутренней борьбой, раздорами, имеющими место в лагере так называемой „национальной революции“?» [1]

— Я задаю эти вопросы,— поясняет Димитров свое заявление,— в самой тесной связи с уголовным делом и выдвинутым обвинением, чтобы выяснить, кто был заинтересован в поджоге: коммунисты или, наоборот, другие круги. Я хотел бы быть понятым правильно! И надеюсь, что меня поняли правильно.

В дополнение Димитров требует также вызова начальника полиции западной части Германии, чтобы спросить его, имелся ли 25, 26, 27 февраля аутентичный приказ правительства о принятии мер против якобы непосредственно ожидавшегося восстания коммунистов.

— Я прошу вас,— обращается Димитров к председателю,— удовлетворить эти ходатайства, ибо это необходимо для внесения полной ясности, для правильного ответа на вопрос: кто это сделал?

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 98—99.

Уже явно измотанный ходом процесса, д-р Бюнгер даже не сразу замечает, куда целит Димитров. До него все еще не дошло, что обвиняемый теперь полностью принял на себя роль обвинителя и в лице «других кругов», заинтересованных в поджоге рейхстага, посадил на скамью подсудимых нацистскую партию! Иное дело верховный прокурор — он-то прекрасно все понял! И, разумеется, сразу же категорически и энергично возражает. Теперь включается и суд. Он прерывает заседание и откладывает свое решение на будущее. Д-р Бюнгер сознает, что сам такой вопрос решить не может.

Димитров не прекращает своих усилий. На другой же день, 29 ноября, он требует поставить аналогичные вопросы вызванным чиновникам уголовной полиции. Д-р Вернер опять возражает. Но Димитров уже стремится к новой цели. Чтобы выяснить в первую очередь политическую обстановку в феврале 1933 г., он предлагает вызвать бывшего второго председателя «Стального шлема» Дюстерберга. Димитров в письменном виде подает вопросы, на которые тот должен ответить.

«1. Верно ли, что в январе и феврале 1933 г. отношения между национал-социалистским руководством и «Стальным шлемом» были настолько напряженными, что существовала угроза вооруженного столкновения между ними?

2. Верно ли, что в феврале 1933 г., перед пожаром, имел место ряд столкновений между национал-социалистскими ударными отрядами и членами «Стального шлема»?

3. Верно ли, что ряд организаций «Стального шлема» установил связь с Союзом республиканского флага для совместных действий против нажима национал-социалистов и национал-социалистских устремлений к «единовластию»?

4. Возникали ли в связи с этим и какие именно разногласия в «Стальном шлеме»?

5. Верно ли, что пожар рейхстага был использован как маневр в целях отвлечения внимания от внутренней борьбы в так называемом „национальном лагере“?" [1]

Этими заявлениями Димитров преследует ряд целей. По форме они предназначены расширить программу расследования, начавшегося теперь в связи с так называемой политической частью процесса. По существу же все рас-

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 100.

следование ориентировано на выяснение старого основного юридического вопроса: qui bono? (кому на пользу?) — и направлено против национал-социалистов. Ведь поджог рейхстага мог быть на пользу только им одним, а следовательно, именно они и были заинтересованы в его организации и осуществлении. Политически же Димитров преследовал цель познакомить широкую общественность (до которой его слова могли дойти только благодаря присутствию на процессе многочисленных представителей иностранной печати) с марксистским анализом и объяснением обстоятельств, приведших Гитлера к власти. Этой цели служило облеченное в форму вопросов изложение фактов, которое в свою очередь должно было дать ценную аргументацию для немецкой подпольной коммунистической печати.

После трехдневного совещания (которое наверняка происходило не в совещательной комнате суда) д-р Бюнгер сообщает, что сенат отклонил все заявления Димитрова, так как они «не относятся к делу».

Мировая пресса сразу же заметила, что это заявление суда противоречит обвинительному акту. Ведь в нем на странице 200 ясно написано: «Также все сильнее и напряженнее становились и противоречия между отдельными слоями населения. Различные политические партии резко противостояли друг другу своими различно сформулированными целями, своими отличающимися взглядами на возможность улучшения существующих условий. Поэтому ни в Германской республике в целом, ни в отдельных входящих в ее состав государствах в последний период перед пожаром рейхстага уже не могло возникнуть правительств, способных действовать на парламентской основе».

В общем и целом это в точности соответствовало тому, что в конкретной форме говорилось в заявлениях Димитрова. Задачей суда должна была бы явиться конкретизация данной общей характеристики положения путем расследования действительно имевших место политических событий. Заявления Димитрова давали для этого возможность. Однако они были отклонены — разумеется, не потому, что «не относились к делу», а потому, что слишком уж относились к нему.

Еще за несколько недель непосредственно перед пожаром рейхстага политические деятели, поименованные Димитровым в качестве свидетелей, выражали (причем

частично даже открыто) свое отрицательное отношение к «единовластию» национал-социалистов. Потом они молча подчинились, но национал-социалистское правительство еще не держало их в своих руках так же крепко, как Геринга, Геббельса, Карване, Кройера, Фрея и Фогта. Вынужденные дать под присягой показания перед Имперским судом, указанные Димитровым политические деятели не смогли бы утаить правду. Вот почему руководители процесса не могли допустить их выступления.

Но тем самым Димитров все же частично достиг того, к чему стремился: недопущение на суд наиболее компетентных свидетелей по пункту, сформулированному самим обвинительным актом, подтверждало ту характеристику политического положения в Германии, которая содержалась в заявлениях Димитрова.

Геринг, по его собственным показаниям на процессе, еще 30 января получил от Гитлера задание уничтожить коммунистическое движение в Германии. Он (опять же по собственным показаниям) разработал с этой целью грандиозный план, бросив на его осуществление полицейские части и отряды эсэсовцев и штурмовиков. Подготовившись таким образом, он будто бы ждал удара коммунистов.

Но коммунисты не ударили. Они — как уже показало предъявление доказательств политической части — не готовились к вооруженному выступлению.

Внутри «национального фронта» существовали сильнейшие противоречия, доходившие вплоть до открытых столкновений. Это подтверждается и национал-социалистской прессой того времени. Отдельные политические партии, частично принимавшие участие в «национальной коалиции», а частично отказывавшие ей в своей поддержке, еще резче противостояли друг другу в вопросе правительственной политики.

Вскоре предстояли выборы в рейхстаг. Если не произойдет ничего нового, национал-социалистам не получить 51 процента голосов и не приобрести тем самым парламентской основы для своего единовластия. Коалиционное же правительство на парламентской основе было неприемлемо — так в обвинительном акте и говорилось.

Из всего этого вытекало, что в конце февраля 1933 г. национал-социалисты находились в трудном положении, вывести из которого их мог только акт насилия. И исторически верные, констатированные даже обвинительным

актом факты в ходе процесса стали еще более явными, будучи косвенно подтверждены необоснованным отказом суда удовлетворить ходатайство Димитрова. Эти факты допускали лишь один вывод: в конце февраля 1933 г. только *одна* партия была заинтересована в поджоге рейхстага как сигнале к политическим действиям, а также в осуществлении своей политической цели — установления собственного единовластия средствами террора. И партией этой была партия Гитлера!

Так мировое общественное мнение в результате политической части процесса, в ходе которой Димитров навязал суду расследование политических закулисных причин пожара, окончательно поняло, что инициаторами поджога рейхстага были национал-социалистские круги.

Оставалось только установить, что эти политические инициаторы пожара были также подстрекателями и пособниками Ван дер Люббе. Дабы констатировать это, так называемое «собственно расследование» должно было исходить из центрального конкретного факта — поджога рейхстага.

Особенно бросалась в глаза одна особенность пожара (Димитров заметил ее еще при чтении обвинительного акта, а потом единодушно подтвердили все свидетели) — невероятно быстрое распространение огня. Максимум за 25 минут в здании, отличавшемся массивной каменной кладкой и отсутствием легковоспламеняющихся предметов, пожар принял такие масштабы, что даже обрушился возвышавшийся на 25 метров над залом пленарных заседаний стеклянный купол и пламя вырвалось из него.

Как же все-таки возник пожар?

Все расследование велось так, чтобы не дать на этот вопрос никакого определенного ответа. Показания свидетелей и экспертов были явно продиктованы. Нацистские свидетели, несомненно, получили первоначально указание говорить, что поджог совершен при помощи бензина или бензола. Димитров еще 30 октября, в связи с допросом чиновника уголовной полиции Бунге, отметил, что первые показания о запахе бензина, якобы замеченном во второй половине дня поджога, о следах бензина и т. п. были даны не служащими полиции, а национал-социалистскими функционерами. О бензине на первом допросе «по существу дела» говорили также лейтенант полиции Латейт, обербранддиректор Гемп и эксперт профессор Иоссе.

Их показаниям противоречили показания директора здания рейхстага Скраповица (от 13 октября) о том, что в левой боковой галерее зала пленарных заседаний на горящем кресле был найден пылающий факел, который он немедленно погасил.

Долгое время руководство процессом не осознавало, что, стремясь доказать наличие у Ван дер Люббе сообщников, оно вступает на опасную для национал-социалистов почву. Разумеется, в лице этих соучастников оно рассчитывало изобразить трех обвиняемых коммунистов. Поэтому еще в середине процесса его руководители выпустили на сцену трех экспертов, заключения которых имели целью нарисовать такую технику поджога, чтобы оказалось невозможным считать Ван дер Люббе единственным поджигателем. Из их заключений следовало, что зал пленарных заседаний рейхстага был подожжен несколькими лицами, причем с огромнейшим знанием дела и при помощи самых утонченных технических методов и средств.

Массивная дубовая меблировка и обшивка стен зала заседаний могли быть подожжены только с применением химических препаратов, с использованием легковоспламеняющегося жидкого горючего, которым, однако, не являлся ни бензин, ни бензол.

В обвинительном акте подробно описывались путь, который при поджоге проделал в здании Ван дер Люббе, а также его действия. Еще во время процесса в брошюре «Обвинение против обвинителей», а также в «Таймс» корреспондентом Ридом было доказано, что это описание никак не может соответствовать истине. Данное в обвинительном акте описание обстоятельств распространения пожара было заимствовано из ложных протоколов допроса, который якобы снял с Ван дер Люббе полицейский комиссар Гейзиг, разоблаченный Димитровым как фальсификатор. На суде Гейзиг показал, будто во время обхода рейхстага Ван дер Люббе чуть ли не с восторгом рассказывал ему обо всех подробностях поджога. Такое описание возникновения пожара Гейзиг (совершенно явно по указанию свыше) составил еще на ранней стадии предварительного следствия. Оно преследовало цель привести в соответствие с наблюдениями и моментом выстрела вахмистра Буверта действия «соучастника» Попова и его исчезновение через подъезд № 2. Но в своем стремлении доказать, что Ван дер Люббе выпустил Попова через подъезд № 2,

судебный следователь Фогт вступил в противоречие с Гейзигом. Фогт утверждал, что Ван дер Люббе никогда не давал верного описания обстоятельств поджога. Помощник уголовного комиссара Рабен, который после Гейзига еще раз проделал весь путь поджигателя, тоже подтвердил 20 октября, что данное в обвинительном заключении описание обстоятельств поджога никак не может соответствовать действительности. Более того, при осмотре места преступления, проведенном в рейхстаге вместе с Ван дер Люббе, голландец, якобы столь словоохотливый при обходе здания с Гейзигом, не проронил ни слова.

В результате стало ясно столь многое, что даже та незначительная часть фактов, которая после допроса свидетелей еще осталась от обвинительного акта, вела теперь следствие в направлении, весьма неприятном для национал-социалистов. Поэтому д-р Бюнгер категорически отклонял неоднократные предложения Димитрова прямо на месте преступления допросить Ван дер Люббе о его действиях. Председатель суда даже не разрешил зачитать на заседании предыдущие протоколы Гейзига и дать подробное освещение результатов выезда суда в рейхстаг, а в обоих случаях ограничился коротким устным сообщением.

Но что именно делал Ван дер Люббе в здании рейхстага (за исключением нескольких частных действий), на заседаниях суда так выяснено и не было.

Зато Димитрову теперь было совершенно ясно следующее. В действительности в рейхстаге имели место два пожара: один — маленький, детский пожарик, произведенный Ван дер Люббе при помощи угольных разжигалок, занавесей, салфеток и, возможно, предметов одежды. и другой — настоящий, огромный пожар, осуществленный при помощи технически совершенных средств. Первый пожар, примерно соответствовавший той технике поджога, которой Ван дер Люббе пользовался во время приписывавшихся ему попыток поджога нейкельнского благотворительного учреждения, ратуши и Дворца, ограничивался лишь несколькими помещениями в ресторане рейхстага. А другой пожар охватил главным образом зал пленарных заседаний. Это и есть главный пожар, а его поджигатели — главные преступники!

К такому же выводу пришли и буржуазные наблюдатели на процессе. Так, корреспондент венгерской газеты

«Пештер ллойд» в своем отчете о заседании 23 октября писал: «Все три эксперта проводят принципиальное различие между эффективным очагом пожара в зале пленарных заседаний и прочими поджогами в остальных частях здания. Они говорят о необыкновенном поджоге и о других, обыкновенных действиях с целью вызвать пожар. Эти многочисленные обычные очаги пожара свидетельствуют, по мнению экспертов, о том, что главный обвиняемый действовал до смешного примитивными средствами, без всяких видов на успех. Если бы Ван дер Люббе действовал в зале пленарных заседаний именно так, как он утверждает, то и здесь можно было бы обнаружить лишь такие же незначительные следы попытки поджога. Тогда и драма, происшедшая 27 февраля, предстала бы для Германии и всего мира комедией... Явное возбуждение прошло по залу, когда один из экспертов заявил, что, по его мнению, Ван дер Люббе предпринял лишь незначительные попытки поджога, но не имел никакого отношения к главному поджогу в зале пленарных заседаний».

Эксперт д-р Шатц 31 октября, как свидетельствует протокол, еще раз категорически заявил:

— Из всего этого я заключаю, что поджог в зале ресторана был совсем иным, нежели в зале пленарных заседаний.

Димитров — разумеется, не случайно! — во время самых важных допросов был удален с заседаний и, таким образом, не мог непосредственно вмешаться в них. Но из затребованных им протоколов он знал о выявившихся противоречиях и о трюках, предпринимавшихся судом для их сглаживания. Этим материалом он воспользовался для своего вывода о «неизвестных лицах», которые и были настоящими поджигателями.

Выслушав заключение эксперта Иоссе, Димитров подводит итог расследования:

— Во всех тех местах, где Ван дер Люббе поджигал своими угольными разжигалками, своей рубашкой и т. п., настоящего пожара отнюдь не возникло. Ван дер Люббе не сумел зажечь настоящий пожар в рейхстаге так же, как в благотворительном учреждении и во дворце. Те же, кто устроил главный пожар и совершил поджог зала пленарных заседаний, были куда более умелыми.

А затем, давая новый толчок следствию, добавляет:

«Я рад тому, что и эксперты не верят, будто Ван дер Люббе поджигал один. Это единственный пункт обвинительного акта, с которым я всецело согласен. Но я пойду еще дальше. На мой взгляд, Ван дер Люббе в этом процессе является, так сказать, Фаустом в деле о поджоге рейхстага. Этот жалкий Фауст предстал перед судом, но Мефистофеля поджога здесь нет...» [1]

Кто же Мефистофель?

Таков коренной вопрос всего процесса. И Димитров, поставивший его, как в самом начале, так и теперь полон решимости, даже если у суда и не вырвать ответ, сделать все, для того чтобы ответ этот стал ясен мировой общественности.

«Фауст» и «Мефистофель»

Только в одном Димитров, столь реалистически подходивший ко всему делу о поджоге рейхстага и при всей своей темпераментности действовавший столь спокойно и обдуманно, долгое время питал на процессе иллюзию. Этой иллюзией оказалась возможность заставить говорить Ван дер Люббе и, взывая к его пролетарскому прошлому, сделать его союзником в борьбе за разоблачение преступления нацистов.

Целыми неделями старался Димитров выяснить, был ли голландец слепым орудием национал-социалистов и в какой именно мере и в каком качестве знает он своих соучастников, в существовании которых Димитров никогда не сомневался. Но в течение всех первых восьми недель процесса Ван дер Люббе пребывал в состоянии уже описанной апатии, а его ответы «да» или «нет» говорили о том, что он вообще не в состоянии следить за слушанием дела. Поэтому Димитрову прежде всего пришлось с помощью свидетелей выяснять, каким образом Ван дер Люббе вообще оказался связан с поджогом рейхстага.

Еще при первом чтении обвинительного акта Димитров отмечает, как особенно важный, факт, освещенный на основе конфиденциальных полицейских донесений, что «нити дела Ван дер Люббе вели в Шпандау».

На процессе, когда Димитров начинает добиваться, чтобы эта весьма общая констатация была подтверждена

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 120—121.

показаниями свидетелей и, если необходимо, уточнена новыми полицейскими расследованиями, происходит ряд неожиданностей. Прежде всего выясняется, что по этому явно столь важному утверждению обвинительного акта проведено лишь весьма поверхностное дознание. Затем оказывается, что обвинение, несомненно по указанию свыше, предприняло все возможное, дабы помешать дополнительному расследованию данного комплекса, имеющего непосредственное отношение к делу.

Все это заставляет Димитрова насторожиться, и он со своей стороны начинает пробивать брешь в этом направлении.

В Шпандау, говорится в обвинительном акте, Ван дер Люббе 26 февраля в два часа дня был замечен на Фридрихштрассе пекарем Форратом. Это полученное на предварительном следствии показание на суде проверено не было, Форрата в качестве свидетеля не вызвали. По собственным же показаниям Ван дер Люббе на заседании 13 ноября, он был в Шпандау «вместе с наци», причем с каким-то молодым человеком, который, однако, не разыскивался и не найден. Итак, именно в том месте, куда, по утверждению обвинительного акта, ведут следы Ван дер Люббе, никакого полицейского или судебного расследования не произведено.

Из Шпандау, как явствует из обвинительного акта, Ван дер Люббе отправился в Геннингсдорф. В момент своего просветления Ван дер Люббе объясняет это тем, что там он мог хорошо выспаться!

Впервые речь о пребывании Ван дер Люббе в Геннингсдорфе заходит на суде 29 сентября. Но лишь 21 октября Димитров получает возможность вмешаться в рассмотрение этого вопроса. Насчет своего пребывания в Геннингсдорфе голландец допрашивался полицейским комиссаром Цирпинсом. Тот, выступая на суде в качестве свидетеля, на вопрос Димитрова показывает: он лишь по телефону запросил полицейский ночлежный дом Геннингсдорфа и удовлетворился ответом, что Ван дер Люббе действительно переночевал в нем.

Тогда Димитров задает вопрос:

— Разве не странно, что в Геннингсдорфе не произведено никакого расследования на предмет выяснения того, с кем находился там Ван дер Люббе и почему вообще он там оказался?

— Какую цель вы преследуете этим вопросом? — перебивает д-р Бюнгер.

— В Геннингсдорфе,— продолжает Димитров,— не произвели расследований, зато их предприняли в Нейкельне, потому что этот район известен как коммунистический! Это характерно для стратегии и тактики предварительного следствия.

Только 30 октября Димитров получает возможность подать официальное ходатайство по данному вопросу и потребовать вызова в суд служащих полицейского участка и полицейской ночлежки Геннингсдорфа, где Ван дер Люббе провел ночь с 26 на 27 февраля. Верховный прокурор весьма нервозно требует отклонить это ходатайство под тем предлогом, что провести теперь такое расследование очень трудно.

— Да, теперь, спустя восемь месяцев, это, конечно, очень трудно. Но тем не менее необходимо,— парирует Димитров.

Здесь на помощь своему клиенту приходит д-р Тейхерт, который указывает, что он, Димитров, всегда считал, что мостом к закулисным организаторам поджога служил не Нейкельн, а Геннингсдорф.

— Да, таково мое убеждение,— подтверждает Димитров.

После непродолжительного совещания сенат решает удовлетворить его ходатайство.

Тем временем за кулисами процесса договорились об одном маневре. Обвинение прибегло к своему старому излюбленному трюку и принялось фабриковать лжесвидетелей, которые должны доказать связи Ван дер Люббе с коммунистами в Геннингсдорфе. Но именно это было весьма подозрительно и говорило против самой полиции. Ведь если бы Ван дер Люббе действительно встречался там с коммунистами, полиция давно перевернула бы вверх дном весь Геннингсдорф, а уж нашла бы там свидетелей, которые подтвердили бы это!

11 ноября выступает первый из вызванных свидетелей. Но это вовсе не служащий геннингсдорфской полиции, а берлинский уголовный комиссар по фамилии Гаст. 31 октября, то есть спустя восемь месяцев после событий, он по заданию верховного прокурора начал расследование в Геннингсдорфе. Теперь Гаст обстоятельно рассказывает, что Ван дер Люббе действительно ночевал в поли-

цейской ночлежке Геннингсдорфа и был отпущен из нее в 7 часов 45 минут утра 27 февраля, а затем отправился в Берлин. Гаст добавляет, что Ван дер Люббе имел в Геннингсдорфе знакомых среди коммунистов, и называет некоего Шмидта и его сестру Крапф.

Димитров выражает свое сожаление по поводу запоздалого начала дознания, на что д-р Вернер заявляет, что дознание уже закончено.

— Да, но оно не дало никаких более подробных данных,— замечает Димитров.— Я твердо констатирую это. Пусть об этом знает весь мир.

Председатель, сразу же вмешавшись, запрещает Димитрову подобные выражения. Димитров спрашивает далее, найден ли человек, вместе с которым Ван дер Люббе был в ночлежке, и к какой партии тот принадлежит. Уголовный комиссар Гаст отвечает, что компетентным органам об этом ничего не известно.

13 ноября вводят второго свидетеля — на сей раз уже из Геннингсдорфа. Но это вовсе не один из геннингсдорфских полицейских или названных Гастом коммунистов, а член нацистской партии парикмахер Граве.

Граве рассказывает, что видел Ван дер Люббе вместе со Шмидтом и Крапф, которые жили в его доме, а о том, что голландец побывал в Геннингсдорфе, после пожара говорили все жители городка.

Димитров ухватился за эти слова. Вопросами, направленными прямо в цель, он добивается, что суд, несмотря на все свое сопротивление, вынужден признать весьма досадные, более того — опасные для обвинения факты: в феврале 1933 г. Геннингсдорф являлся оплотом национал-социалистов, а сам Граве был эсэсовцем! О своих мнимых наблюдениях относительно общения Ван дер Люббе с коммунистами он полиции не заявил, а заговорил о них только много времени спустя, когда он, по его словам, причесывал супругу полицейского вахмистра, с которой и разговорился о Ван дер Люббе. Итак, целых восемь месяцев в Геннингсдорфе не производилось никакого расследования по данному вопросу, ни одного допроса, ни одного обыска! И все это — несмотря на то, что именно в Геннингсдорфе Ван дер Люббе якобы общался с коммунистами!

Димитров видит здесь подтверждение своего давнего предположения: все эти россказни о связях Ван дер Люббе

с коммунистами — чистейшая выдумка! Это еще раз убедительно подтверждается в последний день предъявления доказательств, так сказать, «перед закрытием ворот». Дознание вновь показало, что суд не желает расследовать геннингсдорфский эпизод. Димитрову ясно, что есть только одна возможность сломить сопротивление суда: заставить заговорить самого Ван дер Люббе!

Ведь Ван дер Люббе и в Шпандау, и в Геннингсдорфе общался с людьми, которых суд якобы не нашел, а следовательно — с национал-социалистами. Он может сказать, что значат в действительности слова обвинительного заключения о том, что нити дела Ван дер Люббе ведут в Шпандау и расположенный по соседству Геннингсдорф!

Уже при чтении обвинительного акта Димитров задал себе вопрос: каким образом национал-социалистские круги привлекли Ван дер Люббе к участию в поджоге рейхстага?

Уже в начале слушания дела Димитров с огорчением констатировал, что главный обвиняемый, так сказать, самоустранился. Почти все время сидит он в полубессознательном состоянии, с поникшей головой, уставившись взглядом в пол. На большинство вопросов отвечает только «да», «нет», «возможно», «не могу сказать». Он даже не понимает вопросов, как и вообще не понимает все происходящее на суде. Не знает он и того, что, собственно, написано в обвинительном акте. Лишь дважды — 13 и 23 ноября — Ван дер Люббе ненадолго пробуждается из своего апатического состояния и начинает говорить связно.

Оба раза Димитров вопросами, обращенными к Ван дер Люббе, пытается получить от него возможно больше сведений. Поведение и ответы главного обвиняемого во время этих допросов, особенно 23 ноября, производят впечатление угнетающее, почти трагическое. Но все это чрезвычайно важно для дела.

Пусть некоторые выдержки из протоколов покажут, какие усилия прилагал Димитров, чтобы пробудить у Ван дер Люббе интерес к делу и заставить голландца говорить в его же собственных интересах.

В начале заседания 13 ноября первым допрашивается бродяга Мюллер — о его якобы имевших место в октябре 1932 г. встречах с Ван дер Люббе и бродягой по кличке Органистка. На этом этапе слушания дела Ван дер Люббе,

как обычно, замкнут и на все задаваемые ему вопросы дает лаконичные или ничего не говорящие ответы.

Но вдруг во время допроса геннингсдорфского парикмахера Граве поведение его меняется. После очной ставки Граве с главным обвиняемым, при которой парикмахер сразу же «узнает» голландца, а тот его — нет, начинается допрос Ван дер Люббе, в ходе которого он все больше и больше «просыпается».

«Председатель: Ван дер Люббе, были ли вы в первой половине воскресенья или понедельника — да, день поджога понедельник! — в подъезде дома только что допрошенного Граве?

Ван дер Люббе: Нет.

Председатель: А где же вы были тогда в воскресенье?

Ван дер Люббе: У наци.

Граве: Ну да, он был у меня. Я ведь тоже один из них.

Переводчик: Сначала он сказал «у наци», а только что сказал еще: в Шпандау.

Председатель: Так что же он сказал раньше?

Переводчик: У наци.

Председатель: В Геннингсдорфе?

Ван дер Люббе: Нет.

Председатель: А где?

Ван дер Люббе: До Геннингсдорфа.

Председатель: Как называется населенный пункт?

Ван дер Люббе: Шпандау.

Председатель: Разве не верно, что вы были у свидетеля Граве?

Ван дер Люббе: Я думаю, нет.

Председатель: Так, ну а что же тогда верно, Ван дер Люббе? Сначала вы сказали, что были в доме свидетеля Граве и встретились там с группой людей. Это верно?

Ван дер Люббе: Да.

Председатель: А как это произошло, что вы заговорили с этими людьми?

Ван дер Люббе: Дело в том, что я попросил чего-нибудь поесть.

Председатель: Знали вы кого-нибудь в Геннингсдорфе? Были у вас там знакомые?

Ван дер Люббе: Нет.

Д-р Вернер (председателю): Говорил ли он с кем-нибудь во время демонстрации в Шпандау?

Ван дер Люббе: Да.

Д-р Вернер: С кем?

Ван дер Люббе: С одним молодым человеком.

Д-р Вернер: О чем вы с ним говорили? Был он тоже национал-социалистом?

Ван дер Люббе: Этого я не могу сказать.

Д-р Вернер: О чем вы с ним говорили?

Ван дер Люббе: О собрании...

Д-р Вернер: Ну, и дальше?

Ван дер Люббе: ...которое там состоялось».

Здесь впервые в допрос Ван дер Люббе вступает Димитров.

— Господин председатель! Ван дер Люббе поехал из Берлина в Шпандау один или еще с кем-нибудь?

Председатель задает вопрос Ван дер Люббе.

Ван дер Люббе: Один.

Димитров: С этого нацистского собрания или с нацистской демонстрации он пришел или приехал в Геннингсдорф один или с кем-нибудь?

Председатель: Вы пришли в Геннингсдорф еще с кем-нибудь?

Ван дер Люббе: Нет.

Димитров: На прошлых допросах, насколько я помню, Ван дер Люббе говорил на свой манер только «да» и «нет», а сейчас он показал, что в Геннингсдорфе или в геннингсдорфской ночлежке познакомился с двумя другими людьми.

Председатель: Это установлено. Сколько человек находилось, кроме вас, в ночлежном доме или кто, кроме вас, был там?

Ван дер Люббе: Разные.

Председатель: В книге записан только один, кто еще был там?

Ван дер Люббе: Еще один.

Председатель: Кто он такой? Тоже бродяга?

Ван дер Люббе (после молчания): Тоже бродяга.

Димитров (обращаясь к председателю): Он (Ван дер Люббе.— *А. К.*) с ним говорил?

Ван дер Люббе: Нет.

Димитров: Говорил ли он со служащими ночлежного дома?

Ван дер Люббе: Да.

Димитров: Говорил ли он еще с кем-нибудь, кроме служащих ночлежки?

Ван дер Люббе: Нет.

Димитров: Ездил ли Ван дер Люббе в Берлин один или еще с кем-нибудь?

Ван дер Люббе: Один!

Димитров: Слава богу, теперь он говорит немного вразумительней. Может быть, удастся задать ему и другие вопросы?

Д-ру Бюнгеру становится не по себе. Он предпочитает допрашивать нациста Граве. После нескольких вопросов председателя и ответов Граве Димитров вступает вновь. Он говорит д-ру Бюнгеру:

— Свидетель на ваш вопрос ответил, что Генингсдорф тогда был оплотом коммунистов. Так я понял. В связи с этим я спрашиваю, далее, не проживало ли тогда, в феврале 1933 г., в Геннингсдорфе также и много национал-социалистов, штурмовиков и других лиц, принадлежащих к НСДАП?

Председатель: Много — понятие относительное. (К Граве.)

— Тогда в Геннингсдорфе было много национал-социалистов?

Ван дер Люббе (по ошибке отвечая на вопрос, заданный свидетелю): Нет.

Председатель: Я не расслышал. Что вы сказали?

Ван дер Люббе: Там уже были национал-социалисты.

Председатель: Это ясно. Какие?

Димитров: Он знает, о чем идет речь!

Председатель: Оставьте свои реплики! (К Ван дер Люббе.) Было тогда в Геннингсдорфе много коммунистов?

Ван дер Люббе: Нет, я их не видел.

Председатель: Вы только что сказали, что национал-социалисты там были. Откуда же вы это знаете?

Ван дер Люббе: Потому что я их видел там.

Председатель: В форме, вероятно?

Ван дер Люббе: Да.

Дальше Димитров говорит:

«Я задам вопрос Ван дер Люббе и прошу вас, г-н председатель, распорядиться о переводе этого вопроса на голландский язык. По моему убеждению, мост между Ван дер Люббе и поджогом пленарного зала рейхстага...

Председатель: Этого вам не следовало говорить, ибо так вы могли бы повлиять на показание, объективное показание обвиняемого. Ставьте сразу вопрос, который вы хотите задать!

Димитров: Мост был через Геннингсдорф...

Председатель: Задавайте вопрос!

Димитров: Я спрашиваю Ван дер Люббе, верно ли, что он не случайно ночевал 26 февраля в Геннингсдорфе?

Председатель: Не задавайте наводящих вопросов. Это наводящий вопрос. Обвиняемый Ван дер Люббе, почему вы ночевали в Геннингсдорфе? Почему вы поехали туда и ночевали там?

Ван дер Люббе: Потому что там я мог хорошо выспаться. (Смех.)

Димитров: Он был там, потому что там можно было хорошо выспаться — так он ответил. Но верно ли, что оттуда он поехал в Берлин и вечером 27 февраля присутствовал при пожаре в рейхстаге и что он сам лично участвовал в этом поджоге?

Председатель: Да ведь поджог-то он сам совершил.

Димитров: Он участвовал! Я спрашиваю, верно ли, что он поехал из Геннингсдорфа в Берлин, пробыл весь день в Берлине, вечером 27 февраля был в рейхстаге и участвовал в поджоге рейхстага? Верно это или нет?

Председатель: Я спрошу еще раз. Вы совершили поджог?

Ван дер Люббе: Да»[1].

Председатель (переспрашивает): Один?

Ван дер Люббе: Да.

Председатель: Вас никто к этому не побуждал?

Ван дер Люббе: Нет.

Димитров: Это неверно, что при таком поведении Ван дер Люббе в течение всего допроса, при рассмотрении дела, когда он не говорил ясно и отчетливо...

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 138.

Председатель: Тихо! Вам не следует все время так кипятиться. Если вы вообще желаете что-нибудь сказать, то говорите спокойно. Это — оказание влияния на того, кто хочет здесь что-то сказать. Вероятно, это вы и намеревались сделать.

Димитров: Я протестую...

Председатель: Во всяком случае, это действует, как наводящие вопросы.

Димитров: Если на таком процессе —«по делу Ван дер Люббе и сообщников»— я предстаю в качестве сообщника, то действительно теряю спокойствие.

В ответ на вопрос Димитрова, действительно ли он совершил поджог не один, Ван дер Люббе молчит.

«Димитров: Верно ли, г-н председатель, что из-за поведения Ван дер Люббе на суде, а именно из-за его молчания, его невнятных ответов, его нежелания обрисовать истинное положение,— верно ли, что из-за такого поведения Ван дер Люббе создалась возможность обвинить ни в чем не повинных людей, которые сидят здесь в качестве *мнимых* поджигателей рейхстага, и из-за этого поведения не облегчилась ли или не усилилась ли возможность развернуть колоссальную травлю коммунистов...

Председатель: Замолчите!» [1]

Второе «пробуждение» Ван дер Люббе происходит 23 ноября. Во время допроса свидетеля он вдруг поднимается и с жаром начинает быстро говорить по-голландски:

— Один раз — в Лейпциге, второй раз — в Берлине, а теперь третий раз опять в Лейпциге [2]. Я хочу знать, когда будет вынесен и приведен в исполнение приговор. Я поджег рейхстаг, а вот остальное — это уже что-то другое. Вот я и хочу спросить, когда будет приговор.

Председатель (к Ван дер Люббе): Это зависит от вас самого — ускорить процесс, если скажете наконец, кто ваши сообщники.

Ван дер Люббе: Ведь здесь и другие обвиняемые есть. Они сами говорят, что не имеют ничего общего с поджогом. За восемь месяцев, что я был в тюрьме, уже выяснено, где я находился, как я это сделал.

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 138, 139.

[2] Имеются в виду переносы заседаний в связи с выездом суда в Берлин для осмотра рейхстага.— *Прим. ред.*

Д-р Вернер: Я прошу совершенно четко спросить его, имел ли он каких-нибудь помощников или совершил преступление один?

Председатель: Ван дер Люббе, суд не может поверить вашим показаниям, что вы совершили это один, к тому же против этого говорят и заявления экспертов. Так скажите же нам, с кем вместе вы это сделали, кто при этом помогал вам?

Ван дер Люббе: Я один. Другие, Димитров и Попов, этого не делали.

Д-р Зейферт: А Торглер?

Ван дер Люббе: И Торглер тоже нет. Они же все сами сказали — что не имели с этим ничего общего. Ведь это уже известно. Процесс идет неправильно. Я обвиняемый, и я хочу получить свой приговор. Хочу сейчас 20 лет тюрьмы или смерть... Я восемь месяцев в заключении, такая еда и одежда мне не нравятся. Хочу обычную одежду и тюрьму.

В том же духе продолжается и дальше. Ван дер Люббе настаивает на том, что он действовал один, и требует себе приговора.

Наконец снова вступает Димитров:

— Люббе сотню раз говорил перед судом, что совершил преступление один, без сообщников. Только что он повторил это!

Ван дер Люббе (перебивая): Сотню раз? Я делаю это сейчас первый раз.

Димитров: Господин председатель справедливо подчеркивал, что этот сложный поджог он совершил не один.

Ван дер Люббе (перебивая): Он вовсе не сложный, пожар, а совсем простой. Вот то, что вокруг произошло,— это сложно. А не сам пожар.

Председатель: Что он подразумевает под «вокруг»?

Ван дер Люббе: Преступлением как таковое я называю поджог. А «вокруг»— это вопрос о вине. Надо все восстановить, как есть, а меня приговорить к тюрьме.

Председатель: Почему вы подожгли рейхстаг?

Ван дер Люббе: За несколько минут я это объяснить не могу. Я сделал это просто по личным причинам.

Димитров: По моему мнению, Ван дер Люббе сознательно или бессознательно пошел вместе с врагами

германского рабочего класса и коммунизма, и с его помощью они осуществили поджог рейхстага. Возможно, он и не знает лично тех, кто подготовлял пожар...

Верховный прокурор необычайно резко перебивает Димитрова, а председатель объявляет, что сейчас не время для защитительной речи и что Димитров не имеет права вести следствие!

Димитров говорит председателю:

— Я хотел бы просить вас сделать Люббе этот упрек. По моему мнению...

Но Ван дер Люббе с горячностью прерывает:

— Я могу согласиться только с тем, что я устроил пожар один. А с процессом я согласен быть не могу. То, что здесь происходит,— это предательство в отношении Коммунистической партии, полиции, национал-социалистской партии и человечества. Я хочу тюрьмы или смертной казни. А борьбу в тюрьме я вести дальше не могу. Не могу выдержать это один.

После этого бурного припадка силы Ван дер Люббе явно иссякают.

Председатель: Что он делал в последний день?

Д-р Вернер (перебивает): Что он имел в виду? Он сказал: предательство в отношении Коммунистической партии?

Д-р Зейферт: Он имел в виду, что против обеих партий выдвигают ложные обвинения.

Переводчик повторяет перевод.

Ван дер Люббе произносит слабым голосом, почти невнятно:

— Я имею в виду настроения моей прошлой жизни и препятствия со стороны чиновников. Я не могу заявить, что согласен с этим.

Обессиленному Ван дер Люббе дают передохнуть.

Когда его снова вызывают для допроса, он произносит:

— Я слышу в себе голоса...

Председатель: Хотите говорить по-голландски или по-немецки?

Ван дер Люббе: Не могу сказать. Я был где-то внизу. Я слышу в себе, в моей груди, голоса.

Председатель: И что же говорят вам эти голоса?

Ван дер Люббе: Только то, что происходит, как долго длится пауза... (Смеется.)

Председатель: Говорите теперь по-голландски, но не такими длиными фразами.

Ван дер Люббе: Голоса во мне...

Приступ слабости, кажется, уже миновал, и допрос продолжается. Разбирается пребывание Ван дер Люббе в Нейкельне. В ходе дальнейшего допроса Димитров снова получает слово и сначала спрашивает Ван дер Люббе, насколько понял тот обвинительный акт. Выясняется, что ему показали только те места, которые относятся лично к нему, но не перевели их как следует на голландский язык. Он явно не понял главной вещи. В связи с этим Димитров задает ряд вопросов.

«Понял ли Ван дер Люббе из обвинительного акта, что утверждение, будто пожар в рейхстаге является прологом или сигналом к вооруженному восстанию, построено или основано на его мнимых показаниях во время предварительного следствия? Понял ли он это?

Председатель: Поняли ли вы из обвинительного акта, что там есть нечто такое — я сегодня уже спрашивал вас об этом,— что этот пожар должен был явиться сигналом или знаком для восстания?

Ван дер Люббе: Нет, я не понял этого» [1].

Тогда Димитров спрашивает, понял ли Ван дер Люббе, что обвинение в поджоге рейхстага, как пишет немецкая печать, имеет целью служить обвинением против германского и мирового коммунизма.

Председатель: Ну, и что из этого следует?

Димитров: Если он понял, я хотел бы все же спросить Ван дер Люббе, почему он, будучи каменщиком, будучи рабочим, который, как он говорит, действует здесь с честными намерениями, почему он в течение всего слушания дела всем своим поведением терпел эту чудовищную травлю коммунизма.

Д-р Вернер: В связи с утверждением Димитрова прошу отклонить слово «травля», означающее, что обвинительный акт направлен против коммунизма, т. е. что обвинительный акт ведет травлю коммунизма.

Председатель (Димитрову): Вы это имели в виду? Вы подразумевали, что обвинительным актом ведется травля коммунизма?

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 147.

Д и м и т р о в: Обвинительный акт используется для такой травли коммунизма в Германии.

П р е д с е д а т е л ь: Лишаю вас слова.

Дальнейший допрос не дает ничего нового. Под конец Димитров говорит более определенно. Теперь он почти не обращается к Ван дер Люббе, а к «улице»:

— У меня есть последний вопрос. Возможно, что с поджогом дело обстояло так, что Ван дер Люббе говорил с кем-нибудь об акте протеста против системы, против общественного строя или тому подобного. Этим актом протеста должен был служить поджог рейхстага. Затем Ван дер Люббе забрался в рейхстаг и совершил поджог. В то же самое время этот некто другим путем проник в зал пленарных заседаний и другими средствами подготовил там пожар, а возможно, даже сам зажег его. Если это так, Ван дер Люббе, естественно, не мог знать других людей.

П р е д с е д а т е л ь: Это же всем нам известно.

Д и м и т р о в: Он, вероятно, не знает лично и того, с кем сговорился. Я хотел бы через вас, господин председатель, задать ему вопрос, не было ли такого дела, не явился ли Ван дер Люббе орудием, которым злоупотребили?!

П р е д с е д а т е л ь: Итак, Ван дер Люббе, я должен задать вам этот вопрос, хотя ответ на него частично уже дан. Есть ли у вас основания для того или могло ли быть так, что вы забрались в рейхстаг и совершили эти малые поджоги, но в то же самое время кто-то подготовил пожар в зале пленарных заседаний, а вы потом только подожгли его, или это сделал другой? Что вы об этом знаете?

В а н д е р Л ю б б е: Об этом я сказать не могу ничего. Не могу сказать, был ли зал пленарных заседаний особенно воспламеняющимся, а могу сказать только, что его поджег я.

Д и м и т р о в: Я предполагаю, что лично Ван дер Люббе честно убежден в том, что он сделал все один. Я спрашиваю, не говорил ли он с кем-нибудь об этом деле и не подготовил ли его вместе с кем-нибудь?

В а н д е р Л ю б б е: Нет.

При всей путанице оба эти допроса — единственные, на которых Ван дер Люббе говорил более или менее связно, — дали ответ на два поставленных Димитровым вопро-

са. Первый: кем являлся Ван дер Люббе к моменту преступления и к моменту процесса. Второй: что произошло с ним и вокруг него непосредственно перед поджогом рейхстага.

Поведение Ван дер Люббе в эти дни, когда он вообще что-то говорил, сильно отличалось от его обычного поведения. На сей раз он держался не как мешок. В ответах и показаниях 13 и 23 ноября Ван дер Люббе с монотонной настойчивостью возвращался к нескольким вполне определенным мотивам: процесс длится слишком долго, его надо скорее кончить; он ожидал, что на процессе будет изолированно рассмотрено и осуждено его личное преступление, совершенное им одним, и он абсолютно уверен, что никаких сообщников суд найти не может.

Не безразличен и сам момент первого настоящего «пробуждения» Ван дер Люббе. С 8 ноября — дня окончания заседаний в Берлине — национал-социалистское руководство процессом потеряло надежду сохранить в силе обвинение против четырех коммунистов. Газета «Ангриф» («Наступление») протрубила отступление. Руководители процесса теперь были больше всего заинтересованы в том, чтобы предотвратить дальнейшие розыски сообщников Ван дер Люббе.

Тогда-то, после четырехдневной паузы, Ван дер Люббе вдруг и «прорвало».

Таким образом, и само внезапное оживление Ван дер Люббе, и основные пункты его показаний полностью отвечали планам руководителей процесса. С тех пор как Димитров все более определенно начал указывать направление, в каком следует искать действительных поджигателей, процесс принял такой оборот, что теперь можно было лишь вынести приговор о виновности Ван дер Люббе, но никак не возобновить прежние обвинения против коммунистов. Благодаря энергии и уму Димитрова они «вышли из игры».

Но спасти также и несчастного молодого голландца, который не был виновен в настоящем, большом пожаре — этом политическом преступлении,— у Димитрова не хватило сил ввиду пассивности остальных обвиняемых. Эту жертву — единственную — ему поневоле пришлось уступить национал-социалистам.

Жестокий, кровожадный «Мефистофель» торжествовал победу над жалким «Фаустом»!

Следы сообщников

Итак, по настоянию Димитрова суду пришлось подтвердить: Ван дер Люббе поджег рейхстаг не один; пожар в зале пленарных заседаний зажгли другие, они-то и являются настоящими поджигателями. Но отсюда, из такой констатации, сразу возникал вопрос: что же стало с этими «другими», когда огонь распространился с такой невероятной быстротой, что уже вскоре после девяти часов вечера пламя вырвалось наружу из-под купола?

В течение всего процесса Ван дер Люббе отрицал наличие у него сообщников. Только однажды, во время предварительного следствия, он, по данным Фогта, якобы говорил о «других». На суде у него всего лишь раз вырвалась реплика:

— Я слышал голоса в соседнем помещении.

Но, несмотря на все попытки Димитрова заставить Ван дер Люббе заговорить о своих сообщниках, тот стоял на своем: поджог он совершил один. Поэтому расследование не дало никаких прямых данных насчет того, был ли сам Ван дер Люббе связан с соучастниками и каким именно образом.

В противоположность утверждениям Ван дер Люббе обвинение твердо придерживалось точки зрения, что поджог в зале пленарных заседаний был совершен другими, причем несколькими преступниками.

Сначала обвинение попыталось «обойтись» одним сообщником. Но такая версия опровергалась заключением экспертов: тут должны были действовать несколько человек. В качестве конкретного соучастника обвинение называло Попова. Но Попов никогда не бывал в рейхстаге. Исходя из гипотезы, что Попов участвовал в поджоге, обвинение пыталось дать ответ на вопрос, как же этот «сообщник» Ван дер Люббе проник в здание и как он оттуда выбрался. Обвинение утверждало, что два человека были замечены, когда они влезали в рейхстаг через окно, а потом «сообщник» голландца вышел через подъезд № 2. Однако расследование разрушило эту гипотезу.

Так один сообщник превратился в нескольких, притом неизвестных, пособников, которые уже, однако, не могли влезть в окно и выйти из подъезда № 2.

Но всеми свидетельскими показаниями устанавливалось, что в последние часы перед возникновением пожара

все входы в рейхстаг были надежно заперты, а те, что еще оставались открытыми, строго охранялись. Отсюда вытекало, что сообщники проникли в здание, а затем покинули его каким-то особым путем. Таков был вывод, к которому Димитров на основании всего процесса пришел уже в середине октября. Но он неизбежно вел к не раз упоминавшемуся подземному ходу, соединявшему подвальный этаж здания рейхстага с расположенной по другую сторону улицы электроподстанцией дворца председателя рейхстага.

Этот подземный ход впервые был упомянут в качестве возможного пути проникновения поджигателей в официозном коммюнике, которое германская пресса опубликовала вскоре же после пожара — 1 марта, ссылаясь на «официальные источники». На суде о нем первым заговорил во время своего допроса 13 октября вахтер рейхстага Вендт. Димитров в тот день был удален.

16 октября допрашивался инспектор электроосвещения рейхстага Шольц. После того как д-р Зак спросил его о некоторых наблюдениях в подвальных помещениях здания, Димитров задает вопрос:

— Считает ли свидетель возможным, что поджигатели прошли подземным ходом?

Д-р Зак немедленно заявляет протест против выражения «поджигатели», а потому председатель отклоняет вопрос и затем, дабы избегнуть всяких осложнений, объявляет перерыв и переносит слушание дела на следующий день.

После этого вопроса, заданного Димитровым на открытом заседании, полностью воспрепятствовать рассмотрению данного пункта было уже невозможно. В ходе допроса целого ряда свидетелей, в котором Димитров принял участие в меру предоставленной ему возможности, постепенно все яснее вырисовывалось значение подземного хода. Он был открыт целыми днями, и им часто пользовались служащие рейхстага, а также обслуживающий персонал дворца председателя рейхстага. Дверь в подземный ход со стороны рейхстага отпиралась обычными ключами подвального помещения, которые имелись у служащих здания. В конце января на подстанции дворца председателя рейхстага появились два новых работника, которые «зарекомендовали себя с наилучшей стороны».

Все эти детали приобрели особенное значение в связи с допросом свидетеля Абермана — ночного вахтера дворца председателя рейхстага.

Димитров сразу берет этого свидетеля в оборот. Своими вопросами он устанавливает: Аберман был непосредственным подчиненным директора здания рейхстага Скрановитца, с 1931 г. принадлежал к СДПГ, а затем перешел в одну «правую партию»; так как свидетель ее не назвал, можно предположить, что это НСДАП. В ходе допроса Аберман сообщает потрясающую вещь: примерно дней за десять до пожара рейхстага он неоднократно слышал по ночам чьи-то шаги в подземном ходе.

А еще раньше Аберман сказал, что никто не мог ходить по подземному ходу, не будучи услышанным им. О своих наблюдениях он доложил Скрановитцу, но тот не принял никаких особых мер и даже не сообщил полиции. Тогда Аберман для контроля стал заклеивать запертые двери бумажными полосками, которые неоднократно находил разорванными! Значит, двери открывались чужими людьми, которые проходили через них. В данном случае он не слышал шагов, так как эти люди могли идти в носках.

Кроме того, Аберман показывает, что личная охрана Геринга часто целыми днями находилась в его дворце. Незадолго до того последний факт отрицался несколькими свидетелями в ответ на наводящие вопросы верховного прокурора и д-ра Зака. Однако Торглер заявил (и это вполне совпадало с показаниями д-ра Гертца, данными в Международной следственной комиссии), что из окон комнаты коммунистической фракции рейхстага он часто видел в саду дворца Геринга штурмовиков в форме.

18 октября допрашивается и начальник личной охраны Геринга, некий Вебер. Стоя навытяжку, он докладывает, что вместе с Герингом поехал к горящему рейхстагу и, прибыв туда, немедленно принял меры к обследованию подземного хода. Захватив с собой двух полицейских, которые осмотрели подземный ход, ведущий к подстанции, он сам установил контроль над той частью хода, которая примыкает к зданию рейхстага.

Димитров сразу чувствует, сколь неуклюже подготовлено это показание и сколь оно глупо.

— Вы находились на государственной службе? — неожиданно спрашивает он свидетеля-эсэсовца.

Вебер говорит, что нет.

— Кто поручил вам расследование?

— Адъютант Геринга капитан Якоби. Ведь я — командир подразделения СС.

— Вы — первый, кто оказался внизу, в подземном ходе?

Вебер проявляет неуверенность: он не знает, к чему клонит Димитров. Он уже якобы не знает, так ли это, хотя еще чуть раньше говорил, что первым взял ключи. Итак, первое обследование подземного хода, при котором еще в ночь пожара было установлено, что «все в порядке», произвел эсэсовец Вебер!

В связи с этими показаниями производится выезд на место и осматривается подземный ход. Как могут убедиться участники осмотра, подвальные помещения здания рейхстага — настоящий лабиринт. Эксперт д-р Шатц признает, что при обследовании сам дважды заблудился в нем. Между тем в официальной публикации «Прусской службы печати» от 1 марта 1933 г. говорилось: «Поджигатели, вне всякого сомнения, были настолько хорошо знакомы с деталями огромного здания, что могли так уверенно ориентироваться во всех его помещениях лишь в результате многолетнего пребывания в нем».

После осмотра подземного хода Димитров заявляет на суде:

— Пройти подземным ходом настолько сложно, что я запутался бы, даже проделав этот путь три-четыре раза. Как же кто-то мог в полночь воспользоваться этим ходом, что, по показаниям свидетеля Абермана, имело место перед пожаром, не будучи хорошо знаком с расположением помещений?

В свете таких результатов расследования совершенно особое значение приобрели и слова Геринга о подземном ходе. Не только в своих высказываниях непосредственно после пожара, но и во время допроса 4 ноября Геринг указывал на подземный ход как на путь, которым вошли и вышли поджигатели. Хотя он настойчиво подчеркивал, что ход вел не прямо в его дворец, а в здание подстанции, оставалось фактом, что одно из ответвлений заканчивалось непосредственно в швейцарской дворца. У этого выхода и дежурил принадлежащий к «правой партии» вахтер Аберман. Поблизости от него постоянно находились эсэсовцы и штурмовики. Этажом выше в ночь пожара ночевал национал-социалист Ханфштенгль. Ночами, предшествовавшими пожару, подземным ходом без разрешения неоднократно пользовались неизвестные лица, имевшие ключи. Во время пожара адъютант Геринга приказал немедленно

установить контроль за подземным ходом своему человеку — Веберу. Следовательно, Геринг с самого начала придавал этому ходу особое значение.

Тем самым уже во второй половине октября было с большой вероятностью установлено, что этот пресловутый ход послужил для бегства соучастников, а возможно, и для их проникновения в здание рейхстага.

Другой темный пункт представляли собой обстоятельства, при которых, по данным обвинительного акта, было получено сообщение о вспыхнувшем в рейхстаге пожаре. Расследование этих обстоятельств на процессе наводило благодаря вмешательству Димитрова на след действительных поджигателей.

Рейхстаг обслуживался многочисленным персоналом, которому была поручена охрана этого важного государственного здания. Но ни один из служащих не заметил возникновения пожара и не сообщил о нем!

Первые сообщения о пожаре поступили от «частных лиц».

Граф Гельдорф 20 октября показал, что первое известие о пожаре он получил по телефону, находясь в тот момент в ресторане Клингера на Ораниенбургерштрассе,— это произошло в половине девятого вечера. Непосредственно вслед затем депутаты Торглер и Кённен покинули рейхстаг, а инспектор электроосвещения Шольц совершил свой последний обход здания. Несколько минут десятого Ганфштенгль позвонил из дворца Геринга Геббельсу. Примерно в то же самое время телефонные звонки раздались и в редакции «Фёлькишер беобахтер». В девять часов пятнадцать минут «неизвестный гражданин», пришедший со стороны рейхстага, известил о пожаре полицейский участок у Бранденбургских ворот. Однако было установлено, что этот «неизвестный гражданин» и свидетель Флётер, который якобы первым заметил пожар и обратил на него внимание вахмистра Буверта, не являлись одним лицом.

О «неизвестном гражданине» в обвинительном акте говорилось, что на нем были «длинное пальто и черные сапоги». В полицейском участке сведения о его личности взяты не были, а затем он уже фигурировал как «не поддающийся обнаружению».

20 октября весь этот комплекс вновь становится предметом обсуждения в связи с допросом свидетеля Талера. Димитров задает вопрос:

— Обстоятельства обнаружения пожара все еще остаются загадкой. Первое сообщение было сделано не служащими рейхстага, а неизвестным гражданином, найти которого невозможно. Этот исчезнувший гражданин пришел со стороны рейхстага. Почему же сразу не занялись выяснением его личности? Здесь выдвигается так много гипотез. Я тоже выдвигаю одну: неизвестный является человеком, вышедшим из подъезда № 2 и давно разыскиваемым вторым поджигателем.

Верховный прокурор, обычно не жалевший усилий, чтобы даже и во время заседаний выявлять новых свидетелей, и пальцем не пошевелил, чтобы найти этого неизвестного. А сам свидетель не объявился. Будь он коммунистом или даже обычным гражданином, он не остался бы неизвестным!

В начале своей заключительной речи верховный прокурор д-р Вернер сообщил, что ночной вахтер Вендт за халатное отношение к своим служебным обязаностям уволен. Обвинитель сделал это явно с целью изобразить данного свидетеля как «ненадежного».

Но свидетель Вендт не только первым упомянул на суде о подземном ходе, но и на том же допросе, 13 октября, показал, что около десяти часов вечера здание рейхстага в большой спешке покинул какой-то мужчина, что-то несший с собой. Когда вахтер остановил его, тот показал удостоверение члена национал-социалистской фракции рейхстага и был пропущен. Но, как установлено, в здание рейхстага этот человек вошел не во время дежурства Вендта, который с восьми часов вечера стоял на контроле у единственного незапертого подъезда.

17 октября служащий рейхстага Кольз показывает на допросе, что незадолго до восьми часов вечера в гардеробе контролируемого им выхода из рейхстага находились два депутата — Торглер и «один господин из НСДАП». Когда Димитров, исходя из ранее данных показаний Вендта, прямо спрашивает его, кто же такой, собственно, был этот человек в штатском, около десяти часов выбежавший из рейхстага, Кольз заявляет, что не знает. Суд сначала делает вид, что «не слышит» ходатайства Димитрова о розыске и допросе этого неизвестного национал-социалистского депутата.

И вот, совершенно неожиданно 13 ноября д-р Бюнгер объявляет, что сейчас будет допрошен в качестве свидетеля

экономист д-р Герберт Альбрехт, член рейхстага. Из вступительных слов свидетеля явствует, что он и есть тот неназванный национал-социалистский депутат.

Альбрехт сразу же начинает рисовать подробную и весьма фантастическую картину своих действий в ночь пожара. 27 февраля он, больной гриппом, лежит в постели в пансионе Заукен, расположенном неподалеку от рейхстага. Вдруг ему сообщают: горит рейхстаг! Он вскакивает, кое-как натягивает на себя одежду и мчится в горящее здание. С невинным видом Альбрехт утверждает, будто хотел забрать из своего депутатского ящика в комнате фракции НСДАП важные семейные документы, в том числе свое столетнее генеалогическое древо. У входа его сначала задерживают, но потом, увидев удостоверение, пропускают. Вбежав в здание, он хватает бумаги, документы и все прочее, что лежало в ящике, а также коробку с сигарами, галопом выскакивает из рейхстага и возвращается в пансион. Там его встречают полицейские, ведут назад к пятому порталу рейхстага, но, узнав, кто он такой, отпускают. Вот и все.

На вопрос верховного прокурора Альбрехт называет нескольких свидетелей описанных событий, происходивших примерно в половине десятого.

Димитрову все это кажется слишком явным вымыслом, и он берет свидетеля под обстрел. Прежде всего он устанавливает, что Альбрехт не допрашивался в полиции, а был допрошен только судебным следователем. Хотя сей господин депутат находился в рейхстаге непосредственно во время пожара, он не нашел нужным сразу же заявить о нем в полицию. Далее, констатирует Димитров, все эти события могли разыграться только до того, как пламя вырвалось из-под купола. На вопрос, знает ли он, какой вахтер стоял в подъезде, Альбрехт дает отрицательный ответ. Находясь в здании рейхстага, Альбрехт, по собственным словам, имел возможность видеть пожар в зале пленарных заседаний. Димитров ловит на этом свидетеля-нациста:

«...На другой день об этом писали все газеты, вся Германия была объята тревогой, а он не счел нужным сообщить свои непосредственные наблюдения о пожаре, хотя и знал, что назначена комиссия и предпринято грандиозное следствие...» [1]

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 143.

Тут на помощь Альбрехту приходит д-р Бюнгер. Он заявляет, что показания свидетеля его удовлетворяют и все в полном порядке. Альбрехт понимает намек и отвечает:

— Да мне, собственно, больше нечего было бы показать.

— Кроме того, что вы показали сегодня,— добавляет председатель, прерывая свидетеля, и отпускает его.

Димитров бросает:

— Это уже второй случай, когда полиция не произвела никакого расследования, хотя это было бы очень важно.

В пределах возможного Димитров теперь восполнил расследование. Становится ясно: Альбрехт вовсе не вбежал неожиданно и беспричинно в рейхстаг в половине десятого, а еще до восьми часов проник в здание и находился в нем. Он выбежал из рейхстага около десяти часов, «едва дыша, без шляпы, без воротничка, возбужденный», прижимая левой рукой разные предметы, в том числе ящичек с сигарами. Только лишь суд, следуя определенным указаниям, мог поверить сказке о внезапно овладевшем Альбрехтом желании спасти свое генеалогическое древо!

После историй с Геннингсдорфом и д-ром Альбрехтом Димитров осознал ту границу, дальше которой его противники не дадут оттеснить себя, даже будучи уже вынужденными отказаться от изображения коммунистов поджигателями! Теперь он мог подвести итог того расследования, которое он сам предпринял на суде. Достигнутого им достаточно, чтобы обосновать то обвинение, которое он, не называя вещи своими именами, фактически выдвинул на процессе: настоящие поджигатели — национал-социалисты! Это обвинение он обосновал по всей юридической форме и подтвердил доказательствами.

В те последние дни февраля 1933 г. национал-социалистская партия была единственной политической группой в Германии, заинтересованной в широко задуманной политической провокации, которая послужила бы сигналом для истребительного похода против революционного движения масс, для создания политической паники, в обстановке которой она «законным» и незаконным путем смогла бы установить свое единовластие.

В руководящих нацистских кругах был выношен план осуществить эту провокацию путем поджога общественного здания, причем таким образом, чтобы обстоятельства этого поджога дали улики для обвинения в нем коммунистов.

Подготовкой и осуществлением поджога занимался среди нацистов только узкий круг доверенных людей. Разумеется, подобные действия не обсуждались и не решались на официальных заседаниях или в официальных органах. Возможно, даже влиятельные люди в нацистской партии не были подробно информированы, а ряд участвовавших в провокации лиц не был полностью посвящен в весь план.

Ван дер Люббе определенно не знал, о чем идет дело, когда дал привлечь себя к поджогу рейхстага. Те, кто направлял шаги Ван дер Люббе, использовали политический сумбур в его голове, его стремление прославиться, его податливость чужому влиянию.

Массовые аресты коммунистов по всей Германии и чрезвычайный декрет от 28 февраля были подготовлены задолго до поджога рейхстага. Пожар и немедленное объявление его делом рук коммунистов, «призывом» к вооруженному восстанию явилось для руководящих органов третьего рейха сигналом нанести удар по КПГ и рабочему классу.

Так, вечером 27 февраля 1933 г. в германском рейхстаге действия национал-социалистских провокаторов слились воедино с действиями политического путаника Ван дер Люббе.

Национал-социалистские провокаторы знали, на какое политическое преступление они шли. Они были тесно связаны с теми, кто готовил развертывание травли коммунистов, чрезвычайный декрет об охране народа и государства и национал-социалистский государственный переворот с целью установления единовластия гитлеровцев. Они прекрасно знали и место преступления — рейхстаг, со всеми его подвалами, залами и другими помещениями. Они проникли в здание подземным ходом и имели в своем распоряжении технически самые совершенные средства поджога.

А политическим путаником Ван дер Люббе руководило желание свершить «великое деяние» всей своей жизни. Перед взором его смутно маячила цель «революционного акта» в духе присущих ему сумбурных полуанархистских идей. Его неразборчивая симпатия к людям, бросавшимся радикальными фразами, стала для него роковой. Даже и не соображая, что происходит в действительности, он в последние дни перед поджогом стал игрушкой в руках

людей, которые находились в самой тесной связи с группой нацистских поджигателей. На сей раз дело с поджогом у них «выгорело».

«Теперь я более склонен предположить, что поджог рейхстага — это антикоммунистическое деяние — возник на основе союза *политической провокации и политического сумасшествия*» [1],— заявил Димитров в своей речи перед судом 23 сентября 1933 г.

Процесс подтвердил правоту Димитрова, и он, первоначальный обвиняемый, сумел заставить суд признать ее!

Димитров наносит последний удар

Национал-социалистские руководители процесса вполне сознавали, насколько опасным могло стать для них дальнейшее слушание дела. Давление общественного мнения росло от недели к неделе. Пока еще дело шло лишь об оправдании Димитрова и его товарищей. Но все отчетливее звучал вопрос: кто же настоящие поджигатели, раз ими не являются коммунисты? Пока еще верховному прокурору удалось удержать Димитрова у той опасной для обвинения границы, за которой этот вопрос вставал ребром. Но д-р Бюнгер, председатель суда, где-то в глубине души еще до некоторой степени добропорядочный чиновник, становился все более неуверенным. Еще одна-другая ошибка в ведении процесса, и опасная грань может оказаться перейденной!

Поэтому для нацистов настало самое время прикрыть процесс. Он уже и без того длился очень долго; обвинение нагромоздило массу трудностей, а к этому добавлялись еще вопросы и заявления Димитрова, все неизбежные формальности: заключительные речи верховного прокурора и защитников, совещания, обоснование приговора и т. п. Все это требовало много времени. Поэтому 6 декабря предъявление доказательств было неожиданно прекращено.

В последние дни обвинение все чаще попадало в катастрофические ситуации — еще одно доказательство того, сколь опасным делался процесс для его устроителей. Большей частью речь шла о мелких вещах, о деталях, но каждый раз по доверию к обвинению, а тем самым по режиму коричневых властителей наносился новый удар.

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 72.

Например, болгарский переводчик Тарапанов показал, что слова «Гельмут», якобы найденного в записных книжках у Димитрова, он не видел. Он заявил также, что кресты на плане Берлина были нанесены четкими, а не «едва видимыми» карандашными штрихами, как утверждали свидетели-полицейские.

Судебный следователь Петри, допрашивавший рабочих Ешке, Хизке и Никеля, признал, что внес в протокол ложные показания: свидетели ничего не говорили о «подготовке к восстанию».

По заключению экспертов такие коронные свидетели обвинения, как Гроте и Леберман, были признаны невменяемыми.

Из зачитанных официальных документов из Голландии явствовало, что Ван дер Люббе с начала октября и по начало ноября 1932 г. лично получал в Лейдене свою пенсию по инвалидности, то есть не находился в Германии.

Часто упоминавшаяся фрау Крапф из Геннингсдорфа сказала, что не видела Ван дер Люббе и он не говорил в Геннингсдорфе ни с одним известным ей коммунистом.

Чиновник политического участка Геннингсдорфа признал, что ему давно была известна фамилия второго обитателя ночлежки Вашинского, но никакого расследования насчет того, где тот находится, не производилось.

После всех этих разоблачений Димитров с целью еще раз констатировать всю несостоятельность и лживость обвинительного акта заявил ходатайство об опубликовании сего «позорного документа». Разумеется, суд отклонил ходатайство как «несущественное». Дальнейшее слушание дела было отложено до 13 декабря.

6 декабря Димитров впервые за время заключения заболел: у него наступило нарушение кровообращения — следствие невероятного напряжения, вызванного процессом. Но 7 декабря принесло ему неожиданную радость. Тюремный служитель передал ему в камеру полученную по почте из Мангейма картонную коробку с тремя красными гвоздиками и запиской: «Уважаемый господин Димитров! Неизвестная желает Вам от всего сердца скорейшего благополучного исхода процесса. Сердечный привет!» [1] Это были первые цветы, увиденные арестантом за девять месяцев заключения!

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 228.

Такая столь ощутимая и лично ему адресованная моральная поддержка пошла Димитрову на пользу и была ему необходима. Ведь даже в состоянии вызванной болезнью слабости он не мог позволить себе отдыха. Предстоит решающая битва! Он должен произнести перед судом свою заключительную речь — и как обвинитель, и как защитник самого себя! Это — последняя (а, принимая во внимание необузданную жестокость противника и угрозы Геринга, быть может, и вообще последняя в жизни!) возможность перед лицом всей мировой общественности вынести свой приговор процессу и выступить с речью в защиту своего дела — коммунизма! Эту речь необходимо хорошо продумать, слово за словом, и точно нацелить. Надо максимально использовать оставшуюся неделю.

Но обвинители явно не управились со своим делом за одну неделю, потому что заседание 13 декабря неожиданно вновь начинается допросом свидетелей. Этот допрос не приносит ничего существенного для расследования, но занимает целый день. Впрочем, примечательно, что пожарный эксперт д-р Шатц теперь выступает и как эксперт-графолог. Он зачитывает заключение относительно документа, под которым стояла подпись «Петер» и который должен был служить уликой против Попова. Тем временем настоящий Петер на основании газетных сообщений написал о себе суду. Поэтому сейчас д-р Шатц обстоятельно и в пользу обвиняемого доказывает, что подпись под полученным письмом и под найденной у Попова квитанцией не принадлежит одной и той же руке. Димитров внимательно вслушивается: это значит, что верховный прокурор отказался поддерживать обвинение против болгар!

14 декабря наконец начинаются прения сторон.

Вплоть до самого последнего дня суд всем своим поведением доказал, что действует по директивам извне. Национал-социалистским руководителям процесса стало совершенно ясно, что теперь для них остается только одно — отступление. А чтобы замаскировать его, они решили совершать это отступление поэтапно. По знаку свыше еще в речи Геббельса на суде прокуратура упорствовала в признании виновности Торглера и требовала для него смертной казни. Тем самым д-р Зак получил возможность еще раз показать себя во всем «величии» и во имя «спасения Торглера» предпринять активную атаку на

коммунизм. Благодаря этому маневру суд мог впоследствии доказывать свою «независимость»: ведь он, мол, отклонил требование верховного прокурора о смертном приговоре Торглеру и оправдал его! Распределением ролей при произнесении заключительных речей руководители процесса еще раз отчетливо показали, что они и теперь, после того как им пришлось отказаться от осуждения обвиненных коммунистов, не желают отказаться от осуждения коммунизма в целом.

Первую часть заключительной речи обвинения произносит верховный прокурор д-р Вернер. В противоположность ранее проводившейся линии он ограничивается освещением политических причин поджога рейхстага, а для начала еще раз «расправляется» с «Коричневой книгой». Другая часть его речи имеет целью приписать Коммунистической партии Германии моральную вину за поджог рейхстага. Ядро «доказательства»: все пятеро обвиняемых — коммунисты. Таким образом, верховный прокурор утверждает, что и Ван дер Люббе тоже коммунист. Голландец, мол, хотел своим поступком вызвать коммунистическую революцию, а потому с Коммунистической партии Германии не может быть снята моральная ответственность.

Нудная речь верховного прокурора просто-напросто игнорирует итог всего расследования дела, она полна противоречий и несообразностей. Характерно, что эту первую часть обвинительной речи, длившуюся целых пять часов, вся нацистская пресса дала лишь в весьма кратком изложении. Слишком уж неуклюжа аргументация!

Вслед за верховным прокурором с продолжением заключительной речи выступает его помощник д-р Паризиус. Он занимается главным образом Ван дер Люббе. Не имея возможности сослаться на протоколы судебных заседаний, Паризиус просто-напросто утверждает, что Ван дер Люббе преследовал политическую цель — коммунистический переворот. Он объявляет категорически доказанным, что голландец не мог произвести поджог в одиночку.

Отстаивать обвинение против Торглера и троих болгар, а также формулировать требуемую меру наказания предназначено д-ру Вернеру. К концу своей речи он приходит к выводу, что участие болгар в поджоге прямо не доказано, но Торглер тем или иным образом в поджоге участво-

вал. Верховный прокурор требует смертной казни для Ван дер Люббе и Торглера; Димитрова, Попова и Танева следует оправдать «ввиду недостатка доказательств».

На свой манер речи прокуроров дали предельно яркое доказательство полного краха обвинения. Они совершенно не касались слушания дела, словно его и не было, и с таким же успехом могли быть произнесены в той же самой форме и в первый день процесса. С величайшей невозмутимостью д-р Вернер и д-р Паризиус, словно они проспали все 57 дней судебных заседаний и только что проснулись, воспроизвели точка в точку то, что стояло в обвинительном акте. Свидетели, изобличенные как преступники и психопаты, вдруг обратились в добропорядочных бюргеров, а документально опровергнутые и никогда не имевшие места события вдруг обрели «доказательную силу»!

«Произносил ли когда-либо какой-нибудь государственный прокурор столь странную речь?»— вопрошал в связи с этим корреспондент «Таймс» на страницах своей газеты.

Как и в течение всего процесса, официальные «защитники» в своих речах показали себя послушными инструментами руководителей процесса. Поскольку оправдание четырех «сообщников» Ван дер Люббе уже было поневоле предрешено за пределами зала суда, они играли в «объективность» и критиковали кое-какие показания свидетелей. Но представители защиты остерегались как-либо дискредитировать хоть одного свидетеля-нациста и, более того, пели хвалу НСДАП и «фюреру третьего рейха». Особенное усердие они выказывали в опровержении «Коричневой книги» и где и как только могли выражали свое согласие с тем, что коммунизм несет моральную ответственность за пожар рейхстага.

И вот, после кратких реплик верховной прокуратуры, в которых бросалось в глаза, что д-р Вернер еще раз воспользовался возможностью сказать о вине Торглера, наступает наконец момент заключительных речей обвиняемых.

В течение всего процесса Димитров ждал этого момента. Бесчисленное множество раз, чуть только он начинал говорить подробнее, д-р Бюнгер обрывал его, указывая на заключительную речь. Все это время Димитров мысленно строил ее в уме. Но каждый новый день процесса давал

ему новые аргументы, приносил новые наблюдения, которые побуждали его вновь проверить свою тактику. И с каждым днем росла и изменялась аудитория за стенами зала суда, к которой он прежде всего и хотел обратиться со своей речью. Так он неотрывно работал над нею, не прекращая делать заметки даже во время прений сторон.

Конечно, Димитров не питал слишком больших иллюзий. Он знал, что у суда есть средства ограничить даже его последнее слово, практически отнять его. Димитров знал, что даже если его и не лишат этого права, то все равно не дадут сказать все, что ему надо сказать. Димитров знал, что находится во власти способного на все противника, перед судом, председатель которого может прервать его на любом слове и не разрешить говорить дальше. А потому речь его не могла быть построена столь логично и столь развернуто, как того можно требовать от речи хорошего адвоката. Димитрову приходилось стремиться перехитрить руководителей процесса, начав с высказываний, которые, как ему было ясно, не вызовут особого противодействия, а уж затем перейти в атаку. Чтобы через сидящих в зале представителей иностранной прессы его услышал весь мир, он должен говорить простыми, сильными словами.

Он знал, что ему еще предстоит борьба. Председатель будет пытаться прервать, перекричать его, лишить слова, но он должен преодолеть все это, чтобы сказать всему миру максимум правды.

Все эти обстоятельства Димитров тщательно взвесил при обдумывании своей речи. Конспект ее сохранился и не раз потом публиковался. Он не представляет собой текста, разработанного во всех деталях. Димитров всегда любил говорить свободно, но хорошо продумав главные мысли и образы и на основе хорошо сформулированных конспектов.

Лежащий перед нами документ и является таким конспектом. Если сравнить его с речью, видно, что Димитров не смог сказать всего, что собирался, ибо д-р Бюнгер неоднократно прерывал его и в конце концов лишил слова. Но часто выговоры д-ра Бюнгера и реакция публики заставляли Димитрова прибегать к импровизациям — некоторые из них принадлежат к самым блестящим местам его речи и быстро приобрели популярность и в Германии и за границей.

Итак, страстно ожидаемый в течение всего процесса момент наступил! Наступила минута свести счеты с обвинением и обвинителями и показать всему напряженно внемлющему миру, что такое коммунист, как мыслит он и как поступает, когда борется за свое дело, за дело всего прогрессивного человечества!

Димитров начинает с обоснования своего права говорить как защитник. Это значит, суду придется выслушать обстоятельную речь. Не обращая внимания на предупреждение председателя, что ему предоставляется лишь последнее слово, Димитров приступает к защитительной речи:

«Господа судьи, господа обвинители, господа защитники! Еще в начале этого процесса, три месяца назад, я как обвиняемый обратился к председателю суда с письмом. В нем я выразил сожаление по поводу того, что мои выступления приводили к столкновениям. Но я решительно возражал против того, чтобы мое поведение было истолковано как преднамеренное злоупотребление в целях пропаганды правом задавать вопросы и делать заявления. Понятно, что, раз я был обвиняем, будучи невиновным, я стремился защищаться всеми имеющимися в моем распоряжении средствами» [1].

Димитров говорит, что в этом письме председателю суда он писал, в частности:

«В интересах моей защиты перед судом и, полагаю, также и в интересах нормального хода процесса я еще раз — и в последний раз — обращаюсь к Имперскому суду с просьбой дать адвокату *Марселю Виллару*, ныне получившему полномочия от моей сестры, разрешение участвовать в моей защите.

Если это мое предложение, к сожалению, также будет отклонено, то мне не останется ничего иного, как защищаться самому, как я это умею и понимаю» [2].

Димитров продолжает:

«После того как и это предложение было отклонено, я решил себя сам защищать. Не нуждаясь ни в мёде, ни в яде красноречия навязанного мне защитника, я все время защищал себя без помощи адвоката.

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 166.
[2] Там же, стр. 166—167.

Совершенно ясно, что я и сейчас ни с какой стороны не чувствую себя связанным защитительной речью д-ра Тейхерта. Значение в моей защите имеет лишь то, что до сих пор я сам говорил перед судом, и то, что я сейчас буду говорить. Я не хотел бы обижать Торглера — по-моему, его уже достаточно оскорблял его защитник,— но я должен прямо сказать: я предпочитаю быть невинно осужденным на смерть Имперским судом, чем добиться оправдания благодаря такой защите, с которой д-р Зак выступил в пользу Торглера» [1].

Д-р Бюнгер первый раз прерывает Димитрова репликой: «Не ваше дело заниматься здесь критикой».

Димитров отвечает. Он произносит слова, ставшие известными всему миру:

«Я допускаю, что я говорю языком резким и суровым. Моя борьба и моя жизнь тоже были резкими и суровыми. Но мой язык — язык откровенный и искренний. Я имею обыкновение называть вещи своими именами. Я не адвокат, который по обязанности защищает здесь своего подзащитного.

Я защищаю себя самого как обвиняемый коммунист.

Я защищаю свою собственную коммунистическую революционную честь.

Я защищаю свои идеи, свои коммунистические убеждения.

Я защищаю смысл и содержание своей жизни.

Поэтому каждое произнесенное мною перед судом слово — это, так сказать, *кровь от крови и плоть от плоти моей.* Каждое слово — выражение моего глубочайшего возмущения против несправедливого обвинения, против того факта, что такое антикоммунистическое преступление приписывается коммунистам.

Меня часто упрекали в том, что я несерьезно отношусь к верховному германскому суду. Это абсолютно несправедливо.

Верно, что для меня как коммуниста высшим законом является программа Коммунистического Интернационала, высшим судом — Контрольная комиссия Коммунистического Интернационала.

Но для меня как обвиняемого Имперский суд есть инстанция, к которой следует относиться со всей серьез-

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 167.

ностью не только потому, что он состоит из судей особой квалификации, но и потому, что этот суд — весьма важный орган государственной власти, важный орган господствующего общественного строя, инстанция, которая может в окончательной форме приговорить к высшей мере наказания. Я могу со спокойной совестью сказать, что перед судом, а следовательно, и перед общественностью по всем вопросам говорил лишь правду. Что касается моей партии, находящейся на нелегальном положении, то о ней я отказался давать какие-либо показания. Я говорил всегда серьезно и с чувством глубочайшего убеждения» [1].

Все это почти дословно было взято Димитровым из упомянутого конспекта; пока он еще не закончил «сдержанного» вступления. Но д-р Бюнгер, даже не зная, что будет дальше, уже заявил, что не потерпит «коммунистической пропаганды», и пригрозил лишением слова. Первоначально еще придерживаясь конспекта, Димитров теперь сразу начинает импровизировать и, чувствуя резонанс иностранных корреспондентов, переходит к первой атаке:

«Я должен решительно возразить против утверждения, что я преследовал цели пропаганды. Возможно, что моя защита перед судом имела известное пропагандистское действие. Допускаю, что мое поведение перед судом может также служить примером для обвиняемого-коммуниста. Но не это было целью моей защиты. Моя цель состояла в том, чтобы опровергнуть обвинение, будто Димитров, Торглер, Попов и Танев, Коммунистическая партия Германии и Коммунистический Интернационал имеют какое-либо отношение к пожару.

Я знаю, что никто в Болгарии не верит в нашу мнимую причастность к поджогу рейхстага. Я знаю, что за границей вообще вряд ли кто этому верит. Но в Германии иные условия, здесь таким странным утверждениям могут поверить. Поэтому я хотел доказать, что Коммунистическая партия не имела и не имеет ничего общего с участием в таком преступлении.

Если говорить о пропаганде, то многие выступления здесь носили такой характер. Выступления Геббельса и Геринга тоже оказывали косвенное пропагандистское действие в пользу коммунизма, но никто не может их

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 167—168.

сделать ответственными за то, что их выступления имели такое пропагандистское действие» [1].

Здесь стенограмма в первый раз отмечает: «В зале движение и смех». Иронический намек попал в цель. Димитров сразу же пользуется этим благоприятным для него настроением и вслед за несколькими заранее подготовленными высказываниями о дикости и варварстве болгарского фашизма с сарказмом говорит:

«Дикари и варвары в Болгарии — это только фашисты. Но я спрашиваю вас, господин председатель: *в какой стране фашисты не варвары и не дикари?*» [2]

Димитров усиливает эффект еще тем, что в ответ на невольно разоблачительный вопрос ошарашенного д-ра Бюнгера: «Вы ведь не намекаете на политические отношения в Германии?»— с иронической улыбкой отвечает:

«Конечно, нет, господин председатель...» [3]

Почувствовав, что сидящие в зале хорошо поняли смысл сказанного, он произносит свои замечательные слова о болгарском народе:

«Задолго до того времени, когда германский император Карл V говорил, что по-немецки он беседует только со своими лошадьми, а германские дворяне и образованные люди писали только по-латыни и стеснялись немецкой речи, в «варварской» Болгарии Кирилл и Мефодий создали и распространили древнеболгарскую письменность.

Болгарский народ всеми силами и со всем упорством боролся против иноземного ига. Поэтому я протестую против нападок на болгарский народ. У меня нет основания стыдиться того, что я болгарин. Я горжусь тем, что я сын болгарского рабочего класса» [4].

Затем Димитров, вновь импровизируя, наносит прямой удар по предварительному следствию и обвинительному акту, снова вызывающий аплодисменты аудитории. Димитров не оставляет камня на камне от предъявленного ему ложного обвинения в соучастии в поджоге рейхстага.

«На странице 83 обвинительного акта говорится, что хотя Димитров заявил, что он не был в Берлине с 25 по 28 февраля, однако это не меняет дела и не освобождает его, Димитрова, от обвинения в соучастии в поджоге

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 168.
[2] Там же, стр. 169.
[3] Там же.
[4] Там же.

рейхстага. Это видно, указывается далее в обвинительном акте, не только из показаний Гельмера; другие факты также говорят за то, что...

Председатель (прерывает Димитрова): Вы не должны здесь зачитывать весь обвинительный акт: он нам достаточно известен.

Димитров: Я должен сказать, что три четверти всего того, что здесь говорили на суде прокурор и защитники, всем давно известно, но здесь они снова повторили это. (В зале оживление и смех.) Гельмер показал, что Димитров и Ван дер Люббе были в ресторане «Байренгоф». Далее я читаю в обвинительном акте:

«Если Димитров и не был пойман на месте преступления, то он все же принимал участие в подготовке к поджогу рейхстага. Он поехал в Мюнхен, чтобы обеспечить себе алиби. Найденные у Димитрова брошюры указывают, что он принимал участие в коммунистическом движении в Германии».

Так было обосновано это скороспелое обвинение, оказавшееся недоноском.

Председатель (прерывает Димитрова): Вы не должны употреблять таких выражений по отношению к обвинению.

Димитров: Я подыщу другое выражение.

Председатель: Но не столь недопустимое» [1].

Затем Димитров в принципиальных политических выражениях опровергает утверждение обвинения, будто коммунисты в конце февраля 1933 г. собирались совершить в Германии «акт отчаяния», готовились «сыграть ва-банк», и формулирует непосредственные боевые задачи германских коммунистов:

«*Массовая работа, массовая борьба, массовое сопротивление, единый фронт, никаких авантюр!*— Таковы альфа и омега коммунистической тактики» [2].

Д-р Бюнгер, очевидно, не смог сразу уловить смысла этих высказываний, которые по существу являлись гимном Коммунистической партии Германии и Коммунистическому Интернационалу. И, только когда Димитров заявляет, что чрезвычайный декрет, изданный национал-социалистским правительством 28 февраля, был «непо-

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 169—170.

[2] Там же, стр. 174.

средственно, органически связан с пожаром рейхстага», председатель вдруг проявляет нервозность и грозит подсудимому лишением слова, если он будет нападать на германское правительство.

Но теперь Димитрова уже не сдержать. Он дает подробное освещение политического положения в Германии и внутри «национального лагеря», важность которого д-р Бюнгер явно не раскусил, но зато хорошо поняли иностранные корреспонденты. Димитров говорит:

«...Во время судебного разбирательства здесь, на процессе, я многому научился и благодаря своему политическому чутью разобрался во многих подробностях.

В политической ситуации того периода было два основных момента: первый — стремление национал-социалистов к единовластию, второй — в противовес этому — деятельность Компартии, направленная к созданию единого фронта рабочих. По моему мнению, это выявилось также во время судебного разбирательства на процессе.

Национал-социалистам нужен был диверсионный маневр, чтобы отвлечь внимание от трудностей внутри национального лагеря и сорвать единый фронт рабочих. «Национальное правительство» нуждалось во внушительном поводе для издания своего чрезвычайного декрета от 28 февраля, отменившего свободу печати, неприкосновенность личности и установившего систему полицейских репрессий, концентрационных лагерей и других мер борьбы против коммунистов» [1].

Вот теперь д-р Бюнгер уже кое-что замечает! Но он успевает только вставить: «Вы дошли до крайнего предела, вы делаете намеки!»— так как Димитров не дает перебить себя и переходит непосредственно к самому поджогу рейхстага. В одном пункте, заявляет Димитров, он согласен с обвинительным актом:

«...*Я считаю, что Ван дер Люббе действительно не один поджег рейхстаг*» [2].

И затем он лаконично суммирует то, что, пользуясь различными случаями, уже не раз говорил в ходе судебного разбирательства.

Эти слова сразу станут крылатыми и найдут широкий отклик во всем мире и в кругах германского антифашистского Сопротивления:

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 180.

[2] Там же.

«Таким образом, из тайного союза между политическим безумием и политической провокацией возник поджог рейхстага. Союзник со стороны политического безумия сидит на скамье подсудимых. Союзники со стороны политической провокации остались на свободе. Глупый Ван дер Люббе не мог знать, что, когда он делал свои неловкие попытки поджога в ресторане, в коридоре и в нижнем этаже, в это же самое время неизвестные, применив горючую жидкость, о которой говорил д-р Шатц, совершили поджог пленарного зала» [1].

Происходит какая-то жуткая сцена. Ван дер Люббе вдруг начинает смеяться, все его тело сотрясается от беззвучного смеха. Внимание всего зала — публики, судей, обвиняемых, полицейских — приковано к нему.

Димитров, указывая на Ван дер Люббе, громко произносит:

«Неизвестный провокатор позаботился обо всех приготовлениях к поджогу. Этот Мефистофель сумел бесследно исчезнуть. И вот здесь присутствует глупое орудие, жалкий Фауст, а Мефистофель исчез. Вероятнее всего, в Геннингсдорфе был переброшен мост между Люббе и представителями политической провокации — агентами врагов рабочего класса» [2].

Тем самым Димитров затрагивает тот болезненный пункт всей аферы, который руководители процесса любой ценой хотели оставить в тени,— о пребывании Ван дер Люббе в Геннингсдорфе. Д-р Бюнгер, помня об этой столь неприятной для нацистов истории, пытается помешать Димитрову говорить. Но Димитрову удается продолжить свою речь, и суду, залу, нацистам приходится прислушаться к его словам:

«Поджигателей искали не там, где они были, а там, где их не было. Их искали в рядах Компартии, и это было неправильно. Это дало истинным поджигателям возможность исчезнуть. Решили: раз не схватили и не посмели схватить истинных виновников поджога, то надо схватить других, так сказать, эрзац-поджигателей рейхстага...» [3]

Тут Димитрова прерывает д-р Бюнгер, явно ощущающий страх. Он запрещает Димитрову дальнейшие выска-

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 181.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 182.

зывания на эту тему и дает ему на окончание речи всего 10 минут.

Димитрову приходится опустить некоторые пункты своего конспекта. Он вынужден заканчивать. Под конец он произносит слова триумфа, которые вскоре станут известны всему миру:

«Полицейский чиновник Гелер цитировал здесь коммунистическое стихотворение из книги, изданной в 1925 г., чтобы доказать, что в 1933 г. коммунисты подожгли рейхстаг.

Я позволю себе также процитировать стихотворение величайшего поэта Германии Гете:

Впору ум готовь же свой.
На весах великих счастья
Чашам редко дан покой:
Должен ты иль подыматься,
Или долу опускаться;
Властвуй — или покоряйся,
С торжеством — иль с горем знайся,
Тяжким молотом взвивайся —
Иль наковальней стой.

Да, кто не хочет быть наковальней, тот должен быть молотом!

Эту истину германский рабочий класс *в целом* не понял ни в 1918, ни в 1923 гг., ни 20 июля 1932 г., ни в январе 1933 г. Виноваты в этом социал-демократические вожди: вельсы, северинги, брауны, лейпарты, гроссманы. Теперь, конечно, германские рабочие это смогут понять!..

Верховный прокурор предложил оправдать обвиняемых — болгар за отсутствием доказательств их виновности. Но меня это отнюдь не может удовлетворить. Вопрос далеко не так прост. Это не устраняло бы подозрений. Нет, во время процесса было доказано, что мы ничего не имеем общего с поджогом рейхстага; поэтому нет места для каких-либо подозрений. Мы, болгары, так же, как и Торглер, должны быть оправданы не за отсутствием улик, а потому, что мы, как коммунисты, не имеем и не могли иметь ничего общего с этим антикоммунистическим актом.

Я предлагаю вынести следующее решение:

1. Верховному суду признать нашу невиновность в этом деле, а обвинение — неправильным; это относится к нам: ко мне, Торглеру, Попову и Таневу.

2. Ван дер Люббе рассматривать как орудие, использованное во вред рабочему классу.

3. Виновных за необоснованное обвинение против нас привлечь к ответственности.

4. За счет этих виновных возместить убытки за потерянное нами время, поврежденное здоровье и перенесенные страдания.

Председатель: Эти ваши так называемые предложения суд при обсуждении приговора будет иметь в виду.

Димитров: Наступит время, когда такие предложения будут выполнены с процентами. Что касается полного выяснения вопроса о поджоге рейхстага и выявления истинных поджигателей, то это, конечно, *сделает* всенародный суд грядущей пролетарской диктатуры.

В XVII веке основатель научной физики *Галилео Галилей* предстал перед строгим судом инквизиции, который должен был приговорить его как еретика к смерти. Он с глубоким убеждением и решимостью воскликнул: «*А все-таки земля вертится!*»

И это научное положение стало позднее достоянием всего человечества.

(Председатель резко прерывает Димитрова, встает, собирает бумаги и готовится уйти.)

Димитров (продолжает): *Мы, коммунисты, можем сейчас не менее решительно, чем старик Галилей, сказать*:

«*И все-таки она вертится!*»

Колесо истории вертится, движется вперед, в сторону советской Европы, в сторону Всемирного союза советских республик.

И это колесо, подталкиваемое пролетариатом под руководством Коммунистического Интернационала, не удастся остановить ни истребительными мероприятиями, ни каторжными приговорами, ни смертными казнями. Оно вертится и будет вертеться до окончательной победы коммунизма!» [1]

Полицейские хватают Димитрова и силой усаживают его на скамью подсудимых. Председатель и суд удаляются на совещание по вопросу, может ли Димитров продолжать свою речь. После совещания суд возвращается и объявляет, что Димитров окончательно лишен слова.

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 183—185.

Суд, верно, считал, что совершил геройский поступок, лишив Димитрова слова. Но он сделал это слишком поздно. Димитров сумел выполнить свой план. Его последние слова — за исключением некоторой перестановки предложений о приговоре и картины неудержимо движущегося вперед колеса истории — соответствовали последним словам заранее составленного конспекта речи. Он победил даже в этом!

Приговор-«выкидыш»

Не успели смолкнуть последние слова Димитрова, как трибуна прессы опустела. В одно мгновение заняты все телефонные кабины здания суда и поблизости от него. Телефон и телеграф понесли по всему миру меткие слова и яркие образы речи Димитрова — обвиняемого и обвинителя в Лейпциге.

Исход процесса, собственно, решен. По существу, Димитров уже вынес приговор. Происходящее в зале суда дальше теперь уже мало кого интересует.

Димитров чувствует это, он знает — это победа! Победа, и куда большего значения, чем полагают нацисты! Победа лично для него и его товарищей по партии, но прежде всего — и это гораздо важнее — победа дела коммунизма! Победа антифашистского массового движения! Крупное поражение гитлеровского режима!

Но судейская машина еще некоторое время продолжает скрипеть, прежде чем окончательно развалиться.

После заключительных речей процесс прерывается на неделю. Наконец 23 декабря происходит заключительное заседание. Точно в девять часов утра обвиняемых вводят в зал. Как и в день открытия процесса, трибуны и места для прессы полны до отказа. На этот раз в зале особенно много юристов, присутствует и сам председатель Имперского суда д-р Бумке.

Открыв заседание, д-р Бюнгер сразу же приказывает подсудимым встать и зачитывает приговор. Он гласит: смертная казнь Ван дер Люббе и оправдание четырех других подсудимых «ввиду недостатка доказательств». Ван дер Люббе выслушивает свой приговор в полной апатии, с опущенной головой.

Затем председатель читает обоснование приговора.

И в этот, последний раз д-р Бюнгер вновь доказывает, что все его торжественные заверения насчет независимости

и объективности суда — пустые фразы. Он тупо повторяет то, что приказали ему утверждать нацисты и что опровергнуто судебным разбирательством!

После нескольких выпадов против «Коричневой книги» д-р Бюнгер переходит к освещению политических причин поджога. Процесс, заявляет он, доказал, что соучастников и подстрекателей Ван дер Люббе следует искать в лагере коммунистов, сомневаться в том не приходится. Такое предположение якобы подтверждается тем, что сам Ван дер Люббе — коммунист. Пожар мыслился как сигнал к подъему рабочего класса на восстание и в этом смысле являлся актом массового террора.

В начале 1933 г., продолжает д-р Бюнгер, «национальное правительство» в последний момент удержало немецкий народ на краю пропасти. Суд считает, что Ван дер Люббе в общем и целом совершил поджог так, как он описал это на предварительном следствии. Утверждение, что в день пожара Торглера видели вместе с Ван дер Люббе, доказано не полностью. То же самое относится к Попову и Таневу. Имелось слишком много возможностей спутать их с другими лицами. Отсутствие Димитрова в Берлине в день пожара никоим образом не исключает его соучастия и его роли идейного зачинщика. В первую очередь в отношении Димитрова сохраняется подозрение, что он, будучи связан с КПГ, занимался в Германии деятельностью, носящей характер государственной измены; однако убедительного доказательства не имеется. То же самое говорится в обоснование приговора и в отношении Танева и Попова.

В заключение суд решительно отстаивает обратную силу изданного уже после пожара рейхстага фашистского закона, на котором основывается вынесение смертного приговора Ван дер Люббе.

Димитров слушает это обоснование с возрастающим гневом. Неужели же он должен оставить без ответа эту неслыханную и, после всего хода процесса, особенно гнусную клевету на коммунизм? И едва д-р Бюнгер кончает говорить, он поднимается и громко просит слова для заявления. Но председатель поспешно объявляет заседание закрытым, встает, лихорадочно собирает свои бумаги и, не говоря ни слова, покидает зал заседания.

Что же хотел сказать Димитров? Во время чтения обоснования приговора он набросал конспект своего

заявления, которое хотел сделать после оглашения приговора в связи с окончанием процесса.

Вот этот конспект речи, которую Димитрову не удалось произнести:

«Трудная задача суда: чтобы волк был сыт и овца цела. Приговор является неудачной попыткой решения этой неразрешимой задачи.

Установление и осуждение виновников и закулисных лиц —«Мефистофеля»— остается задачей будущей диктатуры пролетариата в Германии.

Верховная прокуратура находилась в положении женщины, у которой получился выкидыш.

Почему «выкидыш»?

Потому, что формальное признание коммунизма виновником, фактически после всех разоблачений на суде, равносильно косвенному признанию, что виновниками были национал-социалисты.

Если Ван дер Люббе имел соучастников и если ими не были ни Торглер, ни другие подсудимые, тогда?..

Тогда остается вопрос: *почему* в течение пятимесячного предварительного следствия и трехмесячного процесса не были найдены действительные соучастники?

Дальше. Этими соучастниками должны были быть «свои люди», т. е. люди, которые были знакомы с расположением помещений и внутренним устройством рейхстага; в противном случае Ван дер Люббе не смог бы совершить поджог; но кто, кроме национал-социалистов, в то время мог быть посвящен в эти дела?

Кто мог в то время, когда коммунисты находились под строгим наблюдением и преследовались, спокойно и беспрепятственно входить и выходить из рейхстага?

И потом:

Геннингсдорф — ночлежный дом? Другие ночлежные дома? Молодой человек в Шпандау?

Незнакомый штатский?

Национал-социалистский депутат д-р Альбрехт?

Легенда о разговорах в Нейкельне?

Полицейский допрос Ван дер Люббе без переводчика с голландского языка?

Карване, Фрей, Кройер, Веберштедт, Дрешер, Гельмер?

Кемпфер, Кунцак, Леберман, Гроте?

Призыв? Сигнал? Но к чему?

К «национальной революции», к истребительному походу против рабочего движения и Коммунистической партии Германии.

К осуществлению «тоталитарного государства» национал-социалистского «единовластия»!

«Государственная измена»? Нет!

Народная измена, т. е. измена немецкому народу!

Фашистская диктатура — диктатура капитала Тиссена — Круппа!» [1]

Димитров был возмущен и одновременно разочарован, что не смог довести до сведения прессы этот свой окончательный «приговор».

Но он оправдан, а вместе с ним — и его соотечественники!

Только вновь очутившись в камере, Димитров стал уяснять и обдумывать свое новое положение, задавать себе вопрос: что же будет дальше? Он был опытным революционером и слишком хорошо знал врага коммунизма — фашистов всех разновидностей, чтобы понимать: оправдательный приговор — это еще не свобода.

Началась новая глава в борьбе за право и истину.

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 187—188.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Во власти гестапо

Процесс окончен. Что будет дальше? Димитров отнюдь не рассчитывает, что его просто так выпустят из тюрьмы и скажут: иди куда хочешь! Он знает, в чьих руках находится, в ушах у него еще звучат угрозы взъярившегося Геринга.

Сначала бывших обвиняемых доставляют из зала суда в канцелярию Имперского суда. Здесь их уже ожидает представитель лейпцигского полицей-президиума. Торжествующим жестом он вручает оправданным подсудимым письменное извещение о том, что на основании «Декрета о защите народа и государства» от 28 февраля 1933 г. они подвергаются предупредительному заключению впредь до особого распоряжения.

Итак, оправдательный приговор — это фарс. О немедленном освобождении нет и речи. Но превентивное заключение? Да к тому же на основании чрезвычайного декрета, изданного в связи с поджогом рейхстага!

«Что задумали нацисты»?— спрашивает себя Димитров. Уж не хотят ли они затеять новый процесс по обвинению в государственной измене? Как и на каком основании? Фашистское правительство сделает все, чтобы под тем или иным предлогом как можно дольше продержать оправданных болгарских коммунистов в тюрьме. На худший случай надо иметь в виду и то, что Гитлер и Геринг найдут способ — может быть, какую-нибудь новую провокацию,— чтобы физически уничтожить трех болгар!

Болгар и Торглера после этой угнетающей сцены под усиленной охраной отправляют назад в Лейпцигскую тюрьму, в те самые камеры, в которых они сидели во время процесса.

Итак, борьба начинается снова, и Димитров вступает в нее не колеблясь!

Прежде всего — отстоять свои небольшие, самые элементарные права. Он добивается первых успехов. После многократных протестов болгарам разрешают находиться в одной камере — впервые со времени ареста. Димитрову позволено повидаться с матерью и сестрой, которые пока еще находятся в Лейпциге. От них он получает несколько, хотя и довольно старых, номеров «Правды» и «Известий», а также другие материалы, которые Василь Коларов, его старый друг и боевой соратник, послал ему из Москвы, но которые не вручались в течение всего процесса.

С большим нетерпением принимается Димитров за чтение советских газет, которых он уже давно лишен. Впервые узнает он прямо и непосредственно, какой огромный масштаб приняла кампания за освобождение лейпцигских обвиняемых. Но больше всего радует Димитрова все, что пишут советские газеты о мощном подъеме Советского Союза и росте его международного влияния.

Как обычно, Димитров делает выписки из газет. Относящиеся к тому времени рабочие тетради Димитрова отражают эту встречу с советской печатью. Димитров вновь ощущает непосредственную связь со всем тем, что происходит в мире революционного рабочего движения, в отечестве международного пролетариата — Советском Союзе. Он ощущает прилив новых сил, нового мужества, в нем растет желание продолжать борьбу. Однажды он даже бросает высокому тюремному чиновнику:

— Довольно скучно сидеть тут так, без дела, даже не зная почему. Уж не хотите ли вы устроить мне новый процесс?!

Димитров обращается к болгарскому правительству с предложением: он готов предстать перед болгарским судом за «преступления», за которые заочно был приговорен к смерти. 30 декабря 1933 г. Димитров посылает в Софию телеграмму болгарскому премьер-министру Мушанову:

«Ввиду того что я намерен вернуться на родину и заниматься политической деятельностью, я повторяю свое публичное заявление перед германским судом, а именно: после окончания процесса о поджоге рейхстага вернусь в Болгарию, чтобы бороться за отмену приговора, вынесенного мне в связи с Сентябрьским восстанием 1923 г.

Требую для этого свободного проезда, личной безопасности и публичности суда.

Прошу решения правительства»[1].

Из-за болтливости тюремных властей телеграмма стала известна иностранным корреспондентам. Она была опубликована в английских, чехословацких, швейцарских и других газетах. Несмотря на это, болгарское правительство позднее сделало трусливое и неуклюжее заявление, будто оно никогда не получало такой телеграммы и содержание ее правительству неизвестно.

В Лейпцигской тюрьме один штурмовик рассказывает Димитрову, как происходила казнь Ван дер Люббе.

Утром 10 января осужденного вывели во двор Лейпцигского земельного суда. Ван дер Люббе шел так же покорно, опустив голову, апатично и безучастно, как вел себя и во время всего процесса. Казнь проводилась в строгом соответствии со старинным церемониалом. В мрачном спектакле принимали участие только судьи, защитник, врач, предписанные законом свидетели и тюремные власти. Палач, в руки которого теперь перешло от д-ра Бюнгера свершение фашистского «правосудия», был в цилиндре и белых перчатках. На казнь не допустили ни одного корреспондента — ни от иностранных, ни от нацистских газет. Все это говорит о том, что нацисты до самого последнего момента боялись, как бы Ван дер Люббе не сказал того, что он знал. Но он не сказал.

В последние дни процесса у присутствовавших сложилось впечатление, что Ван дер Люббе никак не думал, что ему вынесут смертный приговор и, во всяком случае, не верил, что его казнят. Но он ошибся. Он знал нечто такое, чего боялись Геринг и Геббельс.

В течение пяти недель трое болгар находятся в Лейпцигской тюрьме, пребывая в полной неизвестности относительно своей дальнейшей судьбы. Вдруг их сажают в большой закрытый полицейский фургон и везут в Берлин. Торглера же, как выяснилось потом, отправили еще раньше.

Снова возникает вопрос: куда и зачем? Посадят ли опять в тюрьму и в какую? Прибытие в Берлин оказывается новым ударом. Машина едет не в Моабит или Шпандау, а прямо в центр города и останавливается на Принц-

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 197.

Альбрехтштрассе перед бывшим зданием Прусской академии искусств. Теперь здесь находится государственная тайная полиция — зловещее гестапо [1]. Димитров еще не знает этого. Охрана, которой передают арестованных, отводит их в подвал.

Обширный подвал большого массивного здания оборудован для содержания особо секретных узников. В подземной тюрьме — около двадцати цементированных камер. Это наглухо отделенные друг от друга бетонные ящики, в которых человек поистине герметически изолирован от внешнего мира. Сюда гестаповцы помещали людей, которых они хотели сломить морально или физически либо просто потихоньку прикончить.

Камера Димитрова имеет в длину шага три и так узка, что лишь с большим трудом можно протиснуться между койкой и стеной. Под потолком — крошечное оконце, через которое почти не проникает свет. Электрическая лампочка находится не в самой камере, а в застекленном и зарешеченном углублении над дверью, освещая одновременно и камеру, и коридор. Поэтому в камере так темно, что читать едва ли возможно.

Прибытие Димитрова и его земляков вызывает огромное любопытство даже у привыкшего к необычным узникам персонала гестаповской тюрьмы. Тюремщики в форме эсэсовцев и штурмовиков окружают прибывших, показывают на них друг другу.

Что означает перевод в Берлин? В первый момент Димитров считает, что это связано с предстоящим вскоре освобождением болгар. Но он быстро убеждается, что дело обстоит совсем не так.

Прежде всего болгар снова разделяют. Сначала уводят в подвал Попова, потом Танева, последним Димитрова.

Камера Димитрова находится в дальнем конце коридора. Она еще хуже, чем остальные. Димитров протестует. Он требует освобождения или по крайней мере разъяснения, в чем дело, и категорически заявляет, что желает говорить с каким-либо ответственным руководителем тайной полиции. Но слышится только один ответ: завтра.

---

[1] Сокращение от немецкого наименования: Geheime Staatspolizei.— *Прим. перев.*

На протесты Димитрова против ухудшения условий заключения, против темной и сырой камеры, против изоляции от других оправданных болгар дежурный штурмовик издевательски отвечает:

— Не беспокойтесь. Это же настоящий санаторий! Вы у нас блестяще отдохнете!

Димитров не знает, посадили ли Попова и Танева тоже в гестаповский подвал, и поэтому очень обеспокоен их судьбой. На следующее утро штурмовик приносит ему чемоданчик, в котором он в Лейпциге совместно с Поповым и Таневым хранил еду. Штурмовик говорит:

— Вот ваши вещи. Танев и Попов уже забрали свои.

Димитров открывает чемоданчик, осматривает жалкие запасы еды и видит, что Танев и Попов действительно взяли свою часть. Значит, они здесь, в этом же подвале.

Мать и сестра Димитрова, оставшиеся в Лейпциге, в большой тревоге. Поспешная отправка заключенных в Берлин произошла как раз в тот день, когда они получили разрешение посетить его. Когда они, ничего не подозревая, приезжают в тюрьму, им говорят, что болгар здесь уже нет. На вопрос, что с ними, чиновник ничего не отвечает.

Мать и сестра спешат в лейпцигский полицей-президиум. Там им заявляют, что ничего не знают. Старая мать и сестра с самыми мрачными мыслями возвращаются в свою гостиницу. Так как они все время ждали наихудщего, они убеждены, что с Димитровым что-то случилось. Наконец вечером в гостиницу приходит служащий полицей-президиума и сообщает им, что Димитров переведен в Берлин и им следует ехать туда, чтобы добиваться свидания. Мать и сестра срочно отправляются в Берлин.

Поскольку Димитров не получил никакого официального уведомления о своем переводе в гестапо, он сразу же по прибытии туда направляет письмо полицей-президенту Берлина и, ссылаясь на незаконность продолжающегося ареста, требует немедленного освобождения. Димитров ждет несколько дней, но ответа нет. Он выясняет у тюремных властей, передано ли его письмо.

Через несколько дней наконец появляется полицейский инспектор, чтобы передать Димитрову устный ответ полицей-президента. Чиновник торжественно заявляет: ему поручено сообщить, что на основании такого-то и такого-то

распоряжения господина министра внутренних дел Фрика Димитров находится под «охранным арестом».

— И как долго должно длиться такое положение? — спрашивает Димитров.

— Зависит от господина министра внутренних дел.

После этого визита Димитров направляет Фрику письмо в таком же духе. Теперь Димитрову ясно, какая ведется игра. Поэтому следующее письмо он направляет берлинской тайной полиции. В письме Димитров указывает, что отдельные полицейские чиновники дают совершенно различные сведения о причине его заключения: одни объясняют это тем, что арест необходим для его личной безопасности, другие говорят, что его будут держать в тюрьме до тех пор, пока правительство не примет решения о высылке из Германии, а третьи — что его оставили в тюрьме по каким-то политическим соображениям и он пробудет в ней неопределенное время. По его, Димитрова, убеждению, арест преследует только одну цель — при первом же случае убить болгар или же по меньшей мере длительным заключением в невыносимых условиях превратить их в инвалидов. В заключение Димитров грозит, если положение не изменится, объявить голодовку.

Письмо возымело результаты.

Димитрову вновь разрешают встречи с матерью и сестрой. Это поистине луч света в темном царстве!

Впрочем, встречи эти происходят в комично-торжественной обстановке. При них присутствует целая толпа полицейских чиновников, всяких уголовных советников и комиссаров, а также судей, эсэсовцев и штурмовиков. В окружении этих важных и важничающих чиновников семидесятилетняя седая мать беседует со своим сыном. Это скорее не встречи родных, а полицейские заседания. Сидящие вокруг фашисты тщательно наблюдают за тем, как ведет себя Димитров, что делает, что говорит. Присутствует и переводчица от полиции — ей поручено не допускать никаких разговоров на политические темы.

Например, Димитров спрашивает сестру:

— Что нового в Болгарии?

Сразу же вмешивается переводчица: — Об этом говорить запрещено.

Димитров спрашивает, что вообще происходит за границей. Тоже запрещено!

Димитров протестует. Тогда встает полицейский комиссар и начинает читать ему длинную «мораль»:

— Вы должны понять, что находитесь на особом положении. Вопрос о вас — это серьезный вопрос, который будет решен самим правительством, когда настанет время. Мы не хотим, чтобы из-за вас поднимали шум за границей и распространяли всякие басни. Мы делаем все, что возможно, и не хотим создавать вам никаких неприятностей, но говорить на политические темы и получать информацию и тому подобное вам не разрешено.

Следуют нескончаемые объяснения, по каким особым соображениям запрещено то или это.

Наконец Димитров теряет терпение, прерывает полицейского комиссара и говорит:

— Если вы хотите произнести речь, приходите в мою камеру. По мне, можете говорить там хоть два часа. Но сейчас — часы посещения для моей матери и сестры. Вы сами ограничили продолжительность встречи. Поэтому прошу не отнимать мое время!

При каждой встрече сестра приносит болгарские газеты, но каждый раз их задерживают под предлогом предварительной цензуры. Проходят дни и недели, а газеты все «на просмотре». Димитров протестует против задержки газет, против всей обстановки посещений и, обращаясь к матери и сестре, громко, так, чтобы слышали все присутствующие, говорит:

— Не надо мне больше газет, не надо никаких посещений. Эти люди поистине способны на все!

Протест помогает: на следующий день Димитров получает наконец болгарскую газету.

Так Димитрову, совсем как в период предварительного следствия, приходится бороться за каждую мелочь.

Еще два раза задерживают выдачу болгарских газет. Димитров пишет резкое письмо советнику уголовной полиции Гелеру — ведь в здании гестапо работают все те полицейские чиновники, которые вели полицейское следствие по делу о поджоге рейхстага, а потом выступали на процессе в качестве свидетелей. Они хорошо помнят, как на суде Димитров сажал их в лужу, задавая каверзные вопросы и изобличая в невежестве.

Сразу же после того как Димитров подал протест насчет газет, весьма возбужденный Гелер грубо заявляет ему:

— Димитров, вот письмо, которое я получил сегодня. Должен напомнить вам, что вы арестант, а поэтому сделайте соответствующие выводы и впредь не позволяйте себе подобного тона!

— Мне разрешено получать газеты, но я их не получаю потому, что их задерживают под предлогом просмотра,— совершенно спокойно отвечает Димитров.

Гелер нервозно прерывает: — У нас много дел, не можем же мы все время заниматься вашими делами.

Димитров сразу улавливает, почему Гелер ведет себя так грубо: разговор происходит в канцелярии тюрьмы, в присутствии целого ряда тюремщиков. Он громким голосом отвечает:

— Вы очень хорошо знаете, что как на суде, так и после суда я протестовал и продолжаю протестовать, не спуская ни одной несправедливости по отношению к себе. Вы совершенно точно знаете, что именно вы виноваты в лишении меня газет. Ответственность за это несете вы! Я знаю, что я ваш военнопленный, но никто не может отнять у меня право протестовать и перед всем миром поднимать свой голос против подобного обращения!

Увидев, что дело принимает неприятный оборот, Гелер старается успокоить Димитрова:

— Если вам надо что-то сказать, прошу вас: говорите только спокойным тоном. Вы же должны понять, через скольких людей проходят ваши письма, прежде чем попадают ко мне. Если бы их читал только я один, я, разумеется, реагировал бы на них по-другому. Но ваши письма идут снизу до моей канцелярии через руки дюжины чиновников, все они читают их и видят, как вы разговариваете со мной!

Так вот что больше всего волновало полицейского комиссара!

Тяжелые условия тюремного заключения в Берлине начинают сказываться на здоровье Димитрова. В темном, сыром бетонном ящике он чувствует себя очень плохо и требует вызвать врача. На другой день в камеру является врач в эсэсовской форме, с револьвером на боку, в сопровождении двух вооруженных тюремных надзирателей. Это так называемая медицинская помощь.

— Больны?

— Да, немного болен.

— Покажите язык.

Врач говорит грубо, отрывисто-лающим голосом. Димитров показывает язык.

На этом осмотр закончен. Врач-эсэсовец прописывает порошки и удаляется.

На следующий день приходит другой врач, на сей раз в штатском, но теперь уже в сопровождении двух штурмовиков. Снова та же процедура, снова «покажите язык».

Димитров излагает свои жалобы: боли в легких и головная боль. Врач почти не слушает, почти не осматривает больного, прописывает какие-то капли, поворачивается и уходит.

На следующий день Димитров заявляет протест администрации тюрьмы:

— Что это значит? В Лейпцигской тюрьме был врач, который даже давал себе труд лечить нас или по крайней мере хоть обращаться с нами как с людьми. А здесь у вас — не врачи, а какие-то вооруженные бандиты!

Через день приходит еще один врач такого же пошиба. Кажется, гестапо собрало в своей тюрьме целую кучу врачей, которые здесь не столько для того, чтобы лечить, сколько чтобы организовывать и покрывать преступления! Этот новый врач входит в камеру, когда в нее собрали для осмотра всех троих болгар. Врач даже не смотрит на них, не расспрашивает о болезнях. Танев жалуется на непрерывное нервное дрожание рук. Врач отвечает, что у него нет времени.

Димитров взрывается:

— Слушайте, вы, мы же больные заключенные, и вы как врач обязаны оказать нам медицинскую помощь! Не можете же вы отказать нам и в этом! Ведь мы же сидим здесь невиновные. Нас оправдал ваш собственный верховный суд!

Врач отвечает с циничной усмешкой.

— Невиновны? — говорит он ехидно.— Вы даже не стоите того, чтобы вас осматривать. Самое лучшее для вас — поскорее подохнуть!

Вот какова эта, с позволения сказать, врачебная помощь, оказанная в фашистской тюрьме трем оправданным обвиняемым!

Дважды в тюрьму допустили корреспондентов газет, причем первый раз, так сказать, вне программы.

Однажды утром Димитрова вызывают наверх к Гелеру. В кабинете находятся и другие люди. Гелер в обычном

тоне начинает говорить о причинах «предупредительного заключения». Вопрос, мол, еще не решен, он рассматривается правительством. Но правительство весьма занято делами реорганизации государства, а потому, вполне понятно, эта проблема не может быть решена так быстро. Разумеется, для облегчения заключения будет сделано все необходимое и т. д. и т. п.

Неожиданно один из присутствующих обращается к полицейскому комиссару:

— Не разрешите ли вы, господин Гелер, побеседовать мне с господином Димитровым?

Это один из корреспондентов, присутствовавших на процессе. Но не успевает Гелер ответить, как Димитров говорит корреспонденту:

— Я здесь — не свободный человек, я — военнопленный и не могу вам дать никакого интервью, потому что не могу лично проконтролировать, как вы изложите мое заявление. Но, поскольку вы уже здесь, я хочу в вашем присутствии заявить свой категорический протест против того скандального положения, что нас, людей, оправданных верховным судом вашего третьего рейха, продолжают держать в тюрьме. Это нельзя объяснить ничем иным, как намерением морально сломить и физически уничтожить нас. Я даже не удивился бы, если бы однажды ночью в мою камеру пришел какой-нибудь агент, чтобы по поручению своего высшего фюрера в «интересах национал-социалистской революции» совершить это кровавое деяние! Если вы действительно добросовестный корреспондент, то опубликуйте в печати мой решительный протест против неслыханных действий вашего правительства по отношению ко мне и моим товарищам, мой протест против непрерывных моральных истязаний, которым нас подвергают.

На этом «интервью» заканчивается.

Несколько дней спустя Димитрова снова вызывают к Гелеру. Тот сообщает, что корреспонденты английских и других европейских газет явились сфотографировать Димитрова.

— Я надеюсь,— обращается Гелер к Димитрову,— вы не будете возражать против фотографирования; корреспонденты вот уже десять дней добиваются разрешения.

Но Димитров категорически отказывается и заявляет, что он — не кинозвезда. Он требует не фотографирования, а немедленного освобождения.

Несколько позже появляется корреспондент английского официозного агентства Рейтер. Димитров соглашается сделать ему краткое заявление.

— Я знаю агентство Рейтер по его сообщениям уже много лет,— говорит корреспонденту Димитров,— а потому должен сказать вам напрямик: я отнюдь не убежден, что вы правильно изложите мои слова. Но я хочу воспользоваться случаем, чтобы еще раз заявить протест против того, что нас держат в тюрьме. Национал-социалистское правительство хочет устранить нас, оно только ждет подходящего момента, чтобы убить нас и товарища Тельмана, который тоже схвачен и которого я лично видел в Моабитской тюрьме, а также и других руководителей германского рабочего класса.

Димитров добавляет, что намерен в ближайшие дни объявить голодовку.

Приходят и другие посетители, причем куда более интересные для Димитрова, чем корреспонденты буржуазных газет. Эти посетители являются, так сказать, «неофициально»: служащие полиции, штурмовики, даже эсэсовцы, рядовые солдаты гитлеровской армии. Сначала они заходят в камеру группами, чтобы посмотреть на знаменитого узника, потом — поодиночке или по нескольку человек, которые хорошо знакомы и доверяют друг другу. Почти все они отдают должное поведению Димитрова на суде.

Один убежденный национал-социалист, бывший фронтовик, говорит буквально следующее:

— Я ваш противник и остаюсь им, но должен вам прямо сказать, что ваше поведение на суде на всю жизнь не забуду. Я был на войне, но не припомню такой стойкости. Я ваш политический противник, но уважаю вас как человека.

С особенной настойчивостью и с явным внутренним желанием узнать и понять расспрашивают Димитрова полицейские и штурмовики о Советском Союзе. Они интересуются социализацией предприятий, подробно расспрашивают о коллективизации сельского хозяйства, о которой фашистская пресса нагромоздила целую гору лжи.

Во время этих бесед Димитрову вновь и вновь бросается в глаза определенно преобладающее настроение собеседников: сомнения и колебания главным образом насчет того, верен ли путь Гитлера.

Все это вносит какое-то разнообразие в угнетающую атмосферу заключения в бетонном гробу. Однако Димитрова не покидает растущее опасение.

Но ни весь мир, ни Димитров еще не знают до конца подлинного лица гестапо, хотя и того, что известно, достаточно, чтобы вселить тревогу!

Под защитой советской звезды

Одно все яснее и яснее становится Димитрову: долго эта неизвестность не продлится. Слишком хорошо он знал своего фашистского противника, чтобы понимать: задержка с решением судьбы оправданных болгарских коммунистов будет иметь для него и его товарищей роковые последствия. Пока еще эхо, вызванное во всем мире, а также и в Германии процессом и поведением Димитрова, препятствует их убийству, которое наверняка задумано свирепым Герингом. Но с каждым днем эхо это будет замирать, возникнут другие политические вопросы, о «Димитрове и сообщниках» постепенно забудут, а потом однажды с ними можно будет и расправиться!

Димитров понял, что только он один способен изменить положение, что все зависит от его собственной инициативы. Надо снова бросить в бой политические силы.

Одним из формальных моментов, которым гитлеровское правительство обосновывало продолжающееся заключение болгар, являлся вопрос об их государственном подданстве. Еще в Лейпциге мать и сестра Димитрова, по его просьбе, обратились к болгарскому консулу с вопросом, почему правительство Болгарии ничего не предпринимает для выяснения судьбы трех болгарских граждан, которых после вынесения оправдательного приговора продолжают держать в тюрьме. Консул ответил, что болгарское правительство не интересуется судьбой Димитрова, Попова и Танева. При этом консул в качестве своего личного мнения выдвинул аргумент, что Димитров сам виноват в том, что его и его товарищей держат в тюрьме и после оправдания: он так вел себя на суде, что ни одно правительство не выпустило бы его за границу. Германское правительство, высказал мнение консул, по-прежнему

считает Димитрова опасным для своего государства и вряд ли освободит его.

Сразу же после перевода заключенных в Берлин мать и сестра Димитрова вместе с женой Танева посетили болгарского посланника Помянова и предложили, чтобы правительство Болгарии запросило германское правительство, почему оно не освобождает трех оправданных болгарских граждан и как оно намерено поступить с ними в дальнейшем. Помянов лично принял посетительниц и заявил им, что имеет директиву своего правительства: ни во время Лейпцигского процесса, ни после него не вмешиваться в дело Димитрова, Попова и Танева. Болгарское правительство не считает их более болгарскими подданными, ибо они утратили свое гражданство.

— Единственное, что я могу сделать,— добавил Помянов,— но уже не как дипломатический представитель Болгарии, а как частное лицо,— это поговорить с каким-либо ответственным сотрудником германского министерства внутренних дел и частным образом попросить его сообщить мне о положении арестованных.

Когда через три дня Помянов снова принял престарелую мать Димитрова, он сообщил ей, что разговаривал с Дильсом, тогдашним шефом гестапо, и узнал от него следующее. Германское правительство не может решиться освободить Димитрова и его товарищей, потому что во всем мире ведется, как сказал Дильс, «кампания травли» национал-социалистской Германии. Германское правительство не может допустить, чтобы создалось впечатление, будто оно готово пойти на какие-либо уступки под давлением этого движения за границей. Такова первая причина. Вторая же причина, по которой германское правительство не желает так быстро освободить Димитрова: оно по-прежнему считает его опасным. Это объяснение дали Помянову в министерстве внутренних дел такие высокопоставленные лица, как д-р Эрбе и министерский советник Фрик.

Узнав во время следующего свидания об этом малоприятном известии, Димитров советует матери еще раз пойти к Помянову и попросить изложить свое заявление в письменной форме. Помянов отказывается, но добавляет, что его сообщение о потере Димитровым, Поповым и Таневым болгарского подданства соответствует официальной точке зрения правительства Болгарии. Димитров сразу

же осознает, что это дает ему возможность предпринять следующий шаг. Он поручает матери и сестре обратиться в посольство СССР в Берлине, сообщить там о решении болгарского правительства и от его, Димитрова, имени официально просить Советское правительство о предоставлении ему советского гражданства.

Через три дня, 16 февраля, мать и сестра снова получают свидание с Димитровым. Они еще только входят в помещение для посетителей, а Димитров уже чувствует: они принесли радостную весть! Торопясь и перебивая друг друга, мать и сестра рассказывают ему, что утром получили ответ на ходатайство. Ответ гласит: «Передайте товарищу Димитрову, что Советское правительство удовлетворило его просьбу и что он, Попов и Танев со вчерашнего дня, т. е. с 15 февраля 1934 г., являются гражданами Советского Союза».

Можно представить себе радость Димитрова и его близких! Сообщение производит глубокое впечатление и на присутствующих полицейских.

С чувством триумфа возвращается Димитров в свою камеру. Это спасение! Теперь, когда Советский Союз взял под защиту своих новых граждан, планам Геринга не суждено осуществиться! Пусть даже нацистское правительство продержит заключенных еще месяц-два, но убрать их потихоньку с лица земли оно уже не решится.

Получение тремя болгарами советского гражданства производит воздействие и на тюремную охрану — даже здесь, в застенках гестапо, к Димитрову появляется что-то вроде симпатии, в основе которой лежит уважение. Не только рядовые охранники, но и высокие чиновники становятся гораздо внимательнее и вежливее.

На следующий день Димитров требует беседы с Гелером.

Разговор начинает Димитров:

— Как вы знаете, с 15 февраля мы являемся гражданами Советского Союза. Наше незаконное заключение в тюрьме теперь еще более недопустимо. Поэтому мы требуем немедленного освобождения и отправки на нашу советскую родину.

Димитров требует, чтобы освобождение было произведено немедленно, а до выполнения всех формальностей ему предоставили номер в том же отеле, где сейчас живут его мать и сестра.

Гелер так ошарашен этим, что выходит из себя.

— Да вы с ума сошли! — грубо кричит он.— Ведь вас же придется охранять! А кто заплатит за эту охрану?

— Мне охрана не нужна,— отвечает Димитров.— Никто меня не убьет, если только вы сами не организуете убийство. Сообщите, пожалуйста, Гитлеру: если его правительство считает, что я действительно представляю серьезную угрозу существованию третьего рейха, оно может уничтожить меня. Но в этом случае я требую одного: публичного заявления Гитлера, что Димитров устранен по этой причине и что он, Гитлер, берет на себя ответственность за это перед всем миром и перед историей.

Гелер не находит что ответить и велит увести Димитрова в камеру.

Последние дни жизни в этой неизвестности тянутся невыносимо долго. Но Димитрову удается добиться от тюремной администрации необычной любезности: ему дают настольную лампу, заявив, что подобное исключение делается лишь для него лично. Итак, теперь он имеет возможность работать. Он возобновляет занятия историей и учит английский язык.

Ночью 26 февраля Димитров, как обычно, сидит, склонившись над английской грамматикой. Куранты на башне уже пробили четыре часа утра, когда он ложится на койку. Но едва он засыпает, как дверь открывается. Входит комиссар в форме штурмовиков:

— Вставайте и берите свои вещи!

— Что случилось? Что вам надо? — спрашивает разбуженный Димитров.

Комиссар повторяет свои слова резким тоном приказа. В коридоре звучат голоса. Димитров слышит, как будят Попова и Танева. Раздраженный ночной помехой, невыспавшийся, Димитров собирает свои вещи. Он нарочно медлит, чтобы спокойно обдумать, как себя вести. Комиссар торопит:

— А ну, поживей немного, иначе уйдет машина!

Какая машина? О чем, собственно, идет речь? Димитров еще не понял, но отвечает:

— Без нас машина не уйдет! Сначала я должен поговорить с вашим начальником.

Комиссар не отвечает и все торопит.

— Если я должен куда-то ехать, значит, вы со мной ничего не сделаете,— замечает Димитров.

Наконец в сопровождении двух полицейских комиссаров в камеру входит собственной персоной начальник гестапо Дильс. Он подходит к трем болгарам с такой важной миной, словно судьба их зависит от него лично.

— Вещи свои собрали? — спрашивает он.

— Да.

— Все?

— Все. Но в чем дело?

— Вы должны ехать.

— Куда?

— Увидите.

Димитров возражает: так дело не пойдет! Если им следует куда-то ехать, то должен явиться представитель советского посольства.

Дильс явно нервничает и, бросая искоса взгляд на штурмовиков, говорит:

— Пройдемте в мой кабинет, там поговорим.— Затем поворачивается и уходит. Димитрова доставляют наверх.

В кабинете Дильса уже собрались полицейские чиновники и комиссары в штатском. Дильс поднимается из-за письменного стола и читает:

«Вы и двое ваших соотечественников изгоняетесь с территории Прусского государства, а следовательно, и из германского рейха. Поэтому вы, а также *Попов* и *Танев* по указанию господина премьер-министра Пруссии освобождаетесь из-под охранного ареста. Для осуществления изгнания вы и двое других вместе с сопровождающими лицами сегодня же будете отправлены самолетом до германской имперской границы» [1].

Димитров едва дослушивает до конца. Входит Гелер, протягивает ему билеты на самолет «Дерулюфта» и говорит вполголоса: — Пора ехать.

Димитров снова спрашивает, где же представитель советского посольства и знает ли оно об этом. Гелер подтверждает:

— С вашим посольством все согласовано. Но вы же должны понять, что мы хотим избежать излишнего шума с вашей отправкой. Люди увидели бы вас на улице, началась бы толчея, могли бы произойти всякие неприятности. Мы договорились с советским посольством, когда и куда вас доставим.

---

[1] «Лейпцигский процесс», стр. 245.

Димитров принимает сказанное к сведению. Все это, как выяснилось впоследствии, было чистейшим вымыслом.

Болгар поодиночке сажают в машину, каждого между двумя комиссарами в форме штурмовиков. Дильс едет впереди в особой машине.

Около половины седьмого утра. На аэродроме Темпельгоф еще тихо. Ни полиции, ни штурмовиков, только Дильс и сопровождающие комиссары.

У контроля, где служащий авиакомпании «Люфтганза» регистрирует фамилии пассажиров, происходит небольшой инцидент. Димитров предъявляет билеты. Служащий берет их и хочет внести фамилии летящих в список. Глядит на билеты, потом на пассажиров, опять на билеты: оказывается, в списке числятся совсем другие люди; билеты аннулированы. На аэродроме толком не знают, кто же летит. Служащий смотрит на новых пассажиров отсутствующим взглядом, но тут замечает Дильса, вздрагивает и быстро вписывает новые фамилии.

Попов и Танев уже у самолета, кладут свои вещи, а Димитров еще стоит рядом с Дильсом.

— Ну вот, теперь летите в Москву,— говорит Дильс подчеркнуто небрежным тоном.

— Да, это прекрасно! — отвечает Димитров и добавляет: — Передайте мой самый горячий привет немецкому народу, а вашему правительству — мое глубочайшее презрение.

Дильс пытается отнестись к этим словам как к шутке. Конечно, он не может передать этого своему правительству, отвечает он.

— Мне жаль трудолюбивый и талантливый немецкий народ,— продолжает Димитров.— Своей политикой и особенно своим враждебным отношением к СССР ваше правительство ведет народ к новой катастрофе.

Дильс даже и не предполагает, насколько прав этот бывший заключенный!

Самолет готов к старту. Гелер и еще один чиновник уже в кабине. Прежде чем подняться по трапу, Димитров многозначительно говорит Дильсу:

— До свидания!

Дильс смотрит с удивлением, обдумывая, какой смысл вложил Димитров в эти слова. Тот уже в дверях самолета. Последний привет Германии — Димитров под-

нимает сжатый кулак: «Рот фронт!» — Дильс только выдавливает из себя: «Неисправимый!»

Самолет делает разбег, отрывается от земли, летит над аэродромом, быстро набирает высоту, пробивается сквозь нависшие облака и берет курс на северо-восток.

До Кенигсберга полет продолжается над облаками — земли не видно. Около половины десятого утра стрелка альтиметра показывает снижение. Самолет делает промежуточную посадку на кенигсбергском аэродроме. Димитров надеется хоть здесь встретить советского представителя. Но, кроме обслуживающего персонала, никого не видно. Наготове уже стоит другой самолет, в него сразу же переносят вещи. Перед тем как болгары пересаживаются, Гелер вручает им предписания о высылке из Германии. К своему удивлению, Димитров обнаруживает, что гестаповцы забыли проставить дату, на документе стоит только «...февраля 1934 г.». Теперь ясно: все делалось в страшной спешке и тайне, по всей вероятности, по секрету не только от общественности и печати, но и за спиной министерства внутренних дел. В национал-социалистском руководстве явно имелись разногласия по этому вопросу.

Гелер и другой комиссар уже не садятся в новый самолет. Они прощаются по всей форме, и Гелер говорит Димитрову:

— Господин Димитров, надеюсь, что после своего освобождения вы будете объективны и не станете рассказывать о Германии всяких гадостей!

— Конечно,— отвечает Димитров.— Я буду объективен так же, как был объективен и на Лейпцигском процессе. И я надеюсь возвратиться в Германию, но уже в качестве гостя германского рабоче-крестьянского правительства!

— Пока я жив, этого не случится! — заявляет Гелер.

— Никто не знает, как долго вы еще продержитесь, господин Гелер! До свидания.

Еще несколько минут, и самолет уже окончательно отрывается от земли — от земли той страны, где господствует Гитлер. Вскоре внизу — сплошная пелена облаков, а наверху сияет солнце. У Димитрова прекрасное настроение. Целый год он дышал тюремным воздухом, целый год не видел солнца! А сейчас он, вырвавшись из темной, душной камеры, очутился посреди необозримого, пронизанного солнечными лучами воздушного океана!

...Три часа спустя самолет идет на посадку, солнце снова исчезает за облаками, становится видна земля. Димитров смотрит на деревни, мелькающие среди огромных полей: это советская земля! Еще три часа — и уже темно. Но вот в темноте появляется россыпь огней. Город. Ярко освещенные улицы, автомобили...

Гулко гудят моторы, самолет делает круг над аэродромом и медленно идет на посадку.

Димитров уверен, что в Москве никто не знает о его прибытии и никто не будет встречать на аэродроме. Но едва самолет садится и смолкает шум моторов, кругом слышатся приветственные возгласы, их заглушают мощные звуки «Интернационала».

Дверь самолета распахивается.

— Привет Димитрову! — Входят Уншлихт, Мануильский, Куусинен, Ярославский. Вокруг все дрожит от грома приветствий, от многоголосого гула встречающих, от радостно и победно звучащего «Интернационала». Неописуемая радость охватывает всех — радость встречи с героем Лейпцига, радость долгожданного освобождения, ощущение той уверенности в победе, которой жил весь Советский Союз.

Димитров — в Советском Союзе, на своей новой родине, в стране, во имя идей которой он жил, боролся и победил!

СОДЕРЖАНИЕ

А. Курелла

ДИМИТРОВ ПРОТИВ ГЕРИНГА

Редактор *Г. С. Шибряева.* Художник *Ю. А. Марков*
Художественный редактор *Л. Ф. Шканов*
Технический редактор *Г. Е. Каледина.* Корректор *Г. А. Остроухова*

Сдано в производство 19/IV 1966 г. Подписано к печати 1/VIII 1966 г.
Бумага $84 \times 108^1/_{32}=5^1/_8$ бум. л. 17,22 печ. л. Уч.-изд. л. 17,95.
Изд. № 9/5829. Цена 90 к. Зак. 230

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, Г-21 Зубовский бульвар, 21

Московская типография № 16 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, Трехпрудный пер., 9

КНИГИ
по философии и праву, выпускаемые издательством «Прогресс» в 1966 году

1. Винер Н., **Творец и Робот.** Издание Массачусетского технологического института, 1964. Перевод с английского, 5 л., 15 тыс. экз., 37 коп.

2. Гернек Ф., **Альберт Эйнштейн. Жизнь, посвящённая истине, человечности и миру.** Берлин (ГДР), 1962. Перевод с немецкого, 15 л., 15 тыс. экз., 1 р. 75 к.

3. Гесслер К., **О сущности жизни.** Берлин, 1964. Перевод с немецкого, 20 л., 10 тыс. экз., 1 р. 40 к.

4. Земан Й., **Познание и информация.** Прага, 1962. Перевод с чешского, 13 л., 5 тыс. экз., 1 р. 01 к.

5. **История корейской философии.** Том I. Чон Чин Сок, Чон Сон Чхоль, Ким Чхан Вон. Пхеньян, 1960. Перевод с корейского, 19 л., 5 тыс. экз., 1 р. 37 к.

6. Клаус Г., **Кибернетика и общество.** Берлин, 1964. Перевод с немецкого, 21 л., 10 тыс. экз., 1 р. 53 к.

7. Льюис Дж., **Наука, вера и скептицизм.** Лондон, 1959. Перевод с английского, 7 л., 5 тыс. экз., 45 к.

8. Ниринг С., **Свобода, обещание и угроза.** Нью-Йорк, 1961, перевод с английского, 10 л., 5 тыс. экз., 63 к.

9. **Социологические проблемы польского города.** Варшава, 1964. Перевод с польского, 15 л., 3 тыс. экз., 1 р. 10 к.

10. Стройк Д. Дж., **Становление науки в США.** Нью-Йорк, 1962. Перевод с английского, 30 л., 5 тыс. экз., 2 р. 00 к.

11. Фресс П., Пиаже Ж., **Экспериментальная психология.** Париж, 1964. Перевод с французского, 25 л., 10 тыс. экз., 1 р. 77 к.

12. Чаттопадхьяя Д., **История индийской философии.** Дели, 1964. Перевод с английского, 16 л., 3 тыс. экз., 1 р. 16 к.

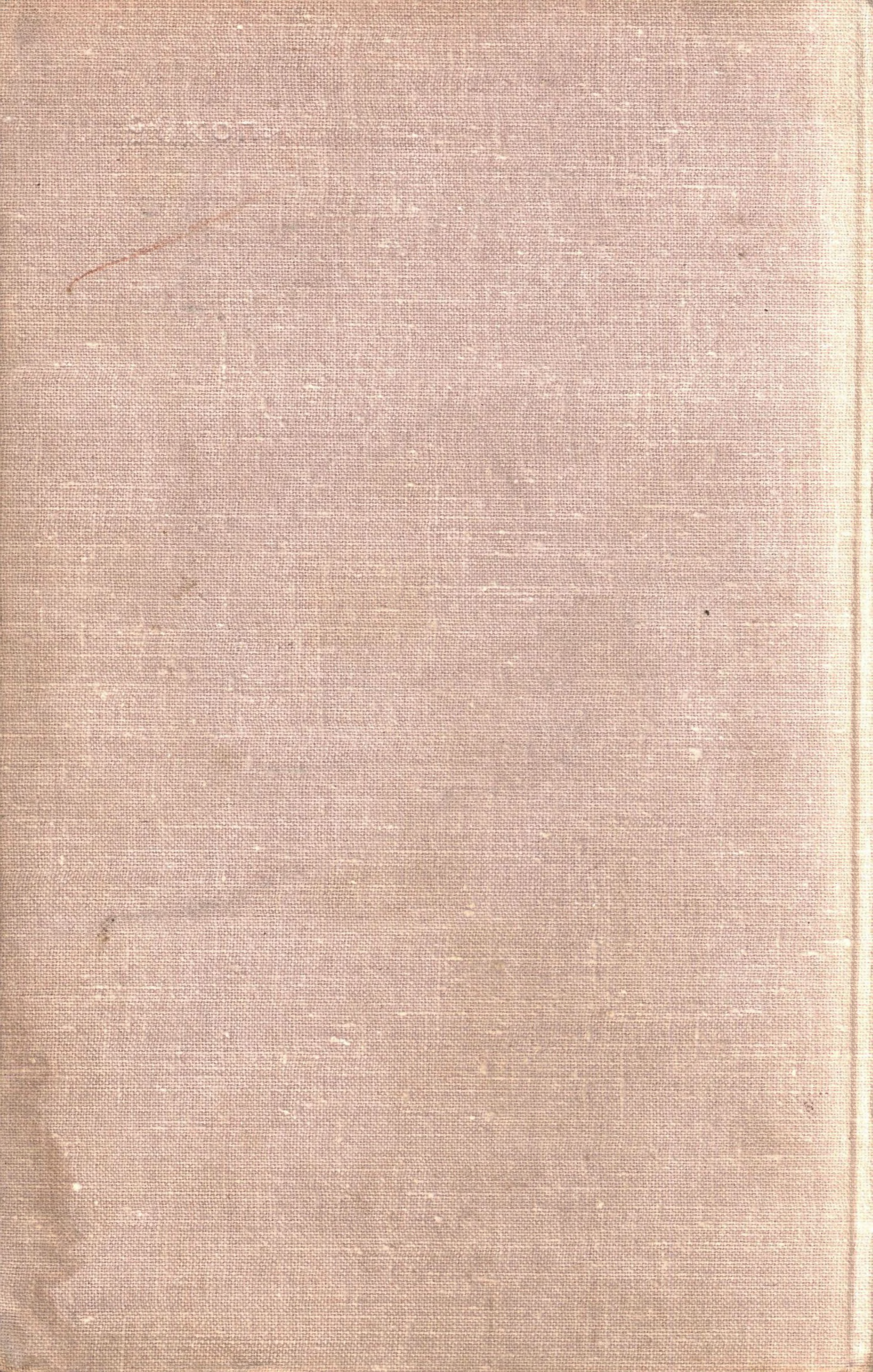
13. **Гражданский кодекс Польской Народной Республики.** Варшава, 1964. Перевод с польского, 5 л., 5 тыс. экз., 45 к.

14. **Гражданский кодекс Чехословацкой Социалистической Республики.** Прага, 1964. Перевод с чешского, 5 л., 5 тыс. экз., 45 коп.

15. Завадский С., **Государство благоденствия.** Варшава, 1964. Перевод с польского, 20 л., 10 тыс. экз., 1 р. 45 к.

16. **Социология преступности и правонарушений.** Вольфганг М., Савитц Л., Джонсон Н. Нью-Йорк — Лондон, 1962. Перевод с английского, 25 л., 1 р. 74 к., 10 тыс. экз.

17. **Хозяйственный кодекс Чехословацкой Социалистической Республики.** Прага, 1964. Перевод с чешского, 5 л., 5 тыс. экз., 45 к.

ДИМИТРОВ ПРОТИВ ГЕРИНГА

А. Курелла